

Министерство образования и науки Российской Федерации
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
Администрация Костромской области
Фонд российской государственности и 400-летия династии Романовых
Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КОСТРОМА И СУДЬБЫ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Материалы конференции
Кострома, 15–16 марта 2012 года

Кострома
2012

УДК 947
ББК 63.3(2)45я431
63.3(2)5я431
Р 695

Печатается по решению организационного комитета конференции
и редакционно-издательского совета КГУ им. Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия

А. М. Белов, М. Д. Валовая, В. Р. Веселов, А. Г. Кирпичник,
А. Р. Наумов, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов, А. Д. Шипилов

Романовские чтения. Кострома и судьбы российской государственности : материалы конф., Кострома, 15–16 марта 2012 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 348 с.
ISBN 978-5-7591-1285-3

В сборник вошли материалы пятых Романовских чтений, состоявшихся в Костроме 15–16 марта 2012 г. Конференция объединила усилия ученых историков, философов, школьных педагогов и служителей Русской православной церкви в исследовании проблем российской государственности и провинциальной жизни.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, краеведам, студентам и всем, кто интересуется историей России.

УДК 947
ББК 63.3(2)45я431
63.3(2)5я431

ISBN 978-5-7591-1285-3

© А. Д. Шипилов, составление, 2012
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012

ВСТУПЛЕНИЕ

В 2012 году наша страна отмечает несколько знаменательных дат: 1150-летие основания Российского государства (862), 400-летие освобождения Москвы от иностранных захватчиков (1612), 200-летие всенародной победы в Отечественной войне 1812 года. Изучению роли провинции в этих событиях и конкретно Костромского края были посвящены V Романовские чтения. И действительно, здесь, на Волжских берегах, решались судьбы российской государственности в начале XVII века. Здесь формировались и сражались с неприятелем дружины и ополчение русских воинов. Здесь, в костромских лесах, ищет и находит спасение инокиня Марфа со своим сыном Михаилом. Здесь, в соответствии с христианской традицией, отдает жизнь «за други своя» Иван Сусанин. А после избрания нового правителя России сюда приходят представители Земского собора – боярство, дворянство, казачество, посадский люд и крестьяне, чтобы призвать на царство юного Михаила Романова. В правление Романовых окончательно складывается самодержавие по типу государственной власти – неограниченная монархия. Участники чтений обращаются к неисследованным и забытым сторонам единоличной власти, проектам реформирования, а также к трудам консервативных мыслителей, вносят новые штрихи в отечественную историографию российской государственности.

В каждое царствование представителей дома Романовых России приходилось вести войны, отстаивая национальную независимость или возвращая ранее утраченные земли. Особенно тяжкие испытания выпали в 1812 году, когда народам России пришлось противостоять вобравшей в себя мощь всей Западной Европы армии Наполеона Бонапарта. Участники чтений обращаются к опыту российского патриотизма, рассматривают различные грани его проявления – духовную, ратную, трудовую, приходят к выводу, что защита Отечества – составляющая русской ментальности.

Состоявшиеся 15–16 марта 2012 года V Романовские чтения собрали ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Брянска, Дубны, Иванова, Костромы, Омска, Саранска, Стерлитамака, Ярославля, краеведов и музейных работников. В многочисленных докладах и сообщениях авторы обратились к неизученным страницам отечественной истории, стремясь представить во всей сложности и целостности пути развития российского государства за более чем тысячелетие его истории.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. М. Белов

г. Кострома

КОСТРОМА И СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XVII В.

В истории государства бывают периоды тяжких испытаний, когда кажется неминуемым крах, распад, гибель страны и народа. Такой период, вошедший в историю под названием Смутного времени, пережила Россия в начале XVII в. Важнейшим фактором начального периода Смуты стала смерть царя Федора Ивановича и, как следствие, пресечение правящей династии Рюриковичей. Кострома оказалась по разным причинам в центре важнейших событий Смуты, а по определению историков¹, Костроме суждено было сыграть важную роль, став стратегическим пунктом в преодолении Смуты и восстановлении государственности. Встает вопрос: а почему Костромская земля становится местом спасения нового царя, почему сюда стремятся как друзья, так и враги новой России? Марфа – мать первого царя из династии Романовых – здесь стремилась укрыться, найти приют. Какие основания дают уверенность ей в таком выборе? Наконец, возникает и главный вопрос: почему в этих местах решается судьба российской государственности и в чем был суд Божий?

Костромская земля всегда находилась в центре внимания правителей России. Помимо активного привлечения костромичей к обороне отечества, размещения и квартирования войск, пожалования вотчинами, включения в опричнину, наш край имел и еще одно призвание. Кострома служила укрытием, убежищем великих князей Дмитрия Ивановича в период набега 1382 г. на Москву Тохтамыша, а в начале 1408 г. – великого князя Василия Дмитриевича во время вторжения татарского хана Едигея. В XV в. Костромская земля стала центром противостояния и борьбы между великим князем московским Василием Васильевичем и галичскими князьями, его дядей Юрием Дмитриевичем и братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой, завершившейся победой московского князя.

В XVI в. реформы Ивана Грозного, борьба царя с родовой аристократией, опалы и казни приводят к выдвижению новых людей. В их числе были и тесно связанные с Костромой бояре Годуновы. Удачная женитьба Бориса на дочери фаворита Ивана IV Малюты Скуратова-Бельского приближает Годуновых ко двору. Еще больше способствует их возвышению брак сестры Бориса – Ирины Годуновой с царевичем Федором Иоанновичем. Но эти события были частью грандиозных перемен и потрясений традиционных устоев

© А. М. Белов, 2012

Российского государства. Представители знатнейших фамилий – бояре и князья, частью взятые в опричнину, частью уничтоженные, разогнанные и запуганные, переживали тяжелый нравственный и материальный кризис. «Гроза опалы, – пишет С. Ф. Платонов, – страх за целостность хозяйства, из которого уходили крестьяне, служебные тягости... все это угнетало и раздражало московское боярство, питало в нем недовольство и приготавливало его к участию в Смуте»². На все сословия России тяжелейшей ношей легла Ливонская война, охрана границ от Литвы и татар. Военные повинности, постоянные набеги и разорения не давали народу и короткого отдыха. Жестокое разорение коснулось в основном центральных и южных областей, где «не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходом дел»³, тогда как в северных волостях, к которым относилась и Кострома, население держалось на местах. Следовательно, Костромская земля не пострадала в силу известной удаленности от центра и в большей мере сохранила правильные отношения между сословиями и приверженность традиционным устоям.

После смерти Ивана Грозного, в правление Федора Иоанновича, Годунов продолжает борьбу с боярством. Вполне естественно, что с избранием самого Бориса Годунова на царство в 1598 г. опричные методы становятся неотъемлемой частью его правления.

Очевидно, не чувствуя опоры в боярской среде, Борис благими мерами пытается утвердить свой род на престоле. Всем торговым людям он дает право беспощадной торговли на два года, а иностранцев освобождает от платежа ясака на год, борется с пьянством, а осужденных в предыдущее царствование отпускает на свободу⁴. Вместе с тем, раздавая одной рукой блага, другой – отменяя Юрьев день, подтверждает заповедные лета, т. е. проводит меры, направленные на укрепление своего влияния у дворян и помещиков, и в то же время настраивает против себя крестьян. Закон о холопстве приводит к всевозможным насилиям и становится источником новых смут и беспорядков.

Казалось бы, в первые годы правления Годунова Россия достигла мира внутреннего и внешнего. Однако подозрительный в силу предшествующей борьбы за власть, раздраженный казнями, интригами, завистью и наговорами окружающих, Борис редко является народу, чтобы выслушать жалобы и принять челобитные. Появляются и обязательные атрибуты недоверия к окружающим – доносы.

В 1601 г. репрессии обрушились на бояр Романовых. Поводом послужило «дело о кореньях», найденных по доносу одного их слуг – Бартенева Второго. Вскоре на дворе патриарха названный Бартенев публично обвинил в злом умысле одного из Романовых – Александра Никитича⁵. Тут же были схвачены и остальные его братья – Иван, Василий, Михаил и Федор.

Вскоре состоялся приговор: Федора насильно постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев-Сийский монастырь; жену его постригли под именем Марфа и сослали в один из заонежских погостов. Других братьев разослали по дальним местам – к Белому морю, в Вятку, Пермский край и т. д.; мужа сестры их, князя Черкасского, с женою и с племянниками ее, детьми

Федора Никитича – пятилетним Михаилом и маленькой сестрой его – на Белозеро. Только двое из братьев – Филарет (Федор) и Иван – пережили ссылку. Но в этой опале Костроме было суждено сыграть роль спасительницы рода Романовых. Таким образом, одной из главных причин Смутного времени стала ожесточенная борьба выдвиненцев периода опричнины Годуновых со старой родовой аристократией. Опалы и расправы вынудили их противников зайти в боярской среде родилась и интрига самозванчества.

Благие обещания Бориса при вступлении на престол покончить с нищетой народа так и не были осуществлены. Отмена Юрьева дня и проведение в жизнь указа о сыске беглых крестьян безмерно расширили власть помещиков над сельским населением. Несогласные мириться с податным гнетом и неволей крестьяне, холопы, посадские люди бежали на окраины. В глубине «дикого поля» образовались казацкие общины, которые повели успешную борьбу с кочевниками. Стремясь подчинить казацкую вольницу, Годунов запретил свободную торговлю с Доном. Но предпринятые попытки стеснить казацкую вольницу обернулись вскоре против самого Бориса. Донские казаки поддержали движение Самозванца.

Между тем природные бедствия усугубили ситуацию в России. Дожди мешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 г. А на следующее лето на озимых полях хлеб либо вовсе не вырос, либо дал плохие всходы, а посевы, на которые земледельцы возложили надежды, были погублены ранними морозами. Как следствие, наступил страшный голод. Голодная смерть косила население по всей стране. Только в Москве на трех братских кладбищах власти погребли 120 тысяч умерших. Повсеместно в стране появляются шайки разбойников.

Разрушение традиционного образа жизни, опалы на бояр, доносы, усиление притеснения крестьянства, казаков породило всеобщее недовольство. Как всегда бывало в лихие годы, народ верил разным чудесам, ожидая чего-то необычного, распространяя слухи о видениях и предзнаменованиях. То в Москву забегали волки и лисицы, то на небе видели по два солнца и по два месяца. Наконец, летом 1604 г. явилась комета, которая стала восприниматься как символ грядущих перемен⁶.

Вскоре последовало выдвижение Самозванца, за фигурой которого прослеживаются интересы боярства. Выдающийся отечественный историк С. Ф. Платонов указывает, что в лице Самозванца «московское боярство еще раз попробовало набег на Бориса. При Федоре Ивановиче, нападая открыто, оно постоянно терпело притеснения, и Борис все усиливался и возвышался. Боярство не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса, права его на престол были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства; сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С этой точки зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия»⁷.

В октябре 1604 г. войска Самозванца, перейдя границу, стали продвигаться по направлению к Москве. Так, скрытая борьба переходит в фазу открытого противостояния и далее к гражданской войне и иностранному вмешательству. В 1605 г. происходят драматические события воцарения Самозванца, последовавшее далее через год восстание против него и приход к власти Василия Шуйского, появление Тушинского вора и пришедших с ним польских наемников, рассыпавшихся в поисках наживы по всей России.

Однако нам интересно посмотреть на эти события сквозь призму того, что происходило на Костромской земле. Важно при этом отметить, что жители Костромской земли в этой борьбе стояли на стороне православия, и это была та путеводная звезда, которая спланивала, независимо от происхождения, бояр, помещиков, духовенство, крестьян, посадское и торговое население.

После взятия Ростова войска под руководством польского военачальника Лисовского появляются в поволжских городах. 30 декабря 1608 г. они взяли Кострому и подвергли ее опустошению. Защитники вместе с монахами заперлись в Богоявленском монастыре и отражали нападение. Однако силы были неравны. Неприятель ворвался в монастырь, умертвил монахов и разграбил имущество. Такой же участи подвергся находившийся в кремле Крестовоздвиженский монастырь близ Успенского собора, где погибли монахи вместе с архимандритом Геннадием. Такая же участь постигла в январе 1609 г. Галич. Вместе с тем, костромичи повсеместно оказывали сопротивление захватчикам. Вскоре было собрано ополчение северных городов – Солигалича, Чухломы, Вологды и других, которое уже в феврале 1609 г. освобождает Галич и выдвигается к Костроме. После ожесточенного кровопролитного сражения, которое проходило с 28 февраля по 3 марта, Кострома была освобождена, сторонники же Тушинского вора укрылись в Ипатьевском монастыре. Попытки Лисовского оказать помощь своим людям, осажденным в Ипатьевском монастыре, ни к чему не привели. Остановившись в Селище, он так и не сумел переправить войска через Волгу летом 1609 г. Опустошая все на своем пути, Лисовский разоряет Кинешму, Плес, а после неудач под Костромой удаляется по направлению к Троице-Сергиевому монастырю, разрушив Нерехту и Большие Соли. В то же время воеводе Жеребцову вскоре удается вытеснить из Ипатьевского монастыря засевших там неприятелей, отступивших к Святому озеру, и рассеять их.

Таким образом, освобождение Костромы, Ипатьевского монастыря, изгнание засевших здесь врагов имеет важное значение в борьбе за восстановление государственности. Стратегическое значение Костромы состояло и в том, что она прикрывала северные области, не истощенные Смутой. Однако испытания продолжились после падения Василия Шуйского и вступления в Москву пана Жолкевского. В Кострому был прислан отряд Маскевича, который было приказано жителям продовольствовать.

В сложившихся условиях разобщения и разорения православие становится важнейшей стягивающей силой, реально позволившей сохраниться народу. Простой народ в это время страдал от зверств польских и казацких шаек.

Центрами спасения становятся монастыри и, важнейший из них – Троице-Сергиева лавра. «Толпы русских людей обоего пола, нагие», босые, измученные, бежали к Троицкой обители. Некоторые испеченные огнем, у иных вырваны на голове волосы, множество калек... У одних были вырезаны полосы кожи на спине, у других отсечены руки и ноги. Настоятель монастыря Дионисий посылал подбирать их и лечить. Для оказания помощи были построены странноприемные дома и больницы как в самом монастыре, так и в монастырских селах. Еще при жизни патриарха Гермогена с его благословения и при его непосредственном участии по всей России стали рассылаться письма с призывом к ратным людям защитить православную веру и бороться с врагами отечества. Архимандрит Дионисий и келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын продолжают это дело, посылают письма в Новгород, Вологду, Пермь, многочисленные поволжские города с призывами оказать помощь Трубецкому и Заруцкому в их противостоянии в Москве с поляками⁸.

Эти призывы ускорили образование земских ополчений. В этих ополчениях приняли участие и костромичи в составе Галичского отряда по предводительством Мансурова и Костромского под руководством кн. Волконского и Т. Овцына. Но кампания 1611 г. окончилась неудачей. И только в 1612 г. второе соединенное ополчение, отвергнув призывы изменников-бояр о признании царем польского королевича Владислава, освобождает Москву. Руководитель ополчения кн. Дм. Пожарский рассылает по городам грамоты о созыве Земского собора для выбора царя.

Страшное время всеобщего разорения тесным образом связало Романовых с Костромским краем. Наследственная вотчина с. Домнино, а также Макарьево-Унженский монастырь позволили спастись юному Михаилу. Как выясняют исследователи начала XX в., княгиня Черкасская с детьми Филарета Никитича, возвращаясь из ссылки с Белоозера, пожелала навестить обитель преподобного Макария, настоятель которого Давид Хвостов оставил у себя молодого Михаила. Здесь отрок и прожил несколько лет до возвращения инокини Марфы (матери Михаила) из ссылки⁹. В последующие годы борьбы с польским отрядом Лисовского Унжа и Галич выставили два ополчения под предводительством Ивашки Кологривца и воеводы Давида Жеребцова. А их особая речная флотилия в 1609 г. разбила отряд Лисовского и гнала его до самой Костромы.

Эти события и чудесное спасение стали поводом неоднократного посещения Михаилом, в том числе и будучи царем, Макарьево-Унженского монастыря. Не случайно и то, что после фактического освобождения от заложничества у поляков в Московском кремле в октябре 1612 г. Михаил вместе с Марфой ищут спасения на Костромской земле. Поэтому подвиг Ивана Сусанина, совершенный зимой 1612–1613 гг., а также последующие охранные грамоты его потомкам являются благодарным актом со стороны правящей династии Романовых всем костромичам.

И еще один важный судьбоносный акт происходит на Костромской земле вскоре после избрания Михаила Романова 21 февраля 1613 г. на царство, как

ближайшего родственника прежних правителей России Земским собором. История сохранила нам слова матери царя – инокини Марфы – в ответ на решение Земского собора 1613 г. Марфа говорила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких велики преславных государствах быть Государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались...». Марфа упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедмитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжила: «Видя такие прежним Государям крестопреступления, позор, убийство и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и не постоянством русских разорилось до конца... и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против недругов стоять?» И, кроме того, старица привела и тот факт, что отец Михаила Филарет был в польском плену. Поэтому избрание сына на царство может привести к его гибели¹⁰. В то же время эти слова были произнесены Марфой на волжских берегах, уверенной в невозможности предательства и выдачи полякам ее сына Михаила с Костромской земли. И только это событие, а также общие заверения править соборно, признание того, что русские люди «Московского государства наказались все и пришли в соединение во всех городах», а также авторитет отцов церкви – архиепископа Рязанского Феодорита, архимандритов Чудова и Новоспаского монастырей, бояр, представителей всех сословий и состояний, массы православных людей склонили Марфу. Положившись на праведные и непостижимые судьбы Божии, Марфа благословила сына Михаила на царство.

Таким образом, на Костромской земле состоялся акт покаяния народа и возвращения его к Богу, традиционному православию, выразившееся в желании править в соответствии с заветами предков, соборно со своим русским царем. С этого времени Россия обретает внутреннее единство, уверенность в своих силах, получает импульс для восстановления порушенного здания государственности, достижения новых горизонтов в своем развитии.

Примечания

¹ *Скворцов Л.* Материалы для истории города Костромы. Кострома, 1913. Ч. 1. С. 67–68.

² *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 247.

³ Там же.

⁴ *Костомаров Н. И.* Борис Годунов // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. М., 1990. С. 594.

⁵ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 4. Т. 8. С. 382–383.

⁶ *Костомаров Н. И.* Борис Годунов. С. 601.

⁷ *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 270.

⁸ *Костомаров Н. И.* Троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын // Русская история в жизнеописаниях и ее главнейших деятелей. Кн. 1. М., 1990. С. 706–707.

⁹ *Скворцов Л.* Указ. соч. С. 135.

¹⁰ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 9. С. 10.

В. С. Соболев

г. Санкт-Петербург

**ИМПЕРАТОР ПЕТР ВЕЛИКИЙ
И ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА РАН)**

Реформы императора Петра Великого дали мощный импульс развитию России. Одной из важных составляющих реформирования страны в области науки и просвещения стало основание в 1725 г. Академии наук. Идея организации Академии наук зародилась в реформаторских замыслах Петра I задолго до момента воплощения ее в жизнь. В связи с этим во время своих поездок по европейским странам он внимательно изучал опыт деятельности университетов, академий наук, научных обществ.

Архивные документы свидетельствуют о том, что конкретная разработка проекта будущей Академии наук была начата в середине 1723 г. Петр I руководил сам этой работой, а подготовка текста этого нормативно-правового акта императором была поручена нескольким доверенным сотрудникам: лейб-медику Л. Блюментросту, руководителю императорской библиотеки И. Шумахеру, чиновнику императорской канцелярии П. Курбатову. Работа была завершена к началу 1724 г.

13 января 1724 г. Петр I направил в Правительствующий Сенат «Записку об учреждении Академии наук и художеств», «в которой бы языкам учились, так же прочим наукам, знатным художествам и переводили книги»¹. 22 января 1724 г. состоялось заседание Сената, в котором принимал участие Петр I и его ближайшие сподвижники: Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин, А. Д. Меншиков, П. И. Ягужинский и др. В этот день и был одобрен и утвержден «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств», ставший главным уставным документом для Академии на весь первый, сложный период ее становления вплоть до принятия «Регламента Императорской Академии наук», утвержденного уже в 1747 г. императрицей Елизаветой.

Параграф 1-й «Проекта» гласил следующее: «Академия есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты <изобретения> оные совершить и умножить тщатся»².

По замыслу Петра I одной из главных задач, поставленных перед вновь-созданной Академией наук, должна была стать ее деятельность по распространению просвещения в России. В параграфе 3-м «Проекта» указывалось, что Академия «учреждается не токмо к славе сего государства для размножения наук, но и чтоб чрез обучение и разположение оных польза в народе впредь была»³. Для этой цели в составе Академии наук организовывались «университет, который науки всему народу объявляет, а также и гимназия, в которой младые люди нужным наукам обучаются».

В самом конце хранящегося в Архиве РАН оригинала текста «Проекта» имеется важная приписка, сделанная Петром I, о размерах государственных

ассигнований на содержание Академии наук: «Доход на сие определяется в 24.912 рублей, которые збираются з городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурха»⁴. Следует сказать о том, что идея создания Академии наук, по замыслу Петра I, была тесным образом связана со строительством на стрелке Васильевского острова в Петербурге специального здания для первого академического музея – Кунсткамеры, где должна была разместиться и академическая библиотека. Это сложное и дорогостоящее по тем временам строительство велось в 1721–1724 гг.

Отметим, что еще задолго до принятия «Проекта» организаторами будущей Академии наук велась активная переписка с рядом известных европейских ученых с предложением приехать в Петербург для работы в ней. После утверждения «Проекта» ученые из нескольких европейских стран, в соответствии с предложениями, полученными ими от имени императора Петра I, начали прибывать в столицу Российской империи. Первыми академиками стали математик Яков Герман из Швейцарии, физик Георг Бернгард Бюльфингер из Германии, немецкий профессор физиологии Даниил Бернулли, французский астроном Жозеф-Никола Делиль, немецкий ботаник Иоганн Христиан Буксбаум и др.⁵

Следующим важным шагом в процессе создания Академии наук стал Указ императрицы Екатерины I от 20 ноября 1725 г. «О заведении Академии наук». Этим Указом было дано высочайшее подтверждение исполнения завета уже покойного к этому времени императора Петра I⁶. В нем, в частности, говорилось следующее: «И сей указ велите в народе публиковать, дабы о той Академии всяк ведал, и имели бы тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников». Этим же Указом императорский лейб-медик Лаврентий Блюментрост был назначен первым президентом Академии наук. Он занимал этот пост до 1733 г., и с его именем неразрывно связан первый период становления российской академической науки.

Историкам науки известно, что уже в сентябре 1725 г. начали проходить заседания Конференции (или Общего собрания) Академии наук. Однако самый первый из сохранившихся в Архиве РАН протоколов заседания ученых датируется 2 ноября 1725 г. Заседание это проходило под председательством Л. Блюментроста, и на нем, в частности, обсуждался доклад академика Я. Германа «О сфероидальной фигуре Земли»⁷.

Вскоре научные занятия ученых стали проходить в предоставленном правительством для Академии наук отдельном каменном здании. Это был специально переоборудованный для этой цели бывший дворец царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Иоанна Алексеевича, расположенный на стрелке Васильевского острова.

Уже в начале 1726 г. Академией наук были сделаны первые шаги по исполнению требований петровского «Проекта» – главного академического нормативно-правового акта. На заседании Конференции был утвержден план проведения учеными лекций во вновь созданном университете. Причем лекции эти объявлялись «публичными», то есть открытыми для посещения. Объявление об этом было напечатано типографским способом и размещено в разных местах Северной столицы. В преамбуле этого документа, в частности, указы-

валось на то, что «Академию, намерением Петра Великого определенную, Августейшая Императрица Екатерина, премудрым своим промышлением в совершенство привела»⁸. Назовем только некоторые из лекций, прочитанных тогда академическими учеными: «Начала математические» (Даниил Бернулли), «Достопамятные вещи ветхого Рима» (Теофил Зигфрид Байер), «Логическое Метафизическое ученье» (Христиан Мартини) и др.

Завершением начального организационного периода создания Академии наук стало публичное Общее собрание Академии, состоявшееся 1 августа 1726 г. Архивные документы донесли до нас некоторые подробности этого торжественного акта. Императрица Екатерина I прибыла на него в сопровождении двух своих дочерей – принцесс Анны Петровны и Елизаветы Петровны (будущей императрицы) – и герцога Гольштинского (супруга Анны Петровны). При спуске с барки (тогда еще не было мостов через Неву) их встречали президент и члены Академии наук. В свите императрицы прибыли практически все высшие военные и гражданские чины столицы, а также представители высшего духовенства⁹.

Первым на собрании выступил академик Т. З. Байер, который произнес благодарственную речь Екатерине I. Потом академик Я. Герман сделал доклад о результатах важнейших математических открытий, происшедших к этому времени в мире. Ученый говорил и о дерзновенных планах на будущее. Так, он выразил надежду на то, что в будущем ученым удастся «изготовить такой телескоп, чрез который будут видны жители других планет, буде таковые существуют». По завершению официальной части был устроен банкет, во время которого Екатерина I выпила бокал вина и пожелала Академии, «чтобы она вечно жила, процветала и приносила государству истинную пользу»¹⁰. Архивные источники сохранили и отдельные любопытные детали этого академического мероприятия. Так, в финансовых документах, составленных по этому поводу, между прочим отмечалось: «На угощение присутствующих в собрании истрачено 267 рублей – за разные питья, за конфекты, за сахар, за хрустальную посуду и за протчее»¹¹.

Можно считать, что с этого времени в стенах Санкт-Петербургской Академии наук начались планомерные исследования в области фундаментальных наук. Так, академик Ж. Н. Делиль начал заниматься организацией астрономических наблюдений в различных регионах Российской империи. К этому времени Россия еще являлась страной астрономически не изученной. Ее территория, простирающаяся далеко на восток, была удалена от всех европейских астрономических центров. Астрономические определения широт и долгот, проведенные Ж. Н. Делилем, впоследствии дали бесценный материал для создания первых точных географических карт России. Академик Я. Герман проводил изучение результатов открытий, сделанных И. Ньютоном и Г. В. Лейбницем в новой области математики. В частности, значение и суть знаменитых ньютоновских «Математических начал натуральной философии». В мае 1727 г. в Петербург из Швейцарии прибыл талантливый ученый Леонард Эйлер и, ставши членом Академии наук, продолжил свои научные исследования. Уже в сентябре 1727 г. на заседании академической Конференции им был сделан блестящий доклад «О модели атмосферы Земли»¹².

Основные результаты своих исследований Академия наук стала публиковать в своем первом научном периодическом издании «Комментарии Императорской Академии наук в Петербурге», что делало их достоянием мирового научного сообщества и со временем принесло Академии заслуженный международный авторитет.

В завершении позволю себе отметить, что через 13 лет, в 2025 г., нашей Академии наук исполнится уже 300 лет, и выражу искреннюю надежду на то, что мы, собравшиеся сегодня в этом зале, сможем стать свидетелями этого славного юбилея.

Примечания

- ¹ Летопись Российской Академии наук (далее – Летопись РАН). Т. 1. 1724–1802. СПб., 2000. С. 31.
- ² Уставы Российской Академии наук (далее – Уставы РАН). 1724–2009. М., 2009. С. 47.
- ³ Там же. С. 48.
- ⁴ Там же. С. 56.
- ⁵ Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. М., 1999. С. 2–4.
- ⁶ Летопись РАН. С. 43.
- ⁷ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.
- ⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФАРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 105–106.
- ⁹ *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 106–107.
- ¹⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1895. С. 103–104.
- ¹¹ ПФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 398.
- ¹² Там же. Ф. 21. Оп. 6. Д. 2. Л. 16.

Н. В. Муренин

г. Кострома

КОСТРОМИЧИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

16 июля 1812 г. по распоряжению Костромского губернатора Николая Пасынкова состоялось заседание губернского правления, на котором был зачитан Манифест императора Александра I, где были такие слова: «Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина!.. Соединитесь все. С крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». В этот же день губернским правлением было принято решение о создании Костромского ополчения из 11 тысяч воинов, разделенных на 5 полков – четырех пеших и одного конного. Командиром ополчения по решению костромского дворянства был назначен генерал-лейтенант Петр Григорьевич Бардаков, сподвижник и любимец самого Суворова.

© Н. В. Муренин, 2012

Основную часть военных действий Костромское ополчение провело на территории союзников, при осаде крепости Глогау. Достаточно подробно все это П. Г. Бардаков описал в своем дневнике, который впервые в полном объеме публикуется в первом номере журнала «Страницы времен» за 2012 г. Вопросы формирования Костромского ополчения командующий в своем дневнике не касается, первая запись сделана уже под Глогау, 12 сентября 1813 г.: «...получив от полковника Анохина рапорт, что неприятель беспокоит его частыми и сильными вылазками, спешу и к нему на помощь, почему и пойду завтрашний день рано с Костромским ополчением». Последняя запись сделана 11 марта 1814 г., когда французы решили капитулировать: «Ожидаемые парламентареры в 6 часов утра вышли...»

А 14 апреля 1814 г. командующий Русской армией Беннингсен рапортовал императору Александру I: «К стопам Вашего Императорского Величества счастье имею через действительного камергера 4 класса Татищева подвергнуть ключи крепости Глогау, сдавшейся на капитуляцию союзному российско-прусскому войску». Бригадный командир, костромской дворянин Сергей Татищев по окончании компании получил орден Святой Анны I степени («за примеры мужества и благополезные советы»), различными орденами были награждены и многие другие костромичи.

Длительная осада крепости Глогау костромскими ополченцами объясняется еще и тем, что генерал Бардаков весьма бережно относился к историческим и культурным ценностям. Вот что отмечал он в своем дневнике: «Если бы ее бомбардировать, то в самое короткое время можно было бы превратить в пепел. Но как она принадлежала прусакам, которые были наши союзники, то для того и не хотели ее разорить».

Гуманным было и отношение к пленным французам со стороны гражданского населения. Вот как, к примеру, описал это известный историк и краевед, протоиерей Михаил Диев: «Перо не сильно выразить суматоху народную, особенно когда гнали пленных: кто в сарафане и лохмотьях, кто в лаптях; в редкой партии увидишь трех пленных в полной мундировке, либо в мундире, но в портках деревенских и босой... Всего чувствительнее было смотреть на доброту русского народа. Видя наготу врагов, покупали им чулки, рукавицы и одедали. Незлобивый великий из великих государей Александр пленных зимой 1812 г., бывшею на ту пору чрезвычайно холодною, одел в нагольные тулупы, а летом в серые шинели. Жаль, что долго с осени не выдавали тулупов, ибо руки не поспевали шить одежду, то для войска и рекрутов, то для ополчения. От этого величайшее множество пленных померло на дороге, например, от Костромы до Кинешмы не было версты, где бы не лежало по трупу, а на иной по пяти. Семинаристы, ехав на Рождество Христово домой, чтобы разогреться от холоду, не один десяток мертвых расставили по Волге вместо верст...»

Многие пленные, не привыкшие к русским холодам, замерзли, но многие выжили. В начале 1814 г. на территории губернии находилось более 1 000 французских штаб-офицеров, обер-офицеров и нижних чинов, более всего в Костроме, Кинешме, Нерехте, Чухломе.

Однако вернемся к Костромскому ополчению. О возвращении его на родину довольно живописно рассказал журнал «Вестник Европы» в июньском номере за 1815 г.: «1-го числа февраля 1815 года первый полк ополчения, состоящий из 1 712 человек, под начальством полковника князя Вяземского вступил в Кострому. На реке того ж имени при великом стечении народа полк встречен был губернским начальником ополчения и гражданским губернатором, а на главной площади духовенством и самим епископом Сергием с образами и хоругвиями, откуда шествие продолжалось в Успенский собор, где приносимо было Господу Богу благодарственное молебствие, после которого преосвященный Сергей говорил проповедь и, проходя ряды воинов, сам кропил их святою водою. По окончании всей церемонии городской голова угощал в доме своем чиновников ополчения завтраком, а воинов на площади вином. На другой день городское общество давало воинам обед, по случаю которого вокруг обширного гостиного двора на галереях устроены были места. На третий день чиновники ополчения обедали у губернатора. На четвертый воины угощаемы были за счет дворянства и получили каждый по рублю. 7-го числа дан был губернским начальником ополчения бал, а 11-го в доме дворянского собрания на счет дворянства».

В общем, повоевали хорошо и погуляли на славу.

«20 февраля вступил в Кострому 2-ой полк, состоящий из 1 569 человек, под началом полковника Черевина, а 22 апреля и последний конный полк, состоящий из 341 человека, под началом штабс-капитана Перфильева». Заметим, что ополченцы вернулись не все. Некоторые погибли при осаде крепости Глогау, но большее число умерло от эпидемии тифа при квартировании ополчения в местечке Чернобыль, ставшим в XX в. трагически всемирно известным.

Жаль, конечно, что по возвращению в Кострому генерал-лейтенант Петр Бардаков незаслуженно был обвинен в злоупотреблениях и жизнь свою закончил при весьма печальных обстоятельствах. А вот адъютант его, Платон Голубков, уехал в Сибирь, где стал крупным золотопромышленником и миллионером, на средства его и была открыта в Костроме первая в России женская гимназия.

А. С. Сенин

г. Москва

НИКОЛАЙ I И НАЧАЛО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ (К 175-ЛЕТИЮ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ РОССИИ)

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают, —

так красочно передал в романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин свои наблюдения о российском бездорожье. Поэт мечтал о временах, когда «лет через пятьсот» благодаря «благому просвещенью»

...дороги, верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут¹.

Вопрос о сооружении железных дорог возник в России в начале 30-х гг. XIX в., когда стали известны результаты их постройки и эксплуатации за рубежом. В числе сторонников железных дорог оказались не только ученые и инженеры, но и видные деятели отечественной культуры: В. Г. Белинский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, А. С. Пушкин и др. Например, Пушкин просил Вяземского прислать в «Современник» статью, написанную их общим знакомым ученым под названием «Краткое начертание паровых машин». Горячим поборником нового транспорта стал президент Вольного экономического общества граф Н. С. Мордвинов. «Я утверждаю, – писал он в одной из записок в Комитет министров, – что без железных дорог, ускоряющих движение, Россия каждый год все более и более удаляется от цивилизации и прогресса». Мордвинов первым поставил вопрос о необходимости соединить столицу с Черным и Каспийским морями, Кавказом и Уралом»². Многие инженеры путей сообщения увидели в новом виде транспорта альтернативу гужевым и речным перевозкам грузов. Огромные просторы России, удаленность сырьевых ресурсов от места их потребления отвлекала от производства множество людей. Сухопутным извозом в летние месяцы занималось около 800 тыс. человек. Более дешевый водный путь был малопригоден: навигация была кратковременной, а вынужденный простой во время зимовки (часто с грузом) приносил немалые убытки.

Чиновный мир занял выжидательную позицию. Руководители Главного управления путей сообщения и публичных зданий не спешили поддерживать многочисленные проекты развития этого вида транспорта, солидаризировавшись с отрицательным отношением к нему министра финансов Е. Ф. Канкрин. Позиция же последнего была связана с подготовкой финансовой реформы и опасением неизбежных больших государственных расходов. Он писал: «Осуществление проекта строительства железной дороги имело бы последствием упадок частных и государственных доходов, вызвав большой ропот в народе». Противники железных дорог указывали на невозможность нормальной их эксплуатации ввиду климатических особенностей России. Они считали, что аграрная экономика страны пока не нуждается в таком виде транспорта. Более того, широкое использование железных дорог может привести к подрыву основ общественного устройства³.

В монархическом государстве последнее слово в решении столь важного вопроса принадлежало Николаю I. Он внимательно изучил записку австрийского подданного чешского инженера Ф. А. Герстнера с планом сооружения железных дорог в России и встретился с ним лично. Герстнер сумел убедить императора в военно-экономическом значении таких дорог, и Николай I согласился на опытное строительство небольшой железнодорожной линии. Герстнер позднее предложил на выбор два направления: Петербург – Петергоф – Ораниенбаум и Петербург – Царское Село – Павловск. Император выбрал Царскосельское направление.

Торжественное открытие железной дороги до Царского Села состоялось 30 октября 1837 г., а 4 апреля 1838 г. дорога была открыта на всем протяжении до Павловска. Она не имела экономического значения для страны, но доказала возможность бесперебойной работы в течение всего года. На торжественном собрании Императорского русского технического общества, посвященном 50-летию начала строительства железных дорог в России, Царскосельскую железную дорогу сравнивали с потешными полками и ботиком Петра I, давшими вскоре славную гвардию, армию и флот⁴.

Николай I, стремясь лучше познакомиться с новым видом транспорта, направил за границу инженеров путей сообщения П. П. Мельникова и Н. О. Крафта. По возвращении их из Североамериканских Соединенных Штатов он с большим вниманием выслушал их доклады и ответы на заданные вопросы. В сентябре 1841 г. Мельников и Крафт при участии начальника Штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина подготовили и представили императору проект сооружения железнодорожной магистрали между Петербургом и Москвой.

Комитет министров, где противники железнодорожного дела имели явное большинство, избрали тактику затягивания принятия решения, а на заседании 13 января 1842 г. абсолютным большинством голосов отклонили идею железнодорожной магистрали между двумя столицами.

Убежденный в необходимости строительства железной дороги, 1 февраля 1842 г. Николай I издал указ, в котором сообщил подданным: «Я решил – ей быть, против мнения большинства, призванных мной на совет, надеюсь, что потомство оправдает мое решение»⁵.

Николай I распорядился возложить руководство всем делом постройки дороги на особый бюрократический орган – Комитет по устройству Петербурго-Московской железной дороги, во главе которого он назначил наследника престола, будущего императора Александра II (1855–1881), и подчиненную ему строительную комиссию.

В качестве технического консультанта по различным вопросам строительства был приглашен авторитетный американский специалист – инженер Д. В. Уистлер (1800–1849), о котором высоко отзывались П. П. Мельников и Н. О. Крафт. Первоначально значительная часть рельсов, паровозов и вагонов приобретались за границей. Император повелел организовать их производство в России. В 1845 г. на казенном Александровском механическом заводе в Петербурге был построен первый паровоз, а в 1846 г. – первый вагон. К открытию движения на Петербурго-Московской железной дороге завод построил 42 пассажирских и 120 товарных паровозов, 70 пассажирских и 2 120 товарных вагонов⁶. Первые отечественные рельсы были прокатаны в 1844 г. предпринимателем С. И. Мальцовым. Так строительство железных дорог повлияло на развитие целых отраслей промышленности. Производство подвижного состава к концу века стало самой мощной частью отечественного машиностроения.

Петербургско-Московская железная дорога стала первой и на тот момент самой совершенной железной дорогой Европы. На 604 верстах было построено

278 искусственных сооружений, в том числе свыше 100 мостов и 34 станции разных классов.

Современные исследователи в области железнодорожного менеджмента считают, что принятые в середине XIX в. управленческие решения по этой магистрали были почти безупречными. Постепенно было составлено технико-экономическое обоснование проекта. Решения принимались после острых дискуссий. В ходе реализации проекта применялись последние достижения инженерной мысли, использовался лучший зарубежный опыт. Была выстроена оптимальная структура управления строительством, подобраны знающие руководители. Материальные ресурсы были использованы интенсивно и эффективно⁷.

В начале августа 1851 г. строительство дороги было полностью завершено, 16 августа из Санкт-Петербурга в Москву прибыл первый поезд (с батальонами лейб-гвардии Семеновского полка), а 19 августа проехал императорский поезд. Регулярное движение было открыто 1 ноября 1851 г., осенью 1853 г. проследовал первый скорый поезд.

Уже в феврале 1851 г. Николай I принял решение о сооружении железной дороги от Петербурга до Варшавы. «В случае внезапной войны, – говорил он, – при теперешней общей сети железных дорог в Европе, Варшава, а оттуда и весь Запад может быть наводнен неприятельскими войсками прежде, чем наши успеют дойти до Луги»⁸.

Еще в 1844 г. П. П. Мельников разработал первый план сооружения сети железных дорог протяженностью свыше 3 200 верст. Но огромные пространства России и недостаток у государства средств не позволили быстро осуществить его план железнодорожного строительства.

Уже первые железные дороги существенно повлияли на объем и масштабы производства во всех губерниях, примыкавших к рельсовым путям. С первым гудком паровоза начиналась эпоха освоения новых земель, изменения в размещении индустриального и аграрного производств, в росте общей культуры населения, повышении его мобильности. Железнодорожный транспорт стал не только коммуникационной составляющей народного хозяйства России – он был призван соединить в одно целое необъятные просторы Отечества от Балтийского моря до Тихого океана.

У истоков железнодорожного дела в России стояла плеяда замечательных русских инженеров, но и они отдавали должное роли императора Николая I в начале строительства железных дорог. С 1896 г. до лета 1917 г. день рождения императора являлся профессиональным праздником железнодорожников.

Примечания

¹ *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Сочинения: в 3 т. Т. 2. М., 1986. С. 305, 306.

² Цит. по: *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 36.

³ *Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энцикл.: в 2 т. М., 2008–2009. Т. 1. С. 777.*

⁴ Там же. Т. 2. С. 1092–1093.

⁵ История организации и управления железнодорожным транспортом России. Факты, события, люди / под ред. проф. А. А. Тимошина. М., 2010. С. 39.

⁶ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. 1. С. 73.

⁷ Красковский А. Е. Принятие управленческих решений на железнодорожном транспорте: история и современность / А. Е. Красковский, В. В. Фортунатов. СПб., 2009. С. 52–59.

⁸ Цит. по: Выскочков Л. В. Император Николай I: Человек и государь. СПб., 2001. С. 459.

А. Д. Шипилов

г. Кострома

СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАДИЦИИ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Регионоведческие исследования в России в XVIII – начале XX в. можно разделить на пять периодов, отличающихся друг от друга внешнесоциальными и внутринаучными условиями развития, изменением научной традиции.

Первый период – начало XVIII в. – 1740-е гг. Комплексное изучение России берет свое начало в эпоху преобразований Петра I, и обусловлено оно необходимостью ведения тяжелейшей и продолжительной войны со Швецией, активной внешней политикой, экспансионистской по своему характеру, стремлением дать толчок развитию отечественной промышленности и торговли. Нельзя сбрасывать со счетов и честолюбивые мотивы деятельности императора, без сомнения, навеянные общением со светилами западной науки: явить миру доселе неизвестные земли (Сибирь, Азия), прояснить вопрос, существует ли пролив между Азией и Америкой¹. Утилитарное мировоззрение Петра и его сподвижников требовало рационального использования природных и человеческих ресурсов для решения внешне- и внутривосточных вопросов, стоявших перед Российским государством. Тогдашнее развитие западной науки давало и форму организации знаний, и метод исследования.

Такой формой стало государственное управление, понимаемое как комплекс нерасчлененных знаний из разных дисциплин, относящихся к государству («государственные достопримечательности») и влияющих существенным образом на благополучие страны и народа (опыт германских государств, Швеции)². Основным методом исследования стала экспедиция (ученое путешествие) в регионы по примеру европейских стран³. Указанный период дал и первые редкие примеры анкетного обследования (сенатская анкета 1724 г.⁴, анкеты В. Н. Татищева 1734 и 1737 гг.⁵). Первенствующую роль в регионоведческих исследованиях играла география, понимаемая предельно широко, совместно с сопутствующими дисциплинами (геодезия, картография, топография, геология и т. д.)⁶.

Государственным органам (прежде всего центральным правительственным ведомствам: Сенату, Адмиралтейству, Берг-, Мануфактур-, Коммерц- и Камер-коллегиям) в указанный период принадлежит исключительная роль в развитии

регионоведческих штудий – начиная с первых в российской истории собственно геодезических работ в связи с подготовкой Азовского похода (съемкой отдельных участков в Приазовье в 1695 г.) и кончая организацией и проведением комплексной Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Можно говорить о систематической экспедиционной деятельностью центральных правительственных ведомств в указанное время. Основными направлениями изучения, вслед за российской внешней политикой, становились вновь присоединенные или осваиваемые регионы (Санкт-Петербург и северо-западные территории, районы Каспийского и Аральского морей, северо-восточные и восточные области Сибири с прилегающими к ним водами Северного Ледовитого и Тихого океанов)⁷.

Академия наук, созданная в 1725 г., первоначально не принимала активного участия в регионоведческих исследованиях, за редчайшим исключением (мы имеем в виду академический отряд Второй Камчатской экспедиции, в составе которого были специалисты высокого класса: астроном Л. Делиль де ла Кройер, натуралист И.-Г. Гмелин, историк Г.-Ф. Миллер, пять студентов, в том числе С. П. Крашенинников, два адъютанта – Г. В. Стеллер и Н. Э. Фишер два живописца)⁸. Отсутствие подготовленных специалистов в провинции не позволяло рассчитывать на возможность обследования регионов местными силами, за исключением ответов на редкие и непериодические анкеты. Частная инициатива в регионоведческих штудиях в указанный период не прослеживается.

Государственные экспедиции, имевшие первоначально исключительно практические цели (политические, военные, промысловые и т. д.), со временем стали выполнять отдельные специальные научные задачи. Правда, научные цели всегда подчинялись политическим видам: в 1746 г. Адмиралтейств-коллегия потребовала передачи всех материалов Второй Камчатской экспедиции в Кабинет императрицы, опасаясь разглашения секретных данных академиками-участниками экспедиции⁹. Как результат, многие важные картографические материалы надолго (а часть и навсегда) были исключены из научного обращения.

Уникальное место среди государственных экспедиций занимает Оренбургская экспедиция (позже комиссия), форма организации которой в наибольшей степени соответствовала практическому пониманию науки русскими властями. Созданная в 1734 г. по инициативе обер-секретаря Сената И. К. Кирилова и просуществовавшая до 1744 г. включительно, вплоть до учреждения губернии с тем же названием, экспедиция мало походила на экспедиции в общепринятом понимании этого слова. Фактически это была правительственная организация, проводившая многолетние политические, военные, экономические и научные мероприятия, связанные с освоением громадных территорий на юго-востоке Российской империи. Помимо строительства крепостей для охраны государственной границы и организации торговых сношений со Средней Азией и Индией, экспедиция проводила картографические съемки, изучение природных богатств, населения и хозяйственных

возможностей подведомственных ей территорий. В состав экспедиции входили войсковые части, бригады строителей, торговые люди, дипломаты и, наконец, ученые (прежде всего натуралисты и геодезисты). Деятельностью экспедиции руководили выдающиеся государственные деятели и ученые И. К. Кирилов¹⁰ и В. Н. Татищев¹¹. В рамках экспедиции наметился опыт взаимодействия и сотворчества представителя центра (Татищева) и местного любителя (П. И. Рычкова) – опыт, позже ставший образцовым¹². Постоянно действующая экспедиция, наделенная широкими полномочиями, позволяла наиболее эффективно научно изучать регион в целях его последующего хозяйственного использования.

Система научных коммуникаций только начала зарождаться, принимая форму частной переписки и редких ученых публикаций, с ограничениями, накладываемыми властями в отношении государственной тайны. Начиная с эпохи Петра, резко возросло количество переведенных на русский язык иностранных книг, особенно в отраслях, имевших практическое применение. Исследователи говорят о целенаправленной политике Петра I в области книгоиздания¹³. Вопрос передачи знаний и традиций изучения решался либо в стенах учебных заведений, созданных российскими властями (Математико-навигационная школа, Морская академия, артиллерийские, инженерные и медицинские школы, гимназия и университет при Академии наук, Сухопутный шляхетный кадетский корпус и др.), либо в ходе посылки детей дворянских и боярских в страны Западной Европы на обучение. Немаловажным моментом была возможность проверки полученных знаний и получение новых в ходе разносторонней практической деятельности. Созданные в провинции светские учебные заведения по большей части оказались мертворожденными, тогда как духовные проявляли больше признаков жизни¹⁴.

Благодаря серьезной заинтересованности государства, его финансовой поддержке, действиям приглашенных иностранных специалистов, русских людей, прошедших обучение за рубежом, комплексное изучение регионов было впервые в отечественной истории поставлено на уровень европейской науки того времени (теория, методы, проблематика) и достигло весьма ценных результатов.

Следующий период развития регионоведческих штудий – 1750–1780-е гг. Целенаправленные усилия государства по исследованию российских регионов не прошли бесследно. В указанный период расширяется состав акторов регионоведческих штудий, возрастает их масштаб, меняются проблематика и методы исследования, начинается дифференциация научных дисциплин.

Примечания

¹ См., напр.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Спб.: Т-во «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 347–348.

² *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 13, 111.

³ См.: *Афиани В. Ю.* «Открываемая Россия»: путешествие как метод краеведческого изучения // Историческое краеведение: по материалам II Всесоюзной конференции

по историческому краеведению / редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.), Г. Ф. Винокуров, Я. Е. Водарский, В. Б. Жиромская, В. Н. Зименков, В. И. Лебедев. Пенза: Департамент культуры, 1993. С. 191–194.

⁴ *Новлянская М. Г.* Иван Кирилович Кирилов, географ XVIII века. Л.: Наука, ЛО, 1964. С. 19–20; [*Гольденберг Л. А., Новлянская М. Г., Троицкий С. М.*]. И. К. Кирилов и его труд «Цветущее состояние Всероссийского государства» // *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 17–18.

⁵ *Попов Н. А.* В. Н. Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М.: Б. и., 1861. С. 663–696; *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по географии России // *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1950. С. 9, 11–12.

⁶ *Хорошилова Л. Б.* Географические знания, экспедиции и открытия // *Очерки русской культуры XVIII века* / гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1988. Ч. 3. С. 104–106.

⁷ *Александровская О. А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М.: Наука, 1989. С. 22, 126–128.

⁸ *Миллер Г.-Ф.* Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6: Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под общ. ред. В. Л. Комарова. Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 8–10. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 4).

⁹ *Александровская О. А.* Указ. соч. С. 37.

¹⁰ *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750) / под ред. и с прим. Н. М. Гутьяра. Оренбург: Оренбург. губ. стат. ком-т, 1896. С. 8–29; *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана и России в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 95–110.

¹¹ *Татищев Ю.* К истории управления В. Н. Татищевым Оренбургской экспедицией, 1737–1739 гг. М.: Б. и., 1901.

¹² *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Спб.: Б. и., 1867. С. 9–27; *Андреев А. И.* Труды В. Н. Татищева по географии России. С. 30–34.

¹³ См., напр.: *Краснобаев Б. И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М.: Просвещение, 1972. С. 286–289.

¹⁴ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 107–132, 139–144.

РАЗДЕЛ I

ВЕХИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Н. И. Рожкова

г. Москва

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ XVII В. В ПРОСВЕЩЕНИИ И КНИГОПЕЧАТАНИИ

Россия с момента своего зарождения контактировала как со странами Востока, так и со странами Запада. Контакты происходили на разных уровнях, в том числе и в культуре. В XVII в. существовало два пути проникновения западноевропейской культуры в Россию: прямой – через Швецию, Германию, Голландию и Францию и косвенный – через Польшу. В рамках данной работы особый интерес представляет духовная культура, и прежде всего книгопечатание и просвещение. Наша задача – на имеющемся материале примерами доказать справедливость многих сделанных выводов, кое-что увидев под другим углом зрения, то есть то, на что ранее внимание не обращалось, принималось как данность или имело второстепенное значение.

Духовная культура начинает проникать в Россию раньше, чем материальная. Так, в XVI в., «князь Андрей Курбский, бежав в Литву, засел там за книги, стал изучать латинский язык, науки грамматические, диалектические и другие». В XVI в. это пока случайные явления, но в XVII в. они станут обычными. Во дворце, при монастырях, в домах частных лиц появляются книги, выписанные из-за границы. Так, Ордин-Нащокин за один прием выписал себе 82 латинские книги. Вот что писал по этому поводу Е. Ф. Шмурло: «Книга была главным проводником киевского влияния на Московскую Русь¹. Основное большинство книг XVII в. находится в хранилищах Российской государственной библиотеки, а также в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. С 1980 г. последняя выпускает каталоги изданий XV–XVII вв. Составители каталогов, помимо унификации изданий, пытаются ответить на многие вопросы, связанные с судьбой и ролью книги, в частности, в истории русской культуры XVII в.

Итак, что собой представляла в XVII в. проблема просвещения и книгопечатания?

Проблема просвещения и книгопечатания была государственной проблемой, и практически все вопросы данной области входили в круг интересов и забот царя или государственных органов от имени царя. Об этом свидетельствуют некоторые документы, например письмо киевского митрополита И. Борецкого царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету об отправлении в Россию иеромонаха Памвы Беринды для исправления церковных книг от 1 сентября 1624 г.² или память из Посольского приказа в Монастырский приказ о предоставлении помещения киевлянину А. Сатановскому, приехавшему в Москву для перевода греческих книг от 13 августа 1652 г.³, где прописано «по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу...»⁴. Как пишет И. В. Поздеева, один из составителей каталога кириллических изданий, «на основании <записей внутри книги XVII в.> можно было бы составить карту книжных вкладов царя Михаила Федоровича, которые никогда не были случайны и объяснялись теми или другими государственными причинами»⁵. Эти же слова можно отнести и к царю Алексею Михайловичу. Свидетельство тому – память из Посольского приказа в приказ Большого прихода боярину И. Хованскому о выдаче печатных книг батурино-Никольско-Крутицкому монастырю от 5 сентября 1650 г.⁶, причем это, по всей видимости, не была простая формальность визировать любые документы именем вышестоящего начальника. Вот как это доносит документ: «Лета 7159-го сентября в 5 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу боярину князю Ивану Никитичю Хованскому... пожаловал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии из Литвы города Батурина Никольского Крупицкого монастыря игумена Исихея з братьею велел им дати в монастырь книг печатных: Псалтырь с следованьем, Евангелие напрестольное... И те книги подписаны. А подписка на тех книгах такова: Лета от создания мира 7159-го сентября 6-го дня великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец... пожаловал сию книгу Евангелие напрестольное (или иная которая) города Батурина в Никольской Крупицкой монастырь при игуменье Исихие з братьею»⁷.

На тот момент, с учетом непростой обстановки в отношениях России с Речью Посполитой, просветительские контакты с православной Польской Русью, Украиной и Белоруссией носили не просто дипломатический характер по отношению к территориям сопредельного государства, а это была, в какой-то степени, дипломатическая война на фронте идеологии: с одной стороны – деятельность отцов-иезуитов, с другой стороны – миссионерская деятельность православного царя по отношению к своим единоверцам. Поле битвы в XVII в. как раз и стали восточные славянские земли Речи Посполитой. Причем в качестве идеологического оружия выступало не только книжное дело, но и все искусство в целом, пример тому Челобитная монахов Густынского монастыря о присылке книг и оказании денежной помощи ввиду бедственного положения монастыря и притеснений со стороны поляков⁸, где старцы этого монастыря пишут следующее: «Милостивый государь царь, благодатель наш и создатель обители нашея Густынская! <...> О книгах церковных твоего царского величества просим, крест, евангелие, ризы и прочая потребная обители святой молим и просим... Токмо на господа бога да на твое

царское величество надежду имеем... А в нашей Ляхской земли всегда нестерпимая налога и теснота всяким мирским людом. Нынешняго году на сойме установлено 7 податей, подымное вдвое...»⁹. В том же духе написано письмо монахов киевского Богоявленского монастыря царю Михаилу Федоровичу о присылке икон, священнических одежд и богослужебных книг для монастырской церкви и об оказании помощи Греко-славянскому училищу в Киеве 29 января 1640 г.¹⁰ Надо сказать, что, наверно, и в XVII в. были потребности, что называется, в «искусстве для искусства», но все-таки подоплека была политическая. На тот момент война между Польшей и Россией в сознании большинства простых людей была войной за веру. В трехтомнике «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы» представлен путь книги из России на Украину в качестве гуманитарной помощи терпящим произвол от католиков и униатов.

При работе с имеющимися документами можно сделать следующий вывод: если из России в Польскую Русь шли книги и церковная утварь, то в Россию шли мастера, как по собственному желанию, так и «выписанные». Тому пример – грамота из Посольского приказа киевскому митрополиту С. Косову о присылке в Москву ученых иеромонахов А. Сатановского и Д. Птицкого для проверки перевода библии с греческого языка на славянский от 14 мая 1649 г.¹¹, где написано следующее: «Ведомо нам великому государю нашему царскому величеству учинилося, что учителя священноиноки Арсений да Дамаскин Птицкий божественнаго писания ведущи и елинскому языку навичны, и с еллинского языка на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны. <...> А ныне мы, великий государь... велели... тех учителей приговорити и прислати к нам, великому государю, к нашему царскому величеству для справки библии греческие на словенскую речь»¹². Это же касается иконописи, музыки или прикладного искусства. Как видно из примеров, основная тематика книг, предметов и явлений просвещения и искусства, пришедших к нам из Польской Украины и Литовской Белоруссии или получаемых там из России, так или иначе связана с вопросами веры и религии – вопросами, очень остро стоящими как перед русским обществом, так и перед польско-украинским (литовско-белорусским). Это был вопрос самоидентификации. С этим, кстати, связано появление в первых учебных заведениях уже в XVII в. такой формы беседы – выявления позиций, как диспут (первоначально – по вопросам веры). Возможно, возникнет вопрос о том, что здесь были представлены примеры не столько русско-польского взаимодействия, сколько русско-украинских контактов. Возразить по этому поводу можно следующим образом: Украина (или Белоруссия) в XVII в. была частью Речи Посполитой. Будучи православной территорией, так же как Россия, она оказалась в состоянии буфера между двух государств, двух религий (православие, католицизм и их разновидности), а по сути двух цивилизаций (Восток – Запад); поэтому-то и вполне уместно говорить о русско-украинских контактах как примере русско-польских взаимоотношений.

Таким образом, можно подвести предварительные итоги нашим наблюдениям по русско-польским культурным связям XVII в. в просвещении и книгопечатании.

Просвещение России в XVII в. развивалось довольно сложно. Сложность заключалась в том, что происходила некая раздвоенность: с одной стороны, новое приносили свои люди, славяне, говорившие на одном языке с «москвитами», но, с другой стороны, в России верх брало мнение о том, что все выходцы из Польской Руси, включая и «ученых старцев», были если не «лядской веры», то уж еретиками обязательно (отчасти такие подозрения были обоснованны). Для переводной литературы, искусства и школьного просвещения в духе Киево-Могилянской академии действовала цензура, причем не столько в лице царя и государственного аппарата, сколько в лице православных священников и патриарха. Другое дело, что практически все патриархи 2-й половины XVII – первой четверти XVIII в. сами были так или иначе связаны с Киевом, с Польшей и имели прозападное настроение. Это также могло быть одной из причин сложного и длительного пути нововведений в Россию.

Примечания

¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории: в 4 т. Т. 3: Московское царство / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетея; С.-Петербург. ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2000. С. 284.

² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. С. 48.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 228.

⁵ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания. XVI – 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку МГУ. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 11.

⁶ Воссоединение Украины с Россией. Т. 2. С. 409.

⁷ Там же. С. 403, 407.

⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. С. 342.

⁹ Там же. С. 343.

¹⁰ Там же. С. 299.

¹¹ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 197.

¹² Там же. С. 197.

А. В. Репников

г. Москва

С. Ф. ШАРАПОВ – КОНСЕРВАТОР ИЗ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Имя и труды Сергея Федоровича Шарапова стали возвращаться к читателям недавно¹. Были защищены две диссертационные работы о нем², опубликован сборник³ и целый ряд статей. В Музее Вязьмы существует небольшая экспозиция, в которой представлены вещи и книги из имени Шарапова. Однако его наследие еще ждет профессиональных исследователей. Практически вне поля зрения исследователей остаются и художественные произведения Шара-

пова. Государственный архив Смоленской области располагает фондом принадлежащих Шарапову документов, насчитывающим более тысячи наименований. Фонд включает автобиографию, дневники публициста, вырезки из газет, посвященные его деятельности, переписку с различными лицами, в том числе с И. С. Тургеневым, В. Г. Короленко, В. М. Васнецовым, К. П. Победоносцевым, черновики статей и художественных произведений⁴.

Сергей Федорович родился 1 июня 1855 г. в имении Сосновка, Вяземского уезда, Смоленской губернии, в родовитой дворянской семье Федора Федоровича и Лидии Сергеевны. Имение вместе с хутором Курьяново было приобретено отцом незадолго до рождения сына. В 1868 г. С. Ф. Шарапов поступил во 2-ю Московскую военную гимназию, которую с отличием окончил в 1872. Во время обучения проявил большой интерес к литературе, много читал, в первую очередь – художественную литературу. Затем продолжил образование в Николаевском инженерном училище в Петербурге. Впоследствии вспоминал, что «юнкером бывал в тайной типографии и пробовал набирать» какие-то нелегальные тексты⁵. В 1874 г. он был вынужден покинуть училище из-за болезни матери, не кончив полного курса, но получив специальность сапера. Шарапов вернулся в имение Сосновку. В августе 1875 поступил чиновником в канцелярию варшавского губернатора, но его служба была недолгой.

С началом боевых действий на Балканах, Шарапов при содействии Московского Славянского комитета отправился в октябре 1875 г. добровольцем на войну в Боснию. Участвовал в военных действиях до 1 мая 1876 г., затем был захвачен в Загребе властями. Сначала его перепроводили в город Ясберень, а затем сослали в Кичкемет (Венгрия), где он провел год и в мае 1877 был выпущен венгерскими властями на свободу и оказался в Италии. Он бедствовал, пока не пришло сообщение от А. С. Суворина, предлагавшего Шарапову сотрудничество. Из Италии Шарапов проследовал в Грецию, далее в Константинополь; бывал в Вене и Берлине, потом стал парижским корреспондентом «Нового времени». С одной стороны, работа за границей в качестве корреспондента ведущего российского издания позволила Шарапову приобрести уникальный опыт. Он выработал свою манеру письма, часто напрямую обращался к читателю, был не чужд юмора и наблюдательности. С другой стороны, привычка к сенсационной подаче материала и склонность к резким оценкам сослужили ему плохую службу. Он рассорился с И. С. Тургеневым, когда вопреки своему обещанию опубликовал резкий отзыв последнего о герцоге де Бройле, чем вызвал досаду известного писателя. Даже в консервативной среде на Шарапова смотрели, как на скандального публициста, и он признавался: «Мои товарищи по изданиям рассыпались... При славянофильстве не осталось почти никого, а так как я ни о каких компромиссах не хотел и думать, то у алтаря остался один я, едва ли не в качестве заштатного жреца при упраздненном храме... Ушедшие вправо задыхаются от зловония, распространяемого союзниками и националистами, и осуждены выбирать между грызущимися между собою “светилами” в роде о. Восторгова, Пуришкевича, Дубровина, Маркова 2-го и прочей милой компании»⁶. В итоге излишняя «бойкость» стили и попытки

прорекламировать себя, используя страницы «Нового времени», приведут к разрыву Шарапова с Сувориным.

В 1875 г. состоялось знакомство Шарапова с И. С. Аксаковым. Сергей Федорович сотрудничал в газете «Русь», заведя там земским, а впоследствии и экономическим отделом. В разные годы он публиковался в самых различных изданиях: «Смоленском вестнике», «Голосе Москвы», «Промышленном мире», «Русском листке», «Вече», «Московском еженедельнике», харьковском «Южном крае», кадетской «Речи», черносотенной газете «Свет», журнале «Земля» и других органах печати. Как и Аксаков, Шарапов испытал давление цензуры, когда с 1886 г. начал издавать и редактировать газету «Русское дело» (1886–1890 и 1905–1907), финансируемую московским купцом-старообрядцем Д. И. Морозовым. Поначалу он хотел продолжить издание «Руси», но это ему не удалось, и тогда он основал собственную газету. В итоге издание «Русского дела» стало, по словам Шарапова, «сплошным литературным мученичеством». Газета получала предостережения за критику правительства (1888, 1889) и в итоге была временно приостановлено⁷. 23 июня 1890 г. Шарапов с отчаянием писал о своем издании К. Н. Леонтьеву: «Мое “Русское Дело” окончательно погибло, дорогой Константин Николаевич...»⁸. Затем Шарапов создал и выпускал газету «Русский труд» (1897–1902 с перерывами). В литературном отделе газеты публиковался В. В. Розанов, но общий стиль изданию задавали передовые статьи самого Шарапова. Газету постигла та же участь, что и «Русское дело». В 1883–1884 гг. Шарапов выпустил несколько номеров газеты «Деревня». Далее последовала «Русская беседа», которая разделила судьбу предыдущих изданий. На свет появился «Мой дневник», в виде отдельных брошюр. Название по цензурным соображениям пришлось упрятать внутрь, а на обложку были вынесены нейтральные названия: «Сугробы», «Посевы», «Жатва», «Заморозки», «Пороша», «Метели» и т. п. В 1903 г. Шарапов начал издавать журнал «Пахарь», а в 1904 ненадолго возобновил издание «Русского дела». Еще одной попыткой прорыва информационной блокады стало издание «Свидетеля», выходявшего в Москве с августа 1907 г. по декабрь 1910⁹. «Считая себя идейным наследником традиций классического славянофильства, Шарапов стремился сделать журнал своеобразным прототипом Земского собора, где многообразие мнений в конечном счете сводилось бы к общему знаменателю. На практике Шарапов либо публиковал статьи, соответствующие его собственным воззрениям, либо перепечатывал полемические выпады оппонентов (в числе которых были П. Н. Милюков, Н. А. Павлов, А. Я. Антонович и др.), оставляя последнее слово за собой»¹⁰. В последнем номере «Свидетеля» (датирован декабром 1910, вышел не ранее мая 1911 г.) Шарапов объявлял о прекращении издания и заявил о желании приступить к написанию мемуаров, которое, однако, не осуществилось.

Шарапов также издал «Московский сборник» (М., 1887), куда помимо его работ вошли произведения М. Д. Скобелева, А. А. Киреева, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова и др., и сборник «Теория государства у славянофилов» (СПб., 1898), включавший труды И. С. и К. С. Аксаковых, А. В. Васильева, А. Д. Градовского, Ю. Ф. Самарина. Шарапов был автором ряда художественно-публицистических

произведений. Это пьесы «Освободители», «Ястреб и вороны», «Горчичник», роман «Чего не делать?» и «выросший» из него роман «Кружным путем», утопия «Через полвека», политическая фантазия «Диктатор» и др. Он много переводил со славянских языков, издав два сборника «Восточные цветы» (М., 1894; М., 1902); пытался, хотя и не очень успешно, пробовать себя в поэзии. Многие свои работы он подписывал псевдонимами: Земледелец, Талицкий, Очевидец, Н. Гвоздев, Лев Семенов, М. Зинин и др. Историк Т. М. Кирютина поясняет одну из причин появления псевдонимов. Когда в период революционных событий публиковалась утопия «Диктатор», то «низкая популярность Шарапова в обществе в этот период вынудила его скрывать свое авторство под псевдонимом Лев Семенов»¹¹. Как вспоминал Ю. С. Карцов, «в Главном Управлении по делам печати, в противоположность “ручным” редакторам – Суворину, князю Мещерскому, князю Ухтомскому и другим, Шарапова называли “диким”»¹².

Деятельность Шарапова не ограничивалась публицистикой. Вернувшись, осенью 1878 из-за границы на родину, он вышел в отставку и занялся сельским хозяйством, поселившись в Сосновке. Имение находилось в запустении, и он начал активно развивать его. Шарапов прославился как изобретатель плугов новой системы, основав 5 ноября 1878 г. мастерскую по их изготовлению. Впоследствии эти плуги с успехом экспонировались на многих выставках (их создатель получил 16 наград на всероссийских и международных выставках, в том числе 10 первых). «В 1903 г. российское Министерство земледелия послало через Гамбург коллекцию плугов общества “Пахарь” на сельскохозяйственную выставку в Аргентину. Министерство обратилось с просьбой к секретарю миссии в Бразилии А. Грегери “оказать содействие тому, чтобы было проведено возможно более обстоятельное и подробное практическое испытание плугов общества”. Русские экспонаты, в частности коллекция сельскохозяйственного инвентаря, имела большой успех на выставке...»¹³. В России же была даже устроена показательная пахота в присутствии императора Николая II¹⁴. Однако в итоге шараповское акционерное общество «Пахарь» разорилось.

Шарапов пытался заниматься и политикой, но неудачно. Непродолжительное время он являлся одним из учредителей и руководителей Союза русских людей (СРЛ), входил в состав его Исполнительного совета (1905). Участвовал в составлении программы Союза землевладельцев (1905), стоял у истоков Русской народной партии (1905), в которую хотел преобразовать СРЛ. Вел активную общественную деятельность, неоднократно выступал с докладами в Русском собрании, вместе с тем дистанцируясь от монархических организаций, подчеркивая, что не принадлежит ни к какой партии и в печати и литературе стоит особняком.

Свои надежды Шарапов связывал с сильным самодержавным государством, которое, опираясь на систему самоуправления, смогло бы добиться приведения капиталистического «потока» в некоторые рамки. Защищая отечественного производителя (особенно в области сельского хозяйства), Шарапов резко отрицательно отнесся к политике привлечения в Россию иностранных капиталов, утверждая, что этот капитал, овладевает «русскими национальными

богатствами, предприятиями и землями» и не работает на отечественную экономику¹⁵. Он сетовал: «...на наших глазах происходит явление, не только прискорбное, но и глубоко постыдное для великой державы. Идет массовый переход драгоценнейших национальных имуществ в иностранные руки. В гигантскую распродажу пущено все: богатейшие золотоносные площади, единственные в мире залежи платины, драгоценнейшие железные руды вместе с сотнями тысяч десятин земель и лесов и многомиллионным заводским населением, работавшим сотни лет на местных заводах, ныне сплошь гибнущих, сплошь прекращающих работу. Сердце кровью обливается, глядя на наш несчастный Урал, разоренный и голодный, на нашу Сибирь, где от Перми и до самого Чукотского мыса скоро не останется, по-видимому, ни одного крупного промышленного дела в русских руках»¹⁶.

Шарапов последовательно отстаивал существование общины, представлявшей, по его мнению, нравственный регулятор отношений в крестьянской среде, само существование которого имеет огромное духовное и воспитательное значение для ее членов, не случайно Шарапов употребляет в одном ряду слова «община» и «соборность». Шарапов считал, что община представлял собой устойчивую хозяйственную организацию, которая, с одной стороны, препятствует разорению крестьянства, а с другой – способствует быстрому распространению полезных нововведений. Конечно, сначала община крайне настороженно относится к любым новациям, но зато всякое частное улучшение, произведенное в общине, подхватывается затем всей остальной массой. В то время как «община обладает тысячью орудиями самосохранения», отдельный хозяин, особенно хуторянин, «страшно неустойчив». Что касается имеющей место деградации общины, то она связана не с ее вырождением, а с отсутствием продуманной государственной системы покровительства общинному землевладению.

Шарапов отрицательно отнесся к столыпинской аграрной реформе. По его мнению, Столыпину было свойственно «самое поверхностное и чисто бюрократическое знание России при глубоком убеждении, что он знает ее в совершенстве. Бьющий в глаза оппортунизм при склонности к малодушным компромиссам. Невероятный апломб самоуверенности и непогрешимости, показной конституционализм и либерализм при величайшем каждую минуту прорывающемся самовластию и деспотизме и при этом достаточный запас легкомыслия и рисовки красивыми фразами и жестами»¹⁷. Шарапов неоднократно выступал на страницах своих изданий против разрушения общины. «Община не отучает, а приучает к собственности. Но у нее собственность иного вида, чем у нас. Там она семейная и основана не на мертвой букве закона, а на верной расценке труда каждого из членов семьи. Эта расценка изумительно точна», – писал Шарапов, предлагая направить средства для технического подъема земледелия, организации агрономической помощи и устройства переселений¹⁸. Он приветствовал переселенческую политику, считая, что она не только устранил земельную тесноту в отдельных регионах, но и поможет закрепить за Россией окраины. Высказывался против уничтожения крупных частных владений и разрушения общины, считая, что разрушение дворянского землевладения

повлечет за собой дальнейшее падение уважения крестьян к собственности, а разрушение общины подорвет в народе начала коллективизма. Он утверждал, что финансовая поддержка нужна не тем немногим крестьянам, которые ушли на хутор или в отруб, а самой общине. Тогда, при сохранении общинной формы землевладения, постепенно, с ростом культуры, переход к подворному владению произойдет сам собой.

Шарапов до конца жизни оставался консерватором из русской провинции. В письме к И. С. Аксакову он так описал свои чувства: «Поеду в деревню с книгами и опять стану вплоть до Вашего возвращения в сентябре плуги строить. Если б Вы знали, какая глубокая поэзия в этом деле. Приходит мужик, долго, долго смотрит на плуг, переворачивает и ощупывает его, затем уносит. В этом плуге есть кусочек моей души. Я провожаю уходящего глазами и чувствую, что этот кусочек моей души оторвался от меня и слился со стихией. Это похоже на посев, но зерно севец только подержал в руках и не придал ему ничего своего, он лишь вершитель таинства. А здесь простой кусок железа облекся в форму, создавшуюся у меня, я ее творец, и эта форма и самая идея уходят далеко, иногда на самый конец России, и живут там неразрушимо, долго, долго, создавая мне нравственное общение с неведомыми мне людьми. Буду опять сам пахать – в этом тоже громадное наслаждение»¹⁹.

Сергей Федорович скончался 26 июня (ст. ст.) 1911 г. в Петербурге. Гроб с его телом был перевезен в Сосновку «на собранные среди друзей деньги», поскольку мыслитель так и не скопил состояния, «и после смерти его... ничего не осталось»²⁰. Ю. С. Карцов вспоминал: «Умер Шарапов в бедности, оставив семью почти без куска хлеба»²¹. В последний путь Шарапова провожали его крестьяне. 30 июня в селе Заборье состоялись похороны в фамильном склепе у церкви. Его идеи не были восприняты современниками, и Карцов отнес его к числу «несчастливцев Гамлетов консервативной печати»²², отметив, что «чуждый зависти, искренне доброжелательный, друзей и единомышленников – Н. А. Хомякова, Д. А. Тимирязева, А. В. Васильева, Г. В. Бутми, П. В. Оля – в статьях своих не только расхваливал Шарапов, но и назначал на высокие государственные посты»²³.

Примечания

¹ См.: *Шарапов С. Ф.* Избранное / сост., автор вступ. ст. и комм. А. В. Репников. М., 2010.

² *Конягин М. Ю.* С. Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Кирютина Т. М.* Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX в. С. Ф. Шарапов: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2001.

³ С. Ф. Шарапов. Жизнь. Дела. Наследие: науч.-практ. конф. Вязьма, 2005.

⁴ *Кирютина Т. М.* Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX в. С. Ф. Шарапов. С. 4.

⁵ Цит. по: *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 2. С. 507–508.

⁶ Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. 1910. № 36. С. 6–7.

⁷ «Русское дело» выходило с перерывами: с 1886 по 1890 г., с 1904 по 1907 г. и с 1909 по 1910 г.

⁸ Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 137.

⁹ *Ведерников В. В.* «Свидетель» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энцикл. М., 2010. С. 457–460.

¹⁰ Там же. С. 458.

¹¹ *Кирютина Т. М.* Указ. соч. С. 110.

¹² *Карцов Ю. С.* Хроника распада // Архив-музей БФРЗ. Ф. 1. М-76 (1). Л. 80–81.

¹³ *Путятова Э. Г.* Внешнетрговые связи России и Южной Америки в конце XIX – начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). СПб., 2004. С. 253.

¹⁴ См.: *Шарапов С. Ф.* Пахота в высочайшем Его Императорского Величества присутствии. М., 1904.

¹⁵ Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. 1910. № 31/32. С. 91.

¹⁶ Там же. С. 98–99.

¹⁷ Свидетель. Личный орган Сергея Шарапова. 1907. № 3/4. С. 71.

¹⁸ *Шарапов С. Ф.* Избранное. С. 460.

¹⁹ Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (1883–1886). С. 163.

²⁰ *Эфрон С. К.* Воспоминания о С. Ф. Шарапове // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 751.

²¹ *Карцов Ю. С.* Указ. соч. Л. 85.

²² Там же. Л. 80.

²³ Там же. Л. 82.

С. М. Усманов

г. Иваново

КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

Иван Лукьянович Солоневич принадлежит к числу наиболее спорных авторов русского зарубежья. И для нас в его наследии не все представляется бесспорным и убедительным. Однако многое из созданного этим своеобразным публицистом и общественным деятелем пока недостаточно изучено и мало востребовано в современной России. Тем не менее, более чем полемичная публицистика И. Л. Солоневича, на наш взгляд, заслуживает большего внимания исследователей.

В круге наиболее интересных проблем, поставленных и по-своему осмысленных Солоневичем, находилась, конечно, историческая судьба Российской империи, в том числе и вопросы об истоках, характере и особенностях революционных потрясений в нашей стране в начале XX века. Стоит отметить, что Иван Лукьянович имел свою, очень определенную версию крушения Российской империи. И, как и всегда, он излагал ее хлестко, нелюбезно,

© С. М. Усманов, 2012

нередко – и образно. Но, разумеется, очень тенденциозно. Во всяком случае, тенденциозности Солоневич никогда не боялся, давая волю своим эмоциям.

Один из главных доводов для объяснения революционной катастрофы в России И. Л. Солоневич берет у одного из своих критиков в зарубежье, публициста и военного историка А. А. Керсновского: «Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не были бы страшны все золото мира и все козни преисподней». Впрочем, к этой характеристике Керсновского Солоневич дает свое уточнение, возлагая всю основную вину за крушение старого порядка на «правлящий слой»: «Правящий слой прогнил совершенно. Та трусость и измена, которые так глубоко и трагично поразили Государя императора, вероятно, были неожиданностью только для него. Он видал только лесть. Но ни для Суворина, ни для Победоносцева, ни для Каткова, ни для Тихомирова, ни трусость, ни измена неожиданными не были». Для Солоневича было очевидным, что именно представители данного слоя и составили «Россию Перехват-Залихватских». Об этой России публицист отзывался без всякого пиетета: «Россия стогысячных поместий, проселочного бездорожья, дворянских гнезд, военных поражений, тяжелой внутренней борьбы, культурной отсталости, демократического интернационализма и аристократического космополитизма».

Но, как бы то ни было, именно эта Россия в значительной своей части и составила русскую послереволюционную эмиграцию. Солоневич находит для нее следующее уничтожающее определение – «потонувший мир». «Утопленники со ржавыми ядрами, привязанными к ногам. Кажется, что они стоят, – они не стоят, а только плавают. Кажется, что они двигаются. Но это их просто пошевеливает течение. Мертвые люди, мертвые слова и мертвый мир. Полная и абсолютная безнадежность», – восклицал публицист. И объяснял, почему он торопится похоронить тот «слой», который «Россию проворонил, который с тех пор решительно ни о чем не догадался и который собирается возвращаться в Россию не для “мужика” и не для России, а для разрядных книг и золотых часов».

Все эти беспощадные оценки из статьи тридцатых годов «Пути, ошибки и итоги» объясняются в самом начале статьи, исходя из личных воспоминаний Ивана Лукьяновича как «русского мужика» из Белоруссии. А там, как наминал Солоневич, накануне Великой войны (т. е. Первой мировой) губернатор и другие чиновники заботились не о мужике, а о польских помещиках и еврейских ростовщиках.

В итоговой книге «Народная монархия» И. Л. Солоневич уже более подробно развернул свою аргументацию о бывшем «правлящем слое», установив для себя главного виновника его деградации – императора Петра I. Зато о государе Николае II он всегда отзывался с заметным почтением. Самое большое, на что он здесь мог решиться, – это слегка намекнуть о слишком большой его доброте к своим подданным. «Государь был слишком большим джентельменом», – замечал Солоневич, а между тем, как полагал Иван Лукьянович, императору явно не хватило беспощадности.

Как нам представляется, многие соображения И. Л. Солоневича о причинах упадка и крушения Российской империи весьма образны и метки. Но и нередко слишком односторонни. В этом смысле Солоневич тоже до известной степени поддавался общему духу обличительства, столь сильному среди значительной части «образованного общества» России начала XX века. Было бы куда более обоснованным осмыслить и другие стороны российской действительности предреволюционной эпохи и последующих десятилетий. В том числе и то, как изменился сам «русский человек». Об этом очень интересно, хотя и тоже довольно спорно размышлял в своих поздних произведениях Георгий Петрович Федотов.

Во всяком случае, наследие И. А. Солоневича заслуживает дальнейшего изучения исследователями. Думается, это поможет нам более глубоко постигнуть смысл и особенности тех грандиозных потрясений, которые пережила Россия в XX веке.

О. Б. Панкратова

г. Кострома

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ КОМИССИИ М. С. КАХАНОВА И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА III

Конец XIX века в истории Российского государства – период, наполненный интересными фактами и событиями, до сих пор вызывающими огромный интерес и острые дискуссии. Это время, в котором зарождались условия для возможной серьезной модернизации Российского государства.

Кахановская комиссия была высочайше учреждена осенью 1881 г., взамен существовавшей при Министерстве внутренних дел с 1859 г. комиссии о губернских и уездных учреждениях. В мае 1882 г. приступило к своей работе Особое совещание комиссии М. С. Каханова¹. В состав комиссии вошли ревизовавшие сенаторы (М. Е. Ковалевский, С. А. Мордвинов, А. А. Половцев и И. И. Шамшин) и представители министерств (большую частью товарищи министров). В качестве «сведущих людей» приглашено было 15 лиц из числа губернаторов, губернских и уездных предводителей дворянства и председателей губернских и уездных земских управ².

30 мая 1882 г. министром внутренних дел вместо Н. П. Игнатьева был назначен ярый консерватор граф Д. А. Толстой. Новый министр готов был сразу же приступить к осуществлению программы, намеченной Манифестом 29 апреля 1881 г. Однако правительство Александра III не решалось немедленно проводить в жизнь эту программу, ибо ряд факторов препятствовал этому. Во-первых, внутри правительства шла борьба консерваторов (Д. А. Толстого,

К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова) против умеренно либерально настроенных министров типа Н. Х. Бунге и Д. Н. Набокова. Во-вторых, развивавшиеся капиталистические отношения вынуждали правительство Александра III считаться с объективными потребностями преобразования местного управления, ввиду чего Кахановская комиссия, фактически еще не приступавшая к практической деятельности, могла продолжать свою работу.

К моменту создания Кахановской комиссии система местной администрации страны перестала соответствовать экономическим потребностям государства и становилась ощутимым препятствием на пути модернизации России. В местных учреждениях царил административный произвол и беззаконие, органы крестьянского самоуправления были полностью бесправны, земство поставлено под строгий контроль правительственной администрации и встречало со стороны последней враждебное к себе отношение. Об этом свидетельствовали сенаторские ревизии 1880–1881 гг. и отзывы и предложения земств по реорганизации местного управления, которые и стали предметом рассмотрения комиссии М. С. Каханова.

Разработка Кахановской комиссией проекта реформы местного управления прошла два этапа: первый – с мая 1882 до осени 1884 г. (составление Особым совещанием проекта реформы местного административного аппарата) и второй – с осени 1884 до апреля 1885 г. (рассмотрение проекта комиссией «в усиленном составе» и принятие окончательного заключения по проекту).

Основными источниками для изучения предложений реформирования Особого совещания являются «Очерк предположений большинства членов Совещания Особой комиссией по составлению проектов местного управления» и «Положения об устройстве местного управления как вывод из суждений Совещания Особой комиссией». «Очерк предположений» был составлен Совещанием в период между 1 мая и 15 июня 1882 г. и представлял собою изложение общих оснований будущей реорганизации управления, вскрывал позиции членов Совещания по основным вопросам переустройства. «Положения об устройстве местного управления» явились непосредственным первоначальным проектом реформы, составленным в результате 60 заседаний Совещания с октября 1882 по ноябрь 1883 г. Оба источника находятся в фонде Кахановской комиссии.

«Очерк предположений» состоит из 7 разделов. Первые 6 разделов обосновывали принцип будущего устройства местных учреждений: 1) сельского общества, 2) волости, 3) городского управления, 4) полиции, 5) уездного управления, 6) губернского управления. Раздел 7 намечал общие положения и порядок надзора и рассмотрения пререканий³.

Каждый раздел включал в себя краткий очерк истории той или иной административно-территориальной единицы (волости, уезда и т. д.), характеристику ее положения с приведением ряда фактов и свидетельств ревизовавших сенаторов, констатацию основных, по мнению участников заседаний, недостатков в устройстве и, наконец, основные изменения и нововведения в устройстве органов управления (без излишней детализации). Таким образом, «предположения»

касались всей системы местного управления, от низшего ее звена – сельского общества, до высшего – губернии.

Обращает на себя внимание название документа: «Очерк предположений большинства членов Совещания». Это свидетельствует, что с самого начала работы Совещания среди его участников не было единства во взглядах по многим вопросам. Отдельные члены Совещания не соглашались с мнением большинства (отметим, что такая же картина впоследствии наблюдалась и при составлении Совещанием проекта реформы).

К сожалению, источник не дает указаний, кто же составлял «меньшинство» Совещания в каждом конкретном случае. Можно лишь предположить, что одним из них был Д. В. Готовцев, высказывавший уже в первые дни существования комиссии недовольство ее «широкой компетенцией». Впрочем, в «Очерке предположений» не приведено ни одного «особого мнения» или конкретного примера несогласия кого-либо из участников заседаний с решением большинства. Это, скорее всего, объясняется не только характером документа, но и тем, что разногласия на этом этапе работы еще не достигли особой остроты, хотя сам факт их наличия довольно примечателен.

«Положения об устройстве местного управления...» также состоят из 7 разделов, содержащих в себе 525 статей. Статьи детально характеризовали устройство органов управления после реорганизации, их компетенцию, пределы власти, аппарат руководства и т. д. В отличие от «Очерка», этот вид источника снабжен приложениями и объяснительными записками к каждому из разделов, подробно поясняющими статьи проекта. Объяснительные записки были составлены осенью 1883 г. Основой большинства приложений (схем, таблиц) явились материалы сенаторских ревизий⁴.

В «Положениях» также зафиксированы факты разногласий членов Совещания по отдельным статьям проекта, но, в противоположность «Очерку», здесь во всех случаях указано количество участников заседания, возражавших против принятия той или иной статьи (хотя фамилии тоже не приведены), и дан составленный ими текст дополнений и поправок к статьям.

Это выгодно отличает для исследователя проект от «Очерка предположений» и позволяет проследить не только за тем, какие вопросы стали предметом споров, но и за характером возражений «меньшинства». Однако в обоих источниках прежде всего и наиболее подробно освещается мнение большинства Совещания, а проект реформ является логическим завершением его суждений, статьи его вытекают из выводов большинства о характере и границах переустройства.

Исходя из этого, и «Очерк предположений», и «Положения» при анализе проекта Совещания в целом следует рассматривать не изолированно, а в тесной взаимосвязи, сопоставляя и сравнивая их данные.

Несмотря на то, что Кахановская комиссия была призвана заниматься только положением и состоянием местного административного аппарата и возможными путями его реорганизации, изучение ее работы позволяет четче представить ряд проблем отечественной истории второй половины XIX в.,

а главное – ближе подойти к решению дискуссионного вопроса по поводу характера тех преобразований, которые предполагались и которые, в конечном итоге, состоялись.

Примечания

¹ Михаил Семенович Каханов – (1833–1900) – российский государственный деятель. С 1880 товарищ министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, с 1881 член Государственного совета. В 1881–1885 гг. возглавлял Кахановскую комиссию.

² Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2004. С. 280.

³ Очерк предположений большинства членов Совещания Особой комиссии по составлению проектов местного управления. РГИА. Ф. 1317. Д. 70.

⁴ Положения об устройстве местного управления как вывод из суждений Совещания Особой комиссии. РГИА. Ф. 1317. Д. 71.

А. Н. Баранов

г. Кострома

**ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX В.**

В России всегда были актуальны и социально значимы вопросы, связанные с реформированием и повышением эффективности деятельности органов государственной власти, с качеством оказываемых государством услуг в контексте развития гражданского общества. Данная проблема была особенно актуальна и в начале XX века, в условиях кризиса российской государственности. Российские либералы начала XX века осуществляли поиск адекватной модели реформирования российской государственности, которая соответствовала бы как менталитету граждан Российской империи, так и их социально-политическим потребностям.

Главный идеолог конституционных демократов П. Н. Милюков признавал глубокое своеобразие русского исторического процесса, но при этом не считал его неизменным и неразложимым. И не усматривал в своеобразии природных и исторических условий залога особого совершенства русской культуры – он определял их как тормоз, объясняющий запоздалость ее развития¹. Отражая общие взгляды российской интеллигенции, П. Н. Милюков всячески доказывал, что нет причин думать, что политическое развитие России должно остановиться. Он доказывал, что в России, как и в других странах Европы, военнo-национальное государство постепенно превратится в промышленно-правовое². Каковы бы ни были «коренные различия» России и западноевропейских государств, всем им одинаково присущи «законы политической биологии»,

т. е. общие законы политической эволюции, утверждал П. Н. Милюков, и на известной стадии этой эволюции «политическое представительство является неизбежной формой, совершенно независимо от тех конкретных черт, которые это представительство может принять под влиянием тех или других местных условий данной страны»³.

Как особенность, П. Н. Милюков рассматривает своеобразное место государства в русской истории. С одной стороны, государство выступает как тормоз политизации российского общества, подвергает огосударствлению все его сферы. П. Н. Милюков показывал, сколь всемогуще, вездесуще и всеведуще русское государство и как оно опекает своего подданного⁴. С другой стороны, оно играет прогрессивную роль в качестве созидательного начала, символа общенациональных интересов и единственно реальной силы, противостоящей узкоклассовым эгоистическим стремлениям. Не случайно, отмечает историк, именно по инициативе государства начинались все преобразования в России.

Согласно П. Н. Милюкову, предстоящие преобразования обусловлены двумя основными факторами: эволюционным развитием российского общества и определенным опытом общественно-целесообразной деятельности государства. Наиболее приемлемой формой выступают реформы, направленные на совершенствование и укрепление российской государственности. Первоочередными для России историк называет политические реформы, проведение которых должно быть не только своевременным, но и обусловлено внутренними экономическими потребностями страны. Более того, «политическая реформа должна предшествовать социальной»⁵.

Наряду с государством, носителем идеи общего блага, общенациональных интересов, П. Н. Милюков называет интеллигенцию. Она раньше и лучше других познакомилась с европейскими теориями общественного развития, а также по методу формирования является бессловной средой, которой общенациональные интересы ближе и понятнее.

Доктор права, профессор, член ЦК кадетской партии Б. А. Кистяковский, кроме разграничения социологического и юридического понимания государства, ввел третий, социально-философский взгляд на государство. Развивая мысль немецкой идеалистической классики о том, что право перестраивает государство и превращает его в правовое явление, Б. А. Кистяковский отмечает, что «признать созданием права» можно «только современное конституционное или правовое государство», в котором «власть перестает быть фактическим господством людей и становится господством правовых норм»⁶. Верховенство закона выражается в ряде принципов: 1) деятельность всех, в том числе верховных, органов государства подчинена высшему, конституционному закону; 2) права и свободы человека ограничивают государственную власть; 3) законодательство должно быть согласовано с народным правосознанием, то есть законодательным органом может быть лишь народное представительство. Всеобщее избирательное право и признание неотъемлемых свобод для каждого человека, сочетающиеся с закреплением этих принципов в позитивных нормах, ведут к тому, что

в правовом государстве подданные становятся гражданами. Именно гражданин, в отличие от подданного, «является правовым субъектом, субъектом публичных обязанностей и прав»⁷. В свою очередь власть, имея дело с гражданами, носителями субъективных публичных прав, то есть управомоченными лицами, способными предъявить право притязания к государству, оказывается вынужденной соблюдать законы. Ограниченная монархия, по мнению Б. А. Кистяковского, как дуалистическая, так и парламентарная, даже если конституция была дарована, не может вернуться к абсолютизму, так как этому будут препятствовать требования неотъемлемых прав личности, а также связанность государства «своим государственным строем». Еще одной гарантией обеспечения уважения к праву со стороны государства и его институтов является сила общественного мнения.

В статье «Государство правовое и социалистическое», опубликованной в 1906 году, Б. А. Кистяковский рассмотрел социальное правовое государство, которое обеспечивает право человека на достойное существование. Анализируя право в социальном государстве, Б. А. Кистяковский отмечает, что будет значительно расширена «сфера публичных субъективных прав». К этим субъективным публичным правам, обеспеченным конституционными государствами начала XX века, автор относит свободу личности от государственного вмешательства в частноправовую сферу, право личности на участие в социально-политической жизни, а также право личности на положительные услуги со стороны государства. Правовое притязание гражданина как субъекта публичных прав к государству на расширение этих услуг и означает рост социального характера государства. Исходя из этого, не в силу чувства жалости или сострадания, нравственного протеста против нищеты в современном культурном обществе, а «в силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование, служащее основанием для целого ряда правовых притязаний личности»⁸.

Таким образом, согласно Б. А. Кистяковскому, государство – это правовая организация народа, обладающая всей полнотой ни от кого не заимствованной власти. Правовое государство характеризуется как высшая форма государственности, при которой власть ограничена признанием за личностью неотъемлемых, неприкосновенных прав.

Профессор права, член ЦК Конституционно-демократической партии В. М. Гессен утверждал, что без «организованной системы конституционных гарантий правовое государство немыслимо, невозможно»⁹.

Обосновывая преимущества конституционного строя перед абсолютизмом, В. М. Гессен называет абсолютную монархию «государством произвола», так как абсолютная власть монарха «является юридически свободной, не ограниченной действующим законодательством»¹⁰. Исходя из этого, надзаконный характер власти влечет за собой бесправие граждан, в то время как в правовом государстве конституция гарантирует населению весь комплекс публичных прав. К таким правам относятся: права свободы (свобода вероисповедания, печати, слова, собраний, неприкосновенность личности и т. п.); положительные публичные права

(на образование, на судебную и социальную защиту и т. п.); политические права (право избирать и быть избранным в государственные органы власти).

В основе публичных прав, отмечал Н. А. Гредескул, должен лежать принцип равноправия граждан, который является одним из «необходимых» условий прочности и силы современных государств.

По мнению профессора, председателя юридического общества, члена ЦК Конституционно-демократической партии Г. Ф. Шершеневича, государственная власть находится всецело под санкцией общественного мнения, и этим правила ее деятельности переносятся в сферу морали. Данным тезисом Г. Ф. Шершеневич показывает роль гражданского общества как сферы самостоятельности индивидов, осознающих и отстаивающих свои права и интересы. Заявляя о нравственной ответственности государства перед обществом, Г. Ф. Шершеневич разделяет общую для русского конституционализма идею «ответственного министерства». При этом он отмечает, что если «принять в соображение, что общественное мнение есть санкция нравственных норм, то парламентская система более всего осуществляет примирение государства и морали»¹¹.

Идеологи кадетов были убеждены в том, что создание политических партий в стране является неизбежной и исторически насущной задачей. П. Н. Милоков задолго до появления политических партий в России, читая курс лекций по русской истории студентам Московского университета, сформулировал свое мнение о месте политических партий в жизни страны: «Политические партии не суть, как представляется иным ограниченным и встревоженным умам – опасное бедствие, болезнь государственного тела, а, напротив, необходимое условие и признак здоровой политической жизни народа. Для хорошего гражданина вовсе не есть добродетель – не принадлежать ни к какой партии, а для государственного деятеля сомнительная похвала – состоять вне всяких партий... Современная общественно-целесообразная деятельность имеет целью – возможно большее благосостояние массы, средством – легальную борьбу политических партий, и результатом – усовершенствование государственной организации. Всего этого в России нет»¹².

Политические партии выступают в этой концепции как неотъемлемая часть политической системы страны. При этом лидеры российского либерализма отмечали, что острая межпартийная борьба может помешать нормальному функционированию парламента. Отдавая предпочтение двухпартийной системе, они указывали на то, что в России условия для этого еще не сложились. Отмечалось, что в стране, которая переживает политический, социальный и экономический кризис, совпадающий с началом формирования партийной системы, неизбежно произойдет партийная поляризация, образование многочисленных мелких партий.

Наиболее желаемой идеологам кадетизма представлялась республиканская форма правления. Как подчеркивал В. М. Гессен, республиканским строем «наиболее последовательно и стройно» осуществляется «начало обособления властей», что позволяет свести к минимуму злоупотребления и произвол власти по отношению к гражданам. Именно республика является наиболее «последовательным и полным воплощением демократических идей»¹³.

Но при этом либеральные публицисты и теоретики права подчеркивали, что необходимо учитывать национальные, социальные и культурные особенности каждого народа в ходе проведения реформ. Ими указывалось на приверженность русского народа монархическим традициям, в глазах которого «монарх оставался живым олицетворением государственной идеи»¹⁴. Данное обстоятельство затрудняло установление республики, поскольку, как писал В. М. Гессен, «...республика будет мыслиться как анархия до тех пор, пока государство мыслится как монарх»¹⁵.

Идеологи русского либерализма, учитывая специфику России, считали решением проблемы установление в стране конституционной монархии как переходной формы правления. Так, Ф. Ф. Кокоскин рассматривал конституционную монархию как «компромисс между началом народоправства и началом абсолютизма»¹⁶. При этом В. М. Гессен полагал, что конституционная монархия является правовым государством, потому что, во-первых, она построена на принципах обособления властей, во-вторых, закон здесь является «результатом совокупного действия парламента и короны»¹⁷. Парламентская монархия, как указывал Ф. Ф. Кокоскин, сводит «различия между парламентарным монархическим образом правления и республиканским к незначительному минимуму»¹⁸.

В. М. Гессен одним из основных принципов парламентаризма называл право народного представительства влиять на политику правительства и определять его направление. Данное право, по его мнению, могло быть реализовано в случае зависимости исполнительной власти от законодательной, то есть при ответственности правительства перед парламентом. Кроме того, создание ответственного перед парламентом министерства, по мнению П. Н. Милокова, позволяет обеспечить «фактическое удаление монарха из сферы политической борьбы». Тем самым, в случае политических кризисов ответственность возьмет на себя партийное министерство, монарх же, как сила надполитическая, сохранит свой авторитет в глазах народа.

Идея монарха, который стоит вне политической борьбы различных партий и классов и является олицетворением государства и нации, взята русскими либералами из опыта конституционно-парламентарной монархии Англии¹⁹.

Представители либеральной интеллигенции, ученые-правоведы подчеркивали, что именно на базе права должны складываться взаимоотношения народа и государства, что, в свою очередь, предполагает гарантии политических прав и свобод граждан, а также равенство всех граждан перед законом. Эти принципы государственного общежития, как считали идеологи русского либерализма, могут сложиться только в конституционных государствах, так как именно конституция устанавливает принципы правового государства, основанные на взаимности и в правах, и в обязанностях.

Примечания

¹ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993. С. 37.

² Милоков П. Н. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе. Ростов н/Д, 1905. С. 7.

- ³ Миллюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. Спб., 1907. С. 22.
- ⁴ Миллюков П. Н. Введение в курс русской истории. Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Московского университета в 1894/95 акад. году прив.-доц. П. Н. Миллюковым. М. 1895. Вып. 3. С. 81–82.
- ⁵ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990. С. 266.
- ⁶ Кистьяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 282, 441.
- ⁷ Там же. С. 489.
- ⁸ Там же. С. 344.
- ⁹ Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. Т. 1. М., 1905. С. 145.
- ¹⁰ Гессен В. М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. Т. 2. Спб., 1906. С. 12–13.
- ¹¹ Там же. С. 239.
- ¹² Миллюков П. Н. Введение в курс русской истории. Ч. 2. С. 8–9.
- ¹³ Гессен В. М. Теория правового государства. С. 17.
- ¹⁴ Гессен В. М. О правовом государстве. С. 17.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Кокошкин Ф. Ф. Республика: доклад VII съезду Партии народной свободы 25 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 7.
- ¹⁷ Гессен В. М. Теория правового государства. С. 163.
- ¹⁸ Кокошкин Ф. Ф. Республика. С. 7.
- ¹⁹ Заимствование западного опыта российскими либералами начала XX века отражено в монографии Л. В. Селезневой. См.: Селезнева Л. В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов н/Д, 1995.

С. А. Кабатов, В. А. Тупицына

г. Кострома

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Гончарство является одним из самых устойчивых элементов культуры и древнейшей отраслью производственной деятельности человека. «Оно складывается исторически, вбирая в себя опыт не только прошедших, но и живущих поколений»¹. Гончарство – это система взаимосвязанных навыков труда гончаров на всех ступенях производства, передающихся из поколения в поколение. Оно является результатом сложного взаимодействия социального и технико-технологического опыта производителей². Гончарство относится к тем отраслям производственной деятельности человека, которые активно откликаются на запросы и потребности общества и следовательно согласуются с состоянием общества и его стандартами, что позволяет судить об обществе в целом. Исследование производства гончарной посуды позволяет реконструировать

уровень экономического развития общества, процессы смешения, взаимовлияния и взаимообогащения этносов.

Основной наиболее массовой керамической посудой Древней Руси были кухонные печные сосуды – горшки, крышки, жбаны, миски, сковородки. Важным этапом в производстве керамических изделий являлось добывание и подготовка глины. Гончар должен был прекрасно разбираться в ее качестве и путем примесей и смешивания разных сортов получать наилучшую для работы массу.

Сырьем для промысла в нашем крае служила исключительно местная глина. Добывали ее зимой, копая яму, называлось это «рыть печуры». После чего глину «окамывали», т. е. обухом топора сбивали в комья 20–25 кг весом. В деревне Абрамово, Костромской области, для сбивания глины употреблялся деревянный молот³. В деревне Погост, Костромской области, где пласт гончарной глины состоит из двух слоев (желтой тяжелой и голубовато-серой эластичной), оба сорта смешивали еще при сбивании в комья⁴.

Наиболее древней конструкцией гончарного круга является круг с грибовидным диском. Такая конструкция круга использовалась в Костромском Поволжье, что подтверждается этнографическими и археологическими источниками. Для керамической посуды, изготовленной на вышеупомянутом гончарном круге, характерно наличие следов техники налепа, бортика по краю дна, следы подсыпки. На территории Костромского Поволжья данный вид посуды встречается повсеместно, как на сельских поселениях (с. Вежи, раскоп I: по коллекционной описи № 217, 222, 467, 1107 и др.)⁵, так и в городских слоях (г. Кострома, пр-т Текстильщиков, 21 по коллекционной описи № 63, 117, 118, 197, 201, 1011, 1012 и др.)⁶. В разных районах круг отличался некоторыми конструктивными особенностями. Л. С. Китицына выделяет два вида гончарных кругов: круг с низкой скамейкой (17–27 см) и круг с высокой скамейкой (43–49 см). Круги первого типа были распространены в юго-западных районах Костромского Поволжья, второй же тип бытовал в северо-западных районах.

Главными орудиями гончара при формовке и отделке посуды служили деревянные ножи, бочарки, орнаментеры, что также подтверждается археологическими находками Костромского Поволжья (с. Вежи, раскоп I: по коллекционной описи № 17, 29, 56, 59; раскоп II: по коллекционной описи № 26, 39, 69–74, 88–95, 169 и др.)⁷.

В процессе формовки сосуда мастер подсыпает на середину круга немного золы и на нее выкладывает комок глины в виде колоба. Вращая левой рукой круг, правой мастер расколачивает колоб в лепешку – это «зачин» горшка. Затем согнутым указательным пальцем водит по дну от центра к краям по радиусам, поднимая, таким образом, края дна и утончая его середину. Чтобы выровнять середину, на дно налепляется спиралью тонкий жгутик глины, который разглаживается. Другим тонким жгутиком дно примазывается к кругу. Затем мастер раскатывает кусок глины ладонью на лавке в цилиндрический валик, который носит название «скалка». «Скалку» налепляют на дно с внутренней стороны. Круг в это время вращается против часовой стрелки. После этого круг начинают быстро вращать в противоположную сторону, сглаживая при этом пальцем шов

с внешней стороны. Затем подготавливают край для наделки следующего жгута: проводят концом пальца по краю с внутренней стороны, утончая и заостряя его. Это повторяется после наводки каждого жгута. С пятого жгута горшок начинают сужать⁸.

Завершается формовка и отделка сосуда под чищением его внешней поверхности. Следующая стадия формовки называется «пузить» сосуд, т. е. горшку мастер придает выпуклую форму. После этого производится окончательная зачистка внешней поверхности, теперь уже в нижней части сосуда. Стенки сосуда выглаживают мокрой тряпкой, удаляя крупные примеси.

К отделанному сосуду, если это нужно, «примазавают» дужки или делают носики, наносят орнамент. Сосуд снимают с круга, захватывая его около дна обеими руками либо срезая, и переставляют на стол или лавку. Формовка одного крупного сосуда занимает около часа⁹.

Описанный способ формовки посуды при помощи кольцевого налеса применялся на территории Костромского Поволжья обычно для изготовления крупных сосудов (Буйский район: по коллекционной описи № 12–14, 45¹⁰; с. Вежи, раскоп I: по коллекционной описи № 6, 58, 1154¹¹). Чаще употреблялся смешанный налес: нижняя часть сосуда делается спиралью, в широкой же части ряды накладываются кольцами (г. Нерехта, ул. Красноармейская, 40, раскоп I: по коллекционной описи № 7–8¹²; г. Кострома, ул. Симановского, 8в, по коллекционной описи № 214, 297, 617¹³).

Данные о кольцевом налесе в костромском гончарстве расширяют известную ранее область распространения этого метода и подтверждают мнение исследователей Я. В. Станкевича и Г. С. Масловой¹⁴, что, вопреки утверждению М. В. Воеводского¹⁵, считавшего спиральный налес единственным способом жгутовой техники, кольцевой налес – явление, далеко не редкое.

Описанные выше способы выработки посуды позволяют сказать, что мнение Д. К. Зеленина¹⁶ о тесной, органической связи двух налепных техник (кольцевой и спиральной) подтверждается на материале костромского гончарства, где оба вида налеса прослежены не только в пределах одного селения, но и при выделке одного сосуда¹⁷. Объяснение выбора того или иного способа Д. К. Зеленин видит в свойствах глины. Эластичная глина допускает спиральный налес, так как при отсутствии этого качества длинные жгуты ломаются. Костромской материал дает иную картину. Спиральный налес распространен по преимуществу в районах наиболее примитивного гончарства, где грубая глина не поддается вытягиванию. Жгуты растягивают тонкие и длинные, остов горшка выводится с выпуклыми боками, для того чтобы его как можно меньше приходилось распирать. Кольцевой же налес в чистом виде и смешанный налес встречены в пунктах, где глина хорошо поддается вытягиванию. Жгуты при этом способе делают толстыми и при налесе сильно расплющивают. Таким образом, предположение Д. К. Зеленина о связи кольцевого налеса с грубой глиной не подтверждается.

Вопрос о том, какой из двух видов налеса древнее, не нашел окончательного решения в археологической и этнографической литературе. Что касается

Костромского Поволжья, можно предположить, что оба вида налепа существовали здесь параллельно.

После изготовления посуда просушивалась два дня, затем производилась ее «поправка». Крупную посуду обжимали руками, выправляя кривизну, образовавшуюся при просушке, а затем помещали в горячую печь для закалки.

В деревне Погост белая русская печь имела приспособление, которое роднит ее с горном: по бокам устья сделаны четырехугольные отверстия – «прогары», в которые при обжиге подбрасывают дрова. Костромские горны по своей конструкции близки московским горнам XV–XVII вв., известным по раскопкам на р. Язуе¹⁸.

В Красносельской волости «горно» помещалось в «заводе» и представляло собой круглый (в плане), слегка бочкообразный «чан», сложенный из кирпича. «Чан» врыт в землю, его верх находился на уровне пола¹⁹.

Обварная посуда в разных местах носит названия «серая», «черная», «пестрая», «рябая». Она изготовлялась в Костромской области повсеместно (г. Кострома, ул. Симановского, 8в: по коллекционной описи № 81, 88²⁰; Красносельский район, 1999 г.: по коллекционной описи № 52²¹; г. Кострома, ул. Галичская, 19: по коллекционной описи № 7²²), но постепенно была вытеснена поливной посудой (г. Кострома, ул. Лесная: по коллекционной описи № 21–26, 34–35²³; Чухломской район, 1998 г.: по коллекционной описи № 1–3, 11–16²⁴; г. Кострома, ул. Красная Слобода, 26: по коллекционной описи № 3–5, 9–10, 26–28²⁵).

Способ изготовления серой посуды состоял в том, что раскаленные докрасна горшки погружали в холодный мучной раствор. Готовили обвар из распаренного, высушенного жмыха. Раскаленные горшки вынимали из печи и купали в «обваре». Обварная посуда становилась бурой, с темными подтеками и пятнами. Маслянистый жмых придавал пестроту поверхности сосудов. Таким образом, обварка преследовала несколько целей: сделать горшок прочным, водонепроницаемым и украсить его.

Мореная посуда менее распространена в Костромском Поволжье, чем обварная. Посуду, предназначенную для моренья, когда она несколько подсыхла, ложили гладким камешком, затирая при этом все царапины. По плечикам горшки орнаментировали зигзагообразной линией (г. Кострома, ул. Галичская, 19: по коллекционной описи № 9–10, 18, 20²⁶). Обжиг мореной посуды продолжался около пяти часов, после чего в печь подбрасывали сосновые дрова или осиновую кору и наглухо замазывали заслонку. Так посуда морилась еще несколько часов, приобретая за это время черный цвет с синеватым отливом.

Самым распространенным видом украшения горшка на территории Костромского Поволжья являлся графический орнамент (г. Кострома, пр. Текстильщиков, 21: по коллекционной описи № 5, 6, 79, 94 и др.)²⁷. Он наносился на сырую посуду на медленно вращающемся круге. Основным орудием для нанесения такого вида орнамента служил нож. При помощи ногтя украшали мелкими насечками или гофрировали рубчики ребристой посуды.

Наиболее интересным способом украшения посуды является нанесение узора при помощи штампов – чеканов (г. Кострома, территория, ограниченная

пр. Текстильщиков, ул. Комсомольской и Симановского, ул. Ленина: по коллекционной описи № 69–74, 88–89, 203, 246, 289 и др.). Способ этот был известен еще городским гончарам Древней Руси²⁸. Простейшие «чеканки» представляют собой круглую деревянную палочку, на конце которой вырезан узор.

В деревне Петровское такие штампы назывались «писками». Они делались из глины или дерева. Распространенными мотивами писок являются елочный, зубчатый и шашечный (120, 184, 187, 255, 1022–1023, 1177, 1214)²⁹. Гончары обычно изготавливали штампы сами. Это давало возможность мастеру проявить художественные наклонности не только в пределах традиционного геометрического узора, но и в области сюжетного рисунка.

Эмпирический характер знаний гончаров делал необходимым строго придерживаться постоянных правил работы с глиной, что неизбежно вело к консервации определенных приемов работы и сложению традиционных способов изготовления керамики. Производство посуды даже в среде сельского населения Костромского Поволжья как минимум уже с XV в. было ремесленным.

Результаты археолого-этнографических исследований Костромского Поволжья, таким образом, позволяют проследить весь процесс технологии изготовления гончарной керамической посуды.

Примечания

¹ *Бобринский А. А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок. М., 1999. С. 4.

² *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С. 46.

³ *Китицына Л. С.* Прimitивная форма гончарства Костромской области. М., 1964. С. 149.

⁴ *Козырев Я.* Гончарное производство. Солигалич, 1925. С. 28–29.

⁵ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 1999 г. / сост. С. А. Кабатов, 1999. С. 110, 112, 116.

⁶ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических раскопках в г. Костроме по проспекту Текстильщиков, 21 (на месте строительства жилого дома) в 2006 г. / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2007. С. 124, 125.

⁷ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 1999 г. С. 108, 110, 115, 117, 118.

⁸ *Китицына Л. С.* Указ. соч. С. 153.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических исследованиях Буйского района в 1996 г. / сост. С. А. Кабатов. Йошкар-Ола, 1996 г. С. 19–21.

¹¹ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических исследованиях на селище Вежи в 2009 г. Т. 1–2 / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2009. С. 98, 99, 103.

¹² *Кабатов С. А.* Отчет об археологических исследованиях в г. Нерехте в 2010 г. / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2010. С. 24.

¹³ *Кабатов С. А.* Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2008 г. Т. 1–2. Кострома / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2009. С. 117, 119.

¹⁴ *Маслова Г. С.* Гончарство русского населения Восточной Сибири // КСИЭ. 1962. Вып. XXXVII. С. 13–14.

¹⁵ *Воеводский М. В.* К истории гончарной техники народов СССР // Этнография. Кн. 12. № 3/4. М., 1930. С. 59.

- ¹⁶ Зеленин Д. К. Прimitивная техника гончарства «налепом» в Восточной Европе. Этнография. М., 1927. С. 104.
- ¹⁷ Китицына Л. С. Указ. соч. С. 154.
- ¹⁸ Малъм В. А. Горны Московских гончаров 15–17 вв. М., 1943. С. 44.
- ¹⁹ Китицына Л. С. Указ. соч. С. 154.
- ²⁰ Кабатов С. А. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2008 г. С. 116, 117, 120.
- ²¹ Кабатов С. А. Отчет о проведенной археологической разведке в Красносельском районе Костромской области в 1999 г. // сост. С. А. Кабатов. Кострома, 1999. С. 12, 13.
- ²² Якухин А. Ю. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме (ул. Галичская 19) в 2008 г. / сост. С. А. Кабатов, А. Ю. Якухин. Кострома, 2008. С. 9, 10.
- ²³ Кабатов С. А. Отчет о проведенных археологических исследованиях культурного слоя при прокладке «Зоновой волоконно-оптической линии передачи Кострома – Красное» на участке, расположенном по адресу: г. Кострома, ул. Лесная, в 2002 г. / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2002. С. 13, 14.
- ²⁴ Кабатов С. А. Отчет об археологических исследованиях в Чухломском районе в 1998 г. / сост. С. А. Кабатов. Йошкар-Ола, 1998. С. 18.
- ²⁵ Якухин А. Ю. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме в 2010 г. по ул. Красная Слобода 26, Комсомольская 48/16 / сост. С. А. Кабатов, А. Ю. Якухин. Кострома, 2010. С. 21, 22, 54, 55.
- ²⁶ Якухин А. Ю. Отчет об археологических исследованиях в г. Костроме (ул. Галичская, 19) в 2008 г. / сост. С. А. Кабатов, А. Ю. Якухин. Кострома, 2008. С. 9, 10, 11.
- ²⁷ Кабатов С. А. Отчет об археологических раскопках в г. Костроме по проспекту Текстильщиков, 21 (на месте строительства жилого дома) в 2006 г. / сост. С. А. Кабатов. Кострома, 2007. С. 123, 124, 125.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 343.
- ²⁹ Кабатов С. А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 1999 г. С. 110, 111, 112, 116.

Д. В. Сидоров

г. Кострома

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 80-Е ГГ. XIX В.

При разносторонних подходах (формально-юридическом, ведомственном, регионально-управленческом, социокультурном, концепции неформальных факторов, системного кризиса) к изучению системы губернской власти Российской империи в отечественной исторической науке все исследователи признают, что период последней четверти XIX – начала XX в. характеризуется трансформацией институтов местной власти в инструменты для сдерживания оппозиционного движения, гиперцентрализацией власти¹.

Реформирование структур крестьянского сообщества наиболее детально рассматривалось так называемой Кахановской комиссией. Разработка проекта

реформы прошла два этапа: с мая 1882 до осени 1884 года (составление Особым совещанием проекта реформы); с осени 1884 до апреля 1885 года (рассмотрение проекта комиссией «в усиленном составе» и принятия окончательного заключения по проекту).

Рассматривая существовавшую организацию сельского общества большинство Особого совещания отметило, что сельское общество перестало соответствовать его статусу по Положению 1861 г. Оценивая сельское общество как единицу и хозяйственную, и административную, Совещание пришло к выводу о необходимости возможно четкого разграничения этих понятий. Следовало различать собственно крестьянское общество как «сословное общение, основанное на владении земельными наделами по одному акту укрепления», и сельское общество как «совокупность проживающих на его территории лиц, т. е. общественно-административную единицу». По проекту Совещания сельское общество должно было стать организацией всесословной, т. е. включать в себя всех «постоянных его обывателей» и лиц, «имеющих недвижимое имущество или какое-нибудь заведение на праве собственности»².

По проекту Совещания, несколько изменялись права и обязанности сельского старосты. Отныне сход выбирал бы старосту из своей среды сроком на два года (вместо прежнего срока в 3 года)³. Такое сокращение срока службы старосты несомненно было связано с поступавшими с мест сведениями о злоупотреблениях старост, ввиду чего нередко авторитет их в крестьянской среде был весьма невысок. По проекту полицейские обязанности старосты были значительно сокращены по сравнению с Положением 1861 г., хотя и не упразднены полностью. Урезаны были и дисциплинарные права старосты, в частности право ареста, право же штрафа было распространено на всех членов сельского общества⁴. Наконец, если ранее староста всегда председательствовал на сходе, то по новому проекту председатель выбирался на каждом сходе. Таким образом, в структуре сельского общества и управлении сходом проектом намечались некоторые элементы «расширенной» выборности.

В наименьшей степени подвергся изменениям крестьянский волостной суд. С некоторыми изменениями в волости должен быть сохранен волостной суд⁵.

Новая волостная организация представляла бы собою во многом противоречивое явление. Нововведения, предлагавшиеся Совещанием, носили половинчатый характер. Упраздняя прежнюю крестьянскую волость и объявляя новую административную единицу всесословной, Совещание не решилось изменить название этой единицы, сделать управление ею выборным и коллегиальным. Волостель, избираемый органом общественным – земским собранием, подлежал утверждению правительственной администрацией. Волостной суд по существу оставался без изменений и не распространял свою юрисдикцию на все население всесословной волости. Предложение Совещания узаконить сельские суды фактически подчеркивало сословную замкнутость и неравноправие крестьянского населения волости и в будущем.

Таков был проект изменения структур села, составленный СовеЩанием комиссии Каткова. В целом он, несомненно, являлся шагом вперед на пути преодоления дореформенных рудиментов в управлении, вносил в административное устройство модернизационные черты.

Обсуждение проекта комиссией «в усиленном составе» началось с принципов устройства сельского общества. Комиссия в целом приняла предложения СовеЩания о раздельности понятий «сельское общество» и «поземельная община», согласилась с рядом положений проекта сельского управления (о правах и юридическом статусе сельского общества, об обязанностях сельского старосты и т. п.). Однако кардинальные вопросы сельского устройства, в том виде в каком они были даны в проекте СовеЩания, вызвали разногласия и стали предметом дискуссии. 10 членов комиссии из числа «местных деятелей» решительно выступили против положения проекта, предусматривавшего создание всеобщего сельского общества, и настаивали на сохранении сельских обществ «в прежнем, неизменном виде»⁶. Резюмируя аргументацию, необходимо выделить, во-первых, нарушение признания «самобытности» обществ, которое неминуемо в случае включения в них «посторонних членов»; во-вторых, опасение «деморализующего влияния» на крестьян со стороны лиц других сословий⁷.

Обращают на себя внимание выводы комиссии при обсуждении сферы деятельности сельского общества. «Местные деятели» настаивали на принятии пункта, в силу которого общество имело бы право «освободиться от всех лиц податного состояния, от которых оно желает избавиться, путем ходатайства перед властями»⁸. В этом предложении видна попытка удалить из состава общества всех потенциально «беспокойных» его членов, причем сделать это не просто в административном порядке, но во многом руками самих крестьян, по их «ходатайству». Большинство комиссии настояло на том, чтобы считать данное предложение в окончательном проекте «особым мнением». Другое предложение группы Пазухина относилось к вопросу о карательной власти сельского старосты. Если 11 членов комиссии во главе с Кахановым считали возможным предоставить право старосте накладывать «по делам благоустройства и благочиния» штраф в размере до 1 рубля на всех без исключения лица, то «местные деятели» (15 человек) резко воспротивились «посягательству» на права привилегированных лиц и настояли на принятии следующего пункта: «сельский староста не может налагать взыскания на лица привилегированных сословий»⁹.

Остановимся на решении комиссией проблемы крестьянской волости. Комиссия большинством в 19 голосов против 15 отвергла мнение СовеЩания о ликвидации крестьянской волости. Попытка части членов комиссии отстоять этот пункт проекта, ссылаясь на то, что «из 30 губернаторов 15 высказалось за упразднение крестьянских волостей», успеха не имела¹⁰. Единственное, с чем согласилось большинство участников заседаний комиссии, – это с решением СовеЩания сохранить волостной крестьянский суд, внося в него лишь некоторые изменения (избрание судей проводить не на волостном, а на сельских сходах, создать особые судебные околотки и т. д.). Таким образом, комиссия

фактически оставила в неприкосновенности одно из важнейших сословно-крестьянских учреждений – суд.

Противники проекта Совещания утверждали, что крестьянское население якобы настолько привыкло к волости, что никакая ломка ее недопустима. Возможны лишь некоторые изменения, в частности, упразднение волостных правлений как «формально коллегиальных учреждений»¹¹. В этом предложении виден единый курс, проводимый «местными деятелями», – на утверждение единоначалия в управлении.

В вопросе об устройстве волостной организации комиссия единогласно решила, что следует образовать промежуточное звено между уездом и селением – участок. По мнению 10 членов, участок должен был стать исполнительным органом по общему уездному управлению. Во главе его стоял бы волостель, практически это была поддержка проекта Совещания (отклонялось лишь название «волость»).

В противовес проекту Совещания и мнению некоторых членов комиссии, считавших, что волость (или участок) должен возглавить волостель, была выдвинута идея создания должности участкового начальника – главы участка. Эта должность сравнивалась с должностью мировых посредников первого призыва и должна была иметь приблизительно такое же значение. Высказываясь против учреждения должности волостеля, члены комиссии отрицали и необходимость создания специальной должности помощника участкового начальника, считая, что исполнителями всех его поручений должны быть волостные старшины – при условии «бдительного и властного надзора за ними со стороны участкового начальника»¹².

Итак, проект Совещания подвергся существенным изменениям. Основные предположения комиссии были направлены на укрепление вертикали местной, в том числе и сельской самоуправленческой власти. Гипотетически данный проект кардинально повлиял на историю села XIX в., ускорив его социокультурное и экономическое развитие.

Примечания

¹ См., подробнее: *Сидоров Д. В.* Становление и развитие системы взаимодействия государственной власти и земств в провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2009. С. 34–35.

² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2. Д. 462. Л. 9.

³ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 462. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 470. Л. 28.

⁶ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 476. Л. 21.

⁷ Там же. Л. 21–23.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 25.

¹⁰ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 470. Л. 26.

¹¹ Там же. Л. 27.

¹² ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 476. Л. 21.

И. Н. Матвиевский

г. Кострома

**ЛИБЕРАЛЫ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС ПЕРИОДА
I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Среди проблем, стоявших перед Россией в начале XX века, одной из острейших была аграрная. Подавляющее большинство населения страны по-прежнему составляли крестьяне. Благодаря свойственной аграрным странам высокой рождаемости, численность земледельческого населения в России активно увеличивалась, все более остро вставала проблема малоземелья крестьянских хозяйствах. Ситуация усугублялась крайне низким развитием производительности этих хозяйств, что обрекало огромную часть крестьянского населения на нищету. Вместе с тем, значительная часть земельных угодий по-прежнему находилась в помещичьей собственности, что способствовало обострению социальных противоречий в стране.

В годы первой российской революции аграрный вопрос играл едва ли не первостепенную роль среди всех остальных социально-экономических и общественно-политических проблем. Огромного размаха достигают крестьянские выступления, направленные против помещичьего землевладения. Параллельно в этот период в России идет активный процесс партийного строительства. Организующиеся политические партии никак не могли пройти мимо столь злободневной проблемы, как земельный вопрос. Наиболее радикальное его решение предлагали социалистические партии, настаивавшие на ликвидации частного землевладения. Разумеется, этот способ был неприемлем для организовывавшихся в этот период российских либеральных партий, отстаивавших институт частной собственности. Вместе с тем, взгляды представителей правого и левого флангов российского либерализма на решение аграрного вопроса сильно различались. Из всех российских либеральных партий наибольшее внимание этому вопросу уделила конституционно-демократическая, она же пошла значительно дальше праволиберальных партий в предлагаемых способах разрешения аграрного вопроса. Помимо устранения сословного неравенства крестьян и увеличения их землепользования за счет кабинетных, монастырских, удельных и государственных земель (с чем соглашались и октябристы с мирнообновленцами), кадеты предлагали в этих целях отчуждение за счет государства в необходимом количестве части частновладельческих земель, с вознаграждением владельцев по «справедливой», нерыночной цене. В ходе проведения предвыборной кампании в I Государственную думу кадеты, стремясь привлечь голоса крестьянства, активно распространяли свои предложения по аграрному вопросу среди населения.

В Костромской губернии в конце января 1906 года в местной прокадетской газете «Костромская жизнь» было опубликовано предвыборное воззвание костромских кадетов. В нем Костромской отдел Конституционно-демократической

партии (Партии народной свободы) звал в свои ряды всех, «кто искренне сочувствует обновлению родины на началах права и народной свободы, кто стремится к замене мрачного ненавистного приказно-бюрократического строя... новым, более светлым и свободным строем, основанным на неотъемлемых народных правах»¹. В воззвании наряду с другими социально-экономическими и политическими требованиями, ради выполнения которых Конституционно-демократическая партия и шла в Государственную думу, было требование надления крестьян землей в количестве, необходимом для подъема их хозяйства².

Предвыборная кампания прошла для кадетов в условиях острой полемики как с октябристами и другими партиями правого фланга, так и с левыми. Кроме вопроса о целесообразности участия в думских выборах, другим наиболее обсуждаемым вопросом в полемике кадетов с социалистами стал аграрный. Ему было уделено главное внимание на посвященном итогам II съезда партии собрании костромского комитета, проходившего 17 января³. Собрание планировали посвятить ознакомлению с докладом делегата II съезда (З. Г. Френкеля) по аграрному вопросу. Открылось собрание докладом З. Г. Френкеля о результатах съезда. Он изложил решения съезда по аграрному вопросу. Френкель отметил, что предлагаемый Конституционно-демократической партией проект решения этой проблемы отличается (очевидно, от радикальных требований социалистов) «стремлением вывести наиболее жгучий вопрос русской жизни из сферы широких, но мало обоснованных пожеланий на путь строго научного, реально обоснованного и достижимого в непосредственно ближайшем будущем решения»⁴.

Присутствовавшие на собрании социалисты заявляли о том, что созываемая по действующему выборному закону Дума не может считаться настоящим народным представительством, а следовательно, не правомочна решать аграрный вопрос, как и другие важнейшие вопросы государственной жизни. Отстаивавший точку зрения Конституционно-демократической партии, З. Г. Френкель согласился с тем, что решить аграрный вопрос в состоянии только полноценное народное представительство, избранное всеобщим и равным голосованием, но настаивал, что до его появления избранная по закону 11 декабря Дума должна провести соответствующую подготовительную работу.

Френкель защищал и раскритикованное левыми предложение кадетов о выкупе частновладельческих земель за счет государства. Социалисты считали, что бремя этих платежей в конечном итоге ляжет на самих крестьян. На это З. Г. Френкель возражал, указывая, что более 50 % частновладельческих земель заложено в русских и иностранных банках. Если эти земли будут отчуждены без выкупа, то убытки понесут вкладчики русских банков и сберегательных товариществ, вкладчиками которых является масса крестьян, ремесленников и рабочих, отдающих туда свои сбережения. В иностранные же банки все равно придется платить, так как этого требует международная политика.

В ходе предвыборной полемики костромских кадетов с местными октябристами также затрагивался аграрный вопрос. На проходившем 26 февраля предвыборном собрании костромских кадетов З. Г. Френкель посвятил свою речь

аграрному вопросу (настаивал на увеличении крестьянских наделов) и критике аграрной программы октябристов. Ему в свою очередь возражал представитель «Союза 17 октября», врачебный инспектор Иванов. Он выступил резко против увеличения крестьянского землевладения за счет помещичьих земель, так как, по его мнению, крестьяне и с имеющимися у них наделами не справляются⁵.

Костромское отделение Конституционно-демократической партии по своим воззрениям было одним из самых левых в стране, что отразилось и на позиции некоторых видных костромских кадетов по аграрному вопросу. Так, на уже упоминавшемся выше собрании 17 января с заявлением на эту тему выступил видный земский деятель и костромской кадет (вскоре избранный депутатом I Думы от Костромской губернии) П. А. Сафонов. Его речь была направлена против института частной собственности на землю, и в первую очередь против помещичьего землевладения. Уничтожение земельной собственности и предоставление всей земли в пользование тем, кто ее обрабатывает личным трудом, он назвал исторически неизбежным и с моральной точки зрения необходимым. Сафонов указал: «...частное владение в России никогда не играло роли показательного образцового хозяйства, никогда не играло даже простой культурной роли... не было школой, из которой выходили общественные деятели. В роли общественных деятелей частновладельческое хозяйство выставило земских начальников... Вся же работу земств фактически делал так называемый 3-й элемент...

Помещики уже показали, что сделали с деньгами, получаемыми в виде выкупных платежей, они не употребили этих денег на улучшение сельского хозяйства, а большей частью оставили их в заграничных игорных домах»⁶.

Сафонов высказал убеждение, что земля должна быть собственностью нации. Но признал: «Принимая во внимание весь культурный уровень крестьянства, все его бесправие, а главное, отсутствие у крестьян политических запросов... время для национализации земли еще не настало... дополнительное наделение земель теперь явится первым шагом, первую ступенью для дальнейшей работы в этом направлении»⁷.

Проводимая костромскими кадетами активная агитационная работа среди крестьянства губернии принесла свои плоды. Костромская губерния была в числе 7 губерний Европейской России (из 45), где кадеты одержали победу на выборах от крестьянской курии. В I Государственной думе аграрный вопрос занял центральное место. Выдвинутый кадетской фракцией аграрный законопроект предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет кабинетных, удельных и монастырских земель, а также частичный принудительный выкуп помещичьих земель. Партия народной свободы приложила немалые старания для разъяснения этого законопроекта населению и пропаганды его преимуществ в сравнении с земельным законопроектом трудовиков.

В целях укрепления связей Думы с населением осуществлялись поездки членов кадетской фракции в регионы. Костромскую губернию регулярно посещали З. Г. Френкель и Н. А. Огородников. На своих встречах с избирателями они значительное внимание уделяли аграрному законопроекту кадетской фракции⁸.

После роспуска I Государственной думы кадетам на последующих думских выборах в Костромской губернии уже не удавалось повторить своего успеха среди крестьянского населения, так как теперь им приходилось конкурировать за его голоса с социалистами, чьи аграрные программы встречали большее сочувствие среди основной массы крестьян.

Примечания

- ¹ Костромская жизнь. 1906. 24 янв.
- ² Там же.
- ³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 222. Л. 90.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Костромской голос. 1906. 28 февр.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 222. Л. 90.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Костромская речь. 1906. 21 июня.

О. Ю. Соболева

г. Рыбинск

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЕГАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Понятие менталитет/ментальность довольно широко используется в современной историософии. Однако, как правило, говорят о ментальной настроенности различных народов, реже – разных эпох и социальных групп. Тем не менее, именно историческая эпоха рубежа XIX–XX вв. предоставляет такую возможность, ибо дает богатый материал, иллюстрирующий как отличительные качества русского человека, и русского интеллигента в частности, так и особые предпочтения исторической эпохи, отмеченной уникальным взлетом общественной активности.

В силу специфики исторического развития России, создание гражданского общества инициировалось в стране непосредственно самим государством. Так появились земства, а позже – легальные общественные организации, где и началось формирование общественной оппозиции. Появились общественные организации и в Костромской губернии. Появились и начали действовать в самых различных сферах общественной жизни – образовании, науке, медицине, искусстве и др., но на каком бы поприще ни заявляла себя та или иная общественная организация, доминирующим направлением ее работы становилась именно благотворительность.

Эта тенденция отчетливо прослеживается в деятельности региональных общественных организаций, так как на рубеже XIX–XX вв., в отличие от столицы, где под влиянием социалистических идей вся общественная деятельность сильно политизировалась, провинция оставалась носителем русских традиций, культуры в целом.

Замечательный русский философ Н. О. Лосский в качестве особенного качества русского человека отмечал доброту, которая чаще всего проявлялась в нем в виде жалости и сострадания, причем эти качества проявлялись не как абстрактные категории – жалость и сострадание ко всем и во всем, но конкретно – к тем, кто в силу жизненных обстоятельств оказался за чертой бедности. Именно «любовь к униженным и оскорбленным» будет культивировать и великая русская литература.

Кострома издавна славилась своими православными традициями: помощь и милосердие воспринимались еще и как условие спасения души. Не случайно деятельность различного рода обществ, кружков, где доминировало провинциальное купечество, приобрела ярко выраженную филантропическую направленность.

Благотворительная деятельность общественных организаций была направлена на самые разнообразные слои населения, но прежде всего на детей. Так, в начале века в Костроме возникает общество «Помощь детям», действовавшее вплоть до начала Первой мировой войны¹. Среди его учредителей – учителя средних учебных заведений, врачи, земские деятели. Члены Общества оказывали материальную помощь детям из бедных слоев населения, заботились об организации их досуга. Особое внимание уделялось детям-сиротам и беспризорным детям. Для них был организован приют, где дети из малоимущих семей не только получали еду, одежду, но и обучались несложным практическим занятиям: учились шить, вязать, вышивать. Вскоре члены Общества стали преподавать своим воспитанникам общеобразовательные предметы. Медицинскую помощь детям приюта безвозмездно оказывали костромские врачи – члены Костромского общества врачей. Одной из заслуг общества «Помощь детям» стало устройство нескольких детских площадок с качелями, местом для игры в городки и кегли. Так прививались элементарные нормы здорового времяпрепровождения и правила общежития уличным детям и детям рабочих окраин. Зимой по инициативе Общества в различных районах Костромы бесплатно функционировали катки, а для малышей – горки. Летом устраивались прогулки и организовывались загородные дачи-колонии для детей фабрично-заводских рабочих. Нередко просто оказывалась материальная помощь нуждающимся многодетным семьям. Члены общества «Помощь детям» озаботились и просвещением своих подопечных. Часто Общество устраивало детские чтения, которые были очень популярны среди костромской детворы и собирали до 400 слушателей. Под руководством членов Общества дети посещали музей, кинематограф. Столь активная деятельность стала возможной благодаря усилиям местной интеллигенции, которая не жалела сил, времени и собственных средств для оказания помощи детям. Местный театр ежегодно устраивал благотворительные

спектакли в пользу Общества, члены Общества вели активную лекторскую деятельность, все средства от которой также поступали в фонд общества «Помощь детям». Часть доходов шла от аукционов по продаже вещей, специально собранных для этого. Много жертвовали члены Общества. Помогали губернское и уездные земства, городская дума. Считали своим долгом оказывать материальную помощь Обществу и костромские фабриканты. Меценатство соединило инициативу интеллигенции и капиталы предпринимателей: желая изменить мир и человека в этом мире, они предлагали модель переустройства жизни всего общества на основе гуманизма и социальной солидарности.

Провинция, вероятно, еще не знала о таких институтах, как «гражданское общество», «социальная ответственность», но, занимаясь созидательной общественной деятельностью, создавала их.

Необходимо отметить, что все провинциальные общественные организации, прямо не заявляя о благотворительных аспектах своей деятельности, брали ее как приоритетное направление в работе. Особенно много внимания уделялось просвещению: общественность компенсировала народу то, в чем ему отказывало государство, – знания. Сказывалась и некоторая гипертрофированность просвещения в решении социально-политических вопросов и переустройстве общества. Наибольшая популярность на поприще распространения знаний в Костроме была у Общества образования, организационно оформленного в 1907 г. по инициативе известных общественных деятелей А. В. Перелешина и И. В. Щулепникова. Члены Общества читали лекции по геометрии, географии, физике², проводили занятия по французскому и немецкому языкам³, устраивали благотворительные спектакли. В 1911 г. Общество обустривает детскую площадку в фабричных районах Костромы для «более разумной организации досуга детей рабочих» – так появились игровая площадка, мастерские ручного труда, детские библиотеки. Не были обделены и взрослые: по воскресным дням в женском училище на Нижней Дебре работала школа для малоимущих слоев населения города.

Примером филантропии была и деятельность Общества костромских врачей, созданного в 1879 г. Врачи – члены организации – безвозмездно оказывали профессиональную помощь в детских приютах, в фабричных больницах⁴.

Заслуживают внимания и многочисленные общества взаимопомощи, которые в условиях полного безразличия государства к общественным запросам выполняли функции социальной защиты и помощи населению, прежде всего малоимущим слоям. Подобные организации возникали в профессиональной среде учителей, врачей, земских служащих, фабрично-заводских рабочих, мастеровых и др. В отличие от касс вспомоществования, общества взаимопомощи, помимо материальной помощи, принимали на себя заботу о воспитании и образовании сирот членов общества, организацию бытовой помощи семьям, попавшим в сложные жизненные ситуации. Общества устраивали тематические вечера, организовывали краеведческие поездки, способствовали формированию библиотек.

Общественные организации играли значительную роль в культурной жизни провинции, предопределив все последующие направления ее развития. Нельзя не отметить активную позицию местной интеллигенции и буржуазии, которая рассматривала участие в деятельности общественных организаций не как времяпрепровождение, не как забаву, а как особый долг, свою социальную ответственность перед народом, перед малой родиной. Их гражданская позиция во многом обусловила высокую нравственную составляющую и духовность русской провинции.

Примечания

¹ См.: Отчет Костромского общества «Помощь детям» за 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1914. Кострома, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1915.

² Отчет о деятельности Костромского общества образования с 1907 по 1 января 1912 года. Кострома, 1912. С. 8.

³ Там же. С. 15.

⁴ См.: Протоколы общества костромских врачей. 1896–1899 гг. Кострома, 1900.

О. А. Лебедева

г. Кострома

**РОМАНОВСКИЕ МЕСТА В ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТАХ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Романовы и Костромской край – одна из самых популярных тем последних 7–8 лет. Это мы наблюдаем в организации Романовского фестиваля, Романовских чтений (уже 5-х), организации масштабных выставок, работе библиотек, малых чтений и т. д. Востребована тема и в туристической сфере. Можно предположить, что ее значимость в дальнейшем будет возрастать.

При разработке туристических маршрутов по территории края по названной выше проблематике необходимо изучить имеющуюся литературу. Прежде всего, это книга священника Успенского кафедрального собора Е. П. Вознесенского¹, написанная на основе неопубликованных источников, к нашему времени большей частью утраченных, исторический очерк И. В. Рогова и С. А. Уткина «Ипатьевский монастырь»², учебное пособие Е. Ю. Волковой «Костромской край и династия Романовых»³, «Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года»⁴ и другие⁵. Нельзя сказать, что с исторической точки зрения выявлены, изучены, уточнены все стороны пребывания Романовых на территории края, но для организации туристических маршрутов имеющихся материалов вполне достаточно.

Цель статьи – попытаться обозначить романовские места в действующих и возможных новых туристических маршрутах Костромской области.

Один из самых излюбленных туристических маршрутов ведет в Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. В 1613 г. Ипатьевский монастырь защитил, спас Михаила Федоровича Романова от реального врага и тем самым способствовал его восхождению на русский престол. Именно с 14 марта 1613 г., когда Михаил согласился стать царем, закончилась Смута, в России наступил новый этап развития государства. Заметим, что при посещении Ипатьевского монастыря могут быть, а в некоторых случаях и организуются экскурсии разных типов, учитывающих запросы многих категорий граждан России. Прежде всего, это:

- паломнические поездки для людей православных, интересующихся церковной историей, желающих прикоснуться к святыням монастырским, дышать воздухом одной из древнейших обителей, так тесно связанных с родом Романовых;

- исторические или историко-краеведческие экскурсии, проводимые для любителей истории, а может быть, и просто любопытствующих, школьников и студентов;

- архитектурно-градостроительные и искусствоведческие, которые особенно интересны для изучающих искусство и культуру XVI–XIX вв.

Также экскурсии формируют историческое святосознание. На экскурсантов воздействует сам объект или место, где происходили исторические события. Именно он чаще всего производит неизгладимое впечатление.

В современном историко-культурном туризме динамично развивается и другое направление – событийный туризм и исторические реконструкции. Главное в событийном туризме – посещение праздников, фестивалей, исторических инсценировок. Историческая реконструкция – это деятельность по восстановлению реконструкции различных аспектов исторических событий, это «живая история». Речь идет о воссоздании повседневного быта жителей, конкретных событий на основе документа. В таких реконструкциях заняты не только участники, но и зрители, что создает атмосферу сопереживания, дает возможность почувствовать дух времени. Поэтому так много народа собирается ежегодно 27 марта, чтобы посмотреть театрализованное представление на тему избрания Михаила Романова на царство. Театрализация – это модное и востребованное направление в современном туризме. Оно способно привлечь туристов в экскурсионные поездки и посетителей в музеи.

Достаточно активно романовская тематика прослеживается в обзорных экскурсиях по Костроме. Начиная с Екатерины II все представители рода Романовых посещали наш город, чтобы поклониться чудотворной Федоровской иконе и местам, связанным с родоначальником царской династии – Михаилом Федоровичем. Исключение составил Александр I, проехавший осенью 1824 г. по северо-востоку Костромской губернии. Император же Александр II был в Костроме дважды – в 1837 г., будучи наследником престола, и в 1858 г., как глава государства.

Как правило, программы визитов – как многодневных, так и рассчитанных на несколько часов, включали пребывание в монастырях – Ипатьевском и Бого-явленском; присутствие на молебнах, военных смотрах, встречах с духовенством,

дворянами, коробовскими белопашцами, купцами и фабрикантами; посещение приютов, гимназий и т. д.

Интересно, на наш взгляд, экскурсантам будет узнать о тех подарках, которые преподносились горожанам императорской фамилией. Известно, что Екатерина II пожаловала городу герб, по легенде, ознакомившись с генеральным планом реконструкции Костромы, благословила веерное расположение улиц. Когда же она узнала о страшном пожаре 1773 г., выделила из Государственной коллегии экономии на восстановление Успенского собора Костромского кремля огромные деньги – 12 тысяч рублей. С согласия Николая I, посетившего Кострому в октябре 1834 г., на центральной городской площади по проекту В. И. Демут-Малиновского возводится памятник Михаилу Романову и Ивану Сусанину. Открытие памятника состоялось 14 марта 1851 г. при стечении огромного количества народа, в присутствии коробовских белопашцев, щедро одаренных опушенными мехом бархатными шапками с серебряным позументом и символической надписью «14 марта 1851 г.».

Другой известный маршрут уводит в Сусанинские места – село Домнино и его окрестности, бывшую вотчину Ксении Ивановны Шестовой и к родным местам Ивана Сусанина. Это направление позволяет более подробно ознакомиться с историей рода Романовых, обсудить вопрос об Иване Сусанине и его потомках. Проведение экскурсии в интерактивной форме создает особую обстановку начала XVII в., позволяет ощутить величие подвига русских людей, отстаивавших независимость России. Воздействие места еще более усиливается от осознания того, что этот объект несет в себе отпечаток времени, того, что он существует уже на протяжении многих веков и хранит память о событиях 400-летней давности.

На туристической карте Костромской области имеются и другие места, связанные с Романовыми. Это Кологрив, Парфеньев, Галич, Буй. Надо полагать, что в местных музеях представлены материалы о Романовых, а вот ведется ли исследовательская работа, и тем более экскурсионная, сказать сложно.

Один из интереснейших по протяженности и насыщенности событиями, памятниками истории туристических маршрутов проложен в г. Макарьев, в Макарьева-Унженский монастырь. В этих местах бывали Михаил Романов с матерью, будущий Александр II с В. Жуковским. Здесь возможна организация религиозного тура с паломническими целями, участие в религиозных мероприятиях, посещение церквей и святых мест.

Для нас же показалось очень важным в познавательном плане путешествие в с. Красное-на-Волге по старой Кинешемской дороге через единственную в мире Сумароковскую лосеферму; с. Карабаново, где в ограде церкви Воскресения похоронены поэтесса А. И. Готовцева и ее близкие; с. Ивановское, в котором функционирует музей дворян Бирюковых и создан мемориал героев Отечественной войны 1812 г.; родовые владения князей Вяземских, с. Прискоково, где в ограде церкви Рождества Христова нашли упокоение потомки Ивана Сусанина, село Красное с замечательным памятником архитектуры – церковью Богоявления (159) и удивительным интерактивным музеем ювелирного искусства.

Известно, что в Красном бывал Михаил Романов, проездом – Николай II, а в районе с. Прискоково – Александр II.

Как видим, романовские места обладают информативностью, познавательной ценностью, известностью, внешней привлекательностью, достаточно хорошей сохранностью. Они отличаются удобством проезда и неплохим состоянием дорог. Поэтому туристические маршруты по романовским местам должны быть востребованы в большей степени, как весьма значимые для развития туризма в Костромской области. В предверии 400-летия дома Романовых на перспективу возможна разработка тематической экскурсии «Празднование 300-летия дома Романовых в Костромской губернии».

Примечания

¹ *Вознесенский Е. П.* Воспоминания о путешествиях высочайших особ императорского дома Романовых в пределах Костромской губернии. Кострома, 1859.

² *Рогов И. В., Уткин С. А.* Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003.

³ *Волкова Е. Ю.* Костромской край и династия Романовых. Кострома, 2010.

⁴ Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914.

⁵ *Зонтиков Н. А.* Иван Сусанин: легенда и действительность. Кострома, 1997; *Миловидов И.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886; *Скворцов Л.* Материалы для истории города Костромы. Ч. 1. Кострома, 1913.

Е. С. Росляков

г. Омск

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ) О САМОДЕРЖАВИИ И ПАТРИАРШЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ 1905–1917 ГГ.

Деятельность и труды Антония (Храповицкого) в настоящее время представляют большой интерес для исследователей. Имя одного из крупнейших иерархов Русской церкви XX в. в отечественной историографии долгое время освещалось предвзято. Различные аспекты его деятельности вызывали ожесточенные споры. Один из таких аспектов – его отношение к самодержавию. Он, с одной стороны, имел репутацию поборника монархии, с другой – его репутация главного ревнителя возрождения патриаршества воспринималась определенными кругами как желание ущемить власть монарха, ввести в России некое подобие папской власти.

Политические потрясения 1-й русской революции открыли возможность обсуждения церковной реформы, одним из аспектов которой был вопрос о высшем церковном управлении. В 1905 г. архиепископ Антоний написал

© Е. С. Росляков, 2012

записку Синоду «О патриаршестве». Задача его была достаточно деликатной – доказать необходимость восстановления патриаршества, при этом привести убедительные аргументы безопасности и даже пользы его для самодержавия. Причины церковных нестроений и, как следствие, общественных проблем Антоний видел в нарушении нормального канонического устройства Церкви. Восстановление канонического порядка в Церкви, по его мнению, способствовало бы возрождению нормальной духовной атмосферы в обществе. Если бы удалось восстановить патриаршество, то «Святая Церковь процвела бы такою силою благодатной жизни и духовного оживления, что оно увлекло бы паству далеко, далеко от тех зверских интересов, которыми теперь раздираются наша родина, и Самодержавная власть непоколебимо и радостно стояла бы во главе народной жизни»¹. Причиной упразднения патриаршества Петром I Антоний называет желание «устранить главного защитника церковного строя, несовместимого с еретическим укладом новой жизни»².

Угрозы ущемления самодержавной власти с введением патриаршества архиепископ Антоний не видел: «...патриаршество есть не ограничение самодержавия, а самая надежная его опора... Писать ли о том, что и поныне патриаршеству и самодержавию сочувствуют одни и те же круги лиц, одно и то же направление мысли? Да и может ли быть речь о папистических притязаниях патриарха при том унижении веры, в коем находилась последняя в XVIII и XIX веках? Напротив, Высшей Власти приходилось бы постоянно прилагать старания о том, чтобы патриархи проникались сознанием своих полномочий, не боялись всех и всего, чтобы громче смелее поднимали свой голос в стране...»³.

Через несколько лет архиепископ Антоний на примере взглядов патриарха Никона объяснял некоторое превосходство патриарха над царем, но превосходство это понималось как исключительно нравственное, данное священнослужителю его саном (отпущение грехов, рукоположение и др.). Возможность же затмения патриархом личности царя в сознании народа Антоний отрицал: «...в России никогда не было и не будет спора из-за первенства власти, и не этого бояться наши западники, а бояться вообще аскетического уклада русской народной жизни (потому что русская деревня есть до некоторой степени монастырь)»⁴. Убеждение в опасности патриаршества действительно существовало в среде сторонников монархии. Антоний вспоминал, как Столыпин в 1906 г. говорил ему, что «патриарх может заменить собою особу государя»⁵. Патриарх и монарх у Антония предстают единой силой – только совместные их действия способны противостоять современным угрозам. В словах Антония читается и предостережение о возможных потрясениях, и вера в то, что их удастся избежать, восстановив нормальную деятельность Церкви. Самодержавие для него, с одной стороны, гонитель Церкви, с другой – ее защитник. Революционные события приводили к пониманию того, что тормоз церковной жизни в лице самодержавия может быть сметен либеральными силами. В последних архиепископ Антоний видел гораздо большую опасность для Церкви. «Не от Самодержавной власти должны мы

опасаться препятствий этому великому делу, но от либеральных течений в обществе и худшей части духовенства»⁶. Позже Антоний вспоминал, что либеральная печать сначала приветствовала сведения о введении патриаршества, видя в этом элемент революции, но, поняв, что «речь идет не о церковной революции, а о восстановлении православного строя, забила тревогу и объявила самую ожесточенную войну главным поборникам Православия – епископству и монашеству»⁷. В письме Б. В. Никольскому в сентябре 1905 г. архиепископ Антоний писал: «Не столько боюсь противодействия 200-летнего государственного деспотизма над православием, сколько народившейся поповской декаденщины, проектов о женатых архиереях, попах двоеженцах, сюртучных священнослужителей, отмены постов...»⁸. Поэтому Антоний явно не желал ослабления монархии путем либеральных преобразований. При этом, понимая слабость современного монарха, Антоний верил в сохранившийся в народе монархический дух. В другом письме Никольскому, в начале 1906 г., на сведения о возможной присяге царя «конституции» он замечал, что это вызовет гнев «мужика» и «на пожарищах города народ выберет Царя из Романовых, если кто-либо из них останется жив, а если всех убьют мятежники, то добудут хоть из-за границы или из Эллады родича им и вручат ему самодержавие»⁹. Свое понимание отношения самодержавия с православием архиепископ Антоний объяснял в открытом письме Н. А. Бердяеву «О Вехах». Такие представители консервативных взглядов как Победоносцев, Катков, Леонтьев, по его словам, ценили православие не как Божественную истину, а как «благородный устой русской гражданственности». Самодержавие же для них дорого не своим этическим превосходством над правовой формой, а тем, что оно является силой, скрепляющей страну. «Их абсолютизм... это преклонение перед огромным растущим великаном русского государства. В этом смысле они были европейцы, или что то же, римляне, не знавшие ничего выше своей *salus reipublicae*»¹⁰. Сам же Антоний разделял взгляды Хомякова, Кириевского, Достоевского, которые ценили не форму русской жизни, а ее содержание «не потому, что оно русское, а потому, что святое, Божие»¹¹. Понятно в этом контексте почитание патриарха Никона, бывшего для Антония образцом иерарха. В его лице он видел «не предпочтение одной нации над другой, но вселенскость перед национализмом»¹². Сила и смысл бытия России для Антония – в православии, поэтому самодержавие ценно не само по себе, а своим наполнением – церковно-народной культурой. Одна из основных его функций – охрана народного быта, воплощающего христианское учение, которое при иной форме правления будет преследоваться.

Уже после Февральской революции, когда вопрос о Поместном соборе и восстановлении патриаршества вновь стал актуальным, архиепископ Антоний публикует статью с ярким названием «Где всего сильнее сказалось у нас немецкое засилье?». Это засилье – насаживание на русской почве западных образцов – наиболее сильным Антоний видел в церковной сфере. При этом он отмечал согласие таких разных форм правления, как абсолютизм и демократическая республика, в порабощении Церкви государством. После падения

монархии Антоний говорил о ней гораздо свободнее. В перечень самодержцев-гонителей Церкви он включает не только Петра I, показывая на примерах, в чем проявлялось ущемление Церкви. Общий вывод его вполне определен: «...отношение правительства к Церкви с XVIII и XIX века было не столь покровительственное, сколько подозрительное, враждебное. Покровительство-валось только известный минимум религиозности, необходимый для сохранения воинами и гражданами присяги и нравственного благоприличия в общественной жизни... церковная иерархия и церковная жизнь были явлениями... терпимыми и притом терпимыми с неудовольствием»¹³.

На заседаниях Поместного собора осенью 1917 г. архиепископ Антоний вынужден был отрицать связь самодержавия и патриаршества как обязательную. Его прошлые слова об их совмещении использовались теперь противниками восстановления патриаршества. «Путем исторических софизмов и подтасовок, – замечал Антоний, – связывают вопрос о патриаршестве с вопросом о восстановлении монархии, прибегают к доносу, будто сторонники патриаршества – поборники монархии»¹⁴. О своей статье 1905 г. он говорил: «Как же было тогда не коснуться вопроса об отношении патриаршества к царской власти, когда в патриаршестве видели угрозу для царского самодержавия, и в этом было главное препятствие для восстановления патриаршества? Я не хочу уподобляться ослу, который лягает умирающего льва, но несомненно, что восстановление патриаршества задерживалось преимущественно опасением ослабить самодержавную власть. Теперь это уже доказано»¹⁵.

Единение Церкви и государства для спасения России не произошло. Восстановленное патриаршество уже не имело защитника в лице царя, а митрополит Антоний уже в эмиграции продолжал надеяться на возрождение русской христианской монархии.

Примечания

¹ *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. Полное собрание сочинений. Т. 3. Спб., 1911. С. 531.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 530–531.

⁴ *Митрополит Антоний (Храповицкий)*. Собр. соч. Т. 1. М.: Дарь, 2007. С. 764.

⁵ Там же. С. 731.

⁶ *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 532.

⁷ *Митрополит Антоний (Храповицкий)*. Собр. соч. Т. 1. С. 718.

⁸ *Левин Ш.* Материалы для характеристики контрреволюции 1905 г. (Из переписки Бориса Никольского с Антонием Волынским) // *Былое*. 1923. № 21. С. 162.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 557.

¹¹ Там же. С. 557.

¹² *Митрополит Антоний (Храповицкий)*: Собр. соч. Т. 1. С. 762.

¹³ Пастырь и паства. Харьков, 1917. № 17–18.

¹⁴ *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2007.

¹⁵ Там же. С. 772.

Ю. Ф. Горбунова

г. Москва

**ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И УЧРЕЖДЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ОТ МАНИФЕСТА 6 АВГУСТА
К МАНИФЕСТУ 17 ОКТЯБРЯ 1905 Г.**

Годы последнего российского царствования ознаменовались государственными преобразованиями, которые, быть может, и не были столь глобальными, как того бы хотели многие его современники и исследователи, но все-таки оказались явлением довольно значительным. Причем еще до 1917 г. был четко сформулирован и продолжает пользоваться признанием современной историографии тезис, что эти преобразования одно за другим были последовательно «вырваны у царизма» нарастающим революционным движением.

Спору нет: если экономические и социальные реформы в России стали малопомалу разрабатываться и проводиться или хотя бы декларироваться еще до первой русской революции, то осторожный поиск новых политических методов управления страной император Николай II начинает только в условиях «смуты». Уже 3, 11 и 18 февраля 1905 г. под его председательством состоялись специальные заседания Совета министров, положившие начало тому политическому процессу, который в конце концов увенчался обнародованием Манифеста 6 августа 1905 г. и созданием так называемой «булыгинской» Государственной думы.

Хотя этот спроектированный государственный орган и оказался мертворожденным, принято думать, что именно с него начинается история медленного поступательного превращения российской монархии из самодержавной в «полуконституционную», ибо вслед за Манифестом 6 августа Николай II был вынужден сделать следующий, более широкий шаг к конституции и подписать знаменитый Манифест 17 октября. Иными словами, и в мемуаристике, и в публицистике, и в историографии обычно постулируется прямая связь между указанными манифестами, и они рассматриваются как звенья в единой цепи тех политических уступок, с помощью которых последний самодержец намеревался найти компромисс с революционными кругами общественности или хотя бы переманить на свою сторону либеральную оппозицию¹.

Вот что, однако, странно. Даже тогда – в феврале 1905 г., когда создание Государственной думы только еще обсуждалось и когда революционное движение было относительно слабым (во всяком случае – далеким от своего пика), Николай II был уверен, что учреждение нового органа власти едва ли окажет на его политических противников нужное воздействие. «Успокоит ли смуту, – полувопросительно размышлял император на заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. о возможном созыве. – Нет, не устранил... – решительно отвечал он сам себе. – Никогда не удовлетворит»². Между тем решение о созыве все-таки было принято, поэтому рассматривать его как стремление монарха договориться с теми или иными оппозиционными кругами, задобрив их

некоторыми политическими уступками, едва ли правомерно. В том-то и дело, что созданием Государственной думы царь вовсе не собирался ублажать оппозиционеров, которые, как он с неприязнью отмечал, заинтересованы «в насильственной пересадке чуждых нам конституционных и парламентарных форм». Его задача была принципиально иной – произвести «хорошее впечатление на благомыслящих», активизировав в стране промонархические силы, способные поддержать сугубо русские формы правления в противовес западным³.

То, что создание Государственной думы изначально рассматривалось Николаем II не столько как шаг к сотрудничеству с либеральной (не говоря уж о революционной) оппозицией, сколько предполагало какой-то иной смысл, говорит и другое обстоятельство. Одной из главных забот императора на Петергофских совещаниях, выработавших летом 1905 г. положение о Государственной думе, стало, по его собственным словам, представительство в новом учреждении отнюдь не выходцев из буржуазных слоев общества, а «обоих основных земельных сословий государства», владеющих «большим пространством земли или малыми ее клочками». «Самое главное и важное для правительства – услышать голос таких людей, знать их суждения, получать от них заявления об их нуждах и иногда жалобы», – провозгласил Николай II⁴.

Рассуждения монарха, прозвучавшие на упомянутых выше многочисленных совещаниях, интересны между прочим еще и тем, что он отчетливо противопоставлял разрабатывавшийся под его руководством созыв «выборных» некому «представительному правлению», которого жаждет «печать». Казалось бы, между ними («выборными от народа» и «представителями народа») нет никакой принципиальной разницы, поскольку в том и другом случае речь шла о более или менее существенном привлечении подданных российской короны к управлению страной, то есть о первых шагах российского парламентаризма. И однако же слова Николая II не были случайной обмолвкой, и эта разница для него, по-видимому, действительно существовала, ибо выражение «народные представители» он находил не соответствующим идее его начинаний, официально и недвусмысленно на это указывая⁵. А в одной из частных бесед летом 1905 г. император «твердо и решительно» заявил своему собеседнику, что в грядущей Государственной думе «никаких “представителей” он не хочет, что будут только выборные люди»⁶, и позднее с возмущением указывал министру внутренних дел А. Г. Булыгину, что «смысл» возведенных им «предначертаний» совершенно искажен в разглаговльствующих о русском народном представительстве периодических изданиях⁷.

Более того, последний самодержец четко обозначил и этот ускользнувший тогда от многих смысл его действий – «исконные начала поддержать»⁸. Едва ли Николай II предполагал какую-либо связь между российскими «исконными началами» и началами парламентскими, конституционными...

Все сказанное наводит на мысль, что вступать на путь парламентского реформирования России даже в самых минимальных масштабах Николай II ни зимой, ни летом 1905 г. не собирался, а созданная тогда Государственная дума, несмотря на внешнее сходство с предельно ограниченным в правах парламентом

или его своеобразной предтечей, таковыми по мысли императора не являлась и призвана была сыграть совсем иную роль, нежели чем та, которую ей традиционно приписывают. Она создавалась, как это ни странно прозвучит, для укрепления самодержавия!

Вот почему нет никаких оснований говорить и о преемственной связи между «булыгинской» Государственной думой и той, что появилась в России в связи с подписанием Манифеста 17 октября 1905 г., который уже и Николай II рассматривал именно как конституционный. «Да, России даруется конституция, – с печалью писал он в те дни генералу Д. Ф. Трепову. – Не много нас было, которые боролись против нее, но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло...»⁹.

Таким образом, если для большинства исследователей трансформация «булыгинской» Думы в новую Государственную думу всегда представлялась *поступательным* превращением законосовещательного представительного органа в законодательный, то есть движением власти от меньших политических уступок к большим, то для Николая II дело обстояло иначе: никакой логической связи между ними он не усматривал – он их противопоставлял. Думается, только тогда, осенью 1905 г., и начиналась история его политических уступок российскому обществу, уступок, смысл которых состоял в признании этого общества как самостоятельной величины, способной разделить с главой государства ответственность за свою судьбу и судьбу страны. «Булыгинская» Дума этого не предполагала, примечательно, что Николай II и назвать-то ее хотел не «Государственной», а «Государевой»¹⁰.

С большим трудом отступив от своих принципов при подписании Манифеста 17 октября 1905 г., последний самодержец очень скоро, в течение буквально первых же последовавших недель, убедился в собственной правоте: «Вышло как будто наоборот, – делился он своими наблюдениями с вдовствующей императрицей, – повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!»¹¹. Подтверждая его былые опасения и сомнения, бурные политические события, развернувшиеся после 17 октября, только укрепляли Николая II во мнении, что ликвидировать самодержавие в России рано, а его уступки оппозиции были напрасны. Тогда-то и начинается его движение на попятную, но это уже совсем другая тема.

Примечания

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.; *Обнинский В. П.* Последний самодержец. М., 1992; *Сыроечковский В. Е.* Николай II и его царствование. М., 1917; *Мельгунов С. П.* Последний самодержец. М., 1990; *Любош С.* Последние Романовы. М., 1990; *Кряжев Ю. Н.* Николай II как военно-политический деятель России. Курган, 1997; *Искендеров А. А.* Российская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1993. № 3, № 5, № 7; 1999. № 1, № 11–12; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2; *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1998; *Фирсов С. Л.* Николай II – пленник самодержавия. СПб., 2009. Т. 1–2; и др.

² Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 299.

- ³ Там же. С. 297.
- ⁴ Петергофские совещания о Государственной думе. Пг., 1917. С. 101–102, 154.
- ⁵ *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 155.
- ⁶ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 355.
- ⁷ Письма Императора Николая II министру внутренних дел А. Г. Булыгину // Российский архив. М., 1991. Вып. 1. С. 188.
- ⁸ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 297, 299, 304.
- ⁹ Книга для чтения по истории Отечества. Начало XX в. М., 1993. С. 84.
- ¹⁰ Петергофские совещания о Государственной думе. Пг., 1917. С. 163.
- ¹¹ Из переписки Николая и Марии Романовых (1905–1906) // Красный архив. 1927. № 3. С. 173–174.

Э. Г. Клейн
г. Кострома

ВОЕННЫЕ ПАРАДЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Военные парады в Костромской губернии регулярно проводились начиная с первой четверти XIX столетия. В разные годы в них принимали участие такие воинские части, как Перновский гренадерский, Суздальский, Зарайский, Пултусский пехотные полки, Солигаличский и Краснинский пехотные батальоны русской армии. Чаще всего парады проходили в Костроме на плацу перед Успенским кафедральным собором. Они посвящались церковным праздникам, дням рождения и тезоименитства членов царской семьи, памятным датам.

В годы, предшествовавшие военным событиям, основу парадных расчетов составлял 183-й пехотный Пултусский полк, квартировавший в Костроме с 1910 года. Полк имел славную историю, а его военнослужащие были хорошо обучены. В мае 1913 года, в дни празднования в Костромской губернии 300-летия дома Романовых, Пултусский полк участвовал в параде войск в присутствии императора Николая II и членов царской семьи. Характеризуя строевую выpravку пултусцев, современник отмечал: «За Эриванцами спокойно и уверенно двинулся местный 183-й Пултусский полк, явившийся пред очами государя императора достойным представителем доблестной русской армии и заслуживший также царское “Спасибо”»¹.

В течение двух суток после начала военных действий Пултусский полк, пополнившись запасными и развернувшись по штату военного времени, убыл на фронт. В Костроме на его месте был развернут 88-й пехотный запасной батальон, впоследствии – полк. В годы войны традиция проведения парадов в костромском гарнизоне была продолжена. В этот период начальником гарнизона являлся

полковник Б. Н. Владычек, который нередко принимал парады. Торжественным воинским построениям предшествовала литургия в кафедральном соборе, на которой присутствовало воинское начальство. Во время парадов в обязательном порядке в исполнении военного оркестра звучал гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни», под звуки военной музыки войска проходили торжественным маршем.

Подробных описаний парадов военных лет не сохранилось, однако в газете «Поволжский вестник» регулярно появлялись небольшие заметки об этих событиях. Так, 7 октября 1914 года газета сообщала: «В воскресенье, 5 октября, в день тезоименитства наследника цесаревича в Богоявленском храме кафедрального собора была совершена преосвященным епископом Евгением божественная литургия и царский молебен, на который вышло многочисленное городское духовенство...

После богослужения на плацу перед собором состоялся парад войскам, который принимал начальник гарнизона полковник Владычек»².

Подобные газетные заметки не отличались подробностями. 24 апреля 1915 года один из костромских журналистов писал: «Вчера, в день тезоименитства государыни императрицы Александры Феодоровны в кафедральном соборе епископом Евгением была отслужена литургия. Присутствовал губернатор А. Мяконин, вице-губернатор Б. Борх. После молебна, на плацу перед собором, состоялся парад войскам местного гарнизона. Парад принимал местный воинский начальник полковник К. К. Горский»³. Следует отметить, что спустя всего две недели, 6 мая 1915 года, вновь состоялся парад. Он был посвящен дню рождения императора Николая II⁴.

Интересным событием первых военных месяцев стал торжественный церемониал передачи костромским дружинам знамен костромских ополчений 1855 года, хранившихся в кафедральном соборе. Передача проходила 14 ноября 1914 года на плацу перед Александровской часовней, где был устроен особый помост. Современник отмечал, что «при приближении крестного хода к помосту военный оркестр исполнил “Коль славен”. Затем совершено было благодарственное молебенствие с провозглашением многолетий, после чего преосвященные Евгений и Севастиан, обойдя ряды войск, окропили их святой водой. Затем знамена были переданы командирам дружин и крестный ход отбыл в собор. Торжество закончилось парадом и церемониальным маршем»⁵.

В конце 1915 года в Кострому из г. Карачева Орловской губернии был переведен 202-й пехотный запасной полк, переменный состав которого доходил до 9 тысяч человек⁶. Таким образом, численность военнотружущих гарнизона, а вместе с тем и участников парадов увеличилась. Музыкальное сопровождение парадов проходило теперь под музыку сводного оркестра 88-го и 202-го пехотных запасных полков, дирижировал которым военный капельмейстер К. Н. Васильев.

На страницах газеты «Поволжский вестник» мы находим несколько упоминаний о костромских парадах 1916 года. В номере за 18 октября сообщается: «Вчера, после литургии и благодарственного молебна в воспоминанье чудесного спасения царской семьи во время железнодорожной катастрофы, состоялся парад войскам местного гарнизона. Парад принимал командир одного

из квартирующих в Костроме полков»⁷. Сообщая о параде, прошедшем через 3 дня, в день восшествия на престол государя императора, журналист конкретизирует, что «парад принимал командир 88-го пехотного запасного полка полковник Владычек»⁸.

Следует отметить, что в годы Первой мировой войны парады проходили также в г. Кинешме, где перед Февральской революцией был расквартирован 66-й пехотный запасной полк, а также в г. Галиче, куда в конце 1916 года из Петрограда перевели 181-й пехотный запасной полк. Для небольших уездных городов военные парады являлись значимым событием в жизни горожан и привлекали большое количество зрителей.

Так, первый парад в Галичском гарнизоне с участием 181-го пехотного запасного полка состоялся 6 декабря 1916 года, в день тезоименитства императора Николая II. Галичанин Н. С. Бородатов, присутствовавший на этом параде, впоследствии вспоминал: «Полк был построен по Успенской улице (ныне ул. Свободы). Правый фланг и оркестр стояли против входа в зимнюю церковь Собора, где происходило торжественное молебствие, так как в полку переменного состава было тысяч двенадцать (если не больше), то строй оканчивался где-то на площади. Пройдя церемониальным маршем мимо принимающего парад, роты шли по Успенской улице (на юг), сворачивали мимо пруда на Костромскую и возвращались в бараки. Для галичан этот парад был необычным зрелищем, и все тротуары были заполнены народом»⁹.

После Февральской революции парады, посвященные царским дням, перестали проводиться. Гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни» уступил место «Марсельезе». Однако некоторое время традиция проведения парадов возле кафедрального собора еще сохранялась. Свидетельством этому является парад войск, прошедший там 10 марта 1917 года «в ознаменование учрежденного праздника революции»¹⁰.

Таким образом, костромские парады эпохи Первой мировой войны сохранили традиционные формы проведения. Большое количество находившихся в гарнизонах войск, присутствие здесь военных оркестров позволяли их проводить ярко и торжественно. Вместе с тем, в связи с отправкой на фронт регулярных частей, запасные полки и батальоны, отправлявшие регулярно на фронт маршевые роты, не могли демонстрировать отличную строевую выправку и профессионализм.

Примечания

¹ *Виноградов Н. Н.* Празднование Трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19–20 мая 1913 года. Кострома, 1914. С. 136.

² Поволжский вестник. 1914. 7 окт.

³ Поволжский вестник. 1915. 24 апр.

⁴ Поволжский вестник. 1915. 7 мая.

⁵ Поволжский вестник. 1914. 15 нояб.

⁶ *Клейн Э. Г.* Из истории военных оркестров Костромского края. Кострома, 2010. С. 80.

⁷ Поволжский вестник. 1916. 18 окт.

⁸ Поволжский вестник. 1916. 21 окт.

⁹ *Рычкова С. В.* Есть град Галич. М.: ДоМира, 2006. С. 138.

¹⁰ Поволжский вестник. 1917. 10 марта.

М. Е. Шушкова

г. Железнодорожный, Московская обл.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX В.

Туркестанское генерал-губернаторство, став частью Российской империи в 1865 г., открыло перед крестьянством центральных губерний возможность освоения новых земель. До определенной поры центральная власть не вмешивалась в переселенческую политику, осуществляемую первым туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом.

Ситуация кардинально изменилась с вступлением в силу Положения об управлении Туркестанским краем, утвержденным 12 июня 1886 г. Основной закон Туркестана четко разграничивал вопросы землепользования по отношению к кочевому и оседлому населению. Если статья 255 закрепляла за оседлым сельским населением земли, находящиеся в постоянном, потомственном владении, пользовании и распоряжении, то статья 270 Положения сохраняла за кочевым населением бессрочное общественное пользование всеми землями, на которых оно кочевало, с предоставлением (по желанию) каждому кочевнику права на получение участка земли для ведения оседлого хозяйства¹. Пользование таким участком признавалось наследственным. Тем самым предпринимались попытки для поощрения перехода кочевников к оседлому образу жизни. Юридическое оформление земель в Туркестане в собственность местного населения шло крайне медленно, и долгое время оставалось непонятным, какие территории остаются свободными и где можно расселять русских переселенцев.

В 1896 г. при Министерстве внутренних дел было образовано Переселенческое управление, в следующем году – Министерство земледелия и государственных имуществ, одной из функций которого в Туркестане стало «...содействие к устройству образцовых частных хозяйств в крае»², т. е. фактически переселенческая политика.

В июне 1903 г. Государственный совет постановил возложить на чиновников Министерства земледелия и государственных имуществ и чиновников местной администрации поиск и подготовку земель под переселенческие участки. В 1905 г. появились «переселенческие партии». Они действовали на территории Туркестана, но подчинялись столичному Переселенческому управлению, находящемуся к тому времени в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ. На них возлагалось «хозяйственно-статистическое и естественноисторическое обследование областей» для выяснения перспектив переселения русских крестьян на территории Туркестанского края. Но в законе 14 февраля 1905 г.³, на основании которого возникали местные переселенческие партии, не указывалось, является ли они органом, непосредственно подчиненным Переселенческому управлению или местной администрации⁴.

Таким образом, степень ответственности за русскую колонизацию была поделена между центральной и местной администрацией.

1906 г. ознаменовался началом Столыпинской аграрной реформы, сделав переселенческую деятельность как никогда актуальной. Однако практическое осуществление поставленной политической задачи столкнулось с определенными трудностями. Отсутствие в действовавшем законодательстве точных формулировок, регламентирующих деятельность переселенческих партий, привело к тому, что самые разнообразные учреждения и должностные лица имели право давать руководящие указания заведующему партией. В своих служебных действиях он должен был учитывать мнение генерал-губернатора, военных губернаторов, Переселенческого управления, отдела земельных улучшений и департамента земельных имуществ.

Основные противоречия возникали из-за расхождения во взглядах местной и центральной администрации по вопросу передачи земельных участков в пользование русским переселенцам. По мнению туркестанской администрации, обработанные трудом местного населения земли не подлежали изъятию под переселенческие участки и прежде всего следовало позаботиться (в земельном отношении) о коренном населении, а затем приступить к орошению земельных пространств, которые в дальнейшем и станут основой для переселенческих участков. Более того, местная российская администрация подчеркивала, что попытки отнять у местного населения их земли приведут к беспорядкам и бунтам.

Со своей стороны, Переселенческое управление утверждало, что в областях имеется значительное количество земель пригодных для ведения оседлого хозяйства и в то же время ненужных местному населению⁵. Переселенческие партии принимали соответствующие решения о переселении, но генерал-губернаторы Туркестана активно противодействовали их выполнению. В то же время десятки тысяч новых переселенцев, которым не удавалось устроиться в крае должным образом, являлись «грозной толпой голодных обездоленных людей»⁶.

В итоге, местная администрация, не решаясь активно вмешиваться в переселенческое дело, ограничивалась посылкой донесений в Петербург, пытаясь заставить Переселенческое управление переменить политику и перейти на позиции, которых придерживался главный начальник края. Со своей стороны, заведующий временной переселенческой партией в своих донесениях Переселенческому управлению рисовал свою деятельность как «тяжелую и упорную борьбу за русское дело», которое из личных целей тормозила туркестанская администрация⁷.

Вопрос о постановке переселенческого дела в Туркестанском крае обсуждался и на высшем уровне. Военный министр в феврале 1908 г. обратился в Совет министров с предложением о временном закрытии Туркестанского края для переселения⁸. Совет министров принял соответствующие меры. Были оповещены все губернаторы, причем на обложках справочных изданий для переселенцев было отмечено: «В Туркестан и на Кавказ переселение закрыто»⁹. Однако вопрос о колонизации не снимался тем самым с повестки дня. Следовало как можно быстрее сформировать тот самый земельный фонд в Туркестанском крае. Для этого было необходимо внести дополнение к статье 270 Положения об управлении Туркестанским краем, которая до сих пор не позволяла с легкостью отбирать у кочевников их земли.

Непримиримость позиции туркестанского генерал-губернатора края, шедшая вразрез с требованиями центральной власти, привела к отставке двух генерал-губернаторов края – Н. И. Гродекова¹⁰ и П. И. Мищенко¹¹.

Тем не менее, 19 декабря 1910 г. III Государственная дума приняла дополнение к статье 270 Положения об управлении Туркестаном. С этого момента земли, считавшиеся излишними для кочевников, поступали в ведение Главного управления землеустройства и земледелия¹². Местное население тем самым оказалось полностью бесправным перед лицом закона. К 1916 г. Переселенческое управление начало понемногу осознавать, что правительство, благодаря своей политике «русификации» на окраинах, «сидит на бочке с порохом». Однако было слишком поздно. Летом – осенью 1916 г. в регионе развернулось широкомасштабное восстание, охватившее весь Туркестан и Степной край. Одной из причин стали непрекращавшиеся аграрные беспорядки на этих территориях.

Таким образом, русская колонизация в Туркестане в начале XX в. осуществлялась медленными темпами по ряду причин. В силу дальности расстояния Туркестана от правительственного центра и крайнего своеобразия местных условий согласование общегосударственных задач с местными потребностями носило противоречивый характер. Достаточно ярко это было продемонстрировано в деятельности ведомств, отвечавших за вопросы переселения в Туркестанский край. По мнению сенатора Палена, разумное решение могло быть достигнуто только при полной самостоятельности местного высшего административного органа в пределах тех общих рекомендаций, которые ему были даны. Однако этого не случилось, что и привело к дестабилизации политической ситуации на этих территориях.

Примечания

¹ Положение об управлении Туркестанского края // ПСЗРИ. 3-е изд. Т. VI. № 5814. Спб., 1888. С. 338–339.

² ПСЗРИ. 3-е изд. Т. XX. № 14255. Спб., 1900. С. 385.

³ ПСЗРИ. 3-е изд. Т. XXVIII. № 23853. Спб., 1908. С. 125.

⁴ Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. Спб., 1909. С. 29.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ «О желательном направлении переселенческого дела в Туркестанском крае» // Особые журналы Совета Министров царской России. М., 1908.

⁹ Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1910 г. с путевой картой Азиатской России. Спб., 1910.

¹⁰ Мустафин В. Н. И. Гродеков (1883–1913 гг. Воспоминания – заметки) // Исторический вестник. Т. 142. 1915. С. 155–156.

¹¹ Котюкова Т. В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах власти Российской Империи, 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001. С. 119.

¹² ПСЗРИ. Т. XX. № 54501. Спб., 1913.

Ю. Н. Смирнов

г. Самара

ВОЛЬНАЯ НАРОДНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ В ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Принимая и понимая объективные причины зарождения и длительного существования крепостничества в России, нельзя не признать его в целом негативного воздействия на общественные отношения, политическую жизнь, экономику. Отказ от последовательного соблюдения крепостнических норм был благом. В частности, следует признать прогрессивное значение за прагматичным критическим взглядом властей разного уровня на нормы крепостного права, допускавшим отходы от него в ходе колонизации окраин России. Закономерность и положительные результаты процесса заселения и освоения новых земель признает большинство историков, включая создателей самых оригинальных, обсуждаемых и несходных друг с другом современных теорий исторического развития¹. Попытки, предпринятые некоторыми авторами², отрицать объективную необходимость этого процесса, объявить устаревшими традиционные для отечественной науки положительные оценки его цивилизационных результатов выглядят неубедительно.

Начало процессу массового заселения и освоения Самарского Заволжья на юго-востоке Европейской России было положено проектом сенатского обер-секретаря И. К. Кирилова об организации Оренбургской экспедиции. Во второй половине царствования Анны Иоанновны по рекам Самаре и Яику (Уралу) возводятся опорные пункты-крепости, промежутки между которыми контролировались и охранялись подвижными разъездами. Из этих укреплений в 1736 г. составились Самарская и Яицкая (Оренбургская) линии. На них, по ведомости, отправленной Кириловым в Кабинет министров 27 октября 1736 г., значится заложеной или намеченной к закладке 21 крепость. По мнению Кирилова, было необходимо иметь в каждой крепости от 100 до 500 постоянных жителей-казаков³.

С заселением крепостей были связаны самые большие трудности. По февральским указам 1736 г., Кирилов получил разрешение принимать и селить на «Московской дороге», то есть на новых укрепленных линиях от Самары до Оренбурга, следующие категории людей: отставных драгун, солдат и матросов; ссыльных; добровольцев из казаков и мещеряков, казачьих и дворянских детей; скрывающихся на Яике беглых⁴. Однако официально утвержденные источники пополнения жителей не могли решить проблему заселения и обороны присоединенных территорий. Стал фактически поощряться прием беглых из внутренних губерний России. Эта практика была не нова, но Кирилов сделал ее настолько широкой, как никто до него.

Сомнительные рассказы о происхождении в канцелярии Оренбургской экспедиции не подвергались проверке, и многих бывших крестьян, дворовых, посадских писали при приеме на службу разночинцами. Приток последних

фиксируется уже в октябре 1736 г., хотя, строго говоря, позволения набирать разночинцев ни в одном указе Кирилову не содержалось. Одни, в лице руководства Оренбургской экспедиции, делали вид, что такое разрешение существует, а другие, в лице беглых, считали, что оно прямо относится к ним.

Как свидетельствует П. И. Рычков, Кирилов «к поселению ж в новых крепостях принимал охотников, а больше бродящих и объявляющих о себе, что прописные от подушного окладу (т. е. не записаны в число налогоплательщиков. – Ю. С.), коих тогда немалое число им, Кириловым, записано и в те крепости с надлежащею ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено»⁵. И. И. Неплюев, будущий руководитель Оренбургского края, выразился еще более откровенно и ясно. По его словам, «казаками» Кирилов называл и по крепостям расселял именно «беглых крестьян»⁶.

По новым укрепленным линиям, как вода в руслах каналов, растекался поток вольной народной колонизации. Каналы эти были прорыты при содействии и с санкции правительства, но шлюзы для потока беглых открыли по своей инициативе Кирилов и его сотрудники по экспедиции.

10 мая 1737 г. состоялся указ о назначении В. Н. Татищева на место умершего Кирилова. При нем руководство Оренбургской комиссии, как стали называть прежнюю экспедицию, выступило против присвоения частными владельцами, прежде всего помещиками и чиновниками, казенных земель, необходимых для таких акций общегосударственного значения, как массовые переселения. Татищев вместе с генералом Соймоновым, будучи ответственными за переселение в окрестности г. Самары крещеных калмыков, отвели им пространство «по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги» на Казань. Они же решили «в тех местах никаким помещичьим дачам не быть, а дворцовым, яшашным и монастырским и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно»⁷. Запрет на поселение на территории Ставропольского калмыцкого войска, как можно заметить, затронул лишь частновладельческих крестьян. Он не распространялся на крестьян из дворцовых и государственных селений, хотя Татищев знал о значительном числе беглых среди них⁸.

Заметная разница в точках зрения Татищева и правительства проявилась и в отношении тех переселенцев, что оседали на самой пограничной линии. Первый был склонен к поддержке всех «вольных людей», которые объявляли себя при записи в службу «не положенными в подушный оклад». Он просил об отдаче им с мест прежнего жительства жен, детей, скота, прочего имущества, поскольку «тех городов воеводы и помещики и управители чинят удержание и грабление и дворов продавать не дают и скот отбирают». Реакция Кабинета министров была противоположна той, на которую надеялся Татищев. 15 февраля 1738 г. ему было указано прекратить прием на поселение «великороссийских жителей», объявивших себя не состоящими в подушном окладе⁹.

Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев, Кабинет упорно настаивал на высылке с линий к прежним местам жительства и возвращении

владельцам тех, кто уже сюда незаконно переселился. Эти положения были подтверждены в указе от 17 марта¹⁰. Реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений в Заволжье. К тому же ответственность за сбор и вывоз беглых возлагалась на командиров и чиновников Оренбургской комиссии. На них же предполагалось переложить затраты на это мероприятие. Таким образом, строгое исполнение полученных указов потребовало бы большого расхода штатных служителей и средств комиссии.

Становилось очевидным, что крайне жесткие требования Кабинета о возврате с линии самовольных переселенцев было нельзя исполнить, не сорвав вообще работу Оренбургской комиссии. Татищев избрал единственно возможный способ действия в данной ситуации – проигнорировать полученные указания. Он за время управления краем к высылке беглых, записавшихся на казачью службу, не приступал, хотя не потворствовал уже их притоку так, как прежде.

Место Татищева во главе Оренбургской комиссии по указу от 17 июня 1739 г. занял генерал-лейтенант князь В. А. Урусов. После получения подтверждения указания о высылке беглых из крепостей он, не побоявшись повторить аргументы опального предшественника, определил: «Ныне паки объявить, что в том обстоит разные затруднения, в чем сослатца на оное прежнее всеподданнейшее доношение (Татищева. – *Ю. С.*), представя, что все зачатое... запустеет, ибо казаки в них почти все такие (беглые. – *Ю. С.*). И, как в нынешней ево, генерал-лейтенанта, проезд усмотрено, жилищами несколько уже утвердились, пашнею заводятся, а иные уже совершенно завелись и обселись, и крепости караулами и работами содержат». Урусов предложил беглых помещикам не возвращать, а зачесть их как взятых в рекрутский набор. Он предупреждал, что ни сейчас, ни впредь нет надежды на замену этих беглых служилыми людьми¹¹.

На сей раз такие аргументы на правительство подействовали. В указе от 23 января 1740 г. преследование беглых на укрепленных линиях прекращалось, «розвозить на прежняя жилища казаков за представленными от генерала-лейтенанта князя Урусова резонами» было «не повелено» при условии их переписи с обязательным указанием подлинного происхождения. За дачу ложных показаний грозили возвращать бывшим владельцам.

Проведенная перепись насчитала в 14 крепостях по Самаре и Яику 2 097 «настоящих казаков», 1 567 чел. их родни мужского и 2 343 чел. – женского пола. Они оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков и других территориальных единиц¹².

Таким образом, первые успехи в земледельческом освоении новых территорий на волжском Левобережье и в Приуралье были связаны в основном с вольной народной колонизацией. В заселении этих территорий в 1730-е гг. преобладающую роль играли самовольные «сходцы», в большинстве своем просто беглые крестьяне. Обеспечение условий и поддержка местными властями такого пути освоения ускорили начавшуюся интеграцию заволжских земель в Российское государство. Благодаря переселениям, в итоге легализованным верховной властью, в Самарском Заволжье сложился мощный очаг аграрного

развития с постоянным и быстро растущим населением, возникли благоприятные условия для более полной реализации в будущем сельскохозяйственных, промышленных, транспортных возможностей юго-востока Европейской России.

Примечания

¹ Миров Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 4–5, 565–566; Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 59.

² Маловичко С. И. История & этика: формирование новой историографической культуры // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2008. Вип. 3. С. 382.

³ Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Оренбург, 1896. С. 27.

⁴ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об., 16, 18.

⁵ Рычков П. И. Указ. соч. С. 28.

⁶ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. С. 135.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 316.

⁸ Попов Н. А. Тагищев и его время. М., 1861. С. 263.

⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 и 12 об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 51 об.

¹¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 8 об. – 9.

¹² См.: Готье Ю. В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // ЧОИДР. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 1–26.

С. И. Михальченко

г. Брянск

**ЧАСТНОВАДЕЛЬЧЕСКИЙ ГОРОД ПОЧЕП
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.**

Частновладельческие города – явление, распространенное в Западной Европе в Средние века, на территории России существовало и в XVIII–XIX вв. Примером такого поселения был город Почеп (в настоящее время – райцентр Брянской области). Основанный в XV в. на территории Великого княжества Литовского, пограничной с Московским государством, Почеп в течение двух последующих веков неоднократно переходил из рук в руки, пока в 1654 г. не вошел окончательно в состав России.

В XVII–XVIII вв. Почеп не был собственно частновладельческим городом. Он переходил из рук в руки в среде казацкой старшины в соответствии с правом той или иной должности. На таких основаниях им владел и гетман И. С. Мазепа.

Во время Северной войны на севере Малороссии оказались представители столичной знати – люди из ближайшего окружения Петра I, военные деятели. Российские войска концентрировались на Украине, готовясь к Полтавской битве,

в городах шли работы по укреплению оборонительных сооружений на случай нападения шведов. Времени осмотреться и оценить выгоды и доходы, которые сулили малоизвестной знати края, было вполне достаточно. Победа под Полтавой неизбежно сопровождалась всевозможными наградами, среди которых наиболее ценными были земельные пожалования. Именно с первой четверти XVIII в. в юго-западных уездах России появились крупные вотчины, что существенно изменило первоначальную картину феодального землевладения, характерную для этой окраины страны. В числе землевладельцев оказался и А. Д. Меншиков. В 1709 г. гетман Скоропадский, сменивший Мазепу, подарил Меншикову ряд земель с двумя городами – Почепом и Ямполем¹.

Кроме названных городов, Меншиков владел Ямбургом и Копорьем в Прибалтике, Раненбургом в Козловском уезде, Батуриным и Коропом на Украине. В его вотчинах было 3 тыс. сел и деревень. Все это составляло более или менее целостное хозяйство, в котором Почеп, наиболее богатая вотчина, был одним из звеньев².

Как показало нашумевшее «почепское дело» (1721), светлейший князь не удовольствовался тем, что собственно городское сословие – мещане Почепы – превратилось в его крепостных. Значительную часть горожан составляли казаки, которых также по просьбе Меншикова Скоропадский передал ему. Действуя то силой, то обманом, Меншиков увеличил площадь своих первоначальных владений вокруг Почепы в несколько раз.

Судя по челобитью жителей Почепы, поданном уже после опалы Меншикова в 1728 г. на имя Петра II, положение горожан после превращения города в частновладельческий резко ухудшилось. Было уничтожено ратушное управление (Почеп пользовался магдебургским правом). Теперь мещане использовались на «пригонных» работах и службах при дворце Меншикова.

Промыслы, которыми они занимались (пенечные и др.), были «употреблены» на князя Меншикова. Были увеличены сборы в пользу феодала с винокурения, введены сборы мостовые, с рыбных ловлей. Пахотные земли мещан были конфискованы и «пороздроблены на малые части, от которых взимают в казну его князя Меншикова в год с четвертки по два рубля по осьмидесяти по осми копеек, кроме дворовых окладов». Были увеличены налоги с продаваемых на городском торге хлеба и деревянной утвари. На торг перестали приезжать торговцы из «посторонних» городов. Хозяйство горожан переживало кризис.

Нелегкое положение почепских мещан усугублялось тем, что Меншиков развернул в городе значительное строительство, которое обслуживалось руками городских жителей. В 1720 г. он заехал в Почеп по дороге из Глухова в Петербург. Близ Почепы он заложил крепость, которая получила название Александрополь. В течение недели Меншиков постоянно следил за ходом строительных работ. К тому времени, когда Меншиков оказался в опале, крепость представляла собой «земляной город, в нем строения каменного в 2 линии, в тех линиях жилых палат – 26, под теми палатами лавок – 8, погребов – 3, близ того ж города Александрополя начата строиться каменная церковь...»³.

Таким образом, в течение семи лет (1720–1727) горожане постоянно участвовали в возведении крепости, выполняя феодальную повинность. (Любопытна параллель Петербург – Александрополь.)

Однако было бы неправильно характеризовать время меншиковского владения Почепом исключительно с негативной стороны. В 1726 г. здесь была основана полотняно-парусная мануфактура. Она действовала почти четверть века – до 1750 г. Хорошо зная потребности государства и, стало быть, наиболее доходные производства, Меншиков имел в своих вотчинах ряд мануфактур, производивших парусину. Неудивительно, что и в Почепе возникло такое производство. В юго-западных уездах России и в примыкавшей к ним части Украины издавна в большом количестве выращивали лен и коноплю. Изготовление пеньки было одним из самых распространенных промыслов в этих краях. Таким образом, здесь была вполне подходящая база для производства парусины и полотна.

Для того чтобы начать производство, Меншиков перевел часть работников со своей подмосковной мануфактуры в Почеп. Следует отметить, что основание мануфактуры именно в Почепе было определено тем, что город имел статус частновладельческого. Меншиков имел средства для организации нового предприятия и, что важно, обладал всей полнотой власти в городе и его окрестностях. Феодальное предпринимательство наложило отпечаток на всю судьбу мануфактуры, пока она находилась в Почепе.

При Меншикове на мануфактуре насчитывалось 17 станков. После его опалы (1727) предприятие перешло в казну и продолжало действовать. В 1730 г. оно было значительно укрупнено благодаря тому, что в Почеп была переведена мануфактура из с. Шептаки. В результате слияния двух предприятий на почепской мануфактуре оказалось 37 станков. В 1734 г. здесь был уже 71 станок⁴. Количество продукции, выпускаемой мануфактурой, также нарастало. Если брать важнейшую часть этой продукции – куски парусины – то картина развития производства получается следующая: 1726 г. – 16; 1732 г. – 1 679; 1736 г. – 1 315.

Такой рост производства, особенно в первые годы действия мануфактуры, объясняется рядом благоприятных обстоятельств. Первое из них, правда, кратковременного действия, заключалось в том совершенно особом положении, какое занимал хозяин мануфактуры – всемогущий князь Меншиков. Второе состояло в личности управителя мануфактуры – Гаврилы Лукина, человека энергичного, стремившегося к наращиванию производства. Именно по его настоянию из Шептаков мануфактура в 30 станков была слита с почепской. Он же хотел довести общее количество станков до сотни⁵. Впоследствии, в 1740-х гг., когда во главе мануфактуры стал новый управитель, поручик Федоринов, все изменилось. Офицеры, по меткому замечанию Е. И. Заозерской, были людьми «неосведомленными в промышленном деле, имевшие опыт разве только в приемах грубого насилия и расправы»⁶. Упадок мануфактуры и заставил правительство передать ее в руки брянского купца Т. Чамова, который в 1750 г. перевел ее в с. Ревны, Брянского уезда. Третье обстоятельство,

способствовавшее развитию мануфактуры в Почепе, – это государственные заказы на ее продукцию.

Немаловажным обстоятельством в деятельности мануфактуры являлся сбыт ее продукции и, стало быть, получение предпринимательского дохода. Эта сторона дела пока не получила освещения в литературе. Представления о развитии мануфактуры исследователи основывали на показателях о станках и выходе продукции, иногда на отрывочных сведениях о количестве рабочей силы на почепском предприятии.

Мануфактура была основана Меншиковым в ту пору, когда велось энергичное строительство отечественного флота. Остро была необходима парусина. Сбыт продукции и доход от нее были гарантированы. В 1737–1738 гг. мануфактура выполняла крупный заказ военного ведомства и снабжала войска фельдмаршала Миниха в период Русско-турецкой войны. После окончания военных действий парусина начала скапливаться в Почепе. В 1741 г. здесь находилось 4 690 кусков полотна – результат приблизительно трех лет работы предприятия. С трудом удалось реализовать полотно голландцу Я. Тимерману в 1743 г.

В целом, в периоды, когда не было военных действий, продукция почепской мануфактуры шла в основном на внешний рынок и лишь отчасти была реализована внутри страны, причем особо важную роль в этом отношении играли государственные заказы⁷.

При всей искусственности своего существования мануфактура играла немаловажную роль как городообразующий фактор: была одним из основных городских производств, способствовала концентрации в городе населения. Видимо, ее перевод в Ревны в 1750 г. во многом способствовал упадку Почепе как городского центра.

После опалы Меншикова Почеп перешел в казну, а в 1750 г. был пожалован К. Г. Разумовскому, семье которого принадлежал до 1830-х гг., когда был продан графу П. А. Клейнмихелю. Частновладельческая история Почепе закончилась только в 1861 г.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 243. Ч. 5. Л. 16–16 об.

² *Троицкий С. М.* Хозяйство крупного сановника России в первой четверти XVIII в. (по архиву кн. А. Д. Меншикова) // *Россия в период реформ Петра. М., 1973. С. 215–248.*

³ Документ опубликован, см.: *Михальченко С. И.* Магдебургское право в Почепе в первой половине XVIII в.: новый документ // *Право: история, теория, практика. Брянск, 1998. Вып. 2. С. 179–182.*

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1782. Л. 391, 388.

⁵ *Токмаков И.* Историко-статистическое описание города Мглина Черниговской губернии. С приложением исторического очерка местечка Почепе. Киев, 1888. С. 109.

⁶ *Заозерская Е. И.* Мануфактура при Петре I. М.; Л., 1947. С. 39.

⁷ См. подробнее: *Михальченко С. И.* Балтийская торговля Почепской мануфактуры // *Балтийский регион в международных отношениях XVIII–XX вв. Калининград, 2003. С. 12–15.*

Л. М. Артамонова

г. Самара

**СТАВРОПОЛЬ – ТОЛЬЯТТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ПОГРАНИЧНОЙ
КРЕПОСТИ НА ВОЛГЕ ДО КРУПНОГО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

В современном г. Тольятти на берегу Волги возвышается, наверное, единственный в мире конный монумент ученого-историка. Конечно, власти и жители города увековечили в нем память о Василии Никитиче Татищеве в уважение не столько его научных заслуг, сколько трудов по освоению Заволжья. Одним из важных эпизодов его деятельности в качестве руководителя Оренбургской экспедиции стало основание на Волге города-крепости Ставрополь. Самого города, заложенного при Татищеве, правда, уже нет. Конь несет всадника над гладью Куйбышевского водохранилища, поглотившего старинный Ставрополь. Тем не менее, нынешний Тольятти, самый многолюдный из городов страны, не имеющих статуса столицы или административного центра субъекта Российской Федерации, является прямым преемником Ставрополя. Свой след он оставил не только в истории отечественной промышленности XX в., но и в ходе расширения и укрепления юго-восточных рубежей нашего государства в XVIII столетии.

С начала 1730-х гг. начинается превращение обширных и практически безлюдных пространств степного и лесостепного Заволжья в важнейший земледельческо-промысловый регион страны с многочисленным оседлым населением, что потребовало усилий для его защиты. В соответствии с указом Сената от 14 февраля 1731 г. по инициативе и под руководством Ф. В. Наумова начались крупномасштабные работы по строительству новой Закамской укрепленной линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою»¹. Под защиту линии переходили новые обширные территории, которые стали активно осваиваться служилыми людьми, крестьянами, помещиками. Пример подал сам Наумов, показав завидную уверенность и личную заинтересованность в успехе начатого предприятия. Уже 22 декабря 1731 г. он купил у наследников симбирского дворянина В. П. Дмитриева землю, которую тот приискал себе в поместье на луговой стороне Волги еще в 1700 г. и которая из-за угрозы нападений кочевников оставалась незаселенной. На ней возникло сельцо, названное по имени владельца Федоровкой. В качестве поселка, вошедшего в состав города, Федоровка ныне является старейшей частью современного Тольятти.

В 1734 г. по инициативе и под началом И. К. Кирилова началась Оренбургская экспедиция. С 1736 г. штаб экспедиции разместился в Самаре, где Кирилов и умер 14 апреля 1737 г. На его место с уральских казенных заводов был переведен Татищев. Он оставался во главе Оренбургской экспедиции (комиссии) до отставки в мае 1739 г. При нем особое внимание было уделено калмыкам. Воспользовавшись тем, что часть рядовых кочевников и некоторые их правители-«гайши» приняли христианство, и желая устранить возможность

возвращения их в прежнюю ламаистскую веру, правительство решило переселить православных калмыков из астраханских степей на левый берег Средней Волги и передать их под управление княгине Анне Тайшиной, крестнице императрицы Анны Иоанновны.

Следовало выбрать место для жительства княгини, размещения органов управления крещеными калмыками и военного гарнизона под командой полковника А. Змеева. В представлении от 24 сентября 1737 г. Татищев остановил выбор на Куньей воложке выше Самары, что получило одобрение в указе Коллегии иностранных дел 31 октября. Привлекательность этой местности для переселения подкреплялась наличием здесь уже водворенных деревень: упомянутой Федоровки и Борковки, принадлежавшей Савво-Сторожевскому монастырю. Здесь на Куньей воложке между Борковкой и Федоровкой в 1738 г. и была построена под непосредственным руководством Змеева новая крепость. Предложенное для нее Татищевым название Епифания (Просвещение, или Богоявление) было заменено на Ставрополь, что в переводе с греческого означает «город святого креста», поэтому на городском гербе была изображена треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест в золотом поле. В крепости разместили гарнизон, в составе которого был «целой батальон из Алексеевского ландмилицкого полку», а также «придано из Самарских и Алексеевских казаков 60 человек»².

Калмыки-переселенцы были организованы в войско наподобие казачьего, управление которым постоянно находилось в Ставрополе. В 1745 г. после смерти правительницы Тайшиной был учрежден особый Калмыцкий суд, наделенный военно-административными функциями. В нем заседали войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, надзиратель за улусами, войсковой есаул, два войсковых хорунжих. В 1770 г. сюда из Гурьева был переведен гарнизонный батальон, названный Ставропольским. Он находился под командой коменданта, на которого также возложили обязанности по управлению калмыцким войском. Однако через десять лет вице-президент Военной коллегии Г. А. Потемкин «повелел, чтобы то ставропольское калмыцкое войско препоручить одного войска полковнику... и быть сему со всем тем войском под собственными оренбургского губернатора повелениями, не завися уже ни в чем от ставропольского коменданта». Оренбургским губернатором Рейнсдорпом «Калмыцкий суд» был переименован в «Ставропольскую канцелярию»³.

Ставрополь до конца XVIII в. сохранял свои оборонительные сооружения, представлявшие шестиугольник, образованный земляным валом с палисадом. В крепости находилось четыре батареи и трое ворот. Одновременно с укреплениями в 1738 г. в крепости возвели деревянные постройки, занятые под дом батальонного командира, войсковую, комендантскую и батальонную канцелярии, склады провианта, амуниции, вооружения, школу для обучения калмыцких детей. В 1747 г. построили две церкви, каменную и деревянную, в 1760 г. – деревянный комендантский дом. В 1775–1777 гг. добавились деревянные, частично на каменном фундаменте, здания гауптвахты, больницы,

гарнизонной школы, трех городских цейхгаузов, а также «сарай для поклажения разных баталионных вещей». На территории крепости располагались дома калмыцких и русских командиров, казенные соляные амбары, погреб для казенного вина⁴.

В самом Ставрополе численность калмыков оставалась незначительной. Здесь постоянно пребывали «только составляющие суд их старшины с протчими нижними начальниками, как то хорунжими и есаулами». Если «для оных начальников отведены в городе жилища», то простые калмыки, которые здесь «находятся для мехового торгу и для других причин, живут там же в обыкновенных своих войлошных палатках»⁵.

Податное население в Ставрополе, по сказкам 1747 г., насчитывало 305 душ м. п. К сословию купцов относились 124 души м. п., к цеховым – 173 и к дворовым людям – 8. За следующие 15 лет городское податное население в Ставрополе почти не увеличилось, что свидетельствует о незначительной степени развития торговли и ремесла в этом городе. По сказкам 1762 г., к сословию купцов было приписано 152 души м. п., к цехам – 182⁶.

Служащих и отставных регулярных гражданских и военных чинов в 1770 г. в Ставрополе насчитывалось 124 чел. м. п. Кроме того, в городе были поселены отставных 2 офицера и 40 нижних чинов⁷. Казачья полусотня, размещенная в городе, увеличивала численность его жителей еще примерно на 150 чел. м. п. – как служащих казаков, так и их малолетних детей, престарелых и иных отставных. Небольшой по численности жителей город (чуть более 600 жителей м. п. и немногим более 1 000 лиц об. п.) имел с 1745 г. до начала последней четверти XVIII в. достаточно высокий административный статус центра Ставропольской провинции и одноименного уезда Оренбургской губернии.

15 сентября 1780 г. был издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии), куда вошел и Ставропольский уезд в несколько измененных границах. Последний просуществовал до 1920-х гг., перейдя с 1851 г. в состав Самарской губернии.

Скромный по населению и экономическому потенциалу Ставрополь никогда не терял статуса уездного города Российской империи. Иначе обстояло дело с его ролью административного центра и штаба Ставропольского калмыцкого войска. По мере продвижения границ дальше на восток и юг отпала необходимость содержать в отдалении от новых рубежей иррегулярные войска. Настойчивые попытки сделать калмыков оседлыми, приучить их к хлебопашеству и стойловому содержанию скота имели мало успеха. Обильно выделенные в свое время калмыкам пахотные и сенокосные угодья привлекали возможностями их использования для перевода сюда крестьян из малоземельных губерний. 24 мая 1842 г. высочайшим указом земли Ставропольского войска передавались из военного ведомства под управление Министерства государственных имуществ с обязательным переселением всех калмыков на новую пограничную линию. Крайним сроком проведения этой акции назначалась весна 1844 г.⁸

Почти одновременно из Заволжья, в том числе из Ставрополя, были выселены казаки с изъятием в казну и их земель. Утрата военного значения, особых административных функций, а также служилого населения превратили его в заурядный город, население которого в 1889 г. насчитывало всего 5 165 чел.⁹ и каких было много в провинциальном мире Российской империи.

В советское время Ставрополь даже на некоторое время терял городской статус, будучи переименован в село. Положение изменилось во второй половине XX в. Сначала возник Комсомольск-на-Волге – совсем новый город строителей и эксплуатационников Волжской (ныне Жигулевской) ГЭС. Ее плотина привела к затоплению прежнего Ставрополя и переносу на новое место, где город возродился, благодаря наличию дешевой электроэнергии, в облике центра большой химии. Наконец неподалеку в 1970-е гг. началось строительство АвтоВАЗа и при нем фактически целого города, который, правда, никогда не имел статуса отдельного поселения, но получил неофициальное название Нового города или Автограда.

Слияние вышеупомянутых городов в один, который в 1964 г. случайно был назван в память о лидере итальянских коммунистов, носило в значительной мере административный характер. До сих пор три городских района достаточно изолированы друг от друга, каждый обладает собственным градообразующим производством. Для Комсомольского района это ГЭС, для Центрального района («Старого города») – химические заводы (ТольяттиАзот, КуйбышевАзот, Тольяттикаучук). Название самого большого Автозаводского района, где проживают 442 тыс. чел. из 722 тыс. жителей Тольятти, говорит само за себя. Однако нынешний Тольятти, 18-й по численности населения город России, в целом воспринимает себя переименованным Ставрополем, хранит память о том малом российском городе с необычной судьбой, об инициаторе его основания – В. Н. Татищеве.

Примечания

¹ Вестник Императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. С. 63.

² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 25 об.; *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 516.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 62–63.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 60, 64–66.

⁵ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Спб., 1773. Ч. 1. С. 175.

⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351, 3353.

⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 104. Л. 107 и 107 об.

⁸ ГАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6 об.

⁹ Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889г. Самара, 1890. С. XXII.

Г. А. Камыгина

г. Кострома

**ЮВЕЛИРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ И МАСТЕРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОСЕЛЬСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ПРОМЫСЛА)**

Вторая пол. XIX – нач. XX в. в России было временем активного развития ювелирной промышленности¹. На ювелирных предприятиях Петербурга и Москвы используются новые станки, оборудование, усовершенствованные технологические приемы. Всемирно известны ювелирные изделия фабрик Овчинникова, Постникова, Сазикова, Фаберже². Стремление сделать свои изделия высококачественными и доступными по цене побуждали специалистов фирм к применению самых передовых по тому времени технологий и оборудования. Именно в это время крупные ювелирные фирмы привлекают к сотрудничеству известных профессиональных художников. Кроме того, в отдельных случаях на ювелирных предприятиях были организованы свои профессиональные школы, что позволяло повысить качество подготовки кадров³.

Активной подготовкой художников для промышленности занимались училище технического рисования барона А. Л. Штиглица в Петербурге и Московское высшее художественно-промышленное училище им. графа Строганова⁴. Выпускники этих училищ становились художниками на промышленных предприятиях, в том числе и ювелирных. Специалисты училищ вели большую работу по публикации альбомов-пособий, которые служили образцами для многих мастерских и фабрик⁵.

Но не только в крупных городах мастера могли воспользоваться достижениями художественной мысли и передовых технологий. В небольших провинциальных центрах тоже существовала возможность использовать современные по тому времени оборудование, инструменты, приспособления для производства. В частности, в с. Красное, Костромской губернии, была организована художественно-ремесленная мастерская, преподаватели которой были выпускниками Строгановского училища, а учебные программы были разработаны преподавателями школы барона Штиглица⁶. Весь учебный процесс, учебные и наглядные пособия формировались при активном кураторстве училища барона Штиглица.

Кроме того, отдельные преподаватели, прежде чем обучать молодых мастеров, сами имели большой опыт работы в ювелирных фирмах. В частности, Н. Ф. Крючков до педагогической работы в с. Красное работал на фабрике Фаберже в Петербурге, мастер И. А. Дерябин – в мастерской братьев Савельевых в Костроме⁷. Их профессиональные навыки, знания и опыт помогали ученикам художественно-ремесленной мастерской освоить не только достижения художественной мысли, но и передовое по тем временам технологическое оборудование. Конкретным примером этого могут служить приспособления для волочения проволоки и оборудование для пайки.

Для волочения проволоки ювелиры использовали специальное устройство – цибанок, чье название в переводе с немецкого буквально означает «скамья». Внешне оно действительно очень похоже на длинную скамью с прорезью посредине, в которой движется бесконечная коленчатая цепь, перекинутая через два зубчатых колеса (рис. 1). По поверхности скамьи движутся крупные клещи, удерживающие проволоку. Цепь приводится в движение воротом с рукояткой и придает движение проволоке, во время которого она уменьшает свой диаметр. Таким образом мастера получают проволоку необходимой толщины.

Рис. 1. Волочильная доска (цибанок) из дерева

В старых пособиях по ювелирному делу, а также в воспоминаниях старых рабочих упоминаются ручные и паровые цибанки⁸. На рис. 2 изображен цибанок, все детали которого выполнены целиком из металла – чугуна и стали. Подобные устройства применялись в крупных мастерских, которые могли позволить закупить дорогое оборудование. В условиях же небольшого ювелирного производства с. Красное такие приспособления делались из подсобных материалов, доступных в крестьянском хозяйстве. Вместо чугунной использовали деревянную скамью, почти все детали (стойки и рукоятки) выполнялись из дерева. Вместо цепи использовали плотный ремень из льняных нитей.

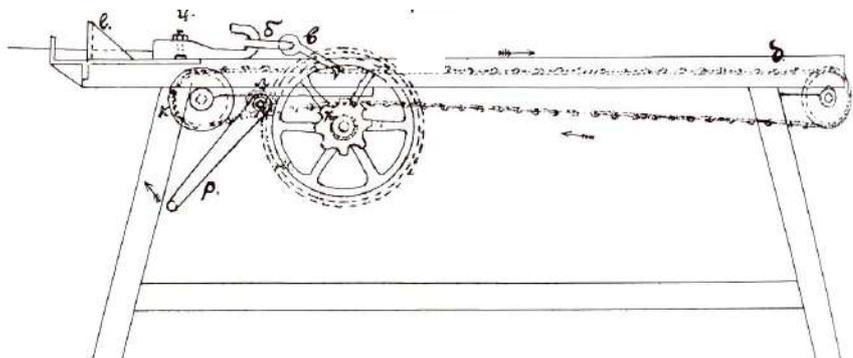

Рис. 2. Схема волочильной доски из металла

На Красносельском ювелирном заводе и в Красносельском училище художественной обработки металлов получали проволоку с помощью цибанка до 60-х гг. XX в.⁹

Еще одно примечательное и очень важное для ювелира приспособление – паяльное устройство. Именно от качества пайки зависит, в конечном итоге, внешний вид ювелирного изделия. Приспособления для пайки в мастерских художественной обработки металла в России кон. XIX – нач. XX в. были очень разнообразны.

Применялись как сложные паяльные аппараты (так называемая шведская лампа), так и простые: февка с керосиновым чайником (рис. 3). Последнее приспособление широко использовалось красносельскими мастерами и в процессе обучения юных ювелиров¹⁰.

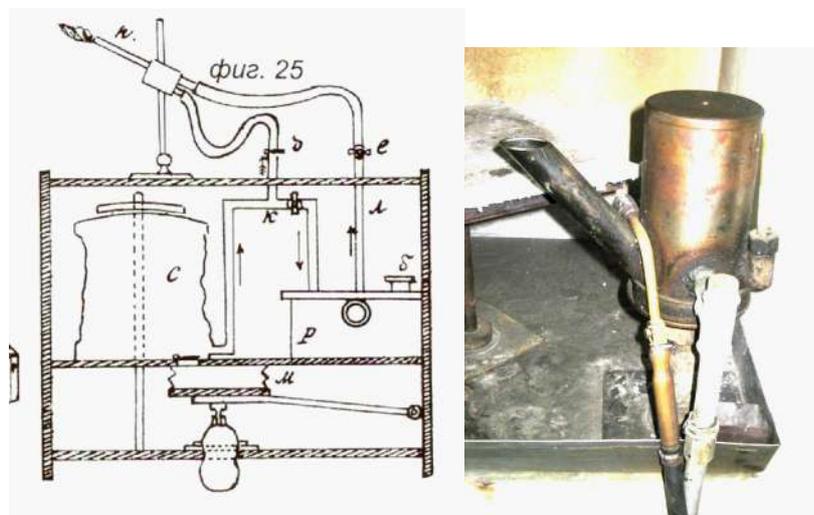

Рис. 3. Паяльные устройства

Таким образом, в результате деятельности квалифицированных преподавателей технологические и художественные достижения ювелирного дизайна и ювелирных технологий, свойственные российской промышленности в кон. XIX – нач. XX в., становились доступны и провинциальным мастерам.

Примечания

¹ Гилодо А. А. Русское серебро второй половины XIX – начала XX в. М.: Береста, 1994. С. 37–41.

² Камыгина Г. А. Миграция центров сканого производства // Юбилейный сборник трудов механического факультета. Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2009. С. 145–150.

³ Гилодо А. А. Указ. соч. С. 24.

⁴ Бuzин А. И. Красносельские художники-ювелиры. Кострома: Изд-во КГПИ, 1997. 260 с.

⁵ Русское народное искусство на Второй Всероссийской кустарной выставке в Петрограде в 1913 г. Пг., 1914. 77 с.

⁶ Бузин А. И. Указ. соч.

⁷ Акуличева Г. В. Красносельское училище художественной обработки металлов: история и современность // Материалы междунар. Науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию музея училища технического рисования и 120-летию династии Штиглицев. СПб., 1996.

⁸ Андриященко А. И. Руководство золотых и серебряных дел мастерства. М.: Изд-во В. Шевчук, 2004. 147 с.

⁹ Пупарев А. А. Художественная эмаль. М.: Всесоюз. кооп. изд-во, 1948. 83 с.; Галанин С. И. Скать и филигрань: история, дизайн, технология / С. И. Галанин, Г. А. Камыгина. Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2011. 123 с.

¹⁰ Галанин С. И. Указ. соч.

О. А. Курсеева

г. Стерлитамак

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРИИ)

На рубеже XX–XXI вв. в связи с крахом советской системы местного управления и желанием использовать позитивный опыт дореволюционного земства наблюдался стремительный рост числа исследований, посвященных истории земского самоуправления, как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне. Кроме того, интерес к земской проблематике был связан с началом формирования гражданского общества, одним из элементов которого были всеобщие земства¹. Не остались в стороне и ученые Республики Башкортостан, тем более, что в советский период ни одной сколько-нибудь значительной работы по истории Уфимского земства не было написано.

В постсоветской историографии регионального земства можно выделить два направления. Первое направление охватывает проблемы создания и функционирования органов земского самоуправления в Уфимской губернии за весь период его работы с 1874 по 1919 гг. Второе – исследует общественно-политические взгляды земских деятелей и их участие в либеральном движении, как в провинции, так и на общероссийском уровне. Историки первого направления активно изучают организационно-финансовую, хозяйственную и культурно-просветительскую деятельность Уфимского земства².

Наиболее основательным исследованием является монография кандидата исторических наук Г. Б. Азаматовой³. В работе, основанной на широком круге архивных и опубликованных источников, дан анализ социального состава земских гласных, бюджета земств губернии и развития народного образования на средства земств. Автор справедливо отметил значительный вклад земства в дело просвещения населения Уфимской губернии.

Монография кандидата исторических наук Н. С. Мысляевой посвящена созданию земства, его организационно-правовым основам, отчасти затронуты некоторые аспекты хозяйственной и образовательной деятельности⁴.

Различные формы развития медицины, статистики, агрономии нашли отражение в статьях и кандидатских диссертациях П. Н. Алешина, Н. Л. Власовой и А. В. Никитиной⁵. Следует отметить, что научным руководителем этих молодых ученых является доктор исторических наук, профессор Д. П. Самородов – заведующий кафедрой истории Отечества и МПИ Стерлитамакской госпедакадемии им. Зайнаб Бишевой.

Таким образом, за последние 20 лет комплексно изучена деятельность Уфимского земства, но, к сожалению, в работах историков слабо представлено «человеческое измерение», то есть нет историко-биографических сведений о руководителях земства, гласных земских собраний и служащих. Лишь губернскому гласному И. Г. Жуковскому посвящена специальная статья⁶, хотя он, по масштабам своей деятельности, заслуживает большего, так как был лидером земско-либерального движения не только в Уфимской губернии, но и на общероссийском уровне. Незаслуженно забыты первый председатель Уфимской губернской земской управы А. Д. Дашков, член губернской земской управы, а затем и ее председатель С. П. Балахонцев, избранный депутатом I Государственной думы; П. Ф. Коропачинский, возглавлявший губернское земство с 1904 по 1917 г., и другие труженики земской нивы. Думается, что назрела необходимость представить, наконец, Уфимское земство персонально, тем более что послужные списки имеются в РГИА, много информации содержится в материалах земских собраний.

Второе направление представлено монографиями и статьями Л. А. Ямаевой, С. М. Исхакова и О. А. Курсевой⁷, в которых изучено участие земских деятелей Уфимской губернии в либеральном движении в конце XIX – начале XX в. Хотя гласные мусульмане составляли незначительную часть земских собраний, тем не менее, вполне правомерно утверждение С. М. Исхакова и Л. А. Ямаевой о возникновении мусульманского либерализма, который был представлен, прежде всего, земскими деятелями. В Уфимской губернии гласные мусульмане С. Т. Джантюрин, К. Б. Тевкелев, Ш. Ш. Сыртланов, М. М. Биглов и др. защищали интересы коренного населения, находясь на либеральных позициях, а затем отстаивали свои убеждения в Государственной думе, создав мусульманскую фракцию.

В монографиях и статьях О. А. Курсевой содержится ценный материал по формированию программы земских либералов Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в., их попытках по ее реализации, освещено участие земцев в создании политических партий, рассмотрено отношение земцев к столыпинской аграрной реформе⁸. Автор отмечает значительный вклад земских либералов Уфимской губернии в оформление общероссийской концепции программы и деятельности либерального движения в период 1-й российской революции 1905–1907 гг. и, вопреки устоявшемуся в историографии мнению, доказывает, что Уфимское земство проводило либеральный курс и после поражения революции.

На наш взгляд, в Башкортостане деятельность местного земства изучена достаточно глубоко, но остались лакуны, нуждающиеся в заполнении: слабо проработана история уездных земств, нет биографических исследований по персоналиям земских деятелей, а также служащих земства; отсутствует обобщающая работа по истории земства в Уфимской губернии за весь период существования (1874–1919).

Примечания

¹ Горнов В. А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 40-х – начала 1990-х годов. Рязань, 1997; Королева Н. Г. Некоторые проблемы земского самоуправления в России в современной отечественной историографии // Отечественная история. 2007. № 4.

² Азаматова Г. Б. Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005; Аleshин П. Н. Деятельность Уфимского губернского земства в развитии агрономии края (1875–1917): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2010; Он же. Земство и развитие сельскохозяйственного опытного дела в России (по материалам Уфимской губернии) // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. Вып. XL. М.: МПГУ, 2009; Он же. Природно-климатические и социально-экономические факторы в развитии агротехнической политики Уфимского земства конца XIX – начала XX вв. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 114; Власова Н. Л. Развитие земской статистики на Южном Урале (1875–1918): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009; Она же. Становление земско-статистических органов в Уфимской губернии // Башкортостан: история и современность: материалы межрегион. конф. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2009; Власова Н. Л., Никитина А. В. О развитии медико-санитарной статистики Уфимской губернии // Исследования и исследователи юго-востока России (XIX–XX вв.). Вторые региональные чтения памяти проф. П. Е. Матвиевского. Оренбург, 2008; Мысляева Н. С. Земские учреждения Уфимской губернии: образование; организационно-правовая основа, деятельность. Уфа, 2005; Никитина А. В. Основные тенденции развития земской санитарной организации Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Башкортостан: история и современность: материалы межрегион. конф. Стерлитамак: СГПА им. Зайнаб Бишевой, 2009; Севостьянов С. А. Земское самоуправление в Уфимской губернии: 1874–1917: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.

³ Азаматова Г. Б. Указ. соч.

⁴ Мысляева Н. С. Указ. соч.

⁵ Аleshин П. Н. Указ. соч.; Власова Н. Л. Указ. соч.; Никитина А. В. Указ. соч.

⁶ Курсеева О. А. Власть и оппозиция в лицах: уфимский либерал И. Г. Жуковский // Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России. Оренбург, 2004.

⁷ Исхаков С. М. Мусульманский либерализм в России в начале XX века // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1999; Курсеева О. А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (По материалам Среднего Поволжья и Приуралья): моногр. Уфа ; Стерлитамак, 2003; Она же. Уфимское губернское земство в период первой буржуазно-демократической революции в России // Социально-экономическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX веков: сб. ст. Уфа, 1992; Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002.

⁸ Курсеева О. А. Указ. соч.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ВИНОКУРЕНИЯ И ВИНОТОРГОВЛИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Законодательная деятельность государства в области винокурения и виноторговли в России в XVIII – нач. XX в. включает три системы: откупная (1767–1863), акцизная (1863–1894), винная монополия – (1894–1917). В каждой из них были приняты законодательные акты: уставы о винокурении и вине, положения, указы и распоряжения, циркуляры¹.

В начале 1860-х гг. в России была проведена финансовая реформа, которая была направлена на оздоровление финансового положения государства и поиск дополнительных источников пополнения бюджета. Первым подверглось изменениям питейное дело. С 1 января 1863 г. на территории Российской империи отменялись откупа и вводилась акцизная система. Положение о питейном сборе – законодательство об акцизной системе – было утверждено 4 июля 1861 г.² По положению, винокурение должно было производиться на частных и казенных заводах, а питейная продажа объявлялась вольным промыслом.

Акцизная система жестко регламентировала винокуренное производство. С введением акцизной системы государство установило строгий надзор за винокурением производством с целью удовлетворения своих материальных потребностей. Это было связано, во-первых, с общим упорядочением финансовой системы в государстве, во-вторых, с тем, что сборы от производства вина становились важнейшими доходами российского бюджета.

Российское финансовое ведомство совместило основы акцизных систем европейских государств. «Питейный доход» в России состоял из акцизных сборов от винокуренных производств (основание – нормы выхода вина из определенного количества припасов и их соответствие емкости квасильного пространства), акциза с меда и пива, бандерольного сбора с водочных изделий (бандероль – посуда под водку), патентного сбора с винокуренных заводов (основание – наименьшая совокупная емкость квасильных чанов) и с питейных заведений, патентного сбора со спичечных фабрик, из разного рода взысканий и бандерольного сбора³.

Законодательство, таким образом, вынуждало винокуренных заводчиков улучшать качество своего производства, стимулировало в определенной степени развитие техники винокурения, для того чтобы государство могло получать все больший питейный доход. С 1863 по 1885 г. количество винокуренных заводов сократилось, но возросла их удельная производительность, что свидетельствует о техническом совершенствовании винокуренного производства⁴. Так, большее число винокуренных заводов в России 1866–1867 гг. (5 096), а наименьшее – 1883–1884 гг. (2 447)⁵.

Таким образом, значение акцизной системы состояло в получении государством значительных доходов от производства спирта и вина. Акцизная систе-

ма жестко регламентировала винокуренное производство, подчиняло его развитие финансовым интересам государства.

К середине 1901 г. казенная продажа питей была установлена почти на всей территории Российской империи. Таким образом, меры, принятые правительством при введении монополии в отношении винокуренной промышленности, означали переход к государственному планированию винокуренного производства в районах действия казенной винной монополии.

Согласно Положению о питейном сборе, оптовая и раздробительная продажа крепких напитков составила предмет свободного промысла, под условием лишь уплаты в казну определенного патентного сбора с каждого отдельного вида мест продажи напитков. Питейная торговля, как промысел, была вполне приравнена ко всем остальным отраслям торговли. В основание всей системы положена мысль, что свободное развитие винокуренной промышленности и торговли спиртными напитками само собой уничтожит все вредные последствия откупной системы (в том числе и пьянство) и что государственное вмешательство, построенное на строго определенных правилах, не должно идти дальше законом определенных интересов фиска.

Данным Положением были установлены следующие категории мест продажи крепких напитков: питейные дома, штофные и портерные лавки, шинки, временные выставки, корчмы, трактирные заведения, ренсковые погреба; кроме того, допущена продажа напитков в постоянных дворах и фруктовых и мелочных лавках. По характеру этой продажи места делились на три группы: заведения для торговли только на вынос (ренсковые погреба, водочные магазины, штофные, мелочные и фруктовые лавки), заведения на вынос и распивочно (питейные дома), для торговли только распивочно (трактиры). Местам оптовой продажи была дозволена продажа вина количеством не менее 10 вед., водок не менее 3-х вед., пива и меда бутылками не менее 1 ящика, а бочонками – всяких размеров⁶.

Было признано целесообразным установить минимальную крепость продаваемых напитков. На этом основании 17 августа 1862 г. была установлена нормальная крепость в 38° Траллеса, ниже которой виноторговцам воспрещено было предлагать посетителям крепкие напитки (как вино, так и водки и изделия из вина и спирта). Позднее (законом 16 декабря 1866 г.) была назначена крепость вина для оптовой продажи в великорусских губерниях в 40°, а в остальных в 45°⁷.

Государственным советом 12 июля 1900 г. губернаторам было разрешено издавать обязательные постановления «О внутреннем устройстве в городах и селениях губерний частных заведений с продажей крепких напитков, порядке торговли в них и соблюдении благочиния». 14 июня 1901 г. Костромским губернатором было издано такое обязательное постановление⁸.

В первый же год существования монополии было установлено не принимать на службу лиц, занимавшихся прежде виноторговлей, и вместе с тем признано было полезным (Высочайшее повеление 19 апреля 1896 г.) допустить к исполнению обязанностей продавцов в казенных винных лавках женщин,

как элемент, могущий облагородить питейную торговлю. 10 марта 1896 г. женщины допущены, кроме того, к занятиям по письменной и счетной частям в губернских и окружных акцизных управлениях и в казенных винных складах.

В 1897 г. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей были выработаны «руководящие указания для составления инструкции служащим по казенной продаже питей». Этими указаниями был решен вопрос о предъявлении однообразных требований к вольнонаемным служащим на всем пространстве действия казенной продажи питей, были определены права и обязанности вольнонаемных служащих, условия и порядок их приема на службу, внесения залогов, порядок ответственности служащих при нарушении установленных для них правил и проч.

23 марта 1911 г. утвержден выработанный по инициативе финансового ведомства закон о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев мастеровых, рабочих и вольнонаемных служащих в промышленных и технических заведениях Министерства финансов. На основании этого закона выдавалось денежное вознаграждение служащим по винной монополии, утратившим трудоспособность более чем на три дня от телесного повреждения, причиненного работами заведения, а также членам семейств служащих, умерших от последствий несчастных случаев⁹.

Таким образом, питейные уставы, качественно меняясь в течение тридцати лет, дополнялись статьями, оптимизирующими винокурение и виноторговлю, обеспечивающими доброкачественность напитков, устраняющими злоупотребления. Ничто не препятствовало расширению и усилению этих мер в случае необходимости. Вне всякого сомнения, господствующая роль питейного налога в государственном бюджете, к несчастью России, неизбежно вносила элемент двойственности во все законодательные и административные меры, относившиеся к этому доходу. Балансирование между интересами казны и интересами народного здоровья являлось исторической реальностью. Однако введение монополии дело не изменило. Поэтому нам сложно признать, что винная монополия была неизбежной. Введение казенной винной операции было обеспечено массовой пропагандой, организованной Министерством финансов, главная цель которой состояла в преподнесении монополии как спасения от «неудачного» акциза.

Примечания

¹ Полное собрание законодательства Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание (1649–1825). Т. 27 (1802–1803). № 20406.

² ПСЗ. Собрание (1825–1881). Т. 36 (1861). Ч. 1. № 37107.

³ Государственный архив Тверской области. Ф. 819. Оп. 1. Ед. хр. 6521. Л. 1 об – 2.

⁴ Статистические сведения о положении винокуренной промышленности и оптовой торговли вином в России. Спб., 1888. С. 10.

⁵ Статистический временник Российской империи. Издание Центрального статистического комитета министерства внутренних дел. Серия II. Вып. 15. Спб., 1877. С. 174–175.

⁶ Ведро казенное – 10 кружек, или 8 штофов, или 16 мерных бутылок, или 12,3 л.; ведро торговое – 8 кружек или 9,8 л. См., напр.: Белоусов Р. Экономическая история

России: XX век. Кн. 1. М., 1999; *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. Спб., 1880–1882.

⁷ Спиртометр Траллеса – прибор, показывающий содержание спирта в объемных процентах при 15° (Сборник правительственных распоряжений по управлению питейно-акцизными сборами. Вып. 1. Спб., 1866. С. 19–20.

⁸ Государственный архив Ивановской области. Ф. 921. Оп. 1. Д. 412. Л. 2–18.

⁹ Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведывающих неокладными сборами. 1863–1913. Спб., 1913. 295 с.

К. И. Юрчук, И. В. Созинов

г. Ярославль

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ МЕРОПРИЯТИЙ Е. П. САМСОНОВА)

Конец XVIII – первая половина XIX в. в советской историографии характеризуется разложением феодально-крепостнических отношений и кризисом феодализма в России.

Своеобразие формирования рыночной цивилизации в России связано с ее развитием под диктатом сверху: государство активно помогает дворянству приспособиться к новым рыночным условиям (например, предоставляя выгодные кредиты) и часть помещиков активно участвует в переходе к капитализму. Однако не все представители благородного сословия использовали заемные деньги на развитие хозяйства...

Типичным явлением в этот период была задолженность помещичьих имений и их неоднократный перезалог. Таким примером является имение Елизаветино, находящееся в Псковском уезде Псковской губернии.

По данным Г. М. Дейча, в 1855 г. в Псковской губернии было заложено 1 229 имений, общая сумма долга которых составляла почти 8 млн. руб.¹ Имение Елизаветино состояло из 18 деревень, в которых по результатам Девятой переписи проживало 598 ревизских душ мужского пола². По классификации Редакционных комиссий³, которые разрабатывали реформу отмены крепостного права, оно относится к разряду крупных, так как крупным считалось имение, где проживало более 100 душ. Из 1 952 помещиков Псковской губернии всего 458 (или 23,4 %) были обладателями таких имений⁴.

В 1810–1853 гг. имением владела тайная советница Елизавета Николаевна Львова, которая в 1849 г. берет заем в 54 тыс. руб. в Санкт-Петербургском опекуновском совете, помимо этого у нее был менее крупный заем у Псковского приказа общественного призрения⁵. Середина 1840-х гг. для Псковской

губернии была крайне тяжелая: падеж скота 1845 г. (самый крупный в губернии за предыдущие периоды), неурожай 1844 и 1845 гг. (правительству приходится выделять деньги на закупку хлеба) и эпидемия тифа зимой 1845/46 г. (точное число умерших неизвестно, но установлено, что смертность выросла на 37 %)⁶.

Некоторые помещики пытались преувеличить объемы неурожая, например, в 1846 г., что было разоблачено в Военно-статистическом обозрении Российской империи. Эти кризисные явления тяжело ударили по Елизаветину, в котором и так было не все «гладко»: делопроизводственная документация велась беспорядочно (писарем был глубокий старик Парфен, который писал дрожащей рукой), никто из крестьян не знал конкретно о размерах и сроке платежей, не было разграничений по выплате оброка и подушины, а собранные деньги «не все доходили до своего назначения». Это приводит к тому, что в 1853 г. из-за долгов имение вместе с крестьянами описывается и подлежит продаже с публичного торга. В связи с этим Е. Н. Львова передает его в дар своей дочери – Надежде Федоровне Самсоновой в октябре – ноябре 1853 г.⁷ Начинается новый этап в истории Елизаветина: управление имением переходит в руки супруга Надежды Федоровны – полковника Евгения Петровича Самсонова, управляющего комиссариатской комиссией в Брест-Литовске. Именно предпринятые им мероприятия спасут имение от продажи с публичного торга.

Первым делом, в Елизаветино приезжает Н. Ф. Самсонова и собирает с крестьян деньги в счет оброка за 1853 г. – 1 127 руб. 50 коп. К этой сумме Е. П. Самсонов прибавляет почти 2 000 руб. собственных денег и выплачивает их опекунскому совету в счет просроченных процентов⁸.

29 ноября 1853 г. Е. П. Самсонов объявляет крестьянам о «новых порядках»⁹:

1) имение разделяется на 651 равный по размеру участок. Из них 596 участков на оброке; 51 – на барщине; 4 – на льготе;

2) устанавливается твердая сумма оброка – 8 руб. серебром с участка, которые необходимо вносить до 15 декабря каждого года;

3) высчитана сумма подушной подати, которую должны выплачивать в казну и оброчные крестьяне, и барщинные; ее размер составлял 4 руб. 50 коп. с участка, которые необходимо вносить до 15 января каждого года;

4) назначается руководство имением (приказчик Тимофей Фомин, старосты Мартын и Никифор), избирается голова (имя неизвестно); им предоставляются льготные участки, то есть они платят только подушину;

5) налаживается делопроизводство: в скором времени престарелый писарь Парфен заменен на более молодого – Матвея Клинкова.

Эти меры, естественно, не исполнялись в полной степени, но все же помогли унифицировать дела в имении.

В фамильном фонде Самсоновых находятся документы по управлению псковским имением с 1844 до 1856 г. Особый интерес представляет переписка Е. П. Самсонова с приказчиком Тимофеем Фоминым, в которой помимо ценных сведений по особенностям хозяйствования содержатся приходо-расходные

ведомости. В нашем распоряжении имеются месячные ведомости с ноября 1853 до апреля 1856 г. (ведомости за ноябрь 1854 г. и август 1855 отсутствуют) и годовые – за 1854 и 1855 гг. Благодаря им можно проследить динамику развития псковского хозяйства Самсоновых.

Т а б л и ц а ¹⁰

Соотношение прихода, расхода и прибыли в 1853–1855 гг.

Год	Приход	Расход	Доход
1853	4 759,78½	4 797,33	-37,54½ (убыток)
1854	5 257,88¾	4 682,29	575,59¾
1855	5 766,81½	4 604,70	1162,11½

Как видно из таблицы, за 3 года приход денег и доход увеличились, а расход остался практически неизменным, что связано с платежами в опекунский совет.

Одной из самых главных проблем во взаимоотношении с крестьянами была выплата подушной подати: например, за 1853 г. не было собрано ни копейки подушины. Главной причиной неуплаты помимо отсутствия денег была убежденность, что это не что иное, как дополнительный сбор в пользу помещика. Е. П. Самсонов в январе 1854 г. писал приказчику: «...подтверди им во всеулышание, что подушина собирается не в мою пользу, я из нее себе ни копейки не беру, а подать это казенная»¹¹.

Важным успехом на фоне увеличения доходов можно считать сокращение доли оброка в приходе имения. Если в 1854 г. почти 91,5 % в приходе – оброк, то в 1855 г. доля оброка 82,8 %¹², то есть увеличивается продажа продуктов сельского хозяйства, что свидетельствует о постепенном переходе помещичьего хозяйства на рыночные рельсы.

Получив имение в критический момент, Самсоновы, привлекая личные средства, спасают имение от продажи. Затем проводят ряд прогрессивных мероприятий, способствующих получению дохода, невзирая на огромные долги (например, в 1855 г. почти 71 % прихода отправлен на погашение долгов).

Накануне отмены крепостного права русское дворянство пытается вписаться в новые рыночные условия, и части помещиков (таким как Самсоновы) это удается.

П р и м е ч а н и я

¹ Дейч Г. М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX веков. Псков, 1957. С. 19.

² Государственный Архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 27–27 об.

³ См. подробно: Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 3. Извлечения из описания имений, по Великороссийским губерниям. Спб., 1860.

⁴ Подсчитано по: Дейч Г. М. Указ. соч. С. 18–19.

⁵ ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 12, 27, 42.

⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 3. Ч. 2. Псковская губерния. Спб., 1852. С. 259, 267, 269, 273.

⁷ ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 33 об.

⁹ Составлено по: ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 33 об., 34–34 об., 35 об.

¹⁰ Составлено по: ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 167–168 об.

¹¹ ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 60.

¹² Составлено по: ГАЯО. Ф. 1208. Оп. 2. Д. 42. Л. 167–168 об.

Г. Н. Чагин

г. Пермь

ИЗ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В XIV – НАЧАЛЕ XVI ВВ.

Истории удалось зафиксировать много подробных сведений об утверждении христианства на тех землях, которые переходили в подчинение Москвы. Одна из ярких страниц истории христианизации Русского государства предстает на Европейском Северо-Востоке, начальный этап которой связан с миссионером Стефаном Пермским, митрополитом московским Пименом и князем Московской Руси Дмитрием Иванович (Донским). Благоденствие идти на р. Вычегду Стефан Пермский получил от владыки Коломенского Герасима. В 1380 г. при впадении р. Вымь в р. Вычегду он возводит первый храм на Европейском Северо-Востоке.

Набиравшие силу московские князья добивались создания сильного государства и вели борьбу с Новгородом Великим за ослабление его влияния на Европейском Северо-Востоке. Поэтому миссию Стефана Пермского они напрямую соотносили с политическими событиями, от которых зависело будущее Московской Руси и в целом Русского государства. Великокняжеская власть Москвы и Московской митрополии оказывали Стефану Пермскому всяческую поддержку. Известно, что князь Дмитрий Иванович (Донской) выдавал Стефану охранную грамоту, снабжал его дружиной и деньгами, наделял правами сбора пошлин с торговых людей и ведения местных судебных дел.

Первые годы проповеди Стефана показали, что Пермская (Вычегодско-Вымская) земля «требовала себе епископа, поскольку до митрополита и до Москвы от нее далеко: как далеко отстоит Царьград от Москвы, также далеко от Москвы дальняя Пермь»¹. Предложение Стефана прислать епископа было радушно принято в Москве великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским) и митрополитом Пименом. В 1383 г. первым епископом Пермской земли они поставили Стефана. По замечанию Епифания Премудрого, «было же его поставление как-то необыкновенно красиво и неожиданно, так что я готов был удивиться»².

Получив епископскую кафедру, Стефан Пермский повел еще более энергичную миссионерскую деятельность, о которой Епифаний Премудрый писал: «Всех же своих крещеных он учил пребывать в вере и впредь преуспевать... и грамоте пермской учил их, и книги писал им, и святые церкви ставил им и освящал, иконами украшал и книгами наполнял, и монастыри устраивал, и в чернецы постригал, и игуменов им назначал, священников-попов и дьяконов сам поставлял, и анагностов-иподьяконов ставил»³. Одновременно Стефану Пермскому приходилось защищать население от набегов вогулов (манси) и новгородских дружинников, завозить хлеб из Великого Устюга и спасать население от голода.

В Новгороде Великом появление Пермской епархии воспринималось как вторжение Москвы в исконные новгородские земли. Князь и архиепископы стали чаще посылать в них дружинников, чтобы не потерять северо-восточные земли. Известно, что в 1386 г. Стефан Пермский выезжал в Новгород Великий и вел переговоры с архиепископом Алексеем о прекращении набегов дружинников. Духовными и светскими делами Стефан Пермский показал, что создавать Русское государство можно и «бескровным путем».

Поистине, образование Пермской епархии явилось началом перехода Перми Вычегодской в Московскую Русь. Центр епархии – городок Усть-Вымь приобрел важное значение духовного и административного центра на Европейском Северо-Востоке. Резиденция Стефана Пермского превратилась в крепость. Другие епископы – последователи Стефана Пермского продолжали получать права, которые в то время обычно имели наместники Москвы. Поэтому пермские епископы одновременно пребывали в роли вассалов великих московских князей. В таком историческом контексте пермская миссия Стефана приобретала не только духовное, но и государственное значение.

Последователи миссионерства Стефана – пермские епископы Исаакий (1398–1416), Герасим (после 1416–1443), Питирим (после 1444–1455), Иона (1456–1470), Филофей (1471–1501) – приложили немало усилий, чтобы границы Пермской епархии стали более широкими и прочными. Но в Москве понимали, что для закрепления на землях, на которые претендовал Новгород Великий, была необходима власть настоящих наместников. Поэтому при епископе Питириме в 1451 г. московский князь Василий Васильевич прислал «наместника от роду вереиских князей Ермолая, да за ним Ермолаем за сыном его Василием правити Пермской землей Вычегоцкою, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню»⁴. С этих пор московские князья в своей политической борьбе за отстранение Новгорода Великого от северо-восточных земель стали опираться не только на епископов, но и на наместников.

Чрезвычайно значимым актом в закреплении Московской Руси явилась христианизация Перми Великой (Камской), которая князьями признавалась стратегически важной территорией Урала в расширении восточных рубежей государства. В 1455 г. епископ Питирим начинал, а его последователь «владыко Иона добавне крести Великоу Пермь, постави им церкви и попы»⁵. Первое

крещение коренных жителей Перми Великой коми (пермяков) состоялось в г. Чердыни в 1462 г., спустя 79 лет после основания Пермской епархии с центром в г. Усть-Вымь. Тогда же в Чердыни основывается Иоанно-Богословский монастырь. С этих пор границы Пермской епархии распространились на Пермь Великую. За процессом введения православия в Перми Великой, который продолжался до начала XVII в., наблюдали не только пермские епископы, но и великие московские князья и высшие иерархи Русской православной церкви⁶.

Много потрудился на ниве утверждения православия на Европейском Северо-Востоке епископ Филофей. Чтобы обезопасить Пермскую епархию от разорения, он вел переговоры с князьями зауральских вогулов и татар. Епископство Филофея пришлось на правление Ивана III, при котором завершилось официальное вхождение вычегодских, вымских и камских земель в Русское государство. От Пермской епархии Филофей принимал участие в 1471 г. в поставлении нового архиепископа Новгородского, которое, по словам летописца, было организовано необычайно торжественно, чтобы закрепить победу Московской Руси над Новгородом Великим. Юридическое право на этот акт московским князьям давала отказная грамота 1471 г., полученная от Новгорода Великого на все земли, в том числе и входящие в Пермскую епархию.

Филофей участвовал в подготовке важнейшего исторического события – вхождения Перми Великой в Русское государство. Он помогал собрать вооруженный отряд, который по указанию Ивана III в 1472 г. отправился из Великого Устюга в Пермь Великую для пресечения сепаратистских действий наместника великого князя по отношению к Москве и официального включения камских земель в Русское государство.

Таким образом, два исторических события в Перми Великой в XV в. – христианизация населения и последовавшая акция включения верхнекамских земель в Русское государство – стали возможными благодаря Пермской епархии и покровительству ей московскими князьями. Все это способствовало активному вовлечению земель Пермской епархии – вычегодских и камских – в процесс становления русской государственности.

Во времена епископства Филофея Пермская епархия превращается в центр книжности и летописания. Епископ знал Стефановскую азбуку и на ней, в частности, оставил подпись под ответной грамотой московскому митрополиту. При Филофее впервые была дана историческая оценка Пермской епархии и епископа Стефана Пермского. Выходцу из Сербии, опытному мастеру агиографического жанра Пахомию Лагофету он заказывает в 1472–1473 гг. составить церковную службу Стефану Пермскому с акафистом и кратким житием.

Значимость Пермской епархии выразилась в том, что в 1492 г. Московская митрополия включила в ее состав вологодские приходы, и с этих пор епископы стали титуловаться Пермскими и Вологодскими. Кафедра обширной Пермской и Вологодской епархии до 1571 г. продолжала находиться в г. Усть-Вымь, а затем была перенесена в г. Вологду.

Великие московские князья, митрополиты Русской православной церкви и пермские епископы осознавали, что слияние вычегодских и камских земель

в единый государственный механизм произойдет быстро, если среди населения станут прочными позиции православия. Поэтому они не только наблюдали за процессом введения православия, но и всячески воздействовали на него.

Исключительные примеры о религиозной жизни населения Перми Великой содержатся в послании московского митрополита Симона 1501 г. духовенству «о соблюдении пастырских обязанностей и наставлении новопросвященных в христианских добродетелях», мирянам «об оставлении языческих заблуждений и хранении уставов православной веры», «князю Матвею Михайловичу пермскому да и всем пермичем, большим людям и меньшим, мужем и женам, юношам и младенцам»⁷.

Послание московского митрополита Симона насквозь пронизано православными наставлениями. Прежде всего, он обратился к игуменам, священникам и дьяконам, так как слышал о них, «что де и о церковном исправлении и о своем спасении нерадите, и о своих детях духовных небрежете и душевные пользы не ищите: сами де ядите и пьете не в подобно время, до обеда, да тем де и новокрещеным людям ослабу даете; многие де и новокрещенные люди, ваши дети духовные, на вас смотрят, сблажняются да то ж творят, ядят де и пьют и в праздники до обеда, да и женятся де и незаконными браки в племени, и иные де и богомерзские дела творят по древнему обычаю»⁸.

Митрополиту Симону было известно, что епископ Филофей, управлявший Пермской епархией в 1471–1501 гг., «не единова посылал к вам (игуменам, попам и дьяконам Перми Великой. – Г. Ч.) свои грамоты о том же, поучая вас, чтобы есте от раноядия и от питья воздержались, а детей бы своих духовных новокрещенных христиан учили всяко закону Божию, вере христианской: и вы де и о всех сих небрежете и от епископа своего божественных писаний поучения не внимаете»⁹. Эта ситуация приводила митрополита Симона в полное удивление, по этому поводу он высказался таким образом: «Я же сие слышах и зело стужие си душею о вашем неразумии, и дивлюсь, отколе помрачение приясте и тмою покровени бысте, еже не искати духовных полезных наказаний?»¹⁰.

Послание митрополита Симона, направленное на сохранение и укрепление православной веры на подвластной Русской православной церкви Перми Великой, включало наставление духовенству и мирянам.

Духовенству наказывалось: «...от своего епископа херотонию приясте, церковнаго ради исправления и вашего ради священства чистоты и за мирское спасение; и сих смотряюще, обрящете путь правый, ведущий в живот вечный, и стадо паствы вашае предпущающе. И вы бы всегда предстояние имели к Богу прилежное, с благословением, постом и молитвами, поючи молебны по вся дни о здравии и о спасении благороднаго и христоролюбиваго Великого князя Ивана Васильевича всея Руси и о благоверных великих княгинях, и о чядех их благородных князех наших, и о пособлении, и о укреплении христоролюбивого Великого князя, и о благопробывании, и о устроении земском, и о тишине, и о здравии, и о спасении всего православного христианства»¹¹. Миряне призывались: «...к церквам Божьим, к вечерне и к заутрени и к обедне приходите с молитвою, и милостыню по силе давайте, а святого пения слушайте со страхом,

а священников, игуменов и попов и дьяконов чтите и слушайте о всем и повинуйтесь им о всех духовных делах»¹².

Митрополит Симон «по своему святительскому долгу» стремился прекратить участие людей в языческих обрядах, ликвидировать последние как явление общественной жизни и создать условия для интеграции населения Перми Великой в православную веру и культуру. Приспосабливаться населению к изменяющейся ситуации приходилось трудно, но, тем не менее, язычество теряло позиции по мере утверждения новых ценностей, находивших отклик в православном учении. Суть последнего, а не только его внешнюю форму, народным массам еще предстояло усвоить.

С самого начала крещения коми-пермяков Чердынь превращалась в средоточие православных культов. Первым и главным из них явился основанный в 1462–1463 гг. Иоанно-Богословский мужской монастырь. Для вчерашних язычников он символизировал новую веру, переход к которой был неизбежен. Монастырское сооружение давало о себе знать и позже, когда православие становилось общим достоянием не только чердынского горожанина, но и крестьянина. Впоследствии круг православных храмов был расширен. В чердынском кремле воздвигли сначала Благовещенский храм, затем Рождества Христова, а на посаде – Воскресенский, Троицкий, Рождественский, Богоявленский, Успенский, Никольский, Прокопьевский, Пятницкий.

Нет сомнения, что людей заставляло следовать принятому православию не только религиозное рвение, но и желание жить по обрядам и обычаям, способствующим удовлетворению хозяйственных нужд, плодородию, пользе скоту и растительному миру. Годовой обрядовый круг выстраивался в определенную систему – календарь. Постепенно календарными вехами становились не языческие символы, а дни почитания православных святых и событий Священной истории. О продолжительности перехода на православный обрядовый круг населения Перми Великой, к сожалению, судить не приходится опять же из-за отсутствия источников. Но о введении календарных дат как важных событий для жизни населения все же судить можно.

В соответствии с уставной грамотой (первая редакция 1505 г. от великого московского князя Василия III, вторая – 1553 г. от великого князя и царя Ивана IV) население Перми Великой обязано было содержать наместника Москвы, поставляя «корм», то есть продукты своего производства, три раза в год: «...на Рождество Христово... на Велик день (Пасху. – Г. Ч.)... на Петров день...»¹³. «Оспожино заговенье» являлось датой, к которой наместник обязывался докладывать царю о мерах наказания за нарушение торговли, вплоть до того, чтобы виновных «пермитинов и усольцов... доставлять к царю и великому князю»¹⁴.

Упорядочивала уставная грамота и обрядовую жизнь населения. Как известно из грамоты второй редакции 1553 г., на эту тему Ивана IV подтолкнула челобитная «пермичей» – жителей Перми Великой, в которой они просили отменить запреты на кануны (братчины), установленные местной церковью. Церковь, очевидно, пошла на запрет в связи с тем, что в обрядах присутствовали языческие элементы. Иван IV разрешил посадским людям «кануны (совместные

трапезы по окончании молебнов в связи со стихийными бедствиями и поминовением умерших. – Г. Ч.) обетные и родительские держати по старине»¹⁵, но при условии, чтобы о них был извещен наместник, которому вменялось в обязанности брать пошлину «с пива с сапца по четыре денги, а меду с сапца по четыре ж денги»¹⁶. Кроме того, Иван IV жаловал «пермичей» «в году три недели питья варити и пити: неделя Великоденная (Пасхальная. – Г. Ч.), другая Дмитриевская, третья неделя к зиме Рождественская»¹⁷. Причем в этом случае не требовалось предварительного заявления наместнику. В кругу православных праздников указанные три недели имели большое значение для людей. Рождественскую и Великоденную (Пасхальную) недели посвящали важнейшим событиям из жизни Иисуса Христа – рождению и воскресению, а Дмитриевскую – поминовению усопших.

Примеры, запечатленные в уставной грамоте XVI в., показывают, что в Перми Великой православным людям, как недавно вошедшим в церковь, так и со стажем, приходилось обряды и хозяйственную и общественную основу жизни сопрягать с крупными православными датами.

Укрепив свое господство на Европейском Северо-Востоке, московские государи решили избавиться от вымского и великопермского князей. В 1502 г. Иван III отправил вымского князя Федора из Перми Вычегодской «*правити на Пусте-озере волостью Печорою*»¹⁸, обосновывая это тем, что «*место вымское не порубежно*»¹⁹. В 1505 г. Василий III великопермского князя Матвея за склонность к независимости «*свел с Великие Перми... и родню и братию ево, а в Перме велел бытии наместнику Василью Ондреевичу Ковер*»²⁰. Как сообщает летописец, наместник В. А. Ковер стал в Перми Великой «первый от русских князей»²¹. Этот факт, особо подчеркнутый в сообщении о вступлении в должность наместника Перми Великой В. А. Ковра, с полным основанием дает повод считать, что в начале XVI в. происходит окончательное присоединение великопермских земель к Русскому государству. Порядок правления В. А. Ковра строился по уставной грамоте, полученной им в момент вступления в должность наместника²².

Весь приведенный материал документирует начальный этап христианизации Европейского Северо-Востока, происходивший из двух центров – Москвы и владычного городка Пермской епархии Усть-Выма. Христианизация открыла важный этап расширения территории Русского государства на восток от Москвы. Она подорвала положение Новгорода Великого на Европейском Северо-Востоке и привела Пермскую землю за великих московских князей и московских митрополитов.

В этом процессе следует видеть уникальность политики епископов Пермской епархии. Они были миссионерами не только церковно-славянскими, но и исключительно пермскими, так как свою духовную деятельность вели на алфавите, специально созданном епископом Стефаном для языка коми – народа, который являлся объектом миссионерства. Пример с коми азбукой – это не только пример пути повышения духовной грамотности населения, но и политическое средство создания Русского государства.

Примечания

- ¹ Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. СПб., 1995. С. 161.
- ² Там же. С. 167.
- ³ Там же. С. 169.
- ⁴ Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 261.
- ⁵ Там же. С. 262.
- ⁶ Чагин Г. Н. Введение христианства в Пермь Великой в XV–XVI вв. // Чердынский край: прошлое и настоящее: материалы науч. конф. Чердынь, 2003. С. 98–102.
- ⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. С. 166–169.
- ⁸ Там же. С. 166–167.
- ⁹ Там же. С. 167.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 168.
- ¹³ Уставная грамота 1553 г. // Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 123.
- ¹⁴ Там же. С. 133.
- ¹⁵ Там же. С. 130.
- ¹⁶ Там же. С. 131.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Историко-филологический сборник. С. 264.
- ¹⁹ Там же. С. 264.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Устюжский летописный свод // Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 99.
- ²² Чагин Г. Н. Власть и управление в Пермь Великой в XV–XVI вв. // Судебник Ивана III: Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 215–229.

С. В. Малышко

г. Чернигов (Украина)

**ПОСЛЕДНИЙ ПРОТОПРЕСВИТЕР РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ И ФЛОТА: ВЕХИ БИОГРАФИИ**

Будущий протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Иванович Шавельский родился 6 января 1871 г. в с. Дубокрай, Витебской губернии, в семье дьяка. В 19 августа 1891 г., после окончания духовного училища, был назначен на должность псаломщика одного из бедных приходов Витебской губернии и, одновременно, учителем в местной сельской школе, где он работал до 12 марта 1895 г. Приняв священный сан 19 марта 1895 г., о. Георгий получает назначение на приход Полоцкой губернии, а спустя два года, овдовев, в 1898 г., по рекомендации витебского архиепископа, был направлен в Петербург

для поступления в духовную академию, где зарекомендовал себя как старательный ученик, получив при этом назначение на должность проповедника в Александровском машиностроительном заводе и благочинного в имение великого князя Дмитрия Константиновича в Стрельне. В 1901 г. был назначен настоятелем Суворовской церкви Николаевской академии Генерального штаба в Петербурге.

В годы Русско-японской войны Г. И. Шавельский получил назначение на место полкового священника в 33-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в марте 1904 г., а спустя некоторое время – дивизионного благочинного 9 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Закончив войну в звании главного священника 1-й Маньчжурской армии (с 1 декабря 1904 по февраль 1906 г.), о. Георгий за свою пастырскую работу, организаторские способности и героизм был удостоен наград в виде сана протоиерейства, наперсного креста на георгиевской ленте и ордена Святого равноапостольного князя Владимира IV ст. с мечами.

После войны о. Георгий вернулся в Петербург на свою должность настоятеля Суворовской церкви, одновременно занимаясь преподавательской деятельностью законоучителя в Смольном институте с 1906 по 1910 г. С 1910 г. – профессор богословия Историко-филологического института. В том же году прот. Георгий был избран членом Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства. В следующем году прот. Георгия было решено назначить помощником протопресв. Е. Аквилонова, но смерть последнего внесла свои коррективы: 20/21 апреля Синод, а 22 апреля император Николай II утвердили прот. Георгия на должность военного протопресвитера, которого, в связи с назначением, 25 апреля того же года наградили правом ношения митры.

В 1914 г., в канун Первой мировой войны, по инициативе протопресвитера в Петербурге был проведен I Всероссийский съезд военного и морского духовенства, который продемонстрировал активную деятельность протопресв. Шавельского в вопросе пастырской службы и работы по ее оптимизации, в улучшении правового и материального положения военного и морского духовенства, раскрыв тем самым как позитивные аспекты существования военного духовенства, так и негативные факторы, которые сдерживали развитие духовенства военного и морского ведомств¹.

В годы Первой мировой войны протопресвитер, согласно штату, находился в Ставке Верховного главнокомандующего, где его деятельность заключалась в согласовании работы военных священников и постоянном ее руководстве непосредственно на театре боевых действий. За значительную работу, проведенную протопресвитером, о. Георгий в январе 1915 г. был награжден орденом Александра Невского. Награду собственноручно ему вручил император Николай II. 1 ноября 1915 г. протопресвитер был избран членом Св. Синода, в котором он и находился до апреля 1917 г., постоянно курсируя между Могилевом, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, и Петроградом, где происходили заседания Синода.

За годы войны протопресвитер Георгий Шавельский проявил себя как деятельный руководитель военно-духовного ведомства: проехал всю линию

фронта – от Прибалтики до Причерноморья и Кавказа, побывав и в Восточной Пруссии, и в Варшавском округе, и в Галиции; инспектировал подведомственное ему духовенство, проводил пастырские собрания священников, составлял и распространял циркуляры и инструкции военному духовенству и послания армии и флоту, посещал госпитали, решал текущие вопросы, в том числе и по поводу награждений военного духовенства и духовенства воинских подразделений, призванного из епархиального ведомства, собирал информацию о деятельности православных священников на передовой линии обороны, рапорты и отчеты духовенства о состоянии церковных дел на отвоеванной территории и тому подобное. В своих воспоминаниях последний протопресвитер Российской Императорской армии писал о том, что посещение госпиталей всегда приносило ему большое моральное удовольствие: оказывал больным моральную поддержку, а для себя черпал новые силы для пастырской деятельности².

С началом Февральской революции, 9 марта Шавельский был арестован и заключен в тюрьму в Таврическом дворце, но освобожден 10 марта по причине отсутствия состава преступления. Основанием для его ареста послужила докладная записка от имени генерала Гурко, датированная декабрем 1916 г., по поводу пропаганды сектантства в войсках и резолюции на ней, суть которой заключалась в поручении жандармскому управлению взять вопрос под свой контроль. Учитывая состояние своего здоровья, а также факт ареста, протопресв. Георгий 5–6 апреля 1917 г. подал прошение обер-прокурору Св. Синода с просьбой отставки ввиду того, что его арест выявил недоверие к его личности со стороны власти, и в котором он также предлагал назначить вместо себя прот. П. Лепорского, однако просьбы не были удовлетворены³. На II Всероссийском съезде военного и морского духовенства (июль 1917 г.), на котором была предложена идея выборного начала протопресвитера военно-морского ведомства и его управления, полномочия протопресвитера Шавельского были подтверждены тайным голосованием⁴.

Во время работы Всероссийского Поместного собора в 1917–1918 гг. о. Георгий принимал участие в его заседаниях как протопресвитер военного и морского духовенства, товарищ председателя, член Высшего церковного совета при патриархе Тихоне. Кроме того, в определенный момент Шавельский был выдвинут деятелями собора как один из кандидатов в патриархи⁵.

Одним из важных вопросов, который требовал немедленного решения протопресвитером, был вопрос порядка богослужений для военных церквей в условиях военного времени, постоянных нарядов и дежурств, авральных работ или тревог. По словам как протопресв. Георгия, так и о. Митрофана Сребрянского, полкового священника 51-го драгунского Черниговского е. и. в. великой княгини Елизаветы Федоровны полка, который принимал участие в Русско-японской войне, за столетнюю историю военного духовенства не был создан порядок совершения богослужений в воинских подразделениях или варианта его сокращения с учетом сложности совершения богослужений по Типикону ввиду нехватки времени, обстоятельств военного времени или особенностей военной службы⁶.

Важным было и решение вопроса массового дезертирства, имевшего место на Рижском фронте в декабре 1916 г. Случилось так, что один из батальонов 17-го Сибирского стрелкового полка 5-й Сибирской стрелковой дивизии 12-й армии отказался идти в атаку, поддавшись влиянию немецкой пропаганды, за что был разоружен и изолирован от других воинских подразделений. 25 декабря, в день Рождества Христова, протопресвитер прибыл в штаб Сибирского корпуса, а оттуда отбыл в расположение изолированного батальона, где отслужил молебен и также произнес проповедь, начав ее с разъяснения воинского подвига, выполнения военного долга, продолжив историей полка и завершив, в достаточно строгой форме, разъяснением измены, как самого тяжелого преступления. Проповедь протопресвитера действительно произвела большое впечатление: через два дня батальон принимал участие в атаке, в которой большинство кровью искупило измену присяге⁷. Следует отметить, что, по словам о. Георгия, когда он пытался говорить подобным тоном с чинами 63-го Сибирского стрелкового полка в мае 1917 г., когда тот митинговал, отказываясь идти в окопы, эффект, на фоне бурлящей революции, оказался обратным: от разъяренной толпы протопресв. Шавельского спасли старослужащие, для которых священник не был обычным человеком⁸.

Приходилось протопресвитеру заниматься и вопросами обмена пленными священнослужителями. К таким обменам привлекались правительства воюющих государств через страны, декларировавшие свой нейтралитет, Международный Красный Крест и папа римский⁹.

После октябрьского переворота 1917 г. ведомство протопресвитера прекратило свое существование (в январе 1918 г.), а о. Георгий был вынужден скрываться от большевистского террора, не успев выйти из отпуска, предоставленного ему Св. Синодом по состоянию здоровья¹⁰. 30 сентября 1918 г., после трехнедельного путешествия пешком, верхом, парохомом и железной дорогой в одежде оборванца с паспортом давно умершего крестьянина Скобленко он прибыл в Киев, где в то время установилась власть П. Скоропадского, а оттуда – с документами на имя киевского дворянина Г. И. Шавельского – в Крым, где находился великий князь Николай Николаевич. В 1918 г. о. Георгий стал во главе военного духовенства Добровольческой армии ген. А. Деникина, одновременно принимая участие в работах Ставропольского собора (май 1919 г.) и Временного высшего церковного управления на Юге России (1919–1920), а после разгрома армии генерала Врангеля эмигрировал в Болгарию, где находился под юрисдикцией Болгарской православной церкви и занимал должность профессора богословского факультета Софийского университета и преподавателя Софийской российской гимназии, полностью отойдя от политической деятельности и не принимая участия в церковных дискуссиях, которые имели место среди российских эмигрантов. Умер 2 октября 1951 г. в Софии, где и был похоронен на русском кладбище.

Деятельность протопресвитера Российской армии и ее значение нашли свое отображение в высочайше пожалованных наградах, а именно: орден Св. Анны III ст. с мечами (20.X.1904), орден Св. Владимира IV ст. с мечами (14.III.1905),

золотой наперсный крест на георгиевской ленте (28.V.1905), орден Св. Анны II ст. с мечами (27. XI.1905), протоиерейство (1905), палица (1910), митра (25.IV.1911), орден Св. Владимира III ст. (6.V.1912), орден Св. Анны I ст. (4.X.1913), орден Св. Владимира II ст. (6.XI.1914), орден Св. Александра Невского (1915)¹¹.

Воспоминания исследователей и современников протопресвитера о его личности, конечно, очень противоречивы, ввиду того что сам протопресвитер отличался критическим мышлением и прямолинейностью, не боясь сказать правду в лицо. Так, А. Самойлов, офицер Генерального штаба из управления генерал-квартирмейстера Ю. Данилова, отмечает: «...производил <протопресвитер> впечатление человека хитрого и ловкого. Он начинал свою духовную карьеру простым полковым священником в нашей Маньчжурской армии»¹². Данная характеристика обусловлена, по нашему мнению, тем фактором, что протопресвитер имел право присутствия на военном совещании, непосредственной отчетности императору, доклада Главнокомандующему, состоя в должности руководителя ведомства, в то время как большинство считало его обычным священником при Штабе Верховного главнокомандующего, по случаю чего случались различные казусы.

Достаточно критически к протопресв. Г. Шавельскому относился и князь Н. Жевахов, впоследствии товарищ обер-прокурора Синода, называя его «всесильным» и таким, который имел влияние на императора, самонадеянным и маловерующим человеком: «Да ведь этот один человек погубит всю Россию»¹³. Такая характеристика протопресвитера Жеваховым была дана после того, как о. Г. Шавельский отказал ему в проведении крестного хода всей линией фронта по окопам, что является вне сферы полномочий протопресвитера, но что продемонстрировало некомпетентность Жевахова в военных и военно-церковных делах.

Полной противоположностью взгляда кн. Жевахова на личность о. Георгия являются воспоминания контр-адмирала Морского отделения Ставки, либерала по убеждениям, А. Бубнова. Как отмечает Александр Дмитриевич, среди иерархов Церкви редко можно было встретить настолько пронизательного, мудрого и привлекательного своими высокими качествами человека; он был прекрасно осведомленный о настроениях народа благодаря обширной сети военных священников, которые исполняли свой долг в подразделениях, укомплектованных людьми разных сословий¹⁴.

Среди современных исследователей можем отметить Андрея Александровича Кострюкова. В своей публикации исследователь предпринял попытку объективно изложить спорные аспекты биографии последнего протопресвитера русской армии и флота, его взгляды, факторы, повлиявшие на их возникновение и эволюцию¹⁵, упустив литургические взгляды протопресвитера, а также тот аспект, что о. Георгий Шавельский, будучи в определенный период своей жизни законоучителем, был достаточно знаком с церковными канонами и, исходя из этого, не предпринимал никаких важных шагов относительно богослужения, как пример, или присоединения униатского населения к Православию без согласования с Синодом¹⁶. Стоит также указать, что Г. И. Шавельский не пошел на разрыв с Русской православной церковью (РПЦ), уйдя в Зарубежную РПЦ, а сохранил каноническое единство с полнотой Вселенского Православия

через Болгарскую православную церковь, как бы там ни указывали на объективные или субъективные причины: факт остается фактом.

Что касается взглядов о. Г. И. Шавельского на вопрос о присоединении населения униатского вероисповедания, то он предлагал среди галицких униатов заниматься миссионерской деятельностью, не критикуя их взгляды или духовенство и не добиваясь немедленного принятия православия, а всеми способами показывая им величие и истинность православной веры, совершая для них, по возможности – бесплатно, богослужения и требы, привлекая для этого опытных и образованных священников с семинарским или академическим образованием, находящихся на государственном обеспечении¹⁷.

Нельзя согласиться с Г. И. Шавельским и его взглядами на проблему унии и решения греко-католического вопроса в русле православного вероучения, однако стоит отдать ему должное: протопресвитер не стал действовать на собственное усмотрение, а обратился рапортом в Св. Синод за разъяснениями по поводу присоединения униатского населения к Православной церкви и рекомендациями для пастырской работы священнослужителей, оказавшихся на территории с массовым проживанием греко-католического населения. Определяя тот факт, что местное население, которому, по мнению протопресвитера, католические догматы далеки для восприятия, обращается к православным священникам, он просил дать ответ на вопрос, не считается ли факт обращения к православному священнику актом присоединения к православной церкви и без формальных, по мнению о. Георгия, действий не отказывать им в удовлетворении религиозных нужд. Однако от Синода ответа на рапорт протопресвитера не поступило ввиду резолюции обер-прокурора Синода об отказе озвучить рапорт на заседании высшего церковного органа¹⁸.

Таким образом, можем отметить, что последний протопресвитер Российской Императорской армии, пройдя путь от приходского дьяка, полкового священника до протопресвитера военного и морского духовенства, который в военном отношении был приравнен к генерал-лейтенанту, а в церковном – к архиепископу, члена Синода, в личном плане стяжал себе как поклонников, так и недоброжелателей как за свои личные, так и деловые качества. Обусловленно это было, по нашему мнению, надеждами, которые возлагались на него, а также настроениями и склонностями самих современников протопресв. Г. И. Шавельского. Консерваторы воспринимали его негативно, а либералы, наоборот, достаточно хорошо о нем отзывались. Учитывая, что протопресвитеру, как представителю военного духовенства, были чужды аскетизм и созерцательность, и, как следствие, наблюдалось предвзятое отношение к черному духовенству в военно-духовном ведомстве, что вытекало из специфики прохождения службы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства, – о. Георгий пытался обновить состав военного духовенства за счет белого.

По поводу личности протопресвитера Шавельского отметим, что он был врагом мистицизма, суеверия и невежества, которые получили широкое распространение в России накануне революции. Прогрессивность его взглядов заключалась в толерантности к иноверным и одноверцам, а именно: он был

достаточно либеральным по поводу принятия в лоно Православия представителями других религий, которое заключалось в исповедании веры, исповеди и причастии, а по отношению к одноверцам – одним из представителей церковно-исторической школы, которые изучали и освещали не только положительные аспекты жизни Церкви, но и негативные, ставя, в первую очередь, истинность факта и акцентируя внимание на том, что Церковь – истинная, но люди, находящиеся в ней – по человеческой природе – не лишены греха. Кроме того, деятели указанной школы, среди которых можем отметить проф. Знаменского, привыкли видеть в историческом процессе объективность и последовательность исторических явлений и событий, конечно, по Воле Божьей, но определяя и фактор творческого начала и свободы выбора, предоставленные человеку Всевышним. Мистицизм и ожидание разнообразных чудес, как элементы провиденциалистской исторической школы, в отмеченную выше историографическую парадигму, в которой отдельно была определена роль личности, не вписывались.

Примечания

¹ Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 2-я – богослужебная. 1914 // РГИА. Ф. 806 Фонд протопресвитера военного и морского духовенства. Оп. 5 1907–1918. Д. 9432. Ч. 3. 147 л.; Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 6-я – правовая. 1914 // Там же. Ч. 7. 211 л.; Бумаги, относящиеся к I Всероссийскому съезду военного и морского духовенства в 1914 г. Секция 9-я – морская. 1914 // Там же. Ч. 10. 78 л.

² *Шавельский Г. И.*, протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк: Изд.-во им. А. П. Чехова, 1954. Т. 1. С. 6–7.

³ Личное дело протопресвитера Г. И. Шавельского. 28.04.–15.12.1917 // РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10336. 27 л. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 8–Л. 8 об.

⁵ *Кострюков А. А.* Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. Режим доступа: <http://www.pobeda.ru/content/view/4273/257/>

⁶ *Сребрянский М.*, о. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М.: Отчий дом, 1996. 352 с.

⁷ *Шавельский Г. И.*, протопресв. Указ. соч. Т. 2. С. 272–277.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Об обмене пленными служителями культа (аббат Жилле, Горбацевич и др.). 20.06.1916–10.10.1917 // РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10047. Л. 6, 9, 11, 16.

¹⁰ Личное дело протопресвитера Г. И. Шавельского. Л. 2, 13.

¹¹ *Капков К. Г.* Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М.: Летопись, 2008. С. 125–126.

¹² *Самойлов А. А.* В Ставке Верховного Главнокомандующего // *Самойлов А. А.* Две жизни. Л., 1958. С. 141–159, 161–169; Первая мировая / сост., предисл., вступ. ст. к документам и коммент. С. Н. Семанова. – М.: Мол. гвардия, 1989. С. 414–432.

¹³ *Жевахов Н. Д.*, кн. Воспоминания товарища обер-прокурора Священного Синода: в 2 т. М.: Родник, б.г. Т. 1. С. 74.

¹⁴ *Бубнов А. Д.* В царской ставке. М.: Вече, 2008. С. 33.

¹⁵ *Кострюков А. А.* Указ. соч.

¹⁶ *Шавельский Г. И.*, протопресв. Указ. соч. Т. 1. С. 176.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 178.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 176.

А. В. Зябликов

г. Кострома

ОРТОДОКСАЛЬНОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО И РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЭЛИТА ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

А. А. Кара-Мурза, структурируя «лики» российского западничества исходя из стратегического пункта, требующего представить соотношение России и Европы в виде арифметической дроби, выделил 7 аватар: «Россия – Ничто, но должна стать и станет Европой» (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен); «Россия была не-Европой, но Петр “пересоздал ее”, поставив на европейскую колею» (В. Г. Белинский); «Россия – “полу-Европа – полу-Азия”, но она должна и может стать Европой» (А. С. Пушкин, Г. В. Плеханов); «Россия была Европой и должна вернуться в Европу» (В. В. Вейдле); «Россия – это лучшая Европа» (Г. П. Федотов); «Россия – это Европа, но отсталая Европа и таковой останется» (И. С. Тургенев); «Россия должна идти на слияние с Западом путем конвергенции» (В. Ф. Одоевский, А. Д. Сахаров)¹. Эту типологию могут пополнить Е. Т. Гайдар и другие реформаторы постгорбачевской эпохи («Россия – это искаженная Европа, которая должна преодолеть “искривление” своих форм»), а также ранний И. В. Киреевский («Россия – это не-Европа, но познание Европы и ее умственные уроки помогают раскрыться национальному самосознанию русских»).

Если исходить из того, что критерием типологий российского западничества является степень интеллектуального погружения в мироуклад Запада, в его философские, культурологические, исторические и политические концепции, то в этом случае, как ни парадоксально, наиболее крупными и последовательными западниками следует признать глубоких знатоков европейской жизни славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского или например, политического консерватора Н. М. Карамзина, чьи «Письма русского путешественника» называют одним из первых памятников западнической мысли.

Обратим внимание на важное обстоятельство: путешествующему по Западной Европе двадцатипятилетнему русскому аристократу чужд восторг перед достижениями европейской цивилизации, отношение Н. М. Карамзина к постигаемым формам западной жизни лишено всяческого подобострастия. Как Ж.-Ф. Шампольон впервые ступил на священную землю Египта, уже обладая ключом к дешифровке текстов древней культуры, так будущий автор «Истории государства Российского» приезжал в Германию, Швейцарию, Италию, Францию, Англию уже вооруженный изрядным багажом знаний о европейской истории, науке, литературе и философии. В той же мере, в какой Н. М. Карамзин изумляется просвещенному Западу, европейские интеллектуалы изумляются просвещенному, пытливному гостю из «медвежьей» Московии. Более того, в ряде случаев северный «варвар» позволяет себе заподозрить в варварстве именно Европу.

Характерно, что идеализированно-книжное восприятие Запада представителями российской интеллектуальной и художественной элиты при непосредственном соприкосновении с европейскими формами жизни нередко сменялось

разочарованием и скепсисом. Запад призван не только (и даже не столько) воодушевлять, но и огрезвлять, возвращать русского человека к реальности, побуждать к размышлению об исторической судьбе своей страны, об истоках удивительной жизнеспособности русской государственности и культуры. Юношеская очарованность Европой и мечты о ее во многом мифологизированных «свободах» растворялись в новом историческом и житейском опыте русских мыслителей и художников. Так, европофилия молодого И. В. Киреевского («...как выразить то до сих пор не испытанное расположение духа, которое насильно и как чародейство овладело мною при мысли: я окружен первоклассными умами Европы!»²) спустя несколько лет сменяется совсем иными оценками («Грустно видеть, каким лукавым, но неизбежным и праведно насланным безумием страдает теперь человек на Западе...»³). Подобную эволюцию прошла историософская мысль К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, А. И. Герцена и многих других выдающихся деятелей России. Даже К. Н. Леонтьев признавался, что в юности был увлечен «искусственными оливами» европейских идей, зачитывался романами Жорж Санд и мечтал съездить во французский Ноан, чтобы благоговейно облобызать ее туфельку⁴.

Сама очарованность западными ценностями, то, говоря словами В. В. Розанова, «знойное наслаждение»⁵, которое получает русский от соприкосновения с западным мироукладом, может служить косвенным доказательством того, что Россия в социокультурном пространстве Европы является воистину «другим» берегом. Русский ум способен искренне и открыто изумляться инокультурным достижениям, эстетически переживать знакомство с новыми формами мысли и быта, однако в конце концов он утомляется ими, признает их чужими, не удовлетворяющими его запросов. Примером такого, на первый взгляд, нелогичного возвращения к «почве» является идейная и творческая эволюция крупнейшего русского поэта А. С. Пушкина. Европофильство, умственная и эстетическая утонченность, апологетика петровских преобразований не помешали поэту в конце концов принять как идеал совершенно иной, неевропейский, тип духовности. Получается, что именно глубокое погружение в идейный и душевный мир Европы делает русского человека убежденным почвенником. Одним из первых обратил внимание на эту тенденцию А. А. Григорьев.

Позитивное отношение к реформам Петра I, понимание многих преимуществ Европы по отношению к России, в первую очередь, в сфере образовательной и экономической, отнюдь не лишало российских западников способности отличать подлинные ценности западного мира от мнимых, отнюдь не вынуждало подвергать российские традиции незаслуженной хуле.

Не была Европа для русских западников и незыблемым политическим ориентиром. Суждения европейских вояжеров об «азиатской» московитской деспотии и рабской психологии восточных славян уравниваются мнением русских о нравах Европы. Поэт К. Н. Батюшков, боевой офицер, на глазах которого вершилась европейская история начала XIX в., «вооруженный путешественник», как он сам себя называл, наблюдавший в 1814 г., как русские казаки прогуливаются по парижским бульварам и Аустерлицкому мосту, писал: «Тот, кто... не

гордился своим отечеством и не благословлял России... тот поезжай в Германию и живи и умирай в маленьком городке, под тенью приходской колокольни с мирными германцами, которые, углубясь в мелкие политические расчеты, протянули руки и выи для принятия оков гнуснейшего рабства»⁶.

Саксонец (!) декабрист (то есть западник по определению) В. К. Кюхельбекер призывал русских сбросить «поносные цепи немецкие»⁷. В социально-политической утопии «Европейские письма» (1820), где на карте Европы XXVI в. уже нет Парижа и Лондона, но есть «вашингтонские» и русские колонии, путешественник будущего формулирует такое мнение о Старом Свете: «Раскрой их историю и оцепенеешь, подумаешь, что читаешь летописи диких зверей»⁸.

Ортодоксальное западничество никогда не было лейтмотивом российской общественной мысли. Такие фигуры, как поэт В. С. Печёрин, ставший в 1836 г. первым в России добровольным политическим эмигрантом, а в 1840 г., пройдя через увлечение фурьеризмом, вступивший в католический орден редemptористов, или писательница З. А. Волконская, переехавшая в 1829 г. в Рим и там принявшая католичество, или писатель князь И. С. Гагарин, оставивший Россию в 1843 г. и вступивший во Франции в орден иезуитов, были скорее интеллектуальной экзотикой, нежели выразителями какой-то общественной тенденции. Однако даже эти прозападно настроенные мыслители на протяжении всей своей жизни питали живой интерес к судьбам России и славянства. С. Л. Чернов, автор одной из немногих работ о В. С. Печёрине, замечает, что фигура этого писателя и религиозного деятеля во многом типична для русского общественного сознания, пронизанного идейным скитальчеством и нарастающим скепсисом по отношению к идеалам западной цивилизации⁹.

Ортодоксально западническая модель истории и общественной жизни всегда имела в России больше критиков, чем доброжелателей. Стоит вспомнить хотя бы знаменитое неотправленное письмо А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., в котором поэт «решительно не соглашается» с чаадаевским тезисом об исторической «ничтожности» русских и предлагает свои доводы в пользу того, что история государства Российского отнюдь не «бледный и полузабытый сон»¹⁰. Да и сам П. Я. Чаадаев после «Апологии сумасшедшего» (1837), в которой достаточно резко критикуется «блаженный патриотизм» русофилов, медленно, но верно встает на путь идейного сближения со своими оппонентами. Поздний П. Я. Чаадаев – консервативный и глубоко религиозный мыслитель, не чуждый идеям русского мессианизма, проповедующий, наряду с Н. В. Гоголем, концепцию «познания России». Лишь в конце жизни под впечатлением удручающих сюжетов российской действительности, связанных с ужесточением правительственной реакции и начавшейся Крымской войной, П. Я. Чаадаев вернулся к убийственным характеристикам России в духе первых «Философических писем».

Многие исследователи обращают внимание на то, что российское западничество патриотично: оно нередко окрашено в либерально-консервативные и консервативные тона. Каноническое российское западничество основано на идее «срединности», оно всегда критично по отношению к европейской морали, идеологии и общественному укладу жизни. «Западничество» как бездумное

подражательство Европе – философия хлестаковых, старо- и новорусских журде- нов. В России такая европомания всегда была объектом насмешек и презрения.

Ущербность крайних, радикальных позиций в споре о путях развития Рос- сии хорошо понимали уже в XVIII столетии. «Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудки, – задавался вопросом в 1783 г. «западник» Д. И. Фонвизин, – первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?» И сам же отвечал: «Временем и знанием»¹¹.

Время и знание делали свое дело. По мысли русских художников, это зна- ние должно быть обоюдным: не только Россия обязана открыть для себя муд- рость Запада, но и Запад должен узнать Россию и понять ее правду. XIX в. стал эпохой наиболее пристального взглядывания двух культурно-исторических ми- ров друг в друга, а приобретенное знание к началу XX в. катастрофически не желало приобретать характер некоего удобного, унифицированного мнения. После двух веков европеизации Россия и Запад смотрели друг на друга глаза- ми, полными недоумения и восторга, смешанного с ужасом.

Примечания

- ¹ *Кара-Мурза А. А.* Что такое российское западничество? // Полис. 1993. № 2. С. 96.
- ² *Киреевский И. В.* Из русской думы. М., 1995. Т. 1. С. 168.
- ³ Там же. С. 73.
- ⁴ *Леонтьев К. Н.* Храм и Церковь. М., 2003. С. 230.
- ⁵ *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 257.
- ⁶ *Батюшков К. Н.* Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 289.
- ⁷ *Кюхельбекер В. К.* Сочинения. Л., 1989.
- ⁸ Там же. С. 314.
- ⁹ *Чернов С. Л.* «От России я никак отделаться не могу» // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 147.
- ¹⁰ *Пушкин А. С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. М., 1978. С. 287.
- ¹¹ *Фонвизин Д. И.* Избранное. М., 1983. С. 218.

Н. С. Майорова, А. В. Чибисов (игумен Мануил)

г. Кострома

ОСВЯЩЕННЫЕ СОБОРЫ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНУТРИЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В 1920-е ГГ.

Освященный собор обладает высшей властью в области вероучения и кано- нического устройства Древлеправославной церкви Христовой (ДЦХ б. и.) и со- зывается не реже одного раза в год с участием епархиальных архиереев, пред- ставителей клира и мирян под председательством архиепископа (митрополи- та) Московского и всея Руси. Освященный собор имел полномочия: истолко- вывать учение старообрядческой церкви на основе Священного Писания

© Н. С. Майорова, А. В. Чибисов (игумен Мануил), 2012

и Священного Предания при сохранении вероучительного и канонического единства с Русской церковью до раскольного периода; решать канонические, богослужебные, пастырские вопросы, обеспечивающие единство церкви; утверждать и отменять свои постановления, касающиеся церковной жизни; избирать архиепископа Московского и всея Руси; канонизировать святых; открывать новые епархии; избирать и утверждать кандидатов в епископы и др.

В середине 1920-х гг. старообрядческой церкви по разрешению НКВД удалось провести несколько Освященных соборов, которые проходили в зимнем кафедральном храме во имя Рождества Христова, при Рогожском кладбище в Москве. Перед началом заседаний совершались Божественная литургия и молебствие, после чего архиепископ Московский и всея Руси Мелетий зачитывал разрешение на созыв Освященных соборов и объявлял об их открытии. В 1922 г. собор состоял из 8 епископов и 72 делегатов, в 1925 г. – 16 епископов, 85 делегатов с правом решающего и 47 – с правом совещательного голоса, в 1926 г. – 17 епископов, 72 делегатов с решающим и 65 с совещательным голосом, в 1927 г. – 17 епископов, 81 делегата с решающим и 39 делегатов с совещательным голосом, в 1928 г. – 15 епископов, 86 делегатов с решающим и 30 – совещательным голосом¹.

Работа Собора начиналась с рассмотрения деятельности в межсоборный период архиепископа Московского и всея Руси и Совета при архиепископии. Последний, в составе 12 человек, переизбирался, делая возможным участие клириков и мирян в управлении церковью. Совет избирал из своей среды в помощь архиепископу должностных лиц: председателя, секретаря, казначея и особых лиц по ходатайственным и другим гражданским делам. Совет определял, какие вопросы, доклады и прочие должны быть представлены Освященному собору полностью, с мотивированным замечанием, в сокращенном виде или с изложением сущности дела.

Освященный собор 1922 г., руководствуясь учением св. апостола Павла и канонами церкви, утвердил формулу поминовения светской власти на богослужении в следующем виде: «О Державе Российской и о всех, иже во власти сущих». Это решение свидетельствовало об официальном признании старообрядческой церковью советской власти и лояльном к ней отношении².

В 1925 г. Собор высказал мысль о том, что необходимо было «выделить комиссию из мирян членов Освященного собора и с благословения архипастырей возбудить ходатайство от имени верующих всей старообрядческой церкви... перед советской властью заявив, что верующие старообрядцы лояльно относятся к власти». Депутатам казалось, что советская власть должна была обратить свое внимание на старообрядческую церковь и посодействовать в устранении ее трудностей. Указывалось на то, что старообрядческое духовенство имело выборное начало и происходило исключительно из трудового сословия, что священнослужители служат на небольших приходах и со своими семьями занимаются хлебопашеством. Обращение к власти состояло из требований экономического характера: умеренного налогообложения епископов и тех священнослужителей, которые не платили единого сельскохозяйственного налога,

освобождения от налогов церковных зданий; возвращения скитов, закрытых приходов, богаделен, «построенных на трудовые копейки многострадального старообрядчества» и др.³ Однако никакого отклика со стороны власти ходатаи не получили. Советское законодательство относило служителей культа к группе лиц с нетрудовыми доходами, облагаемых по высокой налоговой ставке. Церковные здания были национализированы в 1917–1918 гг. и возвращению в собственность прежних владельцев не подлежали.

В течении ряда лет Собор обсуждал проекты положений «О соборном управлении» и «Об Освященных соборах», но все они в итоге были отправлены на доработку. Приняв во внимание незнание епархиальными советами своих обязанностей и прав, комиссии, занимающейся работой над проектами, предлагалось разработать и «Положение о епархиальных Советах»⁴.

Образование Минусинско-Енисейской и Семипалатинско-Зайсанской епархий привело к тому, что и в других обширных по своим территориям епархиях стало наблюдаться стремление к дроблению. Сторонники разделения епархий отмечали, что если бы было большее число кафедр, то порядки в церкви были бы лучше и меньше бы встречалось духовных нужд. Но многие епархии не имели средств на содержание епархиального секретариата, и поэтому правящим архиереям самим приходилось вести секретарское делопроизводство. Некоторые епископы в своих епархиях не имели соборных диаконов, помогавших им во время архиерейских богослужений⁵.

К 1925 г. тенденции к разделению наблюдались у Донской, Нижегородско-Костромской и Самарско-Уфимской епархий. Соборы 1925–1927 гг. не нашли достаточных аргументов в пользу разделения Донской епархии и выделения в самостоятельные епархии Костромского и Уфимского благочиний⁶. Освященный собор 1927 г. рассмотрел вопрос о границах епархий и постановил: «Гражданские переформирования губерний не могут служить основанием для изменения границ прежних епархий, помимо добровольного соглашения епископов, утвержденного Собором»⁷.

Активизация атеистической пропаганды вызвала отпадение молодежи от церкви. В 1920-е гг. среди старообрядцев стали наблюдаться такие негативные явления, как брадобритие, пьянство, сквернословие, ношение неприличных костюмов, табакокурение, нарушение целомудрия, посещение театров, нарушение постов, увлечение картежными, азартными играми и сектантскими лжеучениями и т. д.⁸

Для поднятия среди старообрядцев и особенно пастырей церкви уровня знаний по основам христианской веры, по предложению ленинградского «Братства во имя св. сщмч. Аввакума», Собор 1925 г. вменил в обязанность правящим архиереям, священникам и советам общин способствовать распространению в своей среде духовного просвещения. Через назидательные соборные увещания старообрядцы призывались к христианскому воспитанию своих детей, к охране их от дурных привычек и наклонностей и к сохранению целомудрия. Пастырям предписывалось чаще посещать своих прихожан и тщательно заботиться об их духовном состоянии, а также проповедовать, устраивать вечерние

чтения с беседами, лекциями и обучением догматам христианской веры, молитвам, церковному чтению и пению, правилам поведения в церкви и улучшать церковную жизнь по законам церкви. Для исполнения этих задач Собор повелел старообрядцам объединяться в христианские братства, открытие которых должно было происходить в каждой епархии по благословению правящего архиерея.

Не менее одного раза в год каждому епископу поручалось посещать приходы вверенной ему епархии, совершать в них богослужения, а вместе с этим осматривать лично приходскую жизнь и на местах разбирать и решать все подобающие ему вопросы церковно-приходской жизни. Кроме того, епископы должны были тщательно контролировать обучение недавно рукоположенных священнослужителей практике богослужения и пастырским обязанностям⁹.

Сознавая необходимость в новых условиях существования церкви повысить уровень знаний у священно-церковнослужителей, Освященный собор 1925 г. постановил открыть в Ленинграде богословско-пастырские курсы, которые функционировали под руководством епископа Ленинградского и Калининского Геронтия (Лакомкина). На Соборе было высказано правящим архиереям пожелание «в меру возможности» собирать епархиальные съезды, побуждать пастырей и мирян к церковно-общественной работе и заботиться об их сближении для общей работы на благо церкви¹⁰.

Собор 1925 г. рассматривал и вопрос об учреждении беглопоповской иерархии, через присоединение 22 октября 1923 г. обновленческого архиепископа Николая (Позднева)¹¹. В связи с этим Собор по вопросу об отношении ДЦХ б. и. к старообрядцам, приемлющим священство от новообрядческой церкви, постановил: «Пригласить через особое послание так называемых беглопоповцев к тщательной проверке тех причин, которые удерживают их от соединения с нами, и к миру церковному». Организованная комиссия из 13 лиц должна была просить беглопоповцев прислать столько же своих представителей для рассмотрения всех разделяющих вопросов, а результаты своего исследования представить на решение очередных соборов старообрядческой церкви и беглопоповского согласия.

Работа сходного характера велась и с неокружниками, беспоповцами и единоверцами. К ним неоднократно посылались соборные воззвания с призывом начать переговоры об объединении. Освященный собор 1926 г. принял постановление о проведении на местах епархиальных съездов и совещаний с представителями этих направлений старообрядчества¹². В некоторых местах подобные мероприятия дали положительные результаты, вследствие чего соборы 1927 и 1928 гг. рекомендовали неустанно вести дело об объединении.

И все же наиболее важным вопросом внутрицерковной жизни оставалось церковное благочиние. В попытках его регулирования высокие требования были предъявлены священнослужителям. Они обязывались не оставлять служение всенощного бдения, положенного по церковному уставу на праздники и воскресные дни. После окончания Божественной литургии священнослужители должны были произносить проповеди и читать обычные поучения, положенные по уставу.

Взаимная исповедь духовных лиц была запрещена. Кроме этого, им было запрещено стричь волосы. Жалобы на священнослужителей должны были подаваться епархиальному епископу. Если жалобщика не удовлетворяло решение епископа, то он подавал вторую жалобу через него на окончательное решение Освященного собора¹³. В свою очередь Освященные соборы призывали священнослужителей и мирян не нарушать церковных канонов и законов христианской жизни, а быть строгими исполнителями.

По соборному определению «о благочинии на венчаниях», все беспоповские браки должны быть венчаны в старообрядческой церкви, не разрешалось совершать таинство брака вечером, после вечернего богослужения, и в день миропомазания без уважительной на то причины. Было запрещено венчание браков накануне среды и пятницы и всех вторичных браков без расторжения первых духовной властью. Кроме этого, запрещались все новшества и бесчинства, которые проникли в богослужебный обиход старообрядческой церкви, например, венчание невест в вуалях, использование шаферами перчаток, не исследование священниками духовного родства брачующихся и т. д. Невестам предписывалось венчаться с покрытой убрусом головой, как покрываются женщины на молитве в храмах, шаферам не использовать перчатки, а священникам перед венчанием строго исследовать духовное и кровное родство брачующихся¹⁴.

Распространение между старообрядцами смешанных браков привело к запрещению таковых соборным постановлением. Родители, благословившие своих чад на венчание в ереси, подвергались отлучению. Поэтому венчание могло быть совершено только после окончательного присоединения к древлеправославию. В противном же случае священникам запрещалось посещать со святыней дома таких незаконно-живущих семей, но разрешалось посещение таких домов ради тех, если с ними проживали христиане незасорной жизни. Исповедь у незаконно живущих разрешалось принимать при смерти или при обращении оставить беззаконие. Без уважительной причины не допускался и переход от одного духовного отца к другому. Выразившие желание присоединиться к старообрядческой церкви, но не успевшие, по соборным постановлениям не должны были лишаться христианского погребения. Лишались его только те, кто публично отрекался от Бога и при жизни не соблюдался закон христианской нравственности¹⁵.

Гражданским законом дозволялось иметь в приходах метрические книги и вести в них соответствующие записи, отдельные от записей ЗАГС, поэтому всем советам общин было рекомендовано продолжить ведение метрических книг по установленному порядку. Приходам предписывалось праздновать церковное Новолетие 1 (14) сентября, а также устанавливалось празднество памяти всех старообрядческих мучеников, пострадавших за древнее благочестие в XVII в., которое было принято торжественно совершать в воскресенье перед Неделю св. праотцев. Соборные постановления признали недопустимым служение Божественной литургии на черствых просфорах. Просфоры должны быть испечены в тот же день, в который служится литургия. Также не допускалось в старообрядческих храмах возжигание

электрического освещения в паникадилах, лампадах и перед иконами, но для освещения храма оно все же было разрешено.

Через особые воззвания старообрядческая церковь обращалась к верующим о сборе пожертвований нуждающимся в материальной помощи приходам, которые в недавнем времени находились в беглопоповском или неокружническом расколе. Собирались пожертвования престарелым, калекам, больным, бесприютным, вдовам и сиротам священнослужителей и всем нуждающимся. Церковь не оставляла без содержания и тех священнослужителей, которые находились в запрещении. Сборы на такие нужды контролировали епископы, а организовывали на местах настоятели приходов. Все собранные средства использовались строго по назначению.

В 1920-е гг. с разрешения властных органов в старообрядческой церкви состоялось несколько Освященных соборов. Это было чрезвычайно важно для внутрицерковной жизни, поскольку ДЦХ белокрыницкой иерархии получила право, которого не имела патриаршая церковь, не собиравшая Поместных соборов с 1918 по 1943 г. В отличие от патриаршей церкви древлеправославная не являлась государственным институтом Российской империи и не стояла на монархических позициях после Октябрьской революции, а была церковью в полном смысле этого слова всегда народной, что и предоставило ей временное «привилегированное положение» в новом государстве. Но все же и при такой относительной свободе отношение советской власти к старообрядчеству было негативным, как и к любой другой религии. Антирелигиозная пропаганда в советском государстве была нацелена и на ДЦХ б. и., результатом которой стало снижение религиозности среди старообрядцев и отпадение молодежи от церкви.

Примечания

¹ Архив Митрополии Русской православной старообрядческой церкви (АМ РПСЦ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 67. Л. 13; Д. 90. Л. 12; Д. 100. Л. 3; Д. 142. Л. 1; Д. 164. Л. 2 об.

² Там же. Д. 67. Л. 20.

³ Там же. Д. 216. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 164. Л. 3 об.

⁵ Там же. Д. 218. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 164. Л. 6 об.

⁷ Постановления Собора Святой древлеправославной церкви Христовой в Москве. М., 1928. С. 14–16.

⁸ АМ РПСЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 217. Л. 1–2 об.

⁹ Там же. Д. 90. Л. 4–5, 28.

¹⁰ Там же. Д. 142. Л. 5–6.

¹¹ См.: История иерархии Русской православной церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 744.

¹² АМ РПСЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 100. Л. 2–3.

¹³ Постановления Собора святой древлеправославной церкви Христовой в Москве. М., 1928. С. 17; АМ РПСЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 100. Л. 3, 5 об.; Д. 67. Л. 20.

¹⁴ Постановления Собора святой древлеправославной церкви Христовой в Москве. М., 1928. С. 12.

¹⁵ АМ РПСЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 164. Л. 4 об. – 5.; Д. 67. Л. 20–20 об.

И. Н. Сулоев

г. Кострома

**ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905–1907 ГГ.
НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ КРЕСТЬЯН
ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ
И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Революционные события 1905–1907 гг. оказали влияние на политическое мировосприятие крестьян. В отечественной историографии эволюция крестьянского мировосприятия периода 1-й русской революции изучена¹ лишь отчасти и нуждается в дальнейшей разработке.

В начальный период революции проникновение листовок и прокламаций революционного содержания в деревню, а также антиправительственные высказывания односельчан вызвали у крестьян отторжение. В связи с этим в 1905 г. в Костромской губернии проявляются крестьянские антиреволюционные выступления. Так, 5 июня в с. Острецово, Острецовской волости, Нерехтского уезда, местные крестьяне избили жителя д. Федорова Ширяихской волости Н. К. Малинина за то, что он будто бы высказался, что «царя не нужно». После этого искалечили крестьянина Шуйского уезда Елюинской волости д. Дервицева А. С. Лебедева, обвинив его в принадлежности к революционной партии. Затем толпа напала на крестьян д. Куренева, Острецовской волости, обвиняя их в связи с революционерами и в политической неблагонадежности².

17 октября в результате мощных революционных выступлений Николай II подписывает манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Как отмечают историки, этим актом «была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни»³, так как манифест устанавливал западно-европейские либеральные ценности, подменяя русские православные.

Манифест вызвал отрицательную реакцию в крестьянской среде, что отразилось в черносотенных погромах в Костроме и Ярославле. 18 октября патристические шествия прошли в Ярославле, в ходе которых произошли столкновения с черносотенцами и полицией. Исследователи отмечали, что «большая часть народа, воспитанная в царистком духе, не была еще достаточно подготовленной для поддержки требований демократических преобразований. Очевидец тех событий сознавался, что многие ярославцы не понимали происходящего, как не понимали слов «забастовка», «свобода слова и собраний», «свобода печати»⁴. 19 октября в Костроме состоялся крупный антиреволюционный черносотенный погром, в котором принимали активное участие крестьяне. По рассказам очевидцев, произошло следующее. Во время чтения революционер высказался за свержение самодержавия, после чего крестьяне набросились на него со словами: «Бей их! Постоим за Бога и за Царя православного!»⁵. Участники событий свидетельствовали: «В России есть миллионы людей, не читающих газет, особенно с либеральным направлением, людей, лозунгом жизни коих было всегда и остается: “православие и самодержавие”. Эти люди не знают существа

реформ государственного и общественного строя, на которых настаивает нынешняя интеллигенция и либеральная часть русского населения»⁶. Таким образом, большинство сельского населения к концу 1905 г. сохраняло веру в неприкосновенность самодержавной власти, а всякое посягательство на верховную власть вызывали отпор.

Важные сдвиги в политическом мировосприятии крестьян начинают происходить в конце 1905 – начале 1906 г. в связи с избирательной кампанией в первую Государственную думу. В это время разворачиваются выборы уполномоченных в уездах. По мнению крестьян Ветлужского уезда, депутат не должен принадлежать «ни к какой партии», сочувствовать «Государю и народу» и «стараться приобрести землю мирным и законным путем», так как «такое приобретение на самом деле приятно будет и Богу и Царю и народу и на такой земле Господь будет нам давать труженику прибыль земных плодов»⁷. Пострадавшие от революционных железнодорожных забастовок сельские обыватели выдвигали в уполномоченные беспартийных, монархически настроенных представителей, надеявшихся решить проблему малоземелья мирным путем. Сельский избиратель Чухломского уезда так описывал проходящие у них выборы: «Старики – а их было много – дали благой совет отслужить молебен, дабы пал святой жребий на лицо, которое угодно провидению попасть в Думу. Сказано – сделано, помолились все усердно, чтобы не выбрать социалиста (а были тут некоторые заподозренные в социализме)»⁸. Выборы для крестьян носили религиозно-ритуальный характер. В выдвижении выборщика жители села видели Божью волю. Депутат, по мнению сельского обывателя, должен был, как Минин и Пожарский, принадлежать «партии честных русских людей, готовых пожертвовать и собою за отечество»: «Нам только нужны Минин и Пожарский... и мы... стали бы... на родную землю...»⁹. Таким образом, революция ассоциируется у крестьян со Смутным временем, а народные избранники – с мифологизированными народными героями Мининым и Пожарским, которые должны прекратить царившую в стране Смуту.

Открытие первого русского парламента вызвало у сельского населения интерес к периодической печати. В Ярославской губернии в связи с началом заседаний Государственной думы активизируется выписка газет «хотя» и «без разбора»¹⁰. На небольших сходах сельские избиратели подвергают «тщательному разбору и всестороннему обсуждению... речи членов трудовой группы Аладьина и Аникина»¹¹. В то же время местные власти отмечали, что каждая «газета со стенографическим отчетом заседания Государственной думы» действует настолько возбуждающе, «что прокламации становятся почти безвредными листками»¹². К концу июня политическое мировосприятие сельских жителей, в смысле политической лояльности к власти, меняется. В Ярославской губернии «крестьяне начинают отказываться от уплаты поземельных налогов и аренды за землю, а также препятствуют помещикам вырубать лес, находящийся в их пользовании...»¹³. В то же время двухмесячная работа депутатов и отсутствие реальных законов по решению земельного вопроса, повсеместные аресты революционеров постепенно вызывали политическую апатию у крестьян.

Роспуск первого русского парламента крестьяне встретили безразлично. Впрочем, и в этом безразличии видны оттенки политического мировосприятия. В с. Порздни, Юрьевецкого уезда, после разгона Думы крестьяне замкнулись «в угрюмом молчании... все больше и больше начинают разбираться в том, что произошло. На смену пылкому и непосредственному чувству пришел холодный и трезвый рассудок...»¹⁴. В с. Шуморово, Мологского уезда, о роспуске Думы узнали 10 июля вечером; «сначала большинство не верило, но потом принуждено было убедиться в этой горькой истине. Нужно было видеть в этот момент, крестьян, чтобы понять, что случилось нечто ужасное, которое неминуемо повлечет за собой все новые и новые бедствия»¹⁵. Впрочем, корреспонденция в неполной степени передает и настроения автора заметки. Следовательно, разгон произвел удручающее впечатление на сельских жителей. В то же время решительные действия премьера Столыпина, аресты революционеров, подавление восстаний в разных местностях отрезвляющее подействовали на крестьян.

Власть пообещала выборы в новую Думу, избирательная компания в которую началась осенью 1906 г. Земельный вопрос, который был центральным в I Думе, расширяет число избирателей. В Макарьево «многие из обывателей и крестьян, не принимавшие участие в первых выборах, ныне решили проголосовать»¹⁶. Вместе с тем нарастает политическое недоверие к партиям, что приводит к желанию выдвигать своих избранников. В «некоторых подгородных деревнях и селах Костромского уезда» крестьяне устраивают «по домам небольшие частные митинги», на которых «приходят к убеждению», что выбирать в новую думу нужно «дельных и честных людей и лучше всего своих же однодеревенцев»¹⁷. В Ярославском уезде «крестьяне к выборам отнеслись очень внимательно, явились на выборы в большом количестве»¹⁸. В с. Иваново, Рыбинского уезда, «настроение деревни... далеко не такое, как было в прошлом году. Лучшим людям первой Думы из кадет не верят. Они (речь идет о кадетях. – *И. С.*), – говорят наши мужики, – на посулы, как на салул»¹⁹. Таким образом, определенная прослойка крестьянских избирателей продолжает верить в парламент и в решение через него земельного вопроса. В то же время происходит разочарование в деятельности депутатов и стремление провести в парламент своих людей.

С особым напряжением обсуждали крестьяне Столыпинскую аграрную реформу о выходе из общины. В Ильинском и Коряковском волостных правлениях на предвыборных собраниях все «внимание крестьянами было сосредоточено на разрешении земельного вопроса. Последние законы о распродаже казенных и прочих земель, а также закон 9 ноября (о выходе из общины), были резко осуждены всеми. С кандидатов взяли слово не изменять крестьянству, в Корякове дело закрепили общей молитвою»²⁰. В с. Писцово, Нерехтского уезда, на сходе обсуждался вопрос об отношении к земельному закону 9 ноября. «Нечего слушать это, – заявил весь сход единогласно. – Это не закон, а ловушка нашему брату, Дума отменит его»²¹. Сельские обыватели отрицательно отнеслись к Столыпинским реформам и желали его отмены через новый

состав парламента. Трехмесячные дебаты о земле, а также решительный отказ проводить реформы вызвали разочарование крестьян в парламенте. Известие о роспуске Думы было встречено населением спокойно.

Как замечают исследователи, «патриархальный русский крестьянин, который так умилял Толстого прежде, уходил в прошлое, рушились старый деревенский быт и мораль, капитализм неумолимо делал свое дело. В то же время Л. Н. Толстой с удовлетворением отмечал, что в деревне появилась масса грамотных, образованных, сознательных крестьян»²².

Революционные потрясения 1905 г., выборы и деятельность I и II Государственной думы заставляют крестьян задуматься о защите собственных интересов. Однако результаты деятельности I Думы, многопартийная разногласица по решению земельного вопроса вызвали разочарование в ее работе. Все это укрепляло крестьян в необходимости выдвигать собственных представителей без оглядки на политические партии. Только собственное представительство давало надежду на удовлетворяющий их результат решения вопроса о земле.

Примечания

¹ Левыкин И. Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел, 1970; Вилков А. А. Менталитет крестьянства и российский политический процесс. Саратов, 1997; Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008, и др.

² Государственный архив Костромской области. Ф. 133. Оп. 33. Д. 286. Л. 74.

³ Ахизер А. С. Критика исторического опыта. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 317.

⁴ Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 18.

⁵ Костромские епархиальные ведомости. 1905. С. 653. 1 нояб. Прил. к офиц. ч.

⁶ Там же. С. 633.

⁷ Поволжский вестник. 1906. 14 марта.

⁸ Костромская речь. 1906. 23 марта.

⁹ Поволжский вестник. 1906. 14 апр.

¹⁰ Рыбинский листок. 1906. 6 июня.

¹¹ Рыбинский листок. 1906. 12 июля.

¹² Цит. по: Борисов А. В., Борисова А. В. Крестьянство Верхнего Поволжья в период думских компаний 1905–1907 гг. // Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Ярославского гос. ун-та им. П. Г. Демидова, 30–31 дек. 2003 г. История. Ярославль, 2003. С. 149.

¹³ Эхо. 1906. 23 июня.

¹⁴ Костромич. 1906. 28 нояб.

¹⁵ Рыбинский листок. 1906. 12 июля.

¹⁶ Поволжский вестник. 1906. 4 нояб.

¹⁷ Поволжский вестник. 1906. 24 дек.

¹⁸ Ярославские отголоски. 1907. 16 янв.

¹⁹ Ярославские отголоски. 1907. 18 янв.

²⁰ Костромич. 1907. 10 янв.

²¹ Там же.

²² Тютюкин С. В. Л. В. Толстой и первая российская революция // Исторические записки. М., 1986. Т. 113. С. 184.

Н. Н. Прислонов

г. Дубна

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ Г. КОСТРОМЫ В 1905 Г.:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

История революционного движения начала XX в. в России и в Костромской губернии дала яркие примеры политической активности различных социальных слоев российского общества. Бесспорно, особое место в ней занимает пролетариат Костромы. Именно благодаря его масштабным протестным выступлениям город Кострома в этот период, особенно в 1905 г., становится одним из ведущих революционных центров страны, к которому обращали взоры представители и других регионов Российской империи.

Однако стоит отдать должное месту и роли в революционных событиях 1905 г., и такой категории революционно-демократических сил, как учащая молодежь. По нашим оценкам, именно эту социальную группу можно охарактеризовать среди остального городского населения губернского центра как наиболее активную и революционную в тот исторический период.

Кострома в начале XX в. не была университетским городом, но здесь действовали мужская и женские гимназии, реальное училище, два средних технических училища им. Ф. Чижова, духовная семинария и женское епархиальное училище. Они были подлинными и притягательными очагами просвещения, занимавшими в духовной жизни Костромы особое место. Здесь концентрировался слой молодого поколения города и губернии, наиболее восприимчивый к новым идеям, способный небезразлично относиться ко всем тому, что происходило в стране и в регионе, живо реагировать на несправедливости окружающей жизни.

Начавшиеся с 9 января 1905 г. революционные события не могли не затронуть молодых людей, и они активно втягиваются в тот революционно-демократический протест, месяц за месяцем усиливая свой натиск на власть. В считанные недели происходит рост общественно-политического сознания, перерастающего в силу ряда причин и факторов в революционно-демократическое движение.

В числе причин появления революционной активности учащихся средних школ можно выделить:

- существовавшие административно-политические порядки в них и отсутствие каких-либо демократических и академических свобод;
- постепенное внедрение в сознание молодых людей революционно-демократических идей, довольно часто популярных и в их семьях;
- определенное изменение в социально-классовом составе учебных заведений, которые уже перестают быть сословно замкнутыми;
- проблемы материального и экономического характера, с которыми учащиеся встречались в процессе обучения;
- возрастные психологические особенности, характерные для юношества.

© Н. Н. Прислонов, 2012

Процессы формирования активности и ее проявления происходили под воздействием ряда факторов и явлений, связанных с социализацией личности молодых людей и включали в себя:

- общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, которая сложилась в стране и городе Костроме в начале XX в.;
- социальное и экономическое положение учащихся и их семей;
- активную пропаганду революционно-демократических идей как в самих учебных заведениях, так и за их пределами;
- общение с наиболее революционно и либерально настроенными студентами (особенно это относится к учащимся технических училищ) и рабочими;
- массовые выступления рабочего класса и студенчества как в самой Костроме, так и других регионах России.

В условиях всплеска с января 1905 г. революционности в стране, ее нарастания и под воздействием тех или иных событий и обстоятельств активность очень быстро переросла в ученическое движение. Подтверждением того, что именно так можно охарактеризовать революционно-демократические выступления учащихся средних школ в 1905 г. являются нижеперечисленные аргументы.

1. Массовость и последовательность революционно- демократических выступлений. Если в феврале 1905 г. эти выступления характерны были лишь только для отдельных учебных заведений, то в октябре в них втягиваются все¹, за исключением женского епархиального училища, причем численный состав участников выступлений (в различных их формах) тоже нарастает. Если в весенних уличных демонстрациях принимали участие от 50 до 150 учеников, то в середине октября от 500 и более 1 000 человек².

2. Любому социальному движению свойственна и частота повторяемости событий. В г. Костроме по мере роста революционных настроений в обществе, активности выступлений рабочего класса, являющегося в этой революции движущей силой, возрасало месяц от месяца число различных акций демократического и политического характера с участием учащейся молодежи, в проведении которых проявлялась политическая инициатива. К примеру, число митингов нарастает от февраля к маю и от сентября к декабрю. Растет число и других форм протеста. На начальном этапе агитационно-пропагандистские акции носят пока единичный и довольно завуалированный характер (порой тайный). Осенью в учебных заведениях уже в открытую распространяются противоправительственные печатные материалы, начинают проводиться сходки, собрания, наблюдается срыв занятий, готовятся протестные петиции и листовки³. И, что крайне важно отметить, все большее число учеников различных возрастов втягиваются в протестные акции.

3. Движение всегда стремится к достижению определенных целей. Костромские учащиеся таковые цели имели. Они были революционно-демократическими. На первых порах, в порыве общего антиправительственного демократического протеста, они как активно поддерживают общенациональные требования политического характера (свобода слова, собраний, демократизация политической системы, ликвидация самодержавной власти), так и выдвигают

чисто академические требования. В этом отношении наиболее показательны предъявленные администрации требования учащихся механико-технического училища, мужской и женской гимназий⁴.

4. Движению присуща самоорганизация. Она в Костроме также стала реальностью. Стоит отметить, что к началу революции здесь уже имелся опыт объединения учащихся. В частности, это имело место в Костромской духовной семинарии, где с 1901 г. существовал демократический кружок, причем связанный с общероссийским центром в г. Казани. В 1904 г. в городе создается «Объединенная группа учащихся всех школ». В нее входили учащиеся социал-демократы, социалисты-революционеры и сочувствующие им⁵. Именно она взяла на себя с февраля 1905 г. роль агитатора, организатора и координатора ученического движения. Руководящим органом группы был комитет, куда входили представители все учебных заведений. В феврале 1905 г. социал-демократы отмежуются от эсеровского крыла, выйдут из «объединенной группы» и образуют «Социал-демократическую группу Костромских учащихся». Процесс самоорганизации создаст осенью 1905 г. и новые органы управления. Ими станут избранные во всех учебных заведениях забастовочные комитеты⁶.

На первом этапе (февраль – август 1905 г.), выступления были зачастую стихийными, а на втором (сентябрь – декабрь 1905) они носили организованный характер.

5. Для общественно-политических движений характерно наличие социальной базы. Социальная база и состав движения учащихся поэтапно расширялся. К числу тех, кто входил в движение, следует отнести разночинную молодежь – детей низшего духовенства губернии, мещанства, мелкой буржуазии. К отдельной группе стоит отнести детей рабочих, ремесленников и крестьян, обучавшихся в технических училищах имени Ф. Чижова⁷. Состав движения расширился в период апогея выступлений. К представителям средних городских слоев присоединяются и дети привилегированных классов – дворянства, чиновников, высшего духовенства. Так с сентября в движение активно влились учащиеся мужской гимназии и реального училища, а в середине октября и женской гимназии⁸.

Партийный состав участников революционно-демократического движения был также неоднородным. Значительное большинство молодых людей не принадлежало ни к каким партиям. Незначительная часть, взявшая на себя на первых порах движения организаторскую и агитационно-пропагандистскую функцию, была социал-демократической и сначала входила в состав упоминаемой нами объединенной группы учащихся, а потом социал-демократической группы, причем последняя численно расширялась и тяготела к большевистским позициям. Уже в ходе революционно-демократических выступлений партийные симпатии определяются более четко. У учащихся технических училищ они в большей степени были социал-демократическими. В духовной семинарии доминировали эсеровские. В мужской гимназии партийные позиции мы бы определили как смешанные, но доминировали либеральные настроения. В целом же, довольно многочисленная часть учащихся порой участвовала в выступлениях

не только с каких-то политических позиций, но и из-за соображений товарищеской солидарности, или, как тогда говорили, «бузотерства»⁹. А оно всегда свойственно молодежи, какую бы историческую эпоху мы ни рассматривали.

6. В контексте партийности стоит обратить внимание на союзников учащихся средних школ. Наиболее революционизированная часть учащихся, в первую очередь технических училищ, тяготела к рабочим кварталам, что вполне объяснимо. Ведь в силу характера обучения в них молодые люди бывали на предприятиях, имели там знакомых, у некоторых там работали родители. В октябре складывается политический союз учащихся с рабочими. Фактически два движения сливаются воедино при авангардных позициях рабочего класса. Со второй половины октября рабочий район становится своеобразным генератором революционных сил, инициатором политических акций и гарантом безопасности революционно настроенной учащейся молодежи. Особенно после событий 19 октября 1905 г., когда она была избита ультрамонархистами и более 100 человек серьезно пострадали, а один учащийся скончался¹⁰.

7. Методы движения изменялись по мере изменения соотношения сил в политическом поле и характера революционных событий. В подавляющем большинстве это были мирные методы борьбы, но в наиболее острый и активный период октября – декабря 1905 г. имели место столкновения и даже применение насилия по отношению к администрации учебных заведений и в силу необходимости самозащиты во время проведения демонстраций и митингов от нападков полиции и армии. Отдельная часть молодежи, входившая в состав боевой дружины Костромского комитета РСДРП, а в ней было в декабре 1905 г. до 600 чел., начнет увлекаться террористическими актами, экспроприацией, а проще говоря, грабежами. За что потом некоторые из учащихся-дружинников были сурово наказаны¹¹.

Резюмируя, важно дать общую оценку характера движения учащихся и оценить его результаты. По характеру и содержанию оно было революционным, о чем свидетельствуют состав участников, выдвигаемые цели, способы их достижения. Вместе с тем являлось и частью российского общедемократического движения, направленного на осуществление демократических преобразований в стране. Как известно, они под напором народной революции в России произошли. Поэтому в политическом отношении можно говорить о положительном результате движения учащейся молодежи. Ее протестный порыв вливался в общий голос народа и стал неотъемлемой частью общенациональной борьбы за свободу и демократию.

Что касается академических требований, то массовые выступления учащихся средних школ заставили Министерство народного просвещения, руководителей Московского учебного округа, да и администрации учебных заведений серьезным образом, начиная с января 1906 г., приступить к демократизации образования – как содержания учебных программ, так и системы воспитания, взаимоотношений учащихся с педагогами и администрацией. Это была победа, правда, не столь длительная, так как с августа 1908 г. в российской школе вновь настает эпоха «закручивания гаек».

Уроки движения учащихся:

– движение учащихся выявило наряду с общенациональными проблемами и наиболее острые проблемы в системе образования как в Костромской губернии, так и в целом в России и поставило на повестку дня вопрос о серьезной перестройке российской школы, оказавшейся неспособной адекватно реагировать на коренные социально-экономические, политические вызовы того времени;

– революция 1905 г. раскрыла общественно-политический потенциал учащейся молодежи, оказавшейся способной на самоорганизацию, на выдвижение из своих рядов политических лидеров, на выработку программ и требований как национального, так и локального характера;

– оно на практике подтвердило политические выводы большевистского крыла российской социал-демократии о том, что молодежь невозможно исключить из политического процесса. При определенных обстоятельствах она становится реальной политической силой, способной на самопожертвования ради идеалов революции, свободы и демократии;

– движение показало, что оно является объектом борьбы политических партий за привлечение его на свою сторону в качестве союзников в борьбе против самодержавия;

– в движении проявилась его неоднородность, но в процессе революции формировалась наиболее радикальная часть молодых людей, связавших свою судьбу с революцией и социалистическим движением. Пройдя школу революции 1905 г., они к 1917 г. стали наиболее активной когортой людей, сумевших свершить Великую Октябрьскую революцию и утвердить в Костроме социалистические преобразования. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить списки активных участников ученического движения со списками руководителей органов Советской власти в Костромской губернии в первые годы ее существования;

– всякое массовое движение должно чему-то научить его противников, однако самодержавная власть должных уроков и выводов из произошедших революционных событий, к сожалению, не сделала, что привело через 12 лет к мощному социальному взрыву. 1905 г. действительно стал, как подчеркивал В. И. Ленин, «генеральной репетицией» февраля и октября 1917 г.¹²

Примечания

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 120. Ед. хр. 430, 473, 495; Ф. 445. Оп. 1. Ед. 15. Л. 2–3; Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320; Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. Отчеты о собраниях / ред. Арженников. Кострома, 1906. С. 9–14.

² ГАКО. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 36; Ед. хр. 514. Л. 1; Ед. хр. 571. Л. 7–9; Оп. 1. Ед. хр. 745. Л. 100; Ед. хр. 746. Л. 91.

³ ГАКО. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 43; Оп. 12. Ед. хр. 430. Л. 86; Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 478; Революционное движение в 1905–1907 годах в Костромской губернии: сб. док. / ред. И. Пахомов. Кострома, 1955. С. 147.

⁴ ГАКО. Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2–3; Ф. 429, Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 163.

⁵ ГАКО. Ф. 120. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 43; Оп. 12. Ед. хр. 430. Л. 86; Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320. Л. 478; *Расстончина М.* Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922. С. 16–23.

⁶ ГАКО: Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320; Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26–27, 35; Ед. хр. 15; Ф. 120. Оп. 2. Ед. хр. 430. Л. 86–87 об.; Ед. хр. 495. Л. 1–3. Ед. хр. 473. Л. 59–61 об.

⁷ Выводы сделаны на основе материалов: ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320; Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26–27, 35; Ед. хр. 15; Ф. 120. Оп. 2. Ед. хр. 430. Л. 86–87 об.; Ед. хр. 495. Л. 1–3; Ед. хр. 473. Л. 59–61 об.; *Пахомов И.* Большевики Костромы в революции 1905–1907 гг. Кострома, 1954; *Растопчина М.* Указ. соч.; Революционное движение в 1905–1907 годах в Костромской губернии; 1905 г. в Костроме: сб. / под. ред. Я. Андреева. Кострома, 1926.

⁸ То же; Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. С. 9–14.

⁹ ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Ед. хр. 320; Ф. 445. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26–27, 35; Ед. хр. 15, 35; Родительские собрания в Григоровской женской гимназии. С. 9–14.

¹⁰ ГАКО. Ф. 120. Оп. 2. Ед. хр. 495.

¹¹ 1905 год в Костроме. С. 67–72.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9–10.

М. А. Андреев

г. Москва

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В отечественной историографии, равно как и в воспоминаниях современников, распространено мнение, что в период Временного правительства большинство ведомств было как будто «заморожено»: деятельность их практически приостановилась, а чиновники продолжали работать на своих постах, ожидая финала общероссийской политической драмы 1917 г.¹

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что жизнь в ведомствах, и в частности в Министерстве народного просвещения, протекала достаточно активно. Этому в немалой степени способствовало трудное социально-экономическое положение, в котором оказалась Россия из-за продолжавшейся Первой мировой войны. Оно заставляло руководство ведомства просвещения принимать спешные меры по сохранению наиболее опытных и квалифицированных кадров. В первую очередь за счет предоставления отсрочек от мобилизаций на фронт (причем далеко не всем сотрудникам, а лишь чиновникам наиболее важных структурных подразделений)², а также за счет улучшения материального положения служащих. Для решения последнего вопроса в марте 1917 г. по постановлению Временного правительства были повышены оклады всему кадровому составу ведомства, а в июне 1917 г. министру народного просвещения было предоставлено право присуждать пособия и награды служащим из сумм, отпускаемых ранее на содержание Совета министра народного просвещения³.

Наиболее важным законодательным актом, опубликованным для решения финансовых, кадровых и иных проблем ведомства, следует признать постановление

Временного правительства от 15 июня 1917 г. «Об установлении временного расписания должностей и окладов содержания служащих в центральном управлении Министерства народного просвещения». Издание данного постановления подчеркивало необходимость проведения не частичных мер по усилению штата ведомства, как это практиковалось ранее⁴, а изменения всей его штатной структуры.

В ходе данной реформы были существенно повышены оклады служащих ведомства при одновременном сокращении количества и размеров различных прибавок и пособий. В результате, оклады высших чиновников выросли незначительно, но гораздо больше выросли оклады младших чиновников, что позволило существенно улучшить общую атмосферу работы в ведомстве и обеспечить стабильность финансового положения служащих. Общая сумма расходов на кадровый состав ведомства по постановлению от 15 июня 1917 г. практически достигла цифры всех расходов на содержание Министерства народного просвещения по смете на 1917 г. (т. е. около 1 млн руб.)⁵.

Еще одним важным последствием указанной реформы стало изменение всего штата центрального аппарата ведомства. Оно произошло путем переутверждения чиновников в их прежних должностях в случае сохранения их должности в новом штатном расписании и оставлении за штатом тех чиновников, чьи должности по новому штатному расписанию упразднялись. В количественном отношении серьезных изменений не произошло, однако существенно изменилась качественная сторона штата ведомства. Особое внимание следует обратить на учреждение Департамента профессионального образования на базе Отдела промышленных училищ. Фактически все служащие данного департамента, заняв новые посты, получили повышение в классе должностей и сравнялись в правах и полномочиях со служащими двух других департаментов. Это подчеркивало изменение отношения руководства к вопросу развития профессионального образования в стране⁶.

Создание Департамента профессионального образования было юридически закреплено еще в постановлении Временного правительства от 30 мая 1917 г. «Об изменении и дополнении действующих узаконений о промышленных училищах и об отделе промышленных училищ Министерства народного просвещения», в котором была подробно прописана штатная структура, а также оклады чиновников департамента⁷.

Спустя несколько месяцев после издания отмеченного постановления был подобран кадровый состав Департамента профессионального образования. Из всех чиновников Отдела промышленных училищ туда перешло 17 человек, включая и руководящий состав. Значительное количество служащих было привлечено в департамент из причисленных к ведомству чиновников, ранее занимавших должности директоров технических училищ, инспекторов учебных округов, преподавателей технических специальностей. На вакантные должности помощников делопроизводителей были приглашены служащие по найму, преимущественно женщины, что можно признать новшеством, связанным с общими демократическими тенденциями в обществе⁸. Если провести анализ

по другим структурным подразделениям ведомства, то выявится схожая, пусть и не столь радикальная картина кадровых изменений.

В Департаменте общих дел дважды сменился директор, сменился вице-директор, произошли значительные кадровые перестановки в делопроизводственном составе. Часть служащих ушла в отставку, сменила места службы, а 10 служащих были призваны в армию⁹.

В Департаменте народного просвещения остался прежний директор (П. Ф. Сурин), но к уже существующим двум вице-директорам прибавилось еще двое. Также произошли кадровые изменения в делопроизводственном персонале, несколько чиновников вышло в отставку или перешло на другое место работы, еще четыре сотрудника департамента были призваны в армию¹⁰.

В 1917 г. кадровые перестановки произошли и в других структурных подразделениях Министерства народного просвещения, в том числе в Управлении пенсионной кассы народных учителей и учительниц, в составе чиновников особых поручений при министре народного просвещения. Уволилась с должности значительная часть членов Совета министра народного просвещения вслед за его упразднением¹¹.

Приведенные выше факты подчеркивают, что в рассматриваемый период штат ведомства не был «заморожен», происходили постоянные кадровые перестановки, значительная часть чиновников ушла в отставку или перешла на другое место службы. Частично это можно связать со сложным финансовым положением чиновников ведомства, общей нестабильностью политической жизни и предчувствием грядущих трагических событий. Несмотря на все эти трудности, руководству удалось сохранить основной состав ведомства вплоть до конца 1917 г.

Другим важным фактором, повлиявшим на кадровую политику ведомства, стала отмена пожалования орденами и знаками отличия по гражданским ведомствам, а также упразднение Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах в соответствии с постановлениями Временного правительства от 16 марта и 7 апреля 1917 г.¹² С принятием данных постановлений отменялся сложившийся за два столетия порядок чиновпроизводства и награждения чиновников. Теперь в основу гражданской службы был поставлен не чин, а должность, которую занимал тот или иной чиновник, и эта должность определяла его оклад, положение и статус в рамках государственного аппарата.

К вышесказанному следует добавить и постепенное снижение роли и статуса периодически сменявшегося высшего руководства Министерства народного просвещения¹³. Результатом данного процесса, а также демократизации общественной жизни стало учреждение в 1917 г. Комитета союза служащих в центральных учреждениях Министерства народного просвещения. Основной целью его создания было не просто «улучшение материального и правового положения своих членов...», как это было прописано в уставе, а «...изменение бесправного положения чиновника в сфере служебных отношений, поощрения наиболее способных и ревностных из них – путем повышения по службе, производимого их же сотоварищами, и устранение несправедливостей и произвола, возможного при замещении вакансий только по усмотрению начальства»¹⁴.

Таким образом, создание Комитета союза служащих позволяло заполнить ту нишу в служебных отношениях, которая раньше отводилась чиновничеству и пожалованию орденами и наградами. Кроме того, при ослаблении влияния высшего руководства и упразднении нескольких подразделений ведомства, занимавшихся ранее чиновничеством¹⁵, Комитет все больше стал влиять на процесс назначения и увольнения служащих. Сначала это проявилось в необходимости получать у него одобрение при назначении чиновников руководством ведомства¹⁶, а затем, после вхождения в его состав директоров департаментов и их товарищей, существенно изменился и статус самого Комитета. С конца 1917 г. все вопросы, касавшиеся личного состава ведомства, решались руководством ведомства только после согласования с Комитетом¹⁷.

Подводя итог, можно говорить о существенном изменении кадровой политики Министерства народного просвещения в период Временного правительства. За короткий промежуток времени удалось повысить оклады служащим, изменить штатное расписание и набрать новых служащих, учредить новый департамент на основе небольшого отдела. Параллельно с этими произошла отмена чиновничества и пожалования орденами, ослабили позиции руководства ведомства, что повлекло за собой постепенную замену назначения и увольнения чиновников исключительно по решению руководства ведомства необходимостью согласования каждой кадровой замены с Комитетом союза служащих ведомства.

Примечания

¹ Блонский П. П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 136; Карева М. Ф. Ундревич В. С. Пролетарская революция и государственный аппарат: Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917–1918 гг. М., 1935. С. 108; ГАРФ. Ф. 1803. Оп. 1. Д. 5. Л. 99 об.

² РГИА. Ф. 740. Оп. 16. Д. 685. Л. 8 об.; Ф. 741. Оп. 10. Д. 30. Л. 1–12; ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 31. Д. 6. Л. 1–11, 24–28.

³ Фомичев И. В. Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж, 2001. С. 195; Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 10. С. 73.

⁴ ПСЗРИ. Т. 24. № 24385. 19.04.1904; Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1910. № 117. Ст. 1246; 1912. № 1. Ст. 3; № 153. Ст. 1356; 1913. № 169. Ст. 1608.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 10. С. 66–69. Смета доходов, расходов и специальных средств Министерства народного просвещения на 1917 год. Пг., 1916. С. 1.

⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 10. С. 66–69. Фомичев И. В. Указ. соч. С. 141.

⁷ Вестник Временного правительства. 1917. № 77. 11 июня. С. 1–2.

⁸ Весь Петроград. Адресная и справочная книга на 1917 г. Пг., 1916. Стб. 279; Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7/8. С. 62–63; № 9. С. 27, 31, 35, 39; РГИА. Ф. 741. Оп. 10. Д. 30. Л. 1–11; Д. 33. Л. 2–28; ГАРФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–3; Д. 278. Л. 1.

⁹ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. С. 41. № 7/8. С. 6, 45; № 9. С. 37; ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 31. Д. 6. Л. 24–28.

¹⁰ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. С. 40; № 9. С. 35; ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 31. Д. 6. Л. 1–11.

¹¹ Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 3/4. С. 3; № 5. С. 5; № 6. С. 38; № 7/8. С. 58–59, 63; № 9. С. 3–5, 30–31, 36–37; № 10. С. 51–52, 106, 108.

¹² РГИА. Ф. 740. Оп. 13. Д. 143. Л. 9, 13.

¹³ *Смирнов Н. Н.* На переломе: Российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994. С. 233.

¹⁴ РГИА. Ф. 740. Оп. 16. Д. 704. Л. 8 – 8 об., 12.

¹⁵ РГИА. Оп. 13. Д. 142. Л. 51.

¹⁶ РГИА. Оп. 11. Д. 107. Л. 5; Оп. 16. Д. 704. Л. 4.

¹⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 165. Л. 30–32, 35, 39.

И. А. Бушуев

г. Кострома

1905 ГОД НА СТРАНИЦАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ)

Одним из наиболее значимых органов дореволюционной православной периодической печати были «Епархиальные ведомости», которые издавались в каждой епархии Российской империи. «Костромские епархиальные ведомости» (КЕВ) – журнал, который был доступен для выписки не только духовным учреждениям и священнослужителям, но и простым обывателям. В силу данного факта его стоит рассматривать как информационное издание, прочтение которого могло дать не только просвещение в вопросах религии, но и знакомство с основными событиями, происходящими не только непосредственно в пределах Костромской епархии, но и в стране в целом.

Русская православная церковь априори не могла стоять в стороне от тех переломных событий, которые происходили в Российском государстве в 1905 г. Церковь пыталась определить свое место в новом, меняющемся обществе. Не отрицая, что «современные движения так же невозможно остановить, как и течения многоводной реки»¹, авторы журнала задавали себе следующий вопрос: «В каком же отношении к современным преобразовательным движениям должно поставить себя наше православное духовенство»². Духовенство чувствовало, что прошлая система общественно-политических отношений и ценностей, при которой церковь играла одну из главенствующих ролей в государственном устройстве, под влиянием новых тенденций в мысли, идущих преимущественно с Запада, уже никогда не будет прежней. И оставалась нерешенной важнейшая проблема – будут ли необходимые реформы и преобразования осуществлены самодержавной властью с учетом самых острых и критических пожеланий народных масс, либо же все рухнет окончательно и на обломках старого государства возникнет новый, заметно отличный от прежнего строй.

Как известно, события 1-й русской революции начались в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г. Речь идет о печально известном Кровавом воскресенье. В первых четырех номерах КЕВ упоминания о нем не встречаются – ни в рамках епархиальной хроники, ни в рамках специальных материалов. Возможно, причиной этому служил тот негативный оттенок, который Кровавое воскресенье придавало светлomu, божественному лику государя-императора. Своевременная публикация материалов о произошедшей трагедии вынудила бы КЕВ выразить собственное отношение к случившемуся, но критика действий монарха и круга его приближенных на страницах религиозной периодики того времени вряд ли была возможной. Кроме того, мирное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу вел за собой священник Георгий Гапон. Информация о событиях 9 января 1905 г. и последующая критика действий Гапона на страницах издания все же встречается, однако, только в № 5 от 1 марта 1905 г.: «Начало наступившего нового года ознаменовалось для нас, русских, прискорбными и тяжелыми событиями, взволновавшими и без того далеко не спокойное состояние государства, 9-го января начались беспорядки среди рабочих в Петербурге, вынудившие правительство прибегнуть к вооруженной силе и нашедшие в себе отклики во многих других фабричных местностях³.

Следующая, довольно-таки масштабная даже по общегосударственным меркам трагедия случилась 4 февраля 1905 г. Специальной статьи, посвященной убийству эсером Иваном Каляевым великого князя Сергея Александровича на страницах «Костромских епархиальных ведомостей» нет, однако в разделе епархиальной хроники данное печальное событие упоминается неоднократно.

Преосвященнейший Виссарион, епископ Костромской и Галичский, совершил панихиду по убитому столичному градоначальнику 5 февраля 1905 г. – на следующий же день после трагедии⁴. В день отпевания Сергея Александровича была совершена Божественная литургия в кафедральном соборе г. Костромы «...в присутствии г. начальника губернии Л. М. Князева, должностных и почетных лиц города Костромы и множества народа...»⁵.

Реакция власти не заставила себя ждать, уже в следующем номере КЕВ был опубликован манифест Николая II о призыве русских людей к охране закона, порядка и безопасности⁶, являвшийся откликом на усиление внутренней смуты и убийство Сергея Александровича Романова. Естественно, что РПЦ порицала любое убийство, будь оно совершено из мотивов мести или корысти, или исходя из преследования конкретных политических целей. Это был далеко не первый террористический акт, реализованный членами Боевой организации Партии социалистов-революционеров, однако впервые их жертвой стал член августейшей фамилии, которая чтилась в среде духовенства особенно⁷.

В КЕВ убийство великого князя Сергея Александровича рассматривалось непосредственно в контексте происходивших революционных событий деструктивного толка⁸. Геноцид, терроризм, волнения молодежи, внутренние беспорядки – провинциальная православная периодическая печать в лице КЕВ не могла не чувствовать нарастающей с каждым днем смуты.

О реакционном восприятии любой критики существовавших на тогдaш-ний момент порядков и устоев свидетельствует отрывок из рубрики «Иное-пархиальные известия»⁹. Как считает редакция издания, исконное начало русской народности все же может быть немного трансформировано, что объясняется прогрессирующим с каждым днем состоянием внутренней нестабильности, однако критерии этой трансформации должны быть предельно жесткими – все действия правительства, обусловленные революционной обстановкой и насущными народными чаяниями, должны идти только на благо кроткого русского народа, который «...исконно стоял за твердую государственность, за порядок»¹⁰.

Церковная печать была для грамотных православных верующих не только источником для духовного самосовершенствования, но и определенным вестником происходивших в это время событий, поэтому порицание смуты и ее идейных носителей должно было вызвать в душах верующих сочувствие, которое никогда бы не позволило им пойти против монархии. Явно выраженного политического подтекста в данных материалах как такового нет, однако если посмотреть на данный вопрос через призму повседневности, то можно сделать вывод: призыв верующих к смирению, литургии и молебны, посвященные поддержке государства и императорского дома в фоновых революционных событиях были призваны к тому, чтобы показать простым обывателям, которые выписывали и читали «Костромские епархиальные ведомости», что нынешняя обстановка – это не дела Господни, а дела искушенных, и все, что происходит вокруг, не может быть нормой и уж тем более не приведет к лучшей жизни. «...Особенно в такие дни, – пишет автор статьи, – когда мы расположены принести раскаяние в своих грехах и ищем средства к возбуждению в своей душе соответствующих настроений...»¹¹.

Весьма любопытной представляется статья, опубликованная в первом апрельском номере издания за 1905 г. под названием «Что нам теперь особенно нужно»¹². В самом ее начале упоминается манифест Николая II, изданный в № 5 КЕВ от 1 марта 1905 г. Церковь вполне осознавала, что столь разношерстный во всех отношениях состав населения империи вряд ли мог бы быть удовлетворен по всем пунктам в кратчайшие сроки¹³. Для этого нужны «новые формы общественного и государственного существования»¹⁴, которые должны быть в значительной степени усовершенствованы по сравнению с уже имеющимися. Однако все это должно происходить легитимно, на официальной основе, так как действия либерально и радикально настроенных масс иначе как беззаконием Русская православная церковь не определяла. Все это – «костюм иностранного покроя»¹⁵, который изначально не может подойти России, потому что та развивалась особенным, сильно отличающимся от Запада, путем. Это нетипично для страны, которая всегда и во всем отличалась от других, имела собственные, уникальные черты развития государственного и общественного строя на всем протяжении своего исторического развития. «Уже само это стремление рядиться в чужой костюм показывает, что в нас нет творчества, или оно очень ничтожно»¹⁶, – отмечалось в статье.

Однако та свобода, к которой так стремятся революционно-настроенные круги, не даст того порядка, который изначально был в их мыслях. Свобода тоже должна иметь свои рамки, так как неограниченная свобода – это хаос и анархия¹⁷. Уже в следующем номере ведомостей было опубликовано продолжение статьи, и там данный тезис был подтвержден еще раз: «Статистика показывает, что рост преступности и одичание человечества прямо пропорционален росту цивилизации и освобождению ее от религии»¹⁸. Свобода на основе духовно-нравственных принципов – вот то, что поможет предотвратить падение государства в пучину хаоса. Социальный строй, при котором религия бы играла одну из передовых ролей, был бы более крепким, нежели тот, который навязывается обществу всеми теми, кто хочет примерить на себя «чужой костюм»¹⁹.

Несмотря на прямое обличение общественных пороков и следования интеллигенции за западными тенденция по вопросам организации всех сфер жизни, в первую очередь социально-политической, данный материал больше задает вопросы, нежели определяет хоть какое-то направление в их решении. И вывод, который подводит черту под всеми приведенными выше вопросами, еще раз подтверждает это: «Несомненно, что потрясение, испытываемое в настоящее время государством, оставит след в нем, и след едва ли благотворительный»²⁰. Но на тот момент точно определить, что это будут за изменения и каким курсом должна двигаться страна, было вряд ли возможно.

Однако уже во втором майском выпуске, в продолжении статьи «Что нам теперь особенно нужно?», стали появляться мысли, которые предлагали некоторые решения в отношении разразившейся смуты. И они еще раз подтверждали тот факт, что РПЦ не собиралась утрачивать собственные позиции и видела измененный социально-политический строй более духовным, нежели светским: «Прежде всего нам нужно восстановление утраченного значения церкви, как высшего организующего начала нашей общественной и государственной жизни»²¹.

«Движение к преобразованиям внешних форм гражданской жизни в последнее время приняло такие размеры, что православное духовенство не может оставаться равнодушным зрителем переживаемого Россией исторического момента»²² – эта цитата еще раз подтверждает все вышесказанное. Но хотела ли церковь выступать слугой государства и его опорой в контексте намечавшихся изменений привычного общественного строя?

Итак, на основе проведенного анализа издания за 1905 г. можно выделить следующие черты и тенденции в характере опубликованного материала:

– крайне негативное отношение ко всем новым веяниям в политической системе государства, в том числе к политическим партиям либерального и радикального толка;

– внутренние настроения некоторых общественных кругов считались крамолью и прямой угрозой существовавшему государственному устройству: «Глубокое горе переживает русский народ. Не о внешних неудачах военных здесь речь, а о тех настроениях внутренних, которые волнуют наше государство»²³.

Внешние неудачи далеко не всегда сопровождаются революцией, но нарастающая внутренняя смута несла прямую угрозу общественно-политическому строю государства;

– стремление к публикации поучений и речей с некоторым политическим подтекстом;

– попытки определить собственную роль в обновляемой системе социально-политических отношений и ценностей с претензией на главенство;

– упоминания о молебнах в честь происходивших государственных событий.

Церковь действительно не могла оставаться в стороне от нарастающего кризиса. Попытка обозначить свою важность, поиск собственных позиций в обновленной системе общественных и политических отношений – вот один из главных мотивов большинства материалов, опубликованных на страницах ведомостей в 1905 г.

Примечания

¹ КЕВ. 1905. № 13. 15 июля. С. 406.

² Там же. С. 405.

³ КЕВ. 1905. № 5. 1 марта. С. 148.

⁴ КЕВ. 1905. № 4. 15 февр. С. 129.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ КЕВ. 1905. № 6. 15 марта. С. 31–33.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ КЕВ. 1905. № 5. 1 марта. С. 150.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ КЕВ. 1905. № 6. 15 марта. 167.

¹² КЕВ. 1905. № 7. 1 апр. С. 194–200.

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ Там же. С. 195.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 195.

¹⁷ Там же. С. 199.

¹⁸ КЕВ. 1905. № 8. 15 апр. С. 222.

¹⁹ Там же. С. 223.

²⁰ КЕВ. 1905. № 7. 1 апр. С. 200.

²¹ КЕВ. 1905. № 10. 15 мая. С. 277–278.

²² КЕВ. 1905. № 13. 1 июля. С. 405.

²³ КЕВ. 1905. № 4. 15 февр. С. 123.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ РОМАНОВЫХ

О. В. Чуракова

г. Санкт-Петербург

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЖЕНСКОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 1812 Г.

Заставим поплакать Санкт-петербургских дам!

Боевой клич французских
конных егерей в 1812 г.

«Подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год», – писал А. И. Герцен. То же можно сказать и об истории женского движения в России. Осенью 1812 года возникла первая в истории нашей страны женская общественная организация, получившая название Императорского Женского патриотического общества.

Война 1812 года была особенной в том отношении, что фронт («театр военных действий» в терминологии того времени) впервые за сотни лет находился в центральной части страны и затронул «сердце России» – Москву. Не миновали бедствия и императорский Санкт-Петербург. Часть жителей столицы ушли на фронт, другие помогали фронтовикам и их семьям; дворяне, имевшие владения в той части России, где бушевали пожары войны, бросились на защиту своей земли и имений.

Война, как правило, вызывает к жизни рост национального самосознания всех слоев общества. Не исключение и война с Наполеоном. Пример женского патриотизма в 1812 году показали члены императорской семьи. Великая княгиня Екатерина Павловна, сестра царя, вооружила батальон ополченцев из своих крепостных крестьян и «охотников» (добровольцев). Батальон великой княгини участвовал в Бородинском сражении. Екатерина Павловна после занятия французами Москвы писала гневные письма брату-императору: «Вас обвиняют в общем разгроме и потере чести государства и Вашей лично»¹. Она и сама просилась на фронт (известна ее фраза: «Всего более сожалею я в своей жизни, что не была мужчиной в 1812 году»²), но Александр Павлович отвечал сестре:

© О. В. Чуракова, 2012

«Дамам не место в армии»³ – и предлагал ей заняться благотворительностью. Действительно, россиянки в 1812 году занимались «благотворением»: отправляли на фронт собранные вещи, собирали пожертвования, заботились об оставшихся дома семьях бойцов.

Но особый прецедент был создан в столице: петербургские дамы для «вспомоществования бедным, от войны пострадавшим» в ноябре 1812 года создали первую женскую общественную организацию в России – Императорское Женское патриотическое общество. По официальной версии, патриотическое общество возникло «по благотворной мысли» императрицы Елизаветы Алексеевны и 15 ноября 1812 года получило августейшее одобрение императора Александра I. Но еще до того, 12 ноября 1812 года, в «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» появилось объявление, которое гласило, что «С. Петербургские дамы, исполняясь патриотическими чувствами, желают также оказать оныя полезным делом и, по свойству пола своего, находят самым приличным к тому средством взять на себя обязанность облегчать участь бедствующих от нашествия врага».

По примеру столицы женские общества были созданы во многих городах и губерниях России, а в последующие годы и ряде стран Европы. Названия обществ говорили сами за себя: «Девичье общество неизвестных сестер», «Женское общество помощи бедным семьям», «Тихое общество вспомоществования» и т. п.

Возглавила Петербургское общество 1812 года жена императора Елизавета Алексеевна, а среди первых членов его были великие княжны, придворные дамы и аристократки. Активистками ставшей всероссийской организации были: супруга московского генерал-губернатора княгиня Т. В. Голицына, фрейлина княгиня С. Г. Волконская (сестра будущего декабриста С. Г. Волконского), Д. А. Державина (жена поэта), дочь великого А. В. Суворова графиня Н. А. Зубова, писательницы С. П. Свечина (хозяйка знаменитого парижского салона, приятельница мадам де Сталь), княгиня А. С. Голицына (эпатировавшая «вследствие эксцентричности» мужской шинелью и сюртуком с чепцом), Е. В. Новосильцева (автор повестей и воспоминаний о 1812 годе), П. М. Толстая (дочь фельдмаршала М. И. Кутузова-Смоленского), княгиня В. В. Голицына (племянница кн. Г. А. Потемкина-Таврического) и другие. Вступали в общество жены петербургских купцов и крупных банкиров: баронесса Елизавета Раль, госпожа Мольвио, две госпожи Северин (их мужья братья Северин были придворными банкирами) и др. Членом Общества с 1813 года была «царица муз и красоты» (А. С. Пушкин) княгиня Зинаида Александровна Волконская. С 1813 года в рядах Общества, а с 1825 – его председательницей была мать декабристов Никиты и Александра Муравьевых Екатерина Федоровна Муравьева. Не исключено, что в доме Муравьевых на Фонтанке могли проходить в 1825–1826 годах и собрания членов Женского патриотического общества.

В соответствии с уставом организации, каждая из дам – членов общества приняла на себя попечение об определенной части города, имея при себе одну помощницу и одну собирательницу подаяний. Аристократки впервые в жизни

посетили жилища бедняков. «Должность, согласная с чувствами сердца, вводила членов сего Общества в печальные обители скорби: там видели они отцов отчаянных среди голодающего семейства, старцев, без помощи лежащих на одре болезни, вдов и сирот, ожидающих в нищете прекращения горестной жизни», – сообщалось в отчетах о деятельности общества⁴.

В первую очередь в поле зрения общества попали дети ушедших на фронт воинов. Первым учреждением, основанным в 1813 году в пустующих помещениях Смольного монастыря, стало Училище женских сирот 1812 года (со временем превратилось в Императорский Патриотический институт), куда были приняты 50 детей штаб- и обер-офицеров. Впоследствии обществом были учреждены частные школы Патриотического общества в различных районах города. Главной целью воспитания девочек в данных заведениях было «сделать из них добрых жен, попечительных матерей, примерных наставниц для детей и хозяек, способных трудами своими и приобретенными искусствами доставлять себе и семейству средство к существованию». Но в 1829 году, после смерти императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, общество было переведено в Ведомство учреждений императрицы Марии и с этого времени главным направлением его деятельности стала забота о развитии женского профессионального образования.

Несколько следующих десятилетий деятельности общества характеризовались активным учреждением новых благотворительных учреждений, переработкой учебных программ, постоянной заботой об актуализации профессионального образования. Так, Дом трудолюбия для девочек превратился в Елизаветинский институт, Женские педагогические курсы – в Императорский женский педагогический институт с историческим, словесным и физико-математическим отделениями, сиротское отделение Воспитательного дома – в Николаевский женский институт с курсами учительниц иностранных языков, Демидовский дом трудолюбия, основанный для призрения нищих детей, – в гимназию с пансионом и учительскими курсами. При Александровской гимназии были организованы Высшие женские историко-литературные и юридические курсы (Вольный университет). В Литейной школе общества, кроме рукодельных профессий, стали профессионально обучать счетоводству, бухгалтерии. В Царском Селе в начале XX века действовала Школа нянь государыни императрицы Александры Федоровны и Образцовый детский приют при Школе нянь, в столице – Класс обучения работе на пишущих машинах⁵.

Кроме того, общество оказывало помощь широкому кругу нуждающихся: сиротам, престарелым, увечным, вдовам. Члены общества оказывали материальную помощь малообеспеченным согражданам, вносили плату за неимущих учеников и больных. В числе таких «партнеров» общества были Императорский Александровский лицей, Гатчинский сиротский институт императора Николая I, Мариинская учительская семинария принца П. Г. Ольденбургского в Павловске, Санкт-Петербургское училище глухонемых, Женский педагогический институт, Императорское Родовспомогательное заведение, Императорский Клинический повивально-гинекологический институт для бедных, Глазная

лечебница, Александринская женская больница, Елизаветинская клиническая больница для малолетних детей, больницы для бедных, детские больницы, сиротские дома и приюты. К началу XX века на попечении общества было 21 заведение, в которых опекалось более 2 100 детей и около 200 взрослых; общество имело капитал более 650 000 рублей и недвижимость на сумму более 250 000 рублей. Деятельность общества продолжалась до весны 1917 года, когда учреждения общества вошли в систему образованного Временным правительством Министерства общественного призрения.

Таким образом, война, являясь наиболее страшным бедствием, в то же время выступает как катализатор общественной активности, направленной на сплочение общества. Военное время выявляет в человеке и худшие, и лучшие черты. Отечественная война 1812 года весьма показательна в этом отношении. Источники демонстрируют нам и ужасающие сцены разгула необузданной человеческой стихии (поведение завоевателей) – жестокости, мародерства, и в то же время многочисленные примеры «позитивных» проявлений человеческого «Я» – желания прийти на помощь ближнему, облегчить страдание. Заложенные в 1812 году традиции благотворительности и деятельности общественных женских организаций получили развитие в годы последующих войн.

Примечания

¹ *Предтеченский А. В.* Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. Т. 31. М., 1959.

² Император Александра I и в. кн. Екатерина Павловна // Русская старина. 1911. Апр.

³ Там же. С. 75.

⁴ *Шумигорский Е. С.* Императорское Женское патриотическое общество (1812–1912). Ист. очерк. СПб., 1912.

⁵ См.: Краткий исторический очерк действий СПб. Женского п. общества Спб., 1848; Пятидесятилетие СПб. Женского п. общества, 12 ноября 1862 г. СПб., 1862; Хроника ведомства Учреждений императрицы Марии. Спб., 1878.

О. Д. Дашковская

г. Ярославль

ДУХОВЕНСТВО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

История Русской православной церкви неразрывно связана с историей России в целом. Многочисленные военные конфликты, в которых принимала участие Российская империя, не могли миновать православное духовенство: иерархи церкви выказывали свое отношение к войне, рядовые священнослужители организовывали сбор пожертвований. Отечественная война 1812 г. являлась одним из сложнейших для России военных конфликтов XIX столетия, в котором

действительно проявилось «единство государства, народа и церкви». Материалы Государственного архива Ярославской области позволяют осветить роль духовенства старейшего и знаменитого церковно-административного округа, Ярославской епархии, в Отечественной войне 1812 г.

Отношение Русской православной церкви ко всем войнам, которые велись в России, было неоднозначным. С одной стороны, духовенство считало войну вообще бедствием и несомненным злом, с другой – полностью оправдывало войны в защиту Отечества, считая их священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг во имя жертвенной любви. Интересно, что само понятие Отечества и Отечественной войны в первоначальном сакральном смысле означали не что иное, как Святую Русь и православную войну¹.

Главной сферой деятельности духовенства в ходе войны 1812 г. была благотворительность, которая проявлялась в сборе денежных и вещественных даяний от населения, выделении собственных средств на борьбу с врагом и приюте пострадавших из западных губерний. Толчком к сбору пожертвований послужил указ императора Александра I от 6 июля 1812 г. о созыве народного ополчения. Так как наспех собранное ополчение нужно было обмундировать, вооружить и обеспечить продовольствием, менее чем через три недели, 25 июля 1812 г., последовало распоряжение Синода ко всем учреждениям духовного ведомства. Оно призывало клириков «единодушно содействовать противу всех замыслов и покушений врага... деньгами, серебряными и золотыми вещами без употребления лежащими»². Согласно этому указу, ярославское духовенство не только святым крестом благословляло войска на борьбу с врагом, но и совершало значительные пожертвования в пользу ополчения. Самые крупные взносы духовенство епархии сделало в наиболее сложные для России дни, после Бородинского сражения: с 27 августа по 12 сентября 1812 г. было собрано 18 тыс. руб. Всего к середине июня 1813 г. Ярославской епархией на отечественное ополчение было выделено 48 тыс. руб., более двух пудов серебра и шести тысяч аршинов ткани, что составило около 5 % от пожертвований всех сословий губернии³. Денежные и вещественные сборы с духовенства препровождались в духовную консисторию, учитывались и только потом поступали в Ярославский комитет военной силы.

Пожертвования совершали как приходские священнослужители, так и монашеское духовенство. В церквах Ярославской епархии сразу же после захвата Наполеоном западных губерний стали вводиться кружечные сборы для пособия пострадавшим от разорения⁴. Деньги из кружек высыпались каждые две недели церковным старостой и препровождались в казенную палату.

Обители также жертвовали крупные суммы для помощи пострадавшему от военных действий населению: Толгский монастырь только одновременно выделил на покровительство разоренным людям 300 руб. Кроме того, монастыри Ярославской епархии давали приют многим обездоленным, чаще всего духовенству оккупированных западных губерний. В упомянутой Толгской обители было пристроено 20 человек, в Югской Дорофеевой пустыни – 15 православных. В архиерейском доме получил пристанище преосвященный оккупированной

Смоленской губернии Ириной, в Мологском девичьем монастыре – игуменья одной из могилевских обителей⁵.

Несмотря на то, что духовенство епархии оказывало посильную материальную и моральную помощь беженцам и ополчению, указ Синода о вступлении в последнее был проигнорирован многими причтами Ярославской епархии⁶. Духовные власти обещали причетникам (церковнослужителям) заботиться о содержании их семейств во время военной кампании и после нее, но необходимой поддержки со стороны клириков не получили. Поэтому в своих отчетах консистории благочинные нередко отмечали, что «в пожертвовании деньгами всяк по своему состоянию... подписались, но желающих поступить в ополчение никого не оказалось»⁷.

После Бородинского сражения и оставления Москвы война вплотную приблизилась к границам Ярославской губернии, храмы и монастыри которой хотели уберечь от горькой участи обителей захваченных областей. Известно, что Успенский собор в Москве после взятия этого города был разграблен дочиства, а на месте паникадила французы прикрепили весы для взвешивания награбленного золота и серебра. Поэтому 4 сентября 1812 г. в секретном послании Ярославскому архиепископу Антонию генерал-губернатор отмечал: «Для предупреждения всякой опасности я из предосторожности отношусь к Вашему преосвященству с просьбой, дабы заблаговременно приказали Вы распорядиться о немедленном приготовлении к безопасности церковей, монастырей и других обителей»⁸. Для спасения церковного и монастырского имущества был составлен подробный план эвакуации. Его, как и собственность всех светских учреждений Ярославской губернии, предполагалось перевезти на подводах и водным путем в Нижний Новгород. Безусловно, все имущество духовного ведомства было невозможно вывезти. Только на эвакуацию архиепископа и части богатств архиерейского дома потребовалось бы 57 подвод. Поэтому решено было выделить караул для охраны ярославской кафедры.

Церковную утварь, иконы и вещи из храмов также хотели вывезти с территории Ярославской губернии. Для этого на две приходские церкви выделялась подвода, запряженная в одну лошадь. Но священнослужители не спешили эвакуировать имущество своих храмов. В отчетах некоторые священники признавались благочинным: «Отправить в Нижний Новгород нашего сельца Анциферова Ярославской округи домовою Успенской церкви имущество не могу, так как оно взято нашим содержателем... к сохранению»⁹. Но даже если последнее и не находилось у помещиков, то прихожане стремились припрятать его в «безопасные места», а не отправлять за сотни верст от храма. В этом прослеживается стремление православного населения сохранить благополучие той церкви, о которой они заботились, на которую десятилетиями выделяли денежные и вещественные пожертвования.

В октябре армия Наполеона была вынуждена покинуть Москву, вместе с тем постепенно улеглась и охватившая Ярославскую губернию паника. Духовенство епархии продолжало выделять деньги на ополчение и после изгнания Наполеона из России, а кружечные сборы для пособия пострадавшим от разорения в 1812 г. были упразднены только во второй половине XIX в.

Ярославская епархия, как и остальные церковно-административные округа Российской империи, была невольно вовлечена в события Отечественной войны 1812 г. На территории губернии не велось активных военных действий, поэтому не было предпринято и широкомасштабной эвакуации церковных и монастырских имуществ. Главной задачей православного духовенства был сбор пожертвований на ополчение и приют служителей церкви из западных губерний. Таким образом, духовенство Ярославской епархии оказало не только моральную поддержку, но и ощутимую материальную помощь пострадавшим во время войны.

Примечания

¹ Мельникова Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002. С. 19.

² Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 1. Д. 4620. Л. 32.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 4607. Л. 1, 19.

⁵ Там же. Л. 84, 85.

⁶ Там же. Д. 4608. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 4620. Л. 32.

⁸ Там же. Д. 4621. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 56.

С. В. Боровиков

г. Ярославль

**ОХРАНА ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.**

В самое мрачное и жестокое время опричнины Ивана Грозного, в 70-е гг. XVI столетия, московское правительство поставило себе большую и сложную задачу – устроить заново охрану от татар южной границы государства, носившей название «берега», потому что эта граница на самом деле долго совпадала с берегом средней Оки. Крепости Алексин, Одоев, Тула, Зарайск и Михайлов не могли задерживать шайки татар в их быстром и скрытом движении¹.

Московское государство использовало самые разнообразные способы для обороны своих пограничных рубежей. Первым из них была береговая служба: ежегодно весной мобилизовались значительные силы на берег Оки. Пересмотрев их на сборных пунктах, присланные из Москвы воеводы в случае тревожных вестей из степи соединяли ратников в 5 корпусов-полков. Большой полк становился у Серпухова, полк правой руки – у Калуги, полк левой руки – у Каширы, передовой полк – у Коломны, сторожевой полк – у Алексина. Кроме

того, выдвигался вперед шестой полк, «летучий ертоул», для разведочных разездов. При тревожных вестях эти полки трогались из района р. Оки и вытягивались к степной границе.

Другим средством обороны было построение на опасных границах укрепленных линий, которые не давали бы татарам врываться внутрь страны до сбора полков. Такие линии, черты, состояли из цепи городов, острогов и острожков, обнесенных рублеными стенами либо тыном, стоячими, остроганными сверху бревнами, со рвами, валами, лесными засеками, завалами из подсеченных деревьев в заповедных лесах – все это делалось с целью затруднить движение степных конных полчищ.

Одновременно создавалась сторожевая и станичная служба, бывшая третьим и очень важным оборонительным средством Российского государства. Из передовых городов второй и частью третьей оборонительной линии выдвигались в разных направлениях на известные наблюдательные пункты сторожи и станицы из 2–4 и более конных ратников, детей боярских и казаков. Их задачей было наблюдать за движениями в степи ногайских и крымских татар. Наблюдательные пункты удалялись от городов на 4 или на 5 дней пути. Перед 1571 г. таких сторож было 73, и они образовали 12 цепей, сетью тянувшихся от р. Суры до Сейма и отсюда поворачивавших на Ворсклу и Северный Донец.

Сторожевые пункты отстояли один от другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщение между ними. Сторожи были ближние и дальние, называвшиеся по городам, из которых они выходили. Ближе к Оке, в заднем ряду, становились сторожи дедиловские, одна епифанская, мценские и новосильские, налево от них – мещерские, шацкие и ряжские, направо – орловские и карачевские, южнее, далее в степь, – сосенские (по р. Быстрой Сосне), от Ельца и Ливен – донские, рыльские, путивльские и, наконец, донецкие, самые дальние.

Сторожа должны были стоять на своих местах неподвижно, «с коней не седая», преимущественно оберегая речные броды, перелазы, где татары лазили через реки в своих набегах. В то же время станичники по 2 человека объезжали свои урочища, пространства, порученные их бережению, верст по 6, по 10 и по 15 направо и налево от наблюдательного пункта. Заметив движение татар, станичники тотчас сообщали об этом в ближние города, а сами, пропустив татар, разъезжали, рекогносцировали сакмы, которыми прошел неприятель, чтобы сметить его численность по глубине конских следов. Как справедливо отмечал В. О. Ключевский, «была выработана целая система передачи степных вестей сторожами и станичниками»².

Вся эта сеть укреплений и наблюдательных пунктов спускалась с севера на юг, следуя по тем же полевым дорогам, которые служили и отрядам татар. Преграждая эти дороги засеками и валами, затрудняли доступы к бродам через реки и ручьи и замыкали ту или иную дорогу крепостью, место для которой выбиралось с большой осмотрительностью, иногда даже в стороне от татарской дороги, но так, чтобы крепость командовала над этой дорогой. Каждый

шаг на юг, конечно, опирался на уже существовавшую цепь укреплений, каждый город, возникавший на «поле», строился трудами людей, взятых из других «украинских» и «польских» (полевых) городов, населялся ими же и становился по службе в тесную связь со всей сетью прочих городов. Связь эта поддерживалась не одними военно-административными распоряжениями, но и всем складом боевой порубежной жизни. Весь юг Московского государства представлял собой один хорошо организованный военный округ.

В этом округе все правительственные действия и склад общественной жизни определялись военными потребностями и имели одну цель – оборону границ государства. Соответствующий указ был обнародован 1 января 1571 г. Необычная планомерность и согласованность мероприятий в этом отношении являлась результатом «общего совета» – съезда знатоков южной границы, созванных в Москву в 1571 г. и работавших под руководством бояр, князя Воротынского и Н. Р. Юрьева. Из всех пограничных городов были вызваны ветераны сторожевой службы; на места для сбора необходимых сведений отправлены воеводы и дьяки Разрядного приказа.

Собранный опыт лег в основу принятого 36 февраля 1571 г. «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе». Это был своего рода устав пограничных войск. Он точно определял задачи постоянных застав и разъездов, устанавливал строгие наказания за халатное исполнение дозорными своих обязанностей. Нормы, принятые в этом документе, действовали до конца XVII в.

В результате был выработан план защиты границ, приуроченный к местным условиям и систематически затем исполненный на деле. Поэтому столь же своеобразны были и формы окраинной организации, предназначенной на борьбу с врагом. Ряд крепостей стоял на границе; в них жил постоянный гарнизон и было приготовлено место для окрестного населения на тот случай, если ему при нашествии врага будет необходимо и возможно, по времени, укрыться за стенами крепости. Из крепостей рассылаются разведочные отряды для наблюдения за появлением татар, а в определенное время года в главных крепостях собираются большие массы войск в ожидании крупного набега крымского «царя»³.

О подготовке русских сил писал Дж. Флетчер: «В войне оборонительной, или в случае сильного нападения татар на русскую границу, войско сажает в походную или подвижную крепость (называемую Вежа или Гуляй-город), которая возится при нем под начальством Воеводы Гулевого (или разъездного генерала). Эта крепость так устроена, что (смотря по надобности) может быть растянута в длину на семь миль, именно на сколько ее станет. Ее возят вслед за войском, куда бы оно ни отправлялось, разобрав на составные части и разложив их на телеги, привязанные одна к другой и запряженные лошадьми, коих, однако, не видно, потому что они закрыты поклажей, навесом. Когда привезут ее на место, где она должна быть поставлена (которое заранее избирает и назначает Гулевой воевода), то раскидывают, по мере надобности, иногда на одну, иногда на две, а иногда и на три мили или более.

Эта крепость представляет стреляющим хорошую защиту против неприятеля, особенно против татар, которые не берут с собой в поле ни пушек, ни других орудий, кроме меча, лука и стрел. Внутри крепости ставят даже несколько полевых пушек, из коих стреляют, смотря по надобности. Таких пушек они берут с собой очень немного, когда воюют с татарами»⁴.

Будто бы в насмешку над усилиями московского правительства крымский хан Девлет-Гирей весной 1571 г. предпринял большой поход в русские земли. Основные силы царской армии были в этот момент заняты в Ливонии. В городах по Оке стояло не более 6 тыс. воинов⁵. Сам Иван IV со своей опричной гвардией находился в Серпухове. С ним был и князь Воротынский. В мае 1571 г., обойдя стороной хорошо укрепленный район, татары прорвались возле Калуги. Они дошли до самой Москвы, оставленной Иваном IV на произвол судьбы.

Осенью 1571 г. сторожевые станицы выжгли степь на громадном пространстве между Донковом, Новосилью, Орлом и Путивлем, чтобы лишить татарскую конницу подножного корма на зиму и весну 1572 г. На этот раз крымский поход не был неожиданным для русских воевод – станичная и сторожевая служба выполнила свои задачи. В Диком Поле не осталось подножного корма для татарских коней, и хан Девлет-Гирей вынужден был отложить наступление до лета, до «новой травы».

В 1572 г., перед началом сражения при Молодях, «Ока была укреплена более чем на 50 миль вдоль по берегу; один против другого были набиты 2 частокла в 4 фута высотой, один от другого на расстоянии 2 футов, и это расстояние между ними было заполнено землей, выкопанной за задним частоколом. Частокла эти сооружались людьми князей и бояр с их поместий. Стрелки могли таким образом укрываться за обоими частоклами или шанцами и стрелять по татарам, когда те переплывали реку. На этой реке и за этими укреплениями русские рассчитывали оказать сопротивление крымскому царю. Однако им это не удалось»⁶. Укрепления оказались малоэффективными без достаточных военных сил, занимавших их.

Однако враг был остановлен и отброшен. Последний крупный крымский набег 1591 г., когда противник опять перешел Оку и двинулся на Москву, провалился – русские встретили и разбили войско хана Казы-Гирея, поставив на пути неприятеля гуляй-город. Опыт прошлых лет был довольно успешно использован. Южная граница получила прочную защиту до Смутного времени начала XVII в.

Примечания

- ¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2000. С. 209.
- ² Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 196–201.
- ³ Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 210–211.
- ⁴ Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 93–94.
- ⁵ Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 248.
- ⁶ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 70.

Т. И. Нигметзянов

г. Кострома

**УЧАСТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В ВОЙНЕ 1812 Г.
И ЗАГРАНИЧНОМ ПОХОДЕ 1813–1814 ГГ.**

Долгое время в нашей историографии господствовала точка зрения, согласно которой роль всех нерусских народов в российской истории не подлежала широкой огласке. Иногда все же сквозь идеологическую цензуру прорывались имена Багратиона, правда, с оговоркой, что он хоть и был грузином, но зато глубоко русским по духу. Невозможно игнорировать роль мусульманских народов в становлении и развитии сначала Московского, а потом и Российского государства. Особенно заметна роль народов России в самые сложные моменты истории российского государства – в периоды отечественных войн.

Золотой страницей истории России является участие мусульман в Отечественной войне 1812 г. Зачастую шедшие в авангарде российской армии конные отряды, состоявшие из представителей мусульманских народов, наводили ужас на противника. Об этом ярко свидетельствует и такой факт. В своих призывах к сопротивлению русской армии Наполеон говорил, что Франции грозит нашествие «диких татар, которые едят лошадей». Именно конный полк, составленный из татар и башкир, первым вошел в Париж. А чуть позже, в 1814 г., победоносно вступая в столицу Франции во главе союзных армий, в свите императора Александра I был герой Отечественной войны 1812 г., первый чеченский генерал в российской армии Александр Чеченский. Он был близким другом и боевым товарищем знаменитого партизана Дениса Давыдова, который так писал о нем: «Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый, предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных».

С началом Отечественной войны 1812 г. мусульмане собрали в пользу армии 500 тыс. руб. и отправили на фронт 4 139 строевых лошадей. Вскоре было сформировано свыше 30 башкирских и татарских полков по 500 рядовых в каждом, были в русской армии и отряды крымских татар. В командный состав этих воинских формирований входили 30 человек: командир полка, старшина, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, 1 квартирмейстер, 1–2 писаря и 10 пятидесятников. Также при каждом полке постоянно находился мулла. Воины имели традиционное для них вооружение и 2 коня. Кроме того, во время Отечественной войны 1812 г. 12 тысяч российских мусульман несли линейную службу на восточных границах России. Мусульмане на своих плечах вынесли всю тяжесть Отечественной войны с Наполеоном и последующих заграничных походов, пройдя от западных границ до Москвы, а потом обратно – от древней столицы России до Парижа.

На первом этапе (до Бородино) российские мусульмане вступили в бой с первых дней войны. 1-й башкирский полк сражался с врагом в составе

2-й армии ген. П. И. Багратиона, 2-й башкирский – в 3-й армии ген. А. И. Тормасова, 1-й тептярский полк – в 1-й Зап. армии ген. М. Б. Баркляя де Толли¹. Уже 15 июня 1812 г. в боях под Гродно отличились воины 1-го башкирского полка: рядовые Узбек Акмурзин и Буранбай Чувашбаев, хорунжий Гильман Худайбердин и есаул Ихсан Абубакиров. В июле после соединения русских армий башкирская конница вела боевую разведку в районе Смоленска, а затем участвовала в наступлении российских войск на местечко Рудни. В частности, 16 июля 2-й башкирский полк под командованием майора Курбатова участвовал в сражении под городом Кобрином (восточнее Брест-Литовска), в ходе которого было убито 2 тыс., взято в плен 2 382 солдата, 76 офицеров и 2 генерала наполеоновской армии. За храбрость и отвагу, проявленные в этом бою, Аюп Каипов и полковой старшина Аралбай Акчулпанов были награждены орденами Св. Анны 4-й степени. А 27 июля кавалерия атамана М. И. Платова, в составе которой сражался 1-й башкирский полк, нанесла поражение французской дивизии под командованием Себастиани.

2-й период. Немало мусульман погибло на Бородинском поле. В этом сражении участвовал 1-й тептярский полк. Сразу после Бородинской битвы в период подготовки контрнаступления русской армии башкиры, татары, мишари и тептяри входили в состав подвижных конных отрядов, действовавших в тылу наполеоновских войск. В освобождении Москвы от армии Наполеона участвовали несколько башкирских полков и 1-й мишарский полк. В частности, 1-й башкирский полк находился в составе армейского партизанского отряда полковника И. Е. Ефремова, а затем его передали под командование полковника Н. Д. Кудашева. При отступлении из Москвы 7 октября французские войска попали под удары вышеупомянутой башкирско-татарской конницы. А несколько дней спустя, 12–13 октября в районе Малоярославца отряд Кудашева захватил много трофеев и отбил пленных.

В сентябре 1812 г. в период подготовки контрнаступления, когда основные силы русской армии были сосредоточены в Тарутино, остро ощущалась необходимость в пополнении. В эти дни мусульмане сформировали порядка 30 полков.

Отличился в контрнаступлении российской армии и 1-й тептярский полк. В начале сентября 1812 г. это соединение под командованием майора Темирова действовало в составе калужского ополчения. 11–24 сентября 1-й тептярский полк переходил в состав партизанского отряда Дениса Давыдова. В «Дневнике партизанских действий 1812 года» Д. Давыдов много и тепло пишет о совместных с татарами боевых операциях против французов². Он так описывает свои чувства, которые возникли у него после поступления приказа 1-му тептярскому полку покинуть его отряд: «Я получил повеление отделить от себя Тептярский полк к Рославлю и Брянску для содействия отряду калужского ополчения. Как ни тяжело мне было исполнить сие повеление, но, чувствуя важность Рославльского направления, я без прекословия приказал майору Темирову идти в Рославль». Позже 1-й тептярский полк майора Темирова отличился в сражении под Рославлем. За отвагу в этом бою орденом Св. Владимира 4-й степени был награжден прапорщик Мунасыпов, а орденом Св. Анны 3-й степени – зауряд-хорунжий Ибрагимов³.

Примечательна и фигура автора этих строк. Денис Васильевич Давыдов происходил из известного рода Давыдовых, начало которому положили выходцы из Золотой Орды. В начале XV в. знатный мурза Минчак выехал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу. По некоторым сведениям, Минчак был сыном первого касимовского царя Тангрикула Касыма, получившего, как считают многие, царский титул не от царя Ивана III, а от его деда, великого князя Василия Темного. В Москве Минчак принял крещение, в православии его имя стало Симеон Касаевич. Дети его положили начало четырем родственным фамилиям. Старший сын, Давыд Симеонович Минчаков, стал родоначальником дворянской семьи Давыдовых.

В стихотворении «Графу П. А. Строганову за чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции» он писал:

Блаженной памяти мой предок Чингисхан
 Грабитель, озорник с аршинными усами,
 На ухарском коне, как вихрь перед громами,
 В блестящем панцире влетал во вражий стан
 И мощно рассекал татарскою рукою
 Все, что противилось могучему герою.
 Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
 Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
 В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
 Ордами управлял в полях, войной гремящих.
 Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
 Как пращур мой Батый, готов на бранну прю⁴.

На всем протяжении боевых действий военные формирования российских мусульман находились в самых горячих точках. Уже при бегстве французов из России в составе корпуса генерал-лейтенанта Л. К. Эссена башкирская и татарская конницы преследовали разлагавшуюся армию Наполеона в районе Дропчина по обоим берегам реки Буг. 2-й башкирский полк принимал участие в разгроме отрядов польского генерала Конопки, а с ноября 15 татарско-башкирских полков в составе поволжского ополчения вели боевые действия на Украине.

За мастерское владение луком французы башкир прозвали «северными амурами». Из мемуаров французского генерала Марбо: «...во время нашего пребывания на высотах у Пильница неприятель, в особенности русские, получили многочисленные подкрепления, из которых главное под начальством Беннигсена, состояло не менее как из 60 тыс. человек. Это подкрепление было приведено из-за Москвы и заключало в себе очень большое количество татар и башкир, вооруженных одними луками и стрелами. Наши солдаты за их луки и стрелы прозвали башкир “северными амурами”. Эти новички, еще совсем не знавшие французов, были так воодушевлены своими предводителями, что, ожидая обратить нас в бегство при первой встрече, в самый день своего появления в виду

наших войск кинулись на них бесчисленными толпами, но встреченные залпами из ружей и мушкетов, башкиры вынуждены были отступить, оставив на месте битвы значительное число убитых. Эти потери вместо того чтобы охладить их наступление, казалось, только его подогрели. И, так как они двигались без всякого построения и никакая дорога их не затрудняла, то они носились вокруг наших войск, точно рои ос, прокрадываясь всюду. Настигнуть их было очень трудно, атаки этих варваров постоянно повторялись и русские поддерживали их отрядами гусаров, чтобы воспользоваться тем беспорядком, который башкиры могли произвести в том или другом месте нашей линии. Варвары громкими криками окружили наши эскадроны, пуская в них тучи своих стрел... Один из самых храбрых моих унтер-офицеров Меляэн, кавалер ордена Почетного Легиона, был ранен на вылет стрелою, которая вошедши в грудь, вышла через спину... Но в моем полку было несколько людей и лошадей раненных, да и сам я был легко ранен в ногу этим забавным снарядом»⁵.

Вместе с остальной русской армией мусульмане перешли границу России. И уже 27 января 1813 г. в Варшаву вступил 2-й башкирский полк в составе корпуса генерал-лейтенанта Л. М. Волконского. Также в январе 1813 г. в штурме Данцига вплоть до его капитуляции 21 декабря участвовали 10 татарско-башкирских полков. Своим воинским искусством отличился в боях за этот город 1-й башкирский полк, за что был внесен в «правительственный журнал выдающихся военных событий». С марта 1813 г. татарские и башкирские полки принимали участие в сражениях под Берлином и Дрезденом. В осаде Дрездена отличились 2-й, 13-й, 15-й башкирские полки, а после Лейпцигского сражения туда подошли 1-й, 4-й, 5-й и 14-й башкирские полки. Конец же 1813 года был ознаменован тем, что 5 полков, укомплектованных мусульманами, были направлены в Чехию и вместе с казачьими полками и регулярными частями русской армии вели там боевые действия.

Заметный вклад внесли мусульмане и в победу в великой «битве народов» под Лейпцигом. С 4 по 7 октября множество мусульман сражались бок о бок с русскими и европейцами против армии Наполеона. Помимо уже упомянутого, башкирская и татарская конницы участвовали в изгнании французов из Гамбурга, Берлина, Веймара, Франкфурга-на-Майне и других германских городов. В Веймаре российские солдаты-мусульмане встретились с немецким писателем и мыслителем И. В. Гете и подарили ему лук со стрелами и курай (национальный духовой музыкальный инструмент). После победоносного вступления российской и армии союзников в Париж воины 9-го башкирского, 2-го тептярского, 2-го мишарского полков были награждены серебряной медалью «За взятие Парижа 19 марта 1814 года». В память о героизме российских солдат, проявленном в Отечественной войне, все ее участники, включая мусульман, были награждены серебряной медалью «В память войны 1812–1814 гг.». Многим воинам-мусульманам были вручены и ордена.

Царское правительство, широко используя башкир для военных походов, не оказывало им помощи ни вооружением, ни обмундированием. Поэтому башкиры во время боевых действий одевались весьма скромно, а лучшие

одежды сохраняли для торжественных случаев и одевали их лишь после одержанных побед.

«Правда, что одежда и вид башкирцев, которые в сие время входили в Гамбург, – пишет Андрей Раевский, – поразили немцев. Но вскоре невинное простосердечие сих “людоедов” рассеяло совершенно всякое сомнение». В сомкнутых рядах в своих национальных нарядах проходили башкирские полки по улицам городов Европы. С восхищением рассказывает генерал Раевский случай, когда башкирские полки вошли в Гамбург в числе победителей: «Мы сами удивлялись опрятности и чистоте их одежды, которую берегли они только для случаев торжественных. Белые кафтаны и красные шапки в сомкнутых рядах нескольких полков представляли новое, но довольно приятное зрелище»⁶.

Война 1812–1814 гг. выявила талантливых полководцев-мусульман, например Кахым-туря (Кахым-турэ). Участие башкир и татар в ней нашло отражение в мемуарах Д. Давыдова, С. Глинки, Н. Раевского, в народном фольклоре – песнях «Любизар», «Эскадрон», «Кахым-туря», «Баик», «Кутузов»; «Баите о русско-французской войне», «Баите о Кутузове» и в легендах и преданиях «Кахым-туря», «Абдрахман Акъегет», «Вторая армия».

Когда происходили грандиозные войны в России, всегда вставал вопрос: а были ли те, кто воевал на стороне противника? Вступление армии Наполеона на территорию Литвы сопровождалось массовым переходом литовцев на сторону французов, дезертирством их из русской армии, созданием отрядов преследовавших, уничтожавших и пленивших русских. Как же повели себя литовские татары? Вторжение вызвало переполох. Деревни опустели, а население скрывалось в лесах. Татарские семьи, члены которых служили в российской армии, не зная намерений французов, боялись репрессий с их стороны. Антинаполеоновские настроения мусульманской общественности не были преодолены даже тогда, когда французы освободили все литовские земли от российской власти. Впредь Александр I пользовался среди татар большой симпатией. Антипатия к французам особенно углубляется во время их бегства из Москвы, когда голодные мародеры немилосердно грабили татарские дворы. Еще в межвоенный период ошманьские татары рассказывали о частых сражениях. 8 июля Мацей Азулевич, бывший ротмистр польского войска, обратился с призывом к Литовской генеральной конференции о возрождении татарского конного полка. Эту инициативу поддержал также бывший польский полковник Мустафа Ахматович. Он, получив согласие, 24 августа 1812 г. приступил к организации татарской конницы. Собрал материальные средства, М. Ахматович разослал призывы во все повяты, где жило татарское население. В них, в частности, говорилось: «Татарский народ! Ты многие века славил себя мужеством и пользовался милостью Отчизны, которая приняла тебя как сына. Посвятить свою жизнь для ее блага было всегда твоей целью, и Отчизна не сомневается, что и ныне последуешь примеру своих предков. Спешите, шляхтичи, встать под польские знамена с орлом...» В формировании полка помогали два бывших ротмистра польской армии Иохим Мужа Коряцкий и Самуэль Улан. Однако его организаторы просчитались. Слишком много татар сражалось в рядах

русской армии. Несмотря на все усилия, им удалось создать лишь один эскадрон, который в начале 1813 г. включили в полк легкой кавалерии наполеоновской гвардии. Командиром эскадрона стал Самуэль Улан, которому было нелегко командовать горячими и эмоциональными кавалеристами-татарами.

Эскадрон принимал участие в боях, но только во время отступления армии Наполеона. Так, 10 декабря 1812 г. он сражается с русской кавалерией при Острой Браме и Вильно. Не поддаваясь панике, начавшейся во французских рядах, татары вместе со своим полком отчаянными атаками расчищали путь на Ковно, теряя многих своих солдат. В конце августа он отличился в битве под Дрезденом, под Липском проявил мужество в бою с австрийскими кирасирами. Во время отступления татары вместе с полком легкой кавалерии сопровождали главную ставку французов. 30 октября этот полк разбил баварскую пехоту и австрийскую кавалерию. В феврале 1814 г. эскадрон сражался под Бриенной, Хампаубертом, Монтмиралом и т. д. 5 марта ему удалось нанести урон русской кавалерии под командованием князя Гагарина. После поражения Наполеона татарский эскадрон вместе со своим полком легкой кавалерии вернулся в Польшу. Здесь по приказу великого князя Константина татары были включены в 1-й и 3-й полки улан. Хотя наполеоновская эпопея не оказала большого влияния на жизнь польских мусульман, тем не менее во многих татарских поселениях потомки бывших солдат императора Франции в течение десятилетий с уважением вспоминали борьбу своих предков в Германии и Франции. «Из этих стран татары возвращались изувеченные, покрытые шрамами и с лентами Почетного легиона на груди», – писал о них С. Крычинский. От тех героических дней в татарских домах осталось много памятных предметов и сувениров⁷.

Отечественная война 1812 г. бросила вызов единству народов России. Не все народы были с Россией, литовцы и поляки активно поддержали врага, но война укрепила воинское единство православного и мусульманского воина. Татары Польши показали верность своему Отечеству и так же храбро воевали в составе французских войск, и это показатель преданности татар. Их воинская доблесть также была высоко оценена.

Примечания

¹ Башкиры в Отечественной войне 1812 года // Международный информационный центр тюркоязычных народов. URL: www.mictn.ru/bashkiry-v-otechestvennoj-vojne-1812-goda.

² Давыдов Д. В. Дневник партизанских действий. URL: www.1812.ru.

³ Ахметшин Ш., Насеров Ш. Татары в Отечественной войне 1812 года // Татарстан 2007. № 7.

⁴ Давыдов Д. В. Графу П. А. Строгонову // Библиотека 1812 года. URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/>

⁵ Асфатуллин С. Г. Северные амуры в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000. С. 12.

⁶ Хрестоматия по истории Башкортостана. Часть первая. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г.: учеб. пособие / сост. Ф. Х. Гумеров. 2-е изд. Уфа: Китап, 2005.

⁷ Гришин Я. Я. Польско-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань, 1995. С. 42–44.

А. А. Богданова

г. Стерлитамак

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ РОССИЕВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Социально-гуманитарные науки во все времена играли в жизни человека и общества менталеобразующую, мировоззренческую роль, вырабатывали у молодого поколения гражданственность, необходимые моральные ориентиры, умение объективно оценивать современные общественные явления. Менталитет является совокупностью символов, формирующихся в данной культурно-исторической эпохе и закрепляющихся в сознании людей. Эти символы и смыслы, мироощущение и мировосприятие людей данного общества, их верования, идеалы, значимые для них ценности в каждую эпоху взаимосвязаны, образуют некоторую целостность. Таким образом ментальность как квинтэссенция культуры, выступает в качестве необходимой составляющей, фундамента духовного единения, общения и одновременного бытия людей прошлого, настоящего и будущего.

Именно культура аккумулирует весь исторический путь, пройденный человечеством, является своеобразным паролем входа в другие измерения. При этом национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, выявляя такие пласты, на которых в родной культуре внимания не обращалось. М. М. Бахтин по этому поводу замечает: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которые она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами... новые смысловые глубины»¹.

Выше мы говорили, что культура человека формирует его ментальность, которая связана с национальными представлениями в мифологии, фольклоре, обычаях, формах религиозного культа, в философии, литературе, искусстве, общественно-политическом и правовом развитии нации. Поэтому вполне обоснованным является доминирующее освещение в дисциплинах социально-гуманитарного блока проблем отечественной истории и культуры. При этом важно учитывать взаимосвязь исторического и культурологического подходов к изучению общественных явлений. Ведь особенности нашей страны, географически и исторически расположенной на стыке Европы и Азии, и определяющие национально-культурную самобытность России.

Определение закономерностей мирового исторического процесса, выявление своеобразия различных культурно-исторических типов в формировании единой человеческой цивилизации ставят нас перед необходимостью осмысления отечественной истории, места России в общецивилизационном контексте. В современной научной и публицистической литературе представлено множество мнений по поводу роли и места нашей страны в общецивилизационном процессе. Остановимся на основных концепциях, определяющих роль и место России в цивилизационном контексте развития.

Одними из первых эту проблему подняли в середине XIX в. западники и славянофилы. С точки зрения западников, Россия со времен Владимира Святого развивается как христианская, европейская цивилизация, поддерживающая достоинство человека и частную жизнь. Особую роль в «вестернизации» страны сыграл XVIII в. От Петра I идет движение за освобождение личности и за создание государства и общества, обеспечивающих эту свободу. При этом Россия, хронически отстающая от стран Запада, периодически предпринимает попытки сократить это отставание. Как видим, Запад выступает определенным цивилизационным индикатором, именно по нему «сверяет свои часы» Россия.

В свою очередь славянофилы утверждали, что в основе России лежат мир и согласие, так как государство на Руси явилось результатом мирного призвания правителей. Передав государству власть, народ полностью отказался от политических прав, сохранив духовную свободу, и это ярче всего отразилось в деятельности Земских соборов. Но уже Смутное время, а затем и церковный раскол подорвали гармонию русской жизни. Петровские реформы были восприняты лишь высшим сословием, народ же сохранил верность своим началам и не принял западных новшеств, далеких от реальной жизни. Государство, вмешиваясь во внутреннюю жизнь народа, довело его до положения рабов. Для того, чтобы вернуть нормальное положение вещей, высшему сословию надлежит восстановить духовную связь с народом. Таким образом, славянофилы мечтали об идеальной допетровской Руси, западникам грезился идеальный Запад. И те и другие любили Родину, но, по меткому замечанию Н. Бердяева, «для одних Россия была, прежде всего мать, для других – дитя»².

В нач. XX в. формируется новое течение в россиеведении – евразийство. Согласно евразийской доктрине, Россия не этнос, не государство в обычном смысле слова, а целый континент – Евразия. Этот материк, как находили его евразийцы, особый исторический и этнографический мир, и его обособленность, специфичность являются решающими факторами во всех областях жизни. Русские люди не европейцы, не азиаты, а евразийцы. Русская национальность не может быть сведена к славянскому этносу, в ее образовании немалую роль сыграли тюркские племена. Россия даже в условиях существования различных конфессий характеризуется такими чертами, как суперэтничность, межкультурный обмен, наднациональный характер государства. Запад исчерпал себя, роль политического лидера должна перейти России-Евразии.

Ряд исследователей отечественной истории движущей силой развития России считают внутренний конфликт или раскол. Наиболее красноречиво эту идею выразил В. О. Ключевский, рассматривающий исторический путь России как столкновение «почвы» и «цивилизации». Определяя противоречивость российской сущности, Н. Бердяев говорит о расколе как о «характерном для русской жизни явлении»³. Расколотость российской цивилизации, наличие в ней двух противоречивых начал прослеживается на протяжении большей части ее истории, начиная с Киевской Руси. Важнейшим проявлением раскола выступает стремление отвечать на активизацию власти активизацией общества, причем

ответная реакция может значительно превышать первоначальный импульс. Превращение многих реформ в контрреформы красноречиво свидетельствует о неустойчивости и противоречивости российской цивилизации. Смещение, переплетение и наложение не только противоречивых, но и взаимоисключающих ориентаций пронизывало всю культурную жизнь России, раздирая ее не только по сословиям и классам, но и субкультурам по крайним ориентациям – между нигилизмом и апокалипсисом, западниками и славянофилами, «консерваторами» и «революционерами», «красными» и «белыми», «демократами» и «патриотами» и т. д.

Цивилизационный подход к определению места России в общемировом контексте развития обуславливает наличие еще одной концепции в россиеведении: Россия – «сегментарное общество»⁴, не является самостоятельной цивилизацией и не относится ни к одному из типов цивилизаций в чистом виде. Россия представляет собой цивилизационно неоднородное общество. Это особый исторически сложившийся конгломерат народов, относящихся к разным типам развития, объединенных мощным централизованным государством с великорусским ядром. Россия геополитически расположена между двумя мощными центрами цивилизационного влияния – Западом и Востоком, включает в свой состав народы, развивающиеся как по западному, так и по восточному вариантам. В условиях цивилизационно неоднородного общества важную роль играет междивизиационный диалог посредством языка-транслятора или языка межнационального общения. Русский язык и культура превращаются в транслятор на территории огромного многонационального сообщества, входящего в состав России. Произведения культуры, достижения разных народов через русскую культуру становились достоянием всей страны, а затем и транслировались на весь мир.

Ряд исследователей определяют историю российского общества как движение многомерное, противоречивое, обладающее множеством альтернатив развития. При этом движение истории идет по принципу «вызов – ответ» общества, возглавляемого «творческой элитой» (А. Тойнби), стремящейся к духовному обновлению. Рассмотрение альтернатив в развитии России означает попытку нового цивилизационного осмысления русского исторического пути, так называемой «теневой» русской истории, которая на всех этапах сопутствовала ее состоявшейся линии. В X в. выбор веры как духовной основы общества, особенностей его политики и экономики выступил как выбор цивилизационной альтернативы Руси, что нашло отражение и в летописи. В XIII в. вызов Востока в лице нашествия монголо-татар и вызов Запада в качестве крестового похода европейских рыцарей на Русь вновь поставили страну перед цивилизационным выбором. В период образования единого государства альтернативой авторитарной государственной власти могло стать республиканское устройство по примеру Новгорода. В XVI–XX вв. Россия не единожды имела возможность выбора конституционного пути развития.

И, наконец, среди подходов по определению места России в общемировом цивилизационном контексте существует и концепция, согласно которой Россия

является пограничной цивилизацией. По мнению Г. Я. Шемякина, к пограничным цивилизациям относятся Россия и страны Латинской Америки⁵. Отличительными особенностями данных цивилизаций являются: преобладание многообразия над единством, особая значимость природного фактора, особая роль пространства, которое доминирует над временем, постоянное пребывание в «пограничье» между варварством и цивилизацией.

Таким образом, роль российской истории в общецивилизационном контексте неоднозначна. Знакомство с различными концепциями россиеведения может студентам сформировать собственную гражданскую позицию.

Примечания

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 335 с.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 26 с.

³ Там же. С. 11.

⁴ Семенникова Л. И. Цивилизационные парадигмы в истории России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5. С. 108.

⁵ Шемякин Г. Я. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 96–114.

А. В. Нифонтов

г. Кострома

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ «ЕВРОПЕЙСКОГО УМИРОТВОРЕНИЯ» ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Беспрецедентная попытка «умиротворения Европы» российским императором Александром I (вошедшее в историю под названием Священного союза монархов) не только по достоинству не оценена и предвзято раскритикована в историографии, но и превращена в русофобскую политическую карикатуру. Сошлемся на французского историка А. де Ламартина: «...идея Священного союза, которую оболгали в ее сути, представляя ее как лицемерное честолюбие и как сговор о взаимной поддержке для угнетения человеческого рода. Истории надлежит вернуть ей ее истинный смысл». Можно привести слова Гете 1827 г. (два года спустя после смерти Александра I): «Миру необходимо ненавидеть что-нибудь великое, что и было доказано его суждением о Священном союзе, хотя никогда еще не было задумано ничего более великого и более благодетельного для человечества!»¹.

Известно, что, являясь убежденным сторонником «мирной Европы», Александр I считал своей миссией не только быть ее «освободителем», но и «мироохранителем» в рамках нового международного порядка, закрепленного

Заключительным актом Венского конгресса (9 июня 1815 г.). Для него это было только начальным и временным политическим компромиссом победителей Наполеона. Он искал пути к устойчивому объединению Европы на новых идейных основах, и поэтому появился Акт о Священном союзе. Его идея начала формироваться раньше и имела альтернативную направленность европейской стратегии Наполеона. Французский историк Вандаль отмечал: «Свидетель и жертва европейских потрясений времен Наполеона, он увидел свое высшее предназначение в искоренении зла, породившего трагедию. Посвящая на столь грандиозную цель, царь стремился обрести славу, равную наполеоновской, если не превосходящую. Его честолюбивый ум нашел блестящее решение: коль уж нельзя повторить своего гениального противника, нужно стать великим антиподом ему. Войне, разрушению, беспорядку следовало противопоставить мир, созидание, гармонию; идее насильственного объединения Европы под эгидой революционной Франции – добровольный европейский союз, основанный на согласии и охранительных принципах. Там, где Наполеон говорил языком диктатора, Александр мягко убеждал. Один гордо провозглашал верховным законом свою волю, другой нарочито демонстрировал смирение перед волей Провидения. Александр, как и Наполеон, добивался власти над государями и народами, но, в отличие от него, – внушением к себе любви, а не страха»².

Еще в 1804 г. Александр I выдвинул проект, согласно которому великие державы должны будут гарантировать друг другу сохранение новых государственных границ в Европе. Это означало, что попытка любого императора пересмотреть установленный порядок в свою пользу обязывала их объединиться против нарушителя, используя сначала моральное принуждение, а при необходимости – оружие. В ответ было молчание европейских держав и военный вызов Наполеона. После победы над Наполеоном у Александра I появляется убеждение о необходимости смены идей и лозунгов европейского проекта «Модерн» иной идейной парадигмой, следуя которой можно обеспечить мир между европейскими странами и внутри их, которая и была заложена в Акте Священного союза (сентябрь 1815 г.). Александр I попытался сделать эту идеологию принципиальной основой «европейской христианской федерации», в которой за смесью пафоса и мистики скрывался грандиозный замысел: объединить европейские страны и Россию в цельную структуру, подчинить отношения между ними нравственным принципам, почерпнутым из христианской религии («высокие истины», «заповеди любви, правды и мира»), предполагающим в том числе и братскую взаимопомощь государей в деле защиты Европы от последствий человеческих «несовершенств» – войн, смут, революций – «для счастья колеблемых долгое время царств» и «блага судеб человеческих». Идеологию Священного союза он считал особым «миротворческим учением», проникнутым духом религии и морали. Если благодаря постановлению Венского конгресса «в цивилизованном мире вновь вступил в силу кодекс публичного права, необходимого для сосуществования наций», то Акт от 14 сентября 1815 г.

давал, по его мнению, этим постановлениям нравственную опору и «гарантию их нерушимости». Александр I стремился «придать этому Акту большее реальное значение и эффективность, переведя его из сферы совести и мысли в область государственных интересов и сделав его активной силой». Он призывал «постепенно покончить с создавшимся в политике пагубным заблуждением в том, что между народами существует естественная и неизбежная вражда». Александр I особо подчеркивал, что Священный союз никому не угрожает; это добровольное объединение «всех без различия христианских правительств», ощутивших «благотворное воздействие» идей мира и согласия; «никого не порицают и не обязывают отчитываться по поводу тех государственных соображений, которые могли бы побудить кого-либо не присоединиться к Акту официально». Император постоянно повторял мысль о том, что Священный союз «выше всяких случайных интересов», «делает бесполезным разного рода обособленные, сепаратные соглашения», создает гарантию «душевного спокойствия и братства государей и народов»³.

Так была выдвинута альтернатива силовой попытке объединения Европы Наполеона, однако оба проекта были обречены на неудачу, ибо они встретили противодействие со стороны европейских правителей. Проект Александра I вызвал своим странным стилем и необычным содержанием недоумение и подозрение. Кто отнесся к нему как к бессодержательной болтовне (таково было первое впечатление, например, Меттерниха), а кто – и с большой опаской. В нем увидели попытку возродить старинную идею союза всех сил христианской Европы против мусульманского Востока, прямую угрозу Турции. Было опасение, что в нем звучит прямая угроза для стремления народов к национальному самоопределению, которым тут противопоставлялась патриархальная власть монархов. Действительно, отрицание национального принципа выдержано тут весьма определенно: Акт Священного союза знает только одну нацию – «христианскую» и откровенно космополитичен. Столь же определенно было отрицание общественной самостоятельности и политической активности населения: в составе «христианской» нации он видит только носителей власти и их подданных, вне «частной жизни» признает только «волю царей». Лидеры союзных держав, признавшие Акт о Священном союзе, сохранили подозрения по поводу тайных замыслов России. Поэтому пришлось официально разъяснять, что акт Священного союза чужд агрессивным задачам. Александр I разъяснял свои мотивы европейским правителям, чтобы «рассеять ложные слухи и толкования», «порождаемые... испорченным веком». «Злой гений... – писал он, – видимо, снова пытается приписать этому соглашению некие политические виды, столь же мало совместимые с продиктовавшими его чистыми намерениями, сколь и противные той благотворной цели, к достижению коей оно предназначено». Император заявлял, что его высшая цель состоит в том, чтобы сделать такие «охранительные заповеди», как «принципы мира, согласия и любви», фундаментом международного права. Однако в искренность

российского императора верили лишь отдельные его современники, и мнение французского историка Буркен («Акт – смесь политики и мистицизма, тактики и веры, но представляется нам искренним шагом убежденного христианина, а не ловкой и коварной проделкой победителя») является исключением в историографии⁴.

Александр, видя противодействие своему детищу и попытке вернуться к прежнему состоянию вестфальского международного порядка, попытался соединить принципы Акта с реальной политикой противовесов и согласился начать ревизию своего проекта. Когда Меттерних с иронией заявил, что это «простая декларация библейских принципов», взялся внести «хоть какое-то содержание в этот гулкий и пустой остов» и преобразовал «теократическую мечту о мистическом покровительстве» в систему союзов, которая должна была противодействовать попыткам пересмотра договоров 1815 г., император Александр I согласился исключить или изменить некоторые места – и превратился, по мнению современных историков, из «хозяина Священного союза в слугу австрийской политики»⁵. Однако на эти уступки Александр пошел из-за того, что он осознавал необходимость придать Акту «большее реальное значение и эффективность», для чего и нужна была иная стилистика и иные формулировки, и согласился на новый компромиссный документ. Этим документом стал Парижский договор 20 ноября 1815 г., окончательно оформивший образование новой Венской европейской международной системы, фундамент которой составил союз между Россией, Англией, Австрией и Пруссией, взявший на себя контроль над делами Европы во имя сохранения мира (европейский «концерт»). Считается, что это была капитуляция идеолога-дилетанта перед политиком-практиком. Рухнула фантастическая утопия «европейской федерации» на консервативных началах. Однако, разъяря сущность политики Александра I, министр иностранных дел И. Каподистрия отмечал, что в истории человечества не было эпохи, сравнимой с той, которая наступила после заключения этих документов Венского конгресса. Впервые мирный договор, подводивший черту под 25-летней войной, преследовал единую для всех держав цель и ознаменовал торжество общих интересов над частными, обеспечил долготлетие принципу всеобщего союза и сохранения мира, подкрепленному обязательствами правителей соблюдать международное право. Вплоть до смерти Александра I монархи будут собираться на конгрессы для обсуждения международных дел. Шатобриан передает слова, сказанные императором на конгрессе в Вероне: «Считаете ли вы, что, как говорят наши враги, союз, это лишь слово, скрывающее истинные честолюбивые замыслы? <...> Не может больше быть политики английской, французской, русской, прусской, австрийской; существует только общая политика, которая должна для всеобщего блага быть принятой сообща народами и царями. Мне первому следует проявить свою убежденность в принципах, на которых я основал союз». Он предложил начать его строить сверху примером святых христианских монархов и начать с себя по первой христианской общечеловеческой заповеди (делай то, что хочешь, чтоб тебе делали)⁶. Но это была религиозная утопия, ибо этот божественный

размах и уровень никто, в том числе и он сам, не был способен достичь. Он предложил проект и попытался его начать реализовывать сверху только своим личным стремлением, но у него не оказалось достаточно воли и силы реализовать задуманное («Правитель слабый... враг труда», – характеризовал его Пушкин). Но надо учитывать, что не только мало кто понял его и поддержал в Европе и в России, но и предавали и ему вредили. Постоянно раздвоенный между мечтой и действительностью, Александр I желал примирить далеко не всегда примиримое – интересы России, требовавшие зачастую жесткого, самостоятельного курса, с идеей европейского «концерта», предполагавшей согласованные действия и взаимные жертвы его участников. Александр чувствовал себя лично ответственным за сохранение Венской системы, призванной обеспечить безопасность на континенте, во имя которой он, наперекор русскому общественному мнению, шел на крупные уступки, ожидая в нужный момент такой же предупредительности от союзников. Союз мыслился императору как некий джентльменский клуб, где должны были царить особый дух, определенные правила поведения, взыскательный кодекс чести. Но западноевропейские члены этого союза предпочитали пользоваться только правами и благами его, оставляя на долю России обязанности и жертвы. Они охотно принимали доктрину Александра в той степени, в какой она помогала им устраивать собственные дела. Но эту концепцию обращали против ее автора, когда тот пытался отстаивать интересы собственного государства.

В чем историческое значение проекта Священного союза? В результате, при всех очевидных недостатках, Венская международная система – это первый и продолжительный опыт создания механизма коллективной безопасности в Европе, и она во многом обязана великим иллюзиям Александра I. Это и прообраз принципов возможного объединения-интеграции стран Европы и России в едином союзе (конфедерации), которая мирно развивается по общей социально-экономической, политической и культурной концепции. И сегодня в период глобального кризиса эти идеи могут быть востребованы, ибо пророчески звучат слова Ф. И. Тютчева: «Единство, – возвестил оракул наших дней, – быть может спаяно железом лишь и кровью... но мы попробуем спаять его любовью, а там увидим, что прочней».

Примечания

¹ См.: Додолев М. А. Венский конгресс в современной зарубежной историографии // Новая и новейшая история. 1994. № 3.

² Рачинский А. Основа Христианской политики. Священный Союз, или европейская мечта Императора Александра I. Сайт Национальный Институт Восточных языков и цивилизаций (Франция). 03.04.2009 г.

³ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 234–241.

⁴ Орлик О. В. «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 66–67.

⁵ История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 120–132.

⁶ Валлоттон А. Александр I: пер. с франц. М., 1991. С. 258–259.

А. Б. Годунов, О. А. Годунова

г. Кострома

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ О КОСТРОМСКОМ ОПОЛЧЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 Г.

Двести лет назад, 12 (24) июня 1812 г., началась Отечественная война русского народа против наполеоновских полчищ, вторгшихся в пределы России. Борьба с армией Наполеона была трудным военным испытанием для русского народа. «Дубина народной войны, – как образно сказал Лев Толстой, – поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил... опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

«Русской Илиадой» назвали эту войну современники. Ей посвящено наибольшее число исследований по сравнению с любым другим событием 1000-летней истории дореволюционной России. Специально о войне 1812 г. написано огромное количество книг и статей, но почти неисследованным остается краеведческий аспект истории этой войны.

Интересный материал по истории создания костромского ополчения, его участия в заграничных походах и в полном разгроме войск Наполеона содержат в себе труды Константина Воинского «Костромское ополчение 1812 года» и исследования историка протоиерея Михаила Яковлевича Диева «Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века», который донес до нас дух событий тех времен, изучены материалы периодической печати за разные годы. Эти исследования, а также материалы периодической печати того времени приводят малоизвестные факты из истории того времени, о поведении и быте ополченцев, о содержании пленных в Костромской губернии, и в частности в Нерехте. Документ «Прошение его высокоблагородию нерехтскому господину городничему коллежскому асессору и кавалеру Василию Алексеевичу Коптеву» подтверждает, что в Нерехте находились в плену из 3-го Иллирийского егерского полка кроаты: 3 обер-офицера и 82 человека нижних чинов, изъявивших желание перейти в австрийское подданство «императора Франца I и содействовать против общего врага; ибо они в прошлом 1812 г. употреблены были со стороны французского императора против их воли»¹.

М. Я. Диев сообщает: «Иван Васильевич Князев, в 1812 г. служивший градским головою, за пожертвования разного провианта проходящим тогда через Нерехту войскам, высочайше награжден бронзовою медалью на Владимирской ленте, за сей год установленною. По праву, данной сей медали, она доселе украшает грудь старшего сына Князева Дм. Иванова»².

В повседневную размеренную жизнь нерехтчан вплетались элементы культуры различных народов, по воле судьбы оказавшихся в плену. Благодаря рукописям М. Я. Диева известно, что «пленные научили русских играм – в мышку: 1) один с завязанными глазами по веревке ищет другого, а тот, скрипя палочкою об палочку, подает о себе знак и, ползая по закругу, с места на место перебегает; 2) прыгать через веревку: двое держат за концы веревку и машут, а третий прыгает; 3) в канате ловить: многие держат канат, образуя тем круг,

один или двое в кругу ловят; а те не даются, оставляя канат. Пленные из кореньев плели красивые корзиночки, также из соломы и их продавали для пропитания»³. Источник сообщает, что пленных цесарцев в 1813 г. повезли на лошадях домой. А нерехтчане даже плакали... при расставании.

Исследуя различные опубликованные источники и сравнивая информацию, видим присутствие порой различных трактований тех или иных событий. Основной причиной таких расхождений может быть то, что авторы этих источников не были современниками описываемых событий и пользовались разными данными.

В одном из разделов представлены сведения архивных документов Государственного архива Костромской области (ГАКО), на основании которых предприняты попытки восстановить забытые имена рядовых ополченцев. Документы ГАКО, содержащие сведения о войне 1812 г., можно разделить на две части: документы, которые сохранились, и документы, которые были утрачены во время пожара в 1982 г., но названия дел сохранились. По названиям дел можно уже судить о происходивших событиях тех времен. В имеющихся делах содержатся сведения о пожертвованиях на ополчение денежных средств, об освобождении жен ополченцев из владений помещиков, о вознаграждении семей ополченцев за рекрутов, о взыскании казенных долгов, о пленных кроатах, находящихся в плену в Нерехте, о предоставлении в Костромское дворянское депутатское собрание отчета о приходе и расходе денег, пожертвованных в 1812 г. на экипировку костромских полков, о финансовых нарушениях и многое другое.

По названиям дел, которые частично или полностью утрачены, читаем, что существовали списки низших чинов и самого ополчения 1812 г., и сегодня невозможно узнать имена всех ополченцев, а лишь их малую часть. Утраченные дела содержали информацию о желании вступить в ополчение, о выдаче жалованья ополченцам, о пожертвовании на ополчение, о роспуске воинов ополчения по домам. Существовали дела, связанные с незаконным отнятием лошадей ополченцами у жителей деревень, об обидах, нанесенных казаками костромского ополчения, растлением девиц (изнасилование), выбитии пчел воинами (разорение ульев), неуплате денег за прокормление, о бежавших из ополчения (дезертирах), о деньгах, принадлежавших ополчению, об издержках, употребленных на содержание пленных, и т. д.

Работа с краеведческими архивными источниками открывает прекрасную возможность персонификации истории Отечественной войны 1812 года в лицах неизвестных героев Костромской земли. При работе с «Формулярными списками о службе...» за 1838, 1840 гг. были выявлены участники Отечественной войны – наши земляки. Участником Бородинской битвы и сражений под селом Чириковым, при селе Тарутине, при городе Малоярославце и в заграничных походов до 1815 г. был Бологовский Дмитрий Николаевич (известен год рождения – 1796). С 1838 по 1840 г. он был Кинешемским уездным предводителем дворянства – штаб-ротмистр и кавалер, награжден орденом Святой Анны IV степени. Сам происходил из дворян Кинешемского уезда. В службу вступил из кадетов в Веленский пехотный полк. Был прапорщиком, подпоручиком; будучи поручиком, переведен в Кирасирский полк⁴.

Участником заграничных походов во Францию, блокады крепости Сарлу, похода до города Верне и обратно в Россию был Крылов Геннадий Алексеевич⁵. В этих же документах была обнаружена информация о Волынском(?) Арсении Александровиче: «Вступил в службу Лейб Гвардии Преображенский полк в должности фурьером. В походах был из пределов Костромской губернии 1812 года. В декабре с полком в Житомирской губернии по предписанию главного начальства направлен в Житомирскую, Киевскую, Черниговскую и Тульскую губернии для обследования лазаретов. Из ополчения вернулся домой 20 февраля 1815 года. Выпущен из армии капитаном»⁶.

Архивные документы позволили восстановить частично списки ополченцев-нерехтчан, их хозяев и место проживания (округа, села, деревни). На сегодня восстановлены имена около 200 человек: «крестьяне» или «дворовые» принадлежали «Нерехотской округи советника и кавалера Дмитрия Сергеевича Ланского деревни Мартынихи, князя Михайла Волконского деревни Горкино, князя Егора Голицына Алексеевича села Писцова, Софьи Карцевой, деревни Афетково госпожи Анны Безобразовой, графа действительного... Дмитрия Петровича... Бутурлина, прапорщика Николая Гурьева деревни Мытица, помещицы девицы Елизаветы Техменовой деревни Ме...рицы, генерала Федора Козлова сельца Репища, графини Ольги Толстой деревни Деганево, Нерехтской округи поручика Ипполита Понтуса деревни Кабанихи, Нерехтской округи господина Петра Сумарокова села Красного»⁷ и т. д.

В архивных документах плохой или частичной сохранности имеются также сведения о нижних чинах из «Галицкой округи», «Кинешемской округи» и реже Костромской и Буйской округ, которые будут восстановлены силами юных исследователей-краеведов, обучающихся в Костромском областном центре детского и юношеского туризма и экскурсий «Чудь».

Судьбы простых ополченцев – героев Отечественной войны 1812 г., имена которых до сих пор пребывают в забвении, должны стать известными сегодняшним поколениям, и в этом есть историческая справедливость.

Примечания

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Фонд 133. Оп. 1. Д. 5297. Л. 1, 2, 3, 4. Дело по ходатайству живущих в Нерехте пленных кроатов о вступлении их в австрийское подданство. (Дело от 24.11.1813 г.)

² Диев М. Я. Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века. Отдельный оттиск из XIII выпуска Трудов Костромского научного общества. Кострома: Сов. тип. 1920. 113 с.

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф. 134. Б/ш. Д. 7276. Л. 7–8. Формулярные списки о службе чиновников дворянских опеков и уездных предводителей дворянства. 1840; Ф. 134. Б/ш. Д. 4531. Л. 17–18. Формулярные списки уездных дворянских опеков. 1839.

⁵ ГАКО. Ф. 134. Б/ш. Д. 7276. Л. 8 об., 9. Формулярные списки о службе чиновников дворянских опеков и уездных предводителей дворянства. 1840.

⁶ ГАКО. Ф. 133. Б/ш. Д. 1961. Списки ополченцев Костромской губернии за 1812 год.

⁷ ГАКО. Ф. 133 Б/ш. Д. 216. Дело о доставлении сведений об участии нижних чинов в ополчении 1812 года. 1833 г.

В. П. Богданов

г. Москва

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ – ВКЛАДЧИКИ КИРИЛЛИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В РОССИЙСКИЕ ЦЕРКВИ И МОНАСТЫРИ

История книжной культуры России XVII в. неразрывно связана с деятельностью правящей династии. Первые Романовы (цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Федор, Иван, Петр Алексеевичи и члены их семей) не только заботились о возобновлении (после Смутного времени) и развитии книгопечатания в стране, но и были активными вкладчиками изданий Московского печатного двора (далее – МПД) в церкви и монастыри по всей стране. Как свидетельствуют архивные документы, часть тиража всех изданий шла членам царской семьи. Однако куда эти экземпляры шли потом? Ответить на этот вопрос помогают многочисленные записи на полях книг.

С самого начала своего существования Межкафедральная археографическая лаборатория осуществляет не только сбор, но и описание кириллических памятников. Результатом этого стал выход нескольких фундаментальных каталогов¹. С 2008 г. автор занимается составлением сводной базы данных по записям на книгах, выявленных на экземплярах старопечатной кириллицы. В настоящее время в базе данных имеются сведения о 8 533 персоналиях, бывших вкладчиками, владельцами, читателями и т. д. этих уникальных памятников. Задача настоящего исследования состоит в освещении практики вкладов кириллических изданий в церкви и монастыри представителями правящей династии.

Из 57 представителей династии Романовых, фигурирующих в записях на книгах, девять были вкладчиками. Это цари Михаил Федорович (31 вклад), Петр I (25 вкладов), Иван V (20 вкладов), мать Михаила Федоровича, царица и великая схимница Марфа Ивановна (4 вклада), царь Алексей Михайлович (3 вклада), царь Федор Алексеевич (2 вклада), царевны Софья Алексеевна, Прасковья Федоровна, великая княгиня, в будущем императрица Екатерина Алексеевна (по 1 вкладу). При этом 20 вкладов было сделано двумя и более представителями царской семьи: 19 царями Петром и Иваном, а один – ими с царевной Софьей². Наиболее ранний вклад датируется 1622 г. (царь Михаил Федорович вложил Евангелия 1613 или 1619 г. в Петровский монастырь что на Полях в г. Ростов Великий (Ярославль, 2004. № 89), наиболее поздний – вклад Служебника 1630 г. (МГУ, 2000. № 213) великой княгиней Екатерины Алексеевны в церковь Петра и Павла в дворцовом селе Зикенино (?), что на Лугея, Ямбургского уезда. В 77 случаях имеются сведения о церквях и монастырях, в которые были вложены книги, в 56 – название местностей, где эти церкви и монастыри находились. Обращает на себя внимание территориальный охват вкладов: от Путивля³ на западе до Цареккокшайска⁴ на востоке. Из отдаленных территорий следует назвать также: г. Брянск, Новгород Великий, Осташков, Торопец, с. Зикенино, ячто на Лугея Ямбургского у., Каремша Ломовского у.,

Даниловское Костромского у. (по одному вкладу). Впрочем, основная масса вкладов сделана в центральной России: г. Углич (21), Москва (7), Звенигород, Можайск, Ростов (по два вклада), Александрова слобода, Веря, Переславль-Залесский, Торжок, с. Хатунь (по одному вкладу).

Сведения записей на книгах предоставляют возможность наглядно проследить ряд интересных социальных практик.

1. Целенаправленное обеспечение книгами церквей и монастырей страны, которое могло осуществляться тремя путями:

– прямым пожалованием тех или иных экземпляров в книжницы церквей и монастырей по инициативе членов царской семьи;

– дарением книг в ходе богомолья. В ходе такого богомолья в Углич великая схимница Марфа Ивановна в 1628 г. вложила Псалтирь с воследованием (МПД, 26.10.1627), Минею общую (14.10.1625), Евангелие (МПД, 19.03.1627) в угличский Богоявленский девичий монастырь (соответственно МГУ, 2000. № 184, Ярославль, 2004. № 138, Ярославль, 2010. № 14*), о чем свидетельствуют однотипные записи: «Лета 7136-го (1628) марта в 31 день сие святое Евангелие на престолное пожаловала дала государыня великия старица инока Марфа Ивановна на Угльч в свое государино богомолье в Богоявленской девич монастырь что в Кремле городе. И того монастыря игуменье з сестрами и священником, хто в том монастыре учнут житии, и им за государыню великую старицу иноку Марфу Ивановну Бога молить и сеи книги никому из Богоявленсково монастыря в инои монастырь и к церквамъ по душамъ не отдати и не продати ни заложити и некоторыми мерами от Богоявленя Господня не похитит. А аще хто сие святое святое (!) Евангелие похитит и он да восприимет в том суд на второмъ пришествии перед праведнымъ судьей»⁵;

– пожалованием книг в ответ на соответствующие челобитья. Именно по таким челобитьям в 1694–1697 гг. в «новопостроенную церковь святого благоверного царевича и великого князя Димитрия» в г. Угличе было передано 20 книг, о чем свидетельствуют записи: «Лета 7204-го (1695) году декабря въ 20 день п[о] ука[зу] великихъ государей дана сия книга Псалтирь со воследованиемъ на Угльч в новопостроенную церковь святаго благовернаго царевича и великого князя Димитрия, что на месте убиения его по челобитью тоя церкви священника Иоанна Минина с причетники, а старая Псалтирь принята в казну»⁶.

2. Реализация путем вкладов экземпляров изданий, не пользовавшихся спросом. Конечно, большинство книг было передано вскоре после выхода (в течение 2–3 лет), но многие книги были переданы с залежанностью в 5⁷, 10⁸, а то и 50⁹ лет. Последнее обстоятельство особенно интересно. Получается, что представители царской семьи в конце XVII–XVIII в. вкладывали старые с новыми несогласные книги, которые были запрещены после реформ патриарха Никона!

Подводя итог, следует отметить, что практика царских вкладов объективно способствовала пополнению церковных книжниц (особенно ярко это видно на примере в «новопостроенной церкви святого благоверного царевича

и великого князя Димитрия» в г. Угличе). Причем вклады совершались как в близкие и известные обители, так и в отдаленные уголки страны и малоизвестные церкви. Систематичность, с которой совершались вклады, говорит о том значении, которое придавали представители царской династии делу церковного просвещения. Поскольку данный доклад подготовлен в рамках Романовских чтений, проходящих на Костромской земле, то в качестве приложения к докладу приводим запись на книге, вложенной в 1638 г. царем Михаилом Федоровичем в монастырь Казанской Божьей матери в с. Даниловском, Костромского уезда (Октоих, части I и II. М.: Печатный двор, 07.05.1631 (03.02.7137–07.05.7139). Михаил; Филарет).

По л. 1–26 писарской скорописью: «Сию книгу пожаловал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси в Костромской уездъ в село Даниловское в монастырь пречистые Богородицы Казанские лета 7146 году июня въ 16 день, а подписалъ сию книгу приказу Болшого дворца подъячеи Георгии а прозвище Любим Асманов»¹⁰.

Примечания

¹ Имеются в виду каталоги: МГУ, 1980; МГУ, 2000; СТСЛ; Тверь; Пермь, 2003; Ярославль, 2004; Ярославль, 2010.

² В 1687 г. Софья, Иван и Петр Алексеевичи вложили Трефологион, 1-я четв., часть дополнительная (МПД, 01.06.1637, МГУ, 2000. № 309) в ц. Св. Георгия Великомученика в с. Хатунь.

³ В конце XVII в. Петр I вложил октоих, ч. I и II (МПД, 10.10.1638) в Духов Новодевич. монастырь в г. Путивль (МГУ, 2000. № 328).

⁴ В 1644 г. царь Михаил Федорович вложил Триодь цветную (МПД, 13.08.1621) в ц. Покрова Богородицы и Чудотворца Михаила Малеина в г. Цареккокшайск (МГУ, 2000. № 133).

⁵ Поскольку в экземпляре МГУ, 2000. № 185 запись частично утрачена, то приводим текст по: Ярославль, 2010. № 14*.

⁶ Публикуется по: Ярославль, 2010. № 751.

⁷ МГУ, 2000. № 225, 255, 269; Ярославль, 2004. № 187; Ярославль, 2010. № 19*, 203, 620, 626.

⁸ МГУ, 2000. № 179, 249, 267; Тверь, 2002. № 17; Ярославль, 2010. № 327.

⁹ МГУ, 2000. № 309, 310, 329; Тверь, 2002. № 63.

¹⁰ Асманов Георгий Стефанов сын, по прозвищу Любим. Подъячий приказа Большого Дворца, в 1638 г. имел в Москве два двора; 10 марта 1640 г. и 1646 г. справный подъячий там же. В декабре 1648 г. был послан с дьяком Никифором Демидовым в Рязань раздавать жалованье служилым людям. Асманов подписывал книги, раздаваемые безденежно по именным челобитьям от имени царя и собственные царские вклады (см.: МГУ, 2000. С. 11; Веселовский С. Б., 1975).

Н. А. Личак

г. Ярославль

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

О великом прошлом города Костромы напоминают многочисленные памятники истории и культуры. Город, с XVI в. являвшийся крупным центром торгово-промышленной деятельности, в XVII в. стал четвертым посадом страны, достигнув своего расцвета¹. С этого времени в Костромском крае начинается церковное художественное строительство, поддерживаемое почитателями из числа богатейших бояр и купцов. Ансамбли Ипатьевского и Богоявленского монастырей, Успенский собор, красочные церкви Воскресенья-на-Дебре, Троицкая, Сергиевская, Спасская за Волгой, Иоанна Богослова, Николаевская, Спаса на Подвязье, Покровская и Алексеевская стали духовными центрами древнего города. Колонады пожарной каланчи и гауптвахты, «табачный ряд» и большой гостиный двор были построены в первой половине XIX в., заложив основы уникального провинциального гражданского зодчества.

Деятельность сотрудников государственных органов и общественного актива в первые послереволюционные годы проходила в сложнейших социально-экономических и идеологических условиях². Местные краеведческие организации продолжали использовать дореволюционные принципы в деле сохранения памятников старины в противовес политике, проводившейся новой властью на территории Костромской губернии³.

Так, в 1918 г. декретом «Об отделении церкви от государства»⁴ религиозные общества были лишены прав юридического лица, что послужило началом активной ликвидации древних монастырей. Костромские монашеские общины отстаивали свои святыни до последнего, совершая службы в монастырских храмах. Пытаясь сохранить обители под видом сельскохозяйственных артелей или приходов, они оставались в родных стенах даже под угрозой репрессий⁵.

К 1923 г. костромскими краеведами было зарегистрировано 51 культовое сооружение в уездных городах и сельской местности, представлявшее историко-художественную ценность⁶. В Костроме было произведено научное описание и взято на учет более 40 церквей (среди них церковь Воскресения-на-Дебре, церковь Иоанна Златоуста, церковь Вознесения, церковь Спас-Преображения, архитектурный ансамбль Ипатьевского монастыря). Одновременно проводилась работа по охране гражданских сооружений. В состав данной группы были включены здания бывшего Дворянского собрания, особняк Сунгурова, дом Янцен, архитектурный комплекс торговых рядов, гауптвахта, дом Общественного собрания, дом сенатора Борщова, усадебные комплексы. В Нерехтском уезде после Октября 1917 г. была национализирована 21 усадьба, выселено 17 помещиков, в 1924–1925 гг. – еще 3. Национализированные памятники были взяты под охрану государства⁷.

Массовый характер краеведческому движению придало Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК), организовавшее свои отделе-

ния в уездах. В первые послереволюционные годы оно занималось выявлением, изучением и популяризацией памятников истории и культуры⁸. КНОИМК оказывало поддержку и командированным эмиссарам из центра⁹. Еще осенью 1918 г. представитель губнаробраза М. М. Зимин и красноармеец Г. И. Ашкинази, присланный из Агитпросвета, отправились в поездку по Костромской губернии. В селах Солигаличского, Чухломского, Кологривского, Макарьевского, Варнавинского уездов они собрали большое количество книг и журналов из дворянских и монастырских библиотек. Только из усадьбы Нероново, Солигаличского уезда, 26 июля 1919 г. вывезено более 1 000 томов¹⁰.

Важнейшим направлением работы краеведов являлась охрана внемузейных памятников, а именно памятников архитектуры и археологических объектов¹¹. Дать описание памятников, наладить элементарную охрану в далеких уголках губернии могли только местные культурные силы. Инициативу краеведов всемерно поддерживала губернская коллегия по охране памятников истории и культуры. В президиум коллегии вошли руководители костромского краеведения Е. Ф. Дюбюк, Н. Н. Виноградов, А. И. Черницын¹².

В мероприятиях губколлегии с октября 1918 г. принимали участие известные костромские деятели культуры и краеведы: В. И. Смирнов (возглавлявший в течение ряда лет губмузей), А. И. Некрасов, И. А. Рязановский, Л. А. Большаков, Ф. А. Рязановский и другие¹³. Благодаря их самоотверженной работе удалось спасти от гибели многие памятники истории и культуры.

Краеведческая работа была неотделима от музейной практики. В Костромской губернии все учреждения культуры первоначально находились в ведении научного общества по изучению местного края, сотрудники которого работали активно даже при отсутствии оплаты труда. В 1918 г. был организован музей в Кологриве, в 1919 г. – в Чухломе, в 1922 г. – в Галиче, в 1923 г. – в Солигаличе и других городах¹⁴. Коллегия отдела музеев и охраны памятников искусства и старины в 1921 г. командировала сотрудников: В. М. Стрежнева – в Кострому для ознакомления с постановкой дела охраны памятников¹⁵, О. М. Гартунг – в с. Яковлевское, Нерехтского уезда, Костромской губернии, для научной описи археологических ценностей¹⁶.

Интерес центральных охранных органов к древнерусскому зодчеству Костромской губернии проявлялся в ходе проведения комплексных экспедиций под руководством И. Э. Грабаря, участники которых обмеряли, фотографировали памятники, составляли инструкции для губмузея, принимали меры к охране памятников на территории губернии. Осмотрев Ипатьевский монастырь в 1923 г., здания которого приспособлялись под жилье, члены экспедиции выступили в его защиту, обратившись с заявлением в губисполком¹⁷. Однако защитить все памятники древнерусского искусства, находившиеся на территории монастыря, даже такому известному специалисту, как Грабарь, было не под силу. Местными органами власти монастыри активно закрывались, перепрофилировались¹⁸.

На основании приведенных сведений следует сделать вывод, что большую часть охраняемых объектов Костромского края в начале 1920-х гг. составляли памятники древнерусской архитектуры и искусства. Они продолжали играть

важную роль в фор-мировании художественного облика послереволюционной губернии. Несмотря на отсутствие средств, в 1920-х гг. в Костроме и окрестностях силами местных специалистов были развернуты активные работы по выявлению, регистрации и охране памятников истории и культуры.

Примечания

¹ Лукомский Г. К. Об архитектурных памятниках Костромы и их художественном // Зодчий. 1913. № 17. С. 190

² ГАКО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 511. Л. 8, 42.

³ Реквизиция монастырского имущества (о передаче части имущества Ипатьевского монастыря рабочему клубу) // Советская газета. 1918. 9 апр. С. 4.

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 269.

⁵ ГАКО. Ф. Р.-6. Оп. 1. Д. 511. Л. 8.

⁶ ГАКО. Ф. Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.

⁷ ГАКО. Ф. Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 50.

⁸ Положение о Костромской губернской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины // Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. Кострома, 1919. С. 23.

⁹ ГАРФ. Ф. А.-2307. Оп. 8. Д. 19. Л. 54.

¹⁰ ЦДНИКО. Ф. П.-2797. Оп. 2. Д. 6. Л. 52.

¹¹ ГАРФ. Ф. А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 8.

¹² ГАКО. Ф. Р.-838. Оп. 4. Д. 7. Л. 3.

¹³ Кондратьева И. Ю. Краткий исторический очерк охранно-реставрационной деятельности в Костромской области // Культурное наследие: охрана, реставрация, исследование. Кострома, 2005. С. 7.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А.-2307. Оп. 8. Д. 135. Л. 17.

¹⁵ Там же. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Грабарь И. Э. Письма 1914–1936. М.: Наука, 1968. С. 71.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р.-130. Оп. 7. Д. 483. Л. 1, 1 об.

В. В. Абраменкова

г. Москва

**ЦАРСКИЕ ИГРУШКИ КАК ИНСТРУМЕНТ СЕМЕЙНОГО
ВОСПИТАНИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ**

Только один раз дается детство со всеми его возможностями.

То, что вы можете сделать, чтобы украсить его, делайте быстро.

Св. муч. царица Александра Федоровна Романова

В различных исторических документах, связанных с устройством семейного быта и воспитания наследников престола династии Романовых, есть четкие указания на использование детских игр и игрушек как особых инструментов воспитания царских детей.

© В. В. Абраменкова, 2012

Есть свидетельства об игрушках царя Петра. Дворцовые акты, относящиеся к первым годам жизни Петра, знакомят нас довольно близко с обстановкой его детской. Едва минуло царевичу Петру год, как его детская стала заваливаться массой игрушек. Уже в 1674 г. для него изготовили потешного деревянного коня с прорезными стременами, обтянутого белой кожей. Потешное стульце на колесах является уже с 8 месяцев жизни Петра. В 1678 г. приказано было сделать потешную деревянную бабу, куклу с серебряной цепью и серьгами. Очень рано в детской Петра являются разные музыкальные инструменты: цимбальцы, унизанные жемчугом и переплетенные в сафьянную кожу; цимбалы с играющими часами. Все эти вещи могли, без сомнения, быть в детской и у прежних царевичей, но между ними есть одна, особенно напоминающая время Алексея Михайловича, столь любившего заморские потехи и художества: в 1674 г. для ребенка сделали «клевикорды», без сомнения, для того, чтобы развлекать его, а не учить музыке. Но особенно разнообразен был у Петра выбор военных предметов: разные копья, луки посеребренные, знамена с изображением солнца, месяца и звезд, потешные барабаны и барабанцы, колчаны и стрелы с белыми перьями, которыми царевич забавлялся со своими сверстниками, стольниками. И здесь между военными игрушками встречаем мелочи, напоминающие работы взрослых людей конца XVII в.; в детской у Петра была очень хорошо представлена московская артиллерия: тут встречаем множество пищалей и пушек с лошадками. Таким образом, детская будущего преобразователя была снабжена гораздо разнообразнее, чем у прежних царевичей. Все, что было в этой детской, предназначалось для игры и ничего более; кроме того, около царевича мы встречаем целый придворный штат: стольников, спальников, карл и других слуг из сверстников царевича. Петр, правда, не мог сказать о себе, как некогда Иван Грозный, что он не помнил, как вступил на царство; Петр очень хорошо это помнил, но только потому, что вступление ознаменовалось событиями, которые резко врезаются в память и запечатляются в ней навсегда. Но московскому двору XVII в. невозможно было требовать более правильной педагогики, может быть, впервые приложенной Вильгельмом Прусским, удалившим из обстановки сына своего наследника все, что могло напоминать ему о царском происхождении и будущем положении. С 1683 до 1688 г. Петр-отрок продолжал свои прежние потехи. В 1683 г. для него еще делают потешных коней; в 1685 г. для него приготавливают военного человека с мечом в руке, военную куклу; в том же году выписывают для него из-за границы потешных ворон и обезьян. С 1684 г. начинаются его ежегодные частые путешествия в подмосковные села. Он посещает Измайлово, ездит к Троице (в Троице-Сергиевский Посад), в Коломенское, особенно часто – в Преображенское. Среди всех этих поездок он не расстается со своими игрушками, часто забегает он в большую мастерскую казны, где были собраны разные, главным образом, военные редкости. Здесь он вращается среди луков золоченых, нарядных пищалей, пушек, знамен и других военных принадлежностей; все эти вещи переносили в его хоромы, и его комнаты обращались в арсенал; десятки, сотни ружей, луков, знамен и тому подобных вещей наполняли его жилье. Со всеми этими вещами он не расстается в своих поездках даже на богомолье, которое цари обыкновенно предпринимали осенью.

Петр отправлялся с большой свитой к Троице, в Калязино и другие обители, а за ним на нескольких возах везли игрушки и разные военные снаряды. В приказных актах того времени есть одна характерная черта, указывающая на вкусы Петра: в 1686 г. на Пасху вместо красного яйца ему подарили нож булатный, вероятно, иноземной работы. В числе вещей, требуемых из мастерской казны, мы встречаем шахматную доску и все принадлежности кузнечного мастерства. В свои путешествия он берет с собою массу свинца и пороха, он учится стрелять. Одним словом, в это время он приобретает практические навыки, необходимые для хорошего солдата. С 1688 г. для него началось систематическое учение, хотя оно продолжалось короткое время; ему пошел 17-й год, и мать решила Петра женить... Игрушки окончились в жизни царя Петра, началась взрослая жизнь.

Считается, что при Петре в Россию стали ввозиться миниатюрные предметы для забавы, в частности детская посуда, а первая детская елка с игрушками была организована при дворе Павла.

В исторических документах времени правления Екатерины II немало сведений о системе воспитания и образования¹ даны правила, касающиеся воспитания посредством игры юных царевичей: пятилетнего Константина и семилетнего Саши – будущего царя Александра I. В 1784 г. Екатерина решила, что мальчики должны перейти в «мужские руки», и выбор пал на князя Н. И. Салтыкова, бывшего воспитателя цесаревича Павла Петровича, генерал-аншефа, отличавшегося здравым рассудком, честностью и спокойствием.

Вот распоряжения русской царицы Екатерины Великой для приставников (наставников) ее внуков: «Веселость нрава Их Высочеств не уменьшать. Не запрещать им играть, сколько хотят, лишь бы в игру не входило вредное и сохранили бы при игре благопристойность к людям, при оной находящимся. ...Малых неисправностей при игре не унимать. В игру их приставникам не мешаться, разве сами попросят, чтобы в оной участвовали. ...Игры должны быть в воле детей, лишь бы те игры невинны были, и здоровье их от оных не претерпело вреда». Эти рекомендации очень актуальны и сегодня, когда взрослые, пытаясь руководить игрой, фактически разрушают ее, не зная ее строгих психологических законов.

Российская царица, обладая недюжинным педагогическим даром, справедливо замечала: «Дав детям в игре совершенную свободу скорее узнать можно нравы и склонности их... Питая в детях веселость нрава, надлежит отдалять от их глаз и ушей все тому противное, как-то: печальные воображения или уныние наносящие рассказы, так же ласкательства. ...Не оставлять Их Высочеств никогда в праздности. Буде не играют и не учатся, тогда начать с ними какой ни есть разговор, сходственный их летам и понятию, через который получили бы умножение знанию...»². Мудрые рассуждения и наказания императрицы-бабушки! И не утратили они своей злободневности по сей день.

Екатерина II рассматривала воспитание через игру как главнейший фактор формирования личности будущих правителей России. При этом она не давала такого права своему сыну Павлу, считая его не способным воплощать ее идеи правления, и до сорока лет искусственно инфантизировала его, т. е. занижала

его «паспортный возраст», поэтому на портретах Павла и после тридцати лет можно увидеть детские игрушки, свидетельствующие как бы о незрелости будущего царя и неспособности его к правлению.

Свой царственный глаз могущественная царица остановила на старшем внуке Александре, вполне отвечающим ее чаяниям: умен, учтив, способен к наукам и всему новому. В те годы ею владела идея создания «новой породы людей», ради которой была проведена первая реформа образования. Возник ряд учебно-воспитательных заведений закрытого типа – кадетские корпуса, воспитательные дома, училища и институты благородных девиц³.

Результат ее усилий отразился на величественной и противоречивой эпохе правления Александра I, истоки которого были в столь юном возрасте сформированы во многом игровой средой юного царевича.

Известны игры и игрушки в семье святых царственных мучеников. В святой царской семье дети никогда не сидели без дела или какого-либо занятия, в том числе и игрового. Детские игры государыня императрица Александра Федоровна тоже считала делом, причем весьма важным: «Просто преступление подавлять детскую радость и заставлять детей быть мрачными и важными... Их детство нужно по мере возможности наполнить радостью, светом, веселыми играми. Родителям не следует стыдиться того, что они играют вместе с детьми. Может тогда они ближе к Богу, чем когда выполняют самую важную, по их мнению, работу».

Царь Николай II вполне разделял это мнение своей августейшей супруги, с радостью проводил время с детьми, играя и развлекаясь. П. Жильяр (учитель царевича Алексия) пишет: «Во время дневных прогулок государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель». Государь любил бывать на свежем воздухе, был отменным стрелком, превосходным спортсменом. В своих дневниках он писал: «Долго гулял и катался с детьми с горы»; «После обеда поехал с детьми в цирк»; «В 8 часов поехал с Ольгой и Мари в Мариинский театр»; «В 2 часа вышел в сад со всей семьей». Недаром П. Жильяр писал, что государь Николай II для своих детей был одновременно «царем, отцом и товарищем». Остается лишь удивляться теплоте взаимоотношений детей и родителей в царской семье, атмосфере любви и взаимопонимания.

По описаниям комнаты для детских игр, здесь было определенное разграничение: мальчишеские игрушки – целые полки оловянных солдатиков, казак верхом, военно-исторические игры, барабан и медная труба и пр.; девичьи игрушки – кровати с куклами, маленькие кухни, овечки и собачки на колесах, фарфоровые сервизы и пр.

Дети участвовали во всех занятиях: играли в городки, кегли и бадминтон, катались на велосипеде, могли грести и управлять лодкой. Кроме игр на воздухе (для которых были свои игрушки – целый ящик ракеток с воланчиками, скакалок, разного размера мячиков и пр.), были в чести прогулки (пешие и велосипедные)

и физические упражнения с маленькими гантелями, палками, теми же мячами. Взрослые и дети занимались сценической игрой, ставили домашние спектакли, изготавливая для них декорации и костюмы. Даже в трагические месяцы их заключения эта активная игровая жизнь детей и взрослых не прекращалась.

Царские дети почти не знали светских развлечений – балов, дворцовых праздников, пышных приемов, однако это не мешало им быть исключительно воспитанными царевнами и цесаревичем, а вообще детьми, веселыми и неистощимыми на выдумку в игре. Царевич Алексей, как обычный мальчишка, собирал в карманы «сокровища»: гвозди, веревки, камушки и пр. и подолгу мог играть в них.

В 2000 г. в Москве в Историческом музее состоялась уникальная выставка «На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей», на которой были выставлены игрушки детей царской семьи последнего российского императора. Там были выставлены разнообразные настольные игры, в частности, «Историческое лото» – своеобразная портретная галерея русских князей и царей с кратким описанием их биографий, «Пифагорово лото» – для веселого запоминания скучной таблицы умножения, настольные театрики иностранного и отечественного производства. «ОТМА» – это словечко, придуманное детьми как монограмма первых букв имен Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии, оно символизировало необыкновенную дружбу детей – великих княжон и любимца всех – удивительного по красоте и душевности наследника царевича Алексея. У Алексея были друзья всех сословий: и аристократы, и крестьяне, с которыми он играл, если не был болен. Даже палачи Ипатьевского дома отмечали доброжелательность, доверчивость и неистощимость в играх этого ребенка.

Древнее сознание наших предков наделяло все маленькое атрибутами детства, порой придавая этим штучкам практический смысл. Известно, например, что торговцы на базарах Киевской Руси вместо денежной сдачи давали покупателям «монетки» – так назывались миниатюрные горшочки, миски и другая посуда, по сути это были детские игрушки. В русской дворянской среде XVIII в. считалось, что у детей должен быть мир взрослых интересов, а само состояние детства – это то, что надо пробежать как можно скорее. Но уже в XIX столетии в домашний быт вносятся отношения человечности, уважения детского в ребенке. Как пишет известный культуролог Ю. М. Лотман, «постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек. Появляется детская одежда, детская комната, возникает представление о том, что играть – это хорошо».

Воспитательный потенциал игры и игрушки в русской культуре получил свое полное развитие во всех сословиях России, но осознанно и успешно использовался в царском доме династии Романовых.

Примечания

- ¹ Сочинения Екатерины II. Т. 1. Спб.: Изд. А. Смирдина, 1849.
- ² Письма Екатерины II к князю Н.И.Салтыкову // Русский архив 1864. № 9.
- ³ *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного образования в России XVIII–XIX вв. Т. 1. Спб., 1912.

В. П. Пушкин

г. Москва

**КНИЖНЫЕ ПОКУПКИ КОСТРОМИЧЕЙ
В ЛАВКЕ МОСКОВСКОГО ПЕЧАТНОГО ДВОРА В XVII В.
(ПО АРХИВУ ПРИКАЗА КНИГОПЕЧАТНОГО ДЕЛА)**

Хорошо известна мысль выдающегося русского историка С. М. Соловьева о том, что «величие Древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения». Бесценный вклад в просвещение внес Московский печатный двор (МПД), выпустивший в течение всего XVII в. сотни книг общим тиражом более одного миллиона экземпляров, среди которых, по исследованиям И. В. Поздеевой, наибольший удельный вес принадлежал именно учебной книге. Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов дела Приказа книгопечатного дела XVII в. (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1–3) являются уникальным сокровищем отечественной культуры. Эти документы раскрывают все компоненты многогранной деятельности Московского печатного двора – одной из крупнейших мануфактур того времени. Археографическая лаборатория Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова ведет постоянную работу по комплексному изучению архива этого крупнейшего монополиста российского книгоиздательства¹. К наиболее ценным материалам данного фонда относятся так называемые книги продаж, в которые заносились данные о розничной («в мир») продаже книг через типографскую лавку на Никольской улице. Таких персональных записей с 1631 по 1664 г. сохранилось десятки тысяч. Как правило, по каждому покупателю в книгу продаж вносились его имя и фамилия (патроним), сословная принадлежность, должность и место работы, местожительство (для иногородних) и, естественно, сколько, каких книг, по какой цене, в каком месяце и какого числа он приобрел. Подобные записи о розничной продаже множества книг самых разных наименований представляют собой емкий массовый исторический источник, устойчивость формуляра которого на протяжении целой трети века открывает путь для широких пространственно-временных исследований по истории книжного рынка, социальному составу и географии читателей, формированию национальной интеллектуальной элиты и т. д. А поскольку на многих дошедших до нас экземплярах сохранились записи об их приобретении и владельцах, то историческое пространство бытования книги многократно расширяется (вплоть до конфессионального функционирования в современной старообрядческой среде). Таким образом, книготорговая отчетность МПД обеспечивает единство истории региональной и столичной культуры, позволяет сопоставить вклад в этот процесс многих десятков уездов, выявляя специфику каждой отдельной земли – словом, это прочный фундамент для самого широкого спектра историко-культурной идентификации и самоидентификации.

© В. П. Пушкин, 2012

По электронным базам данных московского книжного рынка 1636/37 г. и 1662–1664 гг.² рассмотрим особенности и динамику книжных интересов костромской земли. Итак, в рамках 7145 (1636/37) года 22 костромича в результате 24 посещений типографской книжной лавки на Никольской улице в общей сложности приобрели 38 книг пяти разных названий. По этим показателям с уверенностью можно говорить о ведущей роли Костромы в формировании провинциальной составляющей столичного книжного рынка того времени, поскольку по количеству купленных экземпляров она делила второе место с Вологдой, уступая лишь Нижнему Новгороду (44 экземпляра). Всего же в этот год на Московском печатном дворе книги покупались жителями 82 городов при среднем уровне продажи 9,4 книги на один уезд.

В продолжение этого 7145 г. (с 21 сентября 1636 г. по 4 июля 1637 г.) костромичи 22 дня приходили в книжную лавку (в том числе дважды 10 марта 1637 г.), причем по временам года явки распределялись крайне неравномерно: 4 посещения зимой (1 в январе и 3 в феврале), 8 весной (все в марте), 2 летом (по одному в июне и июле) и 10 осенью (7 в сентябре и 3 в октябре), 5 месяцев книги совсем не покупались (в декабре, апреле, мае, августе и ноябре). Концентрация абсолютного большинства покупок (15 из 24) на март и сентябрь скорее всего объясняется тем, что по старинной традиции казна в начале и середине каждого года (по сентябрьскому стилю) выплачивала вперед на полгода «государево жалованье» людям всех чинов и званий, а также в связи с завершением сельскохозяйственного цикла и оптимальным состоянием санного пути в начале весны. Книги покупались во все дни недели (по 2 раза в понедельник, вторник, субботу и воскресенье), по 4 раза – по четвергам и пятницам и 8 – по средам (по свидетельствам иностранных наблюдателей, именно по средам и пятницам в Москве устраивались большие общегородские базары)³. Таким образом, и книжные костромские покупки выявляют общую структуру столичного рынка.

За исключением одного человека (он не сообщил своего имени, но назвался «костромитиным», т. е. светским лицом) все костромичи принадлежали к духовному сословию: 14 человек к белому и 8 – к черному). Самые крупные разовые покупки сделал архимандрит Ипатьевского монастыря Иосиф. Он дважды посетил лавку (22 февраля и 9 марта 1637 г.), взяв в эти дни по 5 Евангелий напестольных (большого и малого формата), причем во второй раз его покупка была записана как «з братией», – т. е. книги были куплены на монастырские деньги и предназначались для монастырского богослужения. Из монахов книги приобретали «старцы» Иона и Пафнутий (соответственно из Богоявленского и Спасо-Запрудного монастырей). Остальные семеро городских покупателей духовного звания принадлежали к белому духовенству. Это священники («попы») Иван (Георгиевская церковь), Иосиф (Пречистенская), Михаил (Успенская), Потапий (Цареконстантиновская), Тимофей из Борисоглебской церкви «на посаде» (он дважды посетил лавку 6 октября 1636 г. и 10 марта 1637 г.), Федор (Спаская церковь) и дьякон Герасим из Богоявленского храма. Среди 10 жителей сельской местности уезда большинство покупателей также было

представлено белым духовенством (7 человек). Это священники: Василий (Никольская церковь), Василий (Богородицкая церковь в Осецком стане), Второй из села Васильевского, Григорий (он не назвал своего храма или села), Стефан (Покровская церковь), Тимофей (Никольский храм в селе Резаново) и Федот из Троицкой церкви села Замерье. Кроме них, книги покупали игумен Геннадьева монастыря Иосиф и «старец» Иван из Новой Пустыни в селе Даниловском. Единственным светским покупателем из уезда оказался не указавший своего звания некто Иван Матвеев.

В круг книжных интересов костромичей вошли 4 издания (все они были большого размера «в десь» и достаточно дорого стоили – от одного до двух рублей за один экземпляр) из 5, вышедших «из дела из печати» и имевшихся в розничной продаже в 1636/37 г. Среди этих покупок наблюдался ярко выраженный акцент в пользу Евангелия на престольного – было приобретено 26 экземпляров этой книги (в том числе 18 малого и 8 большого формата), без которого не могло быть церковной службы. На престольные Евангелия украшались дорогими сафьяновыми или бархатными переплетами с изображениями четырех евангелистов. В немалой степени всплеск интереса к этой церковной книге мог объясняться в то время массовым восстановлением храмов после Смутного времени. Второе место занимали 9 Требников, которые покупались исключительно только по одному экземпляру (эта книга читалась и в семейном кругу). Остальные издания приобретались только в одном единственном экземпляре: Псалтырь с воследованием, Трефологион и Канонник. Поскольку последний оказался единственной книгой из 7 выходов предыдущего 7144 (1635/36) г., то можно думать, что в тот год костромичи уже полностью удовлетворили свои запросы на эти книги (Апостол, Минея декабрьская Псалтырь учебная, Триоди постная и цветная и Устав). Трудно объяснить полное равнодушие костромичей к вышедшему в 1636/37 г. недорогому (по 15 копеек) и малоформатному («в четверть») Часовнику. Отличительной позитивной чертой костромских книжных покупок является существенная доля в них уездного населения – 12 экземпляров из 38, или 32 % (такие сельские покупки отмечены лишь в немногих уездах).

По прошествии четверти века (1662–1664 гг.) в условиях жесточайшего финансово-экономического кризиса, вызвавшего Медный бунт 1662 г., число костромских покупателей снизилось с 22 до 14 человек, однако количество приобретенных ими книг все же увеличилось, составив 57 экземпляров, заняв весьма высокое 10-е место среди 79 уездов (в лидеры вышли Вологда, Ярославль и Великий Новгород, уроженцы которых соответственно купили в эти годы 182, 173 и 164 книги). В среднем в это время на один уезд пришлось по 24 экземпляра.

С 29 апреля 1662 г. по 20 июня 1664 г. – всего за 15 торговых дней – в результате 18 покупок костромичи приобрели 57 книг разных названий (5 покупок ими было сделано в 1662 г., 7 – в 1663 г. и 6 – в 1664 г.). За все это время книги чаще всего покупались в марте (5 раз), а также в июне и в августе (по 3 раза), в другие же месяцы зарегистрировано всего лишь по одной-две

продаже (по две в апреле и сентябре, по одной – в январе, феврале, июле и октябре), а в мае, ноябре и декабре костромичи книг не покупали вовсе. Следовательно, лето – единственный сезон, когда покупки были весь сезон (всего 7 – столько же их было и за 2 месяца весны), 3 за 2 месяца осени и 2 за 2 зимних месяца. Таким образом, за четверть века сохранился мартовский подъем покупок при затухании сентябрьского акцента. Приобретения книг имели место во все дни недели, нарастая с ее начала (2 – в понедельник, 4 – во вторник и 5 – по средам) и уменьшаясь к концу недели (3 – по четвергам и по одному – в пятницу и субботу), но поднимаясь в воскресенье (3), так что наблюдается сохранение максимума покупок по средам.

Из 14 костромских покупателей (10 из города и 4 из уезда) 8 человек оказались светскими людьми, что говорит о сильном обмирщении книжного рынка и подъеме культурного уровня местного населения. Книги брали «костромитины» (так называли себя посадские торгово-ремесленные люди) Логин и Дементий Ивановы, Гурий Никитин и Яков Семенов, а также подьячий городской съезжей избы Григорий Ашимков и стряпчий Богоявленского монастыря Иван Никифоров, а из уезда «торговый человек» Иван Митрофанов, Белое духовенство представляли священники городских храмов Никита (Успенская церковь) и не указавший своего места служения Иван, а в уезде священник Стефан из Воскресенской церкви, который трижды (!) приходил за книгами (13, 19 августа 1662 и 18 февраля 1663 г.), и Василий. К черному же духовенству принадлежали «черный поп» Мисаил из Богоявленского монастыря, а из уезда – архимандрит Ипатьевского монастыря Тихон и «старец» той же обители Варлам.

Из 15 книг, вышедших в свет в 1662–1663 гг., наибольшее внимание костромичей привлек Часослов (20 экземпляров), за которым следовала Псалтырь учебная (15) и Библия (9). Остальные книги приобретались в количестве одного-двух экземпляров. Это Псалтырь с воследованием и Требник (по 3), Канонник и Пролог (по 2), а также Евангелие на престольное, Минея общая и Житие Николая чудотворца (по одному экземпляру). Скорее всего, резкое сокращение числа покупок Евангелий объясняется большим количеством их приобретения в 1630-е гг. Очень большие закупки монахом Варламом и священником Стефаном необходимых для обучения книг (соответственно 20 Часословов и 10 Псалтырей учебных) убедительно свидетельствуют о наличии школ в Ипатьевском монастыре и уездной Воскресенской церкви. А о большом интересе костромичей к первому московскому изданию Библии 1663 г. говорит тот факт, что 8 из 9 экземпляров этой долгожданной, но очень дорогой книги стоимостью 5 рублей серебром были приобретены пятью светскими людьми, причем трое из них – Гурий Никитин, Яков Семенов и Иван Федоров – пришли за этой книгой в один день – в воскресенье 6 марта 1664 г. (последний взял даже два экземпляра). Отмеченная коллективная явка является уникальной для того времени и, возможно, свидетельствует о какой-то купеческой корпорации.

Если мы примем ежегодный уровень костромских покупок в 38 книг, то за 30 лет (с 1632 по 1661 г.) только через лавку на Никольской улице жители города и уезда могли бы приобрести как минимум 1 140 экземпляров самых

разных книг, не считая дешевых «Азбук», которые печатались массовыми тиражами (до 3600 экземпляров), поступали в розницу по цене 2–4 «деньги» (1–2 копейки) и по причине очень быстрой реализации (за один день) продавались без регистрации личности покупателей. Но книги в Москве продавались и во многих торговых рядах города (особенно в Овощном и Книжном), об оборотах которых нет никаких сведений. Естественно, книги можно было достать и в других городах. Дальнейшее же изучение книжных покупок в типографской лавке откроет много новых интересных страниц в истории культуры и торговли Костромской земли. Аналогичные разработки выполнены нами по соседним регионам Русского Поморья, Вологды и Ярославля⁴.

Примечания

¹ Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618–1652. М., 2001; Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: Исследования и публикации. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011.

² Пушков В. П., Пушков Л. В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Федоровские чтения – 2005. М., 2005. С. 356–368; Пушков В. П., Пушков Л. В. Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» // Федоровские чтения – 2007. М., 2007. С. 219–240.

³ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 175.

⁴ Пушков В. П. Книжные покупки жителей Русского Поморья 17 в. в лавке Московского печатного двора на Никольской улице (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Книжные собрания Русского Севера. Вып. 5. Архангельск, 2010. С. 50–58, 258–262; Пушков В. П., Пушков Л. В. Покупатели книжной лавки на Никольской улице в Москве из Вологды и Великого Устюга в 17 веке (по Архиву Приказа книгопечатного дела) // Историческое краеведение и архивы. Вып. 14. Вологда, 2007. С. 26–35; Пушков В. П., Пушков Л. В. Ярославцы – покупатели книжной лавки на Никольской улице в Москве в первой половине 1660-х гг. (По архиву Приказа книгопечатного дела) // Современные проблемы изучения истории Церкви: Междунар. науч. конф.: тезисы докладов. М., 2011. С. 210–212.

А. Ю. Бахтурина

г. Москва

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО И РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ (1905–1907 ГГ.)

Распад крупных многонациональных государств в начале XX в. нередко сопровождался активными выступлениями на этнической почве и выдвижением национальных лозунгов. Анализ причин распада империй в XX в. показывает, что выступления на этнической почве не являются причиной разрушения

основ государственности, а лишь отражают стремление местной элиты к политической самостоятельности.

В современных гуманитарных исследованиях все более пристальное внимание уделяется вопросу о месте периферийной элиты в многонациональном государстве, ее стремлению к политической власти и независимости от Центра. Проблема роли местной элиты в развитии государственности нуждается в дальнейших исследованиях, где важное место занимает изучение взаимодействия общественно-политической элиты окраин Российской империи с государственной властью.

Попытки унификации управления территорией Российской империи, предпринимавшиеся с конца XIX в., оказывали существенное влияние на положение общественно-политической элиты Великого княжества Финляндского. Активное вмешательство имперских властей в управление Финляндией служило умалению роли местной элиты и вызывало недовольство политикой самодержавия. К концу XIX – началу XX в. было нарушено лояльное отношение элиты западных окраин к самодержавию. Оппозиционные настроения периферийной элиты особенно ярко проявились в годы первой русской революции. Они принимали различные формы, и в этой связи наиболее интересным представляется вопрос о взаимодействии самодержавия с представителями общественно-политической элиты Великого княжества Финляндского.

По мере нарастания революционного движения в России в конце сентября – начале октября 1905 г. представители партии конституционалистов попытались восстановить особые права Великого княжества, утраченные в годы генерал-губернаторства Н. И. Бобрíkова. Ряд общественно-политических деятелей 10 (23) октября 1905 г. встретились с премьер-министром С. Ю. Витте. Они настаивали на отмене большинства постановлений, принятых при генерал-губернаторе Н. И. Бобрíkове и назначении на административные посты финнов¹.

Одновременно С. Ю. Витте попытался урегулировать положение в княжестве, достигнув договоренности с лидером конституционалистов Л. Мехелином. 14 (27) октября 1905 г. Витте пригласил Мехелина в Петербург, где, видимо, произошла их встреча. О ней Витте упомянул в «Воспоминаниях». Он писал, что политические деятели Финляндии во главе с Л. Мехелином дали ему слово, что «Финляндия успокоится, будет вести себя совершенно корректно... если русское правительство вернется к прежней политике и будет добросовестно исполнять льготы, ей дарованные императорами»².

Но, несмотря на попытки С. Ю. Витте урегулировать ситуацию, 16 (29) октября началась забастовка финляндских железнодорожников. В этот же день в здании городской ратуши Гельсингфорса собрались наиболее видные представители конституционалистов под председательством сенатора Л. Мехелина. Собрание приняло программу, в которой конституционалисты требовали отстранения незаконно назначенных русских чиновников от занимаемых должностей, отставки Сената и министра статс-секретаря, а также немедленного созыва Сейма³.

Текст был представлен финляндским генерал-губернатором Николаю II. В своем рапорте императору И. М. Оболенский отметил, что удовлетворение

требований конституционалистов могло бы привлечь влиятельную партию на сторону самодержавия. Николай II согласился с его аргументами. На основании программы Л. Мехелина статс-секретарем по финляндским делам Константином Линдером был составлен проект императорского манифеста и представлен через С. Ю. Витте на высочайшее рассмотрение⁴.

22 октября (4 ноября) 1905 г. в Гельсингфорсе был получен подписанный императором манифест и грамота о созыве чрезвычайного Сейма. Содержание манифеста полностью отражало требования представителей партии конституционалистов, а текст документа был составлен при их непосредственном участии.

Важную роль сыграли представители конституционалистов и при обсуждении формулировки статьи о статусе Финляндии в «Основных государственных законах» весной 1906 г. Л. Мехелин составил записку, где была предложена следующая формулировка, касающаяся Финляндии: «Великое княжество Финляндское нераздельно соединено с Российской империей, но управляется по своим особым законам». С ней Совет министров не согласился, усмотрев «существенный ущерб для России»⁵. Но последующее уточнение формулировки шло с учетом того, чтобы не вызвать недовольства финнов. Так, было предложено снять пункт о «державном обладании» России Финляндией, поскольку «при всей исторической своей верности упоминание сие, могущее показаться финляндцам несколько обидным, едва ли здесь необходимо в качестве юридического определения»⁶. В итоге в новых «Основных государственных законах» была изменена статья о статусе Финляндии. В текст 1906 г. была включена новая статья 2, где говорилось, что «Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства». По сути, это был отредактированный вариант формулировки Л. Мехелина.

Наряду с изданием общегосударственных законов, представители общественно-политической элиты в Финляндии стремились укрепить финляндскую автономию изданием юридических актов в рамках отдельного финляндского законодательства, которое, по сути, должно было заменить российское законодательство конца XIX – начала XX в.

20 апреля (3 мая) 1906 г. было издано высочайшее Постановление о русском языке в делопроизводстве присутственных мест Финляндии. Им отменялся манифест 7 (20) июня 1900 г. и постановление 19 июня (1 июля) 1902 г., а также ряд ранее принятых требований об обязательном знании русского языка ка лицами, назначаемыми на административные должности⁷.

Другим способом обеспечения независимости были попытки представителей элиты Великого княжества Финляндского влиять на кадровую политику самодержавия. Дестабилизация ситуации в годы первой русской революции заставляла учитывать возможную реакцию периферийной элиты при назначении чинов высшей администрации на окраинах. Поэтому подбирались кандидатуры, которые могли быть встречены с одобрением. Например, после ухода финляндского генерал-губернатора И. М. Оболенского в отставку 13 (26) ноября 1905 г. на его место Витте предложил кандидатуру члена Государственного

совета Н. Н. Герарда. Одна из финляндских газет в связи с этим писала: «... Витте предложил в генерал-губернаторы Финляндии тайного советника Герарда как лицо, наиболее удовлетворяющее финский народ...»⁸

Помимо правительства, политики уступок в кадровых вопросах придерживались представители российской администрации на окраинах. Так, новый финляндский генерал-губернатор Герард инициировал отставку шести губернаторов этнических русских и двух финнов, причем смена последних была мотивирована их принадлежностью к старофинской партии, представители которой в лице сенаторов в 1898–1904 гг. занимали пророссийскую позицию⁹. Назначение новых губернаторов в ноябре 1905 г. Герард провел, согласуя кандидатуры с Сенатом и лично с Л. Мехелином¹⁰. Параллельно были уволены русские чиновники, занимавшие менее значимые посты в других органах управления в Финляндии. Увольнения затронули, главным образом, ведомства полиции, жандармерии и путей сообщения¹¹. Сейм также инициировал отставку министра статс-секретаря, сообщив 22 декабря (4 января) 1906 г. генерал-губернатору свои пожелания относительно назначения на эту должность финна по национальности. Герард поддержал сейм, и министром статс-секретарем по финляндским делам 24 января (6 февраля) 1906 г. был назначен генерал-майор А. Ф. Лангоф, бывший офицер русского Генерального штаба.

Последствия Герарда активно критиковали за эти действия в «Новом времени» и других периодических изданиях, но он считал, что эта мера была безусловно необходима для восстановления порядка в крае, а возвращение русских чиновников на должности в Финляндии после всеобщей забастовки привело бы к ее возобновлению¹².

Позиция, занятая генерал-губернатором в Финляндии в кадровом вопросе, свидетельствовала о том, что местная российская администрация ради сохранения стабильности на подведомственной территории поддерживала местную общественно-политическую элиту перед лицом официального Петербурга.

Для достижения своих целей представители общественно-политической элиты Великого княжества Финляндского использовали самые разнообразные средства: обширные связи в Петербурге, позволявшие вести непосредственные переговоры с С. Ю. Витте и другими видными государственными деятелями. Они смогли воздействовать на характер и содержание правительственных распоряжений, министерских циркуляров и императорских манифестов по делам Финляндии.

Антиправительственные выступления также были способом давления на царское правительство именно со стороны элиты: обещание успокоения отдельных территорий в обмен на выполнение политических требований.

Примечания

¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 2. СПб., 2003. С. 514.

² Там же. С. 70.

³ Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск, 1961. С. 80.

⁴ Из архива С. Ю. Витте. С. 388; *Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1097 гг. М., 1982. С. 77.

⁵ Там же. С. 364.

⁶ ПСЗ Собр. 3. Т. 26. Отд. 2. № 27752.

⁷ См.: Из архива С. Ю. Витте. С. 539.

⁸ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 2. Д. 27. Л. 18–19.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

И. П. Половникова

г. Кострома

НАУЧНЫЙ ВКЛАД КОСТРОМИЧА К. И. АРСЕНЬЕВА В СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ

На IV Романовских чтениях Костромастат представил фотовыставку ярмарки, организованной в Костроме в честь празднования 300-летия дома Романовых. С фотоэкспозицией познакомилась гостья фестиваля – княгиня Ольга Александровна Куликовская-Романова. Она сказала: «На костромской земле я впервые увидела совершенно новый взгляд современников на деятельность царской династии Романовых. А именно, создание государственной статистики в России и развитие статистики как науки».

200-летняя история создания и развития государственной статистики занимает в истории российской государственности почетное место. 25 июня 1811 года императорским манифестом Александра I при Министерстве полиции было сформировано самостоятельное структурное подразделение, названное – статистическое отделение. С тех пор сбор статистических сведений в России стал носить систематический характер, а статистика обрела государственный статус.

Отрадно отметить тот факт, что в период становления российской государственной статистики и ее формирования как науки мы находим среди ее основателей имя нашего земляка, уроженца Костромской губернии Константина Ивановича Арсеньева.

К. И. Арсеньев родился 12 октября 1789 года в селе Мироханове Костромской губернии в 15 верстах от г. Чухломы. Сын сельского священника получил первоначальное образование в Костромской семинарии, куда поступил в конце 1799 года. Так как Костромская духовная семинария в 1797 году была перемещена в Ипатьевский монастырь, Арсеньев с детства прикоснулся к истории царской династии Романовых. Учебные классы костромских семинаристов до 22 апреля 1802 года отчасти размещались в палатах Михаила

© И. П. Половникова, 2012

Федоровича, первого царя из рода Романовых, шагнувшего на престол из стен Ипатьевского монастыря. Далее судьбе было угодно соединить жизненный путь Арсеньева с представителями царской династии.

Из Костромы в 1806 году 17-летний Константин Арсеньев в числе лучших воспитанников семинарии был послан в Петербург, в Педагогический институт. Арсеньев пишет в своем петербургском дневнике: «С первых дней 18 года моей жизни началась для меня новая жизнь – я начал новое бытие или пере рождение свое».

В 1810 году Арсеньев блестяще сдал выпускные экзамены и был оставлен при институте преподавателем латинского языка, а на следующий год утвержден преподавателем географии в помощь профессору Е. Ф. Зябловскому. В то же время К. И. Арсеньев сблизился с профессором статистики К. Ф. Германом, который предложил ему заниматься статистическими работами в министерстве полиции. Во время нашествия Наполеона Арсеньев вместе с институтом отправился в Петрозаводск. Здесь пытливый педагог под руководством начальника Олонецких горных заводов Армстронга составил «Статистический очерк Олонецкой губернии».

Вернувшись 3 января 1813 года в Петербург, Арсеньев продолжает преподавание географии и статистики в университете. Студенты интересовались его преподаванием, и ему была более всего лестна и отрадна их привязанность.

В 1815 году Арсеньев был гувернером и учителем в пансионе пастора Муральта, где познакомился с графом Е. К. Сиверсом. Сиверс предложил ему место преподавателя в инженерном училище. Здесь Арсеньев обратил на себя милостивое внимание великого князя Николая Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором по инженерной части.

Спустя два года Арсеньев был утвержден адъюнктом по части географии и статистики. В 1818 году вышли его книги «Краткая всеобщая география» и «Начертания статистики российского государства» (первая часть), через год вышла вторая часть по статистике.

Учебник Арсеньева «Краткая всеобщая география», по словам автора, «доставил ему блестящую известность»¹. Выдержавший за 30 лет 20 изданий, он стоял гораздо выше всех бывших до него руководств. Еще важнее то, что в этом труде Арсеньева отразились убеждения передовых людей первой половины царствования Александра I. По этой книге Арсеньев читал лекции в Педагогическом институте, который в 1819 году был преобразован в университет, и, следовательно, либеральные идеи, которых держался молодой адъюнкт, провозглашались им с университетской кафедры.

Это обстоятельство послужило поводом к истории, чуть не погубившей Арсеньева. В сентябре 1821 года управляющий Петербургским учебным округом Дмитрий Рунич собрал лекции 4 профессоров, в том числе и Арсеньева, и студенческие записки, извлек из них вредные, по его мнению, места и донес об этом министру народного просвещения князю Голицыну. Неблагоданеренность обвиняемых была признана, и дело пошло на рассмотрение главного правления училищ, а оттуда – в комитет министров.

Уволенный из университета, Арсеньев продолжал преподавать в главном инженерном и артиллерийском училищах и не потерял расположение великого князя. Н. И. Греч – издатель и публицист того времени, – сообщает, что великий князь Николай Павлович благодарил Рунича «за изгнание Арсеньева, который мог теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и просил выгнать из университета еще несколько человек подобных, чтоб у себя с пользою употребить их на службу»².

Благодаря этому высокому покровительству, Арсеньев, состоявший под судом, получил разрешение подготовить в 1822 году книгу «История народов и республик древней Греции» и посвятить ее имени Государя Императора. Арсеньев и дальше оставался под покровительством влиятельных лиц. Из документов известно, что 25 февраля 1824 года Арсеньев получил должность редактора в комиссии по составлению законов. Рекомендовал его туда И. С. Тургенев – русский писатель, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Февраль 1828 года отмечен в жизни Арсеньева важным событием. Император Николай собрал комитет из приближенных к нему лиц для обсуждения вопроса, кому поручить преподавание наук Наследнику престола. Его Величество выразился: «Для истории у меня есть надежный человек, с которым я служил в инженерном училище – Арсеньев. Он знает дело, отлично говорит и сыну будет полезен»³.

Арсеньеву было поручено и преподавание статистики. Но так как печатных материалов по статистике России тогда почти не было, спустя месяц после назначения (19 апреля 1828 года) министру внутренних дел был дан указ: «По требованию коллежского советника Арсеньева повелеваем доставлять ему из всех министерств сведения, нужные к составлению статистики Российской империи и преподавания Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наследнику престола»⁴.

«По собрании сих (статистических) сведений, – пишет Арсеньев в одном из писем к своим родителям в Кострому летом того же года, – Государю угодно было отправить меня по важнейшим губерниям России, чтоб я все видел собственными глазами, и потом послать меня в чужие края для сравнения отечественного с иностранным. По окончании сего поручения, я должен буду заниматься преподаванием статистики великому князю. Поручение, как вы видите, весьма важное и лестное для меня. Я буду иметь счастье содействовать образованию будущего Царя России»⁵.

Мы не имеем точных данных, чтобы судить о том, какое влияние Арсеньев оказал на своего «высокого ученика», но несомненно, что он старался всеми силами подготовить почву, на которой зародились планы великих реформ царя-освободителя Александра II.

Преподавание курса предметов Наследнику было завершено путешествием по России со 2 мая по 14 ноября 1837 года по маршруту, придуманному К. И. Арсеньевым. Наследника сопровождал и другой наставник – В. А. Жуковский. Арсеньевым был составлен указатель, в котором были изложены

исторические и промышленные достопримечательности каждого города или селения, велась перепись частных лиц, описывались производства и промыслы. В губернских городах были открыты выставки местных произведений. Благодаря их осмотру, наследник должен был получить представление о хозяйстве, географии и статистике империи в целом и о своеобразии каждой губернии. Тем самым часть империи была обращена в гигантский педагогический музей, созданный для одного человека – будущего императора-реформатора.

Этим путешествием воспитание Наследника закончилось, и Арсеньев всецело отдался своим служебным и научным занятиям. 24 января 1835 года Арсеньев стал членом статистического отделения Министерства внутренних дел, управлял его делами и работами. На этой должности Арсеньев состоял до 1853 года. Его деятельность была столь важна, что он по справедливости может быть назван одним из отцов нашей официальной статистики. В 1832 году им было опубликовано «Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи, с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков, от начала XVII столетия и донныне», в 1848 году – «Статистические очерки России». Это один из самых ценных его трудов.

В 1845 году он вместе с графом Ф. П. Литке и некоторыми другими лицами основал Географическое общество. В первом томе записок этого общества помещена статья Арсеньева «Историко-статистическое обозрение монетного дела в России». В «Ученых Записках» отделения русского языка и словесности Академии наук Арсеньев поместил в 1854 году «Историко-статистический очерк народной образованности в России», а в 1858 – статью «Высшие правительственные лица времен царя Михаила Феодоровича». Это был последний его печатный труд. В 1865 году в возрасте 75 лет Арсеньев скончался в Петрозаводске.

В год празднования 200-летия статистики на Международной конференции в Москве в докладе руководителя Федеральной службы государственной статистики России А. Е. Суринова прозвучало имя нашего земляка Константина Ивановича Арсеньева – выдающегося статистика, историка, географа и педагога.

Примечания

¹ Пекарский П. О жизни и трудах Константина Ивановича Арсеньева // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1871. Кн.1. Прилож. 1. С. 1–78.

² Воспоминания К. И. Арсеньева о первых семнадцати годах его жизни // КВЕ. 1892. 1 авг.(№ 15). Отд. 2. Ч. неофиц. С. 370–379.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С.44.

⁵ Там же. С.45.

О. В. Хохлова

г. Кострома

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ БОЯР РОМАНОВЫХ В ПРИУНЖЕНСКОМ КРАЕ В XVI–XVII ВВ.

Земельные владения Романовых в Галичском уезде сосредотачивались в руках нескольких представителей этого рода: в XVI в., как принято считать, – Никиты Романовича, деда Михаила Федоровича; в XVII в. – Ивана Никитича, его дяди.

Дореволюционная историография, достаточно подробно повествующая о биографии Никиты Романовича, его службе, взаимоотношениях с царем Иваном Грозным, не отличается достоверностью информации, стремлением авторов к анализу имеющихся данных и подкреплению собственных высказываний источниками.

Во второй половине XIX в. в дореволюционных трудах не встречается абсолютно никаких сведений о владениях Никиты Романовича в Костромском крае. Более того, исследователь Е. П. Карнович отмечает, что хотя «фамилия Романовых, как по родству с царским домом, так и по местничеству, стояла высоко среди московской знати в исходе XVI столетия, но о богатстве ее нам не пришлось встретить особых указаний. Во всяком случае, состояние Романовых, как опальных бояр при царе Борисе Федоровиче, должно было сильно пошатнуться, и ссылка Петра Великого на ограниченность своего родового состояния показывает, что Романовы не были из числа людей богатых»¹.

По свидетельству историка С. В. Рождественского, вотчины и поместья Юрьевых-Романовых во второй половине XVI в. были разбросаны в разных уездах. «За Никитой Романовичем Юрьевым в Московском уезде в вотчине было село Измайлово с деревнями. В станах Манатьине, Быкове и Коровине к нему перешли большие вотчины князей Токмакова и Серебрянного и других вотчинников, село Чальбиново с деревнями, починками и пустошами, всего земли 855 четвертей. Коломенская вотчина Никиты Романовича в Большом Микулинском стану, села Степаново и Лысцово, заключала в себе 1 080 четей всякой земли в поле. На юге, в Каширском уезде, он владел обширным поместьем, с. Рождественным с деревнями и пустошами с 809 четями доброй земли»².

В многочисленных трудах, издававшихся накануне и во время празднования 300-летия дома Романовых, исследователи неоднократно упоминают о землях Никиты Романовича в приунженском крае. Например, П. Г. Васенко, один из авторов коллективного труда, заявляет, что тот «был вотчинником громадных земель в Костромском крае. Наиболее крупные владения Никиты Романовича сосредотачивались в Костромском крае, особенно по реке Унже»³. Год спустя, в 1913 г., в своей монографии «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича» этот же исследователь, повторяя сам факт наличия у Никиты Романовича земель по Унже, уточняет: «если мы... обратимся к Костромскому краю к бассейну реки Унжи и уездам городов Галича, Чухломы, Солигалича, то мы вступим в область наиболее крупных владений царского шурина и боярина.

Здесь можно указать на такие земли, села и деревни, как Анофриево, Унжу, Шулеву, Зосима-Савватий, Никола Мокрый, Спас, Березники, Парфентьев, Степурино, Верховье и т. д.»⁴. Стоит отметить, что в монографии 1913 г. П. Г. Васенко опирается на данные карты капитана Корпуса военных топографов М. Я. Коженикова, на которую тот «пользуясь указаниями печатного материала, нанес владения Никиты Романовича и его ближайшего потомства»⁵.

Местный историк Н. Н. Виноградов, полностью принимая позицию П. Г. Васенко, подчеркивает: «В работах Васенко не указано, откуда взяты эти сведения, но, по моему мнению, они вполне соответствуют действительности, так как впоследствии здесь были отмечены вотчины боярина Ивана Никитича Романова. При Царе Михаиле Феодоровиче там же, по реке Унже, в Верховской волости был помещен и боярин Никита Иванович Романов. А нужно признать тот факт, что по вступлении Михаила Феодоровича на престол Государства Русского, он старался так или иначе возвращать старинные Романовские владения, даже если они находились в вотчинах за другими лицами»⁶.

Не удалось обнаружить первоисточники сведений о романовских вотчинах в Галичском уезде в XVI в. и в труде управляющего Московским архивом Министерства юстиции Д. В. Цветаева «Избрание Михаила Феодоровича на царство», где автор подробно описывает земли Никиты Романовича, в том числе в Галичском, Чухломском и Солигаличском уездах (стоит отметить, что в XVI в. не существовало таких административно-территориальных единиц, как Чухломский и Солигаличский уезды). Все данные относительно перечисляемых земель в других краях (Московском, Новгородском) подкреплены ссылками, в то время как информация об интересующем нас Галичском уезде словно пропущена в ряду указанных источников⁷.

Таким образом, все доводы исследователей в пользу наличия у Никиты Романовича земель в приунженском крае сводятся к тому, что он, «оба раза выгодно женатый, унаследовавший по всей вероятности состояние, оставшееся после смерти детей Даниила Романовича, служивший столь долго в важнейшем сане боярина, неизменно пользовавшийся царским расположением, брат любимой жены царя, естественно должен был обладать большим состоянием»⁸. Конечным посылом всех работ, создаваемых к 300-летию юбилею, является то, что, «породившись с угасающей династией, бояре Романовы-Юрьевы-Захарьины-Кошкины оказались на высоте положения», поэтому «конечно, Романовым принадлежало историческое право наследовать той династии, которой они верно служили и с которой близко породнились»⁹.

Советская историография земельных владений Романовых представлена не столь обширно. Один из наиболее авторитетных исследователей интересующей нас тематики С. Б. Веселовский затрагивает лишь вопросы генеалогического характера, говоря о том, что «Никита Романович настолько хорошо известен», что стоит отметить «только те факты его жизни, которые имеют значение»¹⁰ для самого автора.

Большинство местных исследователей придерживается концепции дореволюционных историков, стремящихся подчеркнуть, что земли именно возвращались

прежним владельцам, подвергнувшимся ранее опале Бориса Годунова, а не жаловались впервые в вотчинное владение¹¹.

Косвенно в пользу наличия у Никиты Романовича земель по Унже может свидетельствовать Духовное завещание Ивана Грозного, в котором он писал: «...есми пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостьми и селы, и сын мой Иван в ту вотчину у них и у их детей не вступается; а которые у них волости и села будут в сына моего Федоров удел, и сын мой Федор потому ж в ту вотчину не вступается, по сей моей душевной грамоте»¹². Известно, что «город Галичь, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Унжею»¹³ был дан Ивану Ивановичу, которому, однако, помимо этого достались и другие огромные территории. Поэтому не представляется возможным определить, какие именно земли во владениях Ивана и Федора Ивановичей были пожалованы Никите Романовичу и его матери.

Духовное завещание Ивана Грозного датируется 1571–1572 гг. Не исключено, что на принятие решения царя о пожаловании семьи Никиты Романовича землями повлияли события 1571 г., когда во время нашествия Девлет-Гирея вся Москва, кроме Кремля, была предана пламени, и «по всей вероятности, пострадал много и двор Никиты Романовича»¹⁴, как сообщается в «Историческом описании Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе».

Личность Никиты Романовича при всей своей известности является легендарной. В песенном фольклоре царский шурин фигурирует неоднократно: в былинах он стоит на заставе с Ильей Муромцем, в песнях «удалого» содержания он выступает иногда как атаман или есаул. Никита Романович всегда противостоит как внешним врагам Руси, так и боярам. Наиболее известным сюжетом песен является спасение Никитой Романовичем царевича Федора от казни Малютой Скуратовым и последующее награждение героя огромными богатствами и селом Преображенским. Нам наиболее интересна развязка событий, представленная в варианте песен Кириши Данилова следующим образом:

Скричал он, царь, зычным голосом:
«А чем боярина пожаловати,
А старова Никиту Романовича?
А погреб тебе злата-серебра,
Второе тебе – питья разнова,
А сверх того – грамота тарханная:
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет
И уйдет во село во боярское
Ко старому Никите Романовичу, –
И там быть им не в выдоче».
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское
По той по грамоте тарханная.
Тныне анна словоет и до веку¹⁵.

Вполне определенная характеристика села, которое получает Никита Романович за спасение царевича, – убежище для беглых людей, которые были «не в выдоче», дает повод историку Н. Н. Виноградову сделать вывод о том, что «в вотчинах Романовых жило хорошо – от них не бегали к другим помещикам или в Украину»¹⁶.

Поскольку личность Никиты Романовича была окутана всевозможными мифами и легендами, а во времена Бориса Годунова определенные сведения могли быть утрачены случайно или целенаправленно, то возможно, что и домыслы по поводу богатых земель Никиты Романовича на Унже возникли только в народном воображении. Кроме того, нельзя забывать, что все земли Галичского уезда вошли в опричнину, а Никита, став членом Земского правления, опричных земель не получил. Таким образом, утверждения о наличии земель по Унже у Никиты Романовича и вхождении этих земель в опричнину являются взаимоисключающими, поэтому вопрос требует серьезного дальнейшего изучения, которое в свою очередь затрудняется отсутствием источников XVI в. по Верховской волости.

В связи с этим не представляется возможным оценить масштаб распространения черных земель на территории северо-восточной границы Московского государства. По данным исследователя Готье, «прекращение в 1613–1614 гг. раздачи большим боярам и придворным людям дворцовых земель в ближайших к столице местностях вызвало усиленную раздачу подобным лицам обширных черных волостей в северо-восточных уездах Замосковского края, в частности в Галицком, где их было еще так много»¹⁷. Готье утверждает, что черная Верховская волость была пожалована за «московское осадное сиденье в королевичев приход» (т. е. поход Владислава 1617 – 1618 гг.) Ивану Никитичу Романову уже после воцарения его племянника Михаила Федоровича.

Иван Никитич, получивший прозвище «Каша» (?–1640), начал службу в Нарвском походе царя Федора Ивановича. С 1591 г. – стольник. В 1601 г. сослан в Пелым по делу Романовых, через год переведен в Нижний Новгород. В 1605 г. Лжедмитрий I произвел его в бояре. В 1606–1607 гг. – воевода Козельска, разбил сторонников Лжедмитрия II В. Ф. Масальского. В 1610 г. вошел в Семибоярщину и до октября 1612 г. находился в осажденной Москве. Участвовал в Земском соборе 1613 г. Во время венчания Михаила держал царскую шапку. На свадьбе Михаила и Марии Долгорукой в 1624 г. был посаженным отцом. Занимал в Боярской думе видное место¹⁸.

Своим возвышением Иван Никитич, несомненно, был обязан царственному племяннику. Михаил Федорович «несмотря на свой слишком юный возраст, руководимый безо всякого сомнения людьми опытными, неохотно шел на царство до тех пор, пока не было обеспечено ему личное состояние»¹⁹. После приведения в порядок собственных дел Михаил Федорович вплотную занялся награждением и пожалованием своих сподвижников и родственников. Вскоре после его избрания в 121 г. (1613) была составлена докладная записка о вотчинах и поместьях, по которой уже на 1613 год Иван Никитич имел следующее земельное состояние: «Вотчины за ним старые 4 626 четьи да поместья 448 четьи.

И обоего поместья и вотчины 5 074 четьи. Да Ивану же Никитичю в нынешнем 121 году дано при боярех в Галиче черная Доровская волость, да в Мещере из дворцовых сел село Колтырино да село Кодерино с деревнями. А сколько в них четвертные пашни того неведомо»²⁰.

В 1616 году Ивану Никитичю Романову был пожалован «денежной оклад 400 рублей»²¹.

В первой половине XVII в. Иван Никитич являлся крупнейшим землевладельцем²². Ему принадлежало огромное владение в 7 012 дворов²³. Подобно своему отцу, Иван Никитич был хорошо известен в народе, но не геройством, как Никита Романович, а богатством. В актовых материалах встретилось интересное указание на то, что один крестьянин в междоусобной перепалке заявил другому: «что ты, Иван, ставишься силен, ведь ты не Иван Никитич!»²⁴.

В 1620 г. Ивану Никитичю были пожалованы земли Верховской волости Унженской осады Галичского уезда, получившей свое название от села Верхи, числящегося в этой волости²⁵.

По данным Писцовой книги по Галичу 1628–1629 гг., в этом районе расположены были: 1 село, 5 погостов, слободка, 106 деревень и 27,5 починков, или всего 140 селений, в которых числилось 585 дворов крестьянских и бобыльских и 26 дворов пустых. Население этого огромного владения можно считать свыше 3500 душ обоего пола²⁶.

Весьма интересным представляется выявление примерных границ земельных владений Ивана Никитича. По данным Н. Н. Виноградова вотчину его составлял «весь правый берег реки Унжи, от города Унжи до нынешнего города Кологрива»²⁷. Казалось бы, что границы очерчены вполне четко. Однако стоит отметить, что упомянутый г. Кологрив, все 8 волостей которого являлись черными, располагался не на правом, а на левом берегу реки Унжи, и ближайшими к нему волостями были Илешевская и Шишкелевская, поэтому Верховская волость, а соответственно и северная граница романовской вотчины до Кологрива не доходила.

В 1913 г. военным топографом М. Я. Кожевниковым была составлена карта земельных владений Романовых на территории всего Московского государства, по которой видно, что в верхнем течении Унжи владения Романовых заканчивались на Ухтубуже и Писцовых починках. Всего на данной карте обозначено 11 населенных пунктов в Галичском уезде (8 на Унже и 3 – западнее).

Соотнесение данных карты М. Я. Кожевникова с современной картой необходимо, во-первых, для того, чтобы выявить ошибочность некоторых сведений, а во-вторых, для наиболее удобного территориального ориентирования, поскольку в настоящее время населенных пунктов с указанными названиями не существует.

В результате проделанной работы были выявлены следующие территории, принадлежавшие Ивану Никитичю Романову и перешедшие в 1640 г. его сыну Никите Ивановичу:

1. Ухтубуж (совр. Елизарово). В 1617 г. по указу царя Михаила Федоровича подьячим Михаилом Мартемьяновым и писцом Юрием Ловчиковым был

произведен дозор черных земель в Унженской осаде Галицкого уезда, в ходе которого было отмечено: «В Верховской волости погост на реке Унже а на погосте храм во имя Рождества да другой теплый во имя Иоанна Предтечи да деревня Поповская а в ней двор попа Дмитрия Дмитриева да деревни...»²⁸.

2. На другом (правом) берегу Унжи располагались Писцовские починки (Гусево). Религиозно-административным центром был Воскресенский погост в Пищах (починках), получивший название от церкви Воскресения Христова. «По книгам десятильника Иналея Белова, да старост поповских Воскресенскаго попа Василья, да Варварскаго попа Феодора прибыла вновь в нынешнем в 156 году»²⁹, т. е. построена была в 1648 г., уже после смерти Ивана Никитича. Воскресенская церковь платила «дани три алтына две деньги десятильничих и заезда гривна»³⁰.

3. Очевидно, Пищевский приход выделился из более крупного Спасского прихода, находившегося в районе современной деревни Подвигашиха, и названного по имени стоявшей там церкви Преображения Спаса. «Церковь Преображение Спасово верховские волости дани вдвое рубль пятнадцать алтын десятильничих две гривны. Октября в 1 день на нынешней на 136 год те деньги взято»³¹. По данным Д. Ф. Белорукова, церковь существовала ранее 1628 г. В переписной книге 1617 г. сказано: «Погост в Верховской волости а на погосте храм во имя Преображения Спаса да храм теплый во имя Архистратига Михаила а в храме образа и свечи и книги и колокола и все строение мирское да на погосте ж двор попа Евтихия Козмина да двор просвирницы да три келий нищих»³².

4. Наиболее крупным селением, центром всей унженской вотчины Романовых, являлось село Градылево. Сейчас именно здесь располагается районный центр Костромской области – г. Мантурово. Градылево было укрепленной усадьбой и называлось еще Никольским по стоявшей здесь церкви во имя Николая Чудотворца, а так как церковь стояла на мокром месте, то и звалась Николо-Мокровской. «Церковь Николы чудотворца Верховские волости вотчине боярина Ивана Никитича Романова дани вдвое рубль четыре денги десятильничих две гривны. Октября в 1 день на нынешней на 136 год те денги взято»³³. Деревня Знаменка, имеющая до сих пор такое же название, существовала уже в XVII в. и также входила в состав Николо-Мокровской волости.

5. Зосимо-Савватиевский погост – территория современного села Самылово – это средняя часть Верховской волости. В 1651 г. здесь была построена деревянная церковь во имя Соловецких угодников Зосимы и Савватия. «159 г. церковь Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцов да в приделе святых мученик Флора и Лавра Унежские осады в Верховье в вотчине боярина Никиты Ивановича Романова дани десять денег десятильничих и заезда гривна. 164 г. положено дани вновь рубль 19 алтын 2 денги заезда гривна»³⁴.

6. Если спускаться далее вниз по течению Унжи, то следующим населенным пунктом по карте М. Я. Кожевникова будет Георгиевский погост. Обращает на себя внимание тот факт, что в книге топографа указано современное ему название – село Георгиевское (Верхневолостное)³⁵. Несомненно, данное утверждение

является ошибочным, так как Георгиевское – это центр Межевского района, расположенного северо-восточнее. Подобная путаница с Георгиевскими погостами возникла неслучайно. По материалам Галичской десятины, «Церковь Святого мученика Георгия вотчине боярина Ивана Никитича Романова» располагалась «вмерской волости»³⁶. Логично было бы предположить, что речь идет о территории современного Межевского района с центром в селе Георгиевское. Однако в действительности, Романовым принадлежал погост Георгиевский именно в Верховской волости.

7) Не менее интересным представляется отнесение М. Я. Кожевниковым села Степурино (Халбуж), которое, как он пишет, находилось в Верховской волости, к территории бывшего Чухломского уезда³⁷. При этом соседствующие села Истомино и Притыкино располагались, по его же данным, в Ерской или Шарицкой волости. Очевидно, что у М. Я. Кожевникова село Степурино обозначено на карте неверно, так как оно (другое название Халбуж) располагалось по Унже. Халбужский храм располагался в селе Угоры. В окладных книгах Патриаршего казенного приказа имеется запись о сборе денег: «...церковь Воскресения Христова да святые мученицы Пятницы в Унежской осаде Верховской волости в деревне Степурино дани 21 алтын 4 денги, заезда гривна...»³⁸

8. Самой южной точкой всей унженской вотчины Романовых представляется Ануфриевский погост, располагавшийся на стыке двух волостей – Верховской и Понизовской (сейчас это территория села Шемятино). В переписной книге 1617 г. записано: «Погост в Верховской волости а на погосте храм во имя преподобного Онофрия деревян холодный а другой храм теплый во имя Благовещения и во храме все церковное строение мирское да на погосте ж двор попа Захария Герасимова да двор просвирницы Ненилы да келья а в ней живут нищие а питаются от церкви Божией»³⁹. «Церковь Анофрия Святого верховские волости дани вдвое рубль двадцать три алтына десятильничих две гривны. Октября в 1 день на нынешней на 136 год те деньги взято, платил боярина Ивана Никитича Романова крестьянин»⁴⁰.

Вотчины Романовых располагались и по реке Меже, поэтому захватывали частично территорию современного Межевского района, бывшей Межской волости Кологривской осады. «Церковь происхождение честнаго креста межские волости в вотчине боярина Ивана Никитича Романова дани пять алтын десятильничих и заезда гривна»⁴¹. Деревня Петушиха стояла на перекрестке торговых и почтовых трактов из центра России в Вятку и в Сибирь, приходивших через Кострому, Макарьев, Ухтубуж, Дюково, Пыщуг, Вохму. А в самой Петушихе от этого тракта проходила дорога на село Георгиевское.

Составленная карта показывает, что землевладения Романовых сосредоточивались в основном на территории современного Мантуровского района, о чем напоминает герб города⁴² – романовский грифон: «В лазоревом поле на сплавляемом по серебряным волнам золотом суковатом бревне восстающий грифон того же металла с червлеными глазами и языком, имеющий все четыре лапы наподобие львиных и с черными когтями; грифон правит при помощи золотого шеста, держа его передними лапами».

Таким образом, не очень долгий период вхождения поунженских земель в состав вотчины Романовых (1620–1654) нашел отражение в современности в памяти потомков тех людей, которые некогда населяли эту территорию.

Примечания

¹ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. 1-е изд. СПб., 1874. С. 79.

² Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. 43. СПб., 1897. С. 220.

³ Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф. Начало династии Романовых: исторические очерки. С 12 портретами и рисунками. СПб., 1912. С. 41.

⁴ Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича / изд. Комитета для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых. – СПб., 1913. С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Виноградов Н. Род бояр Романовых и их отношение к Костромской стороне // Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1913 год: Юбилейное издание Костромского Губернского Статистического Комитета. Кострома, 1913. С. 44.; Кострома: Справочное издание Костромского Губернского Статистического Комитета / под ред. и. д. Секретаря Комитета кн. Друцкого-Соколинского. Кострома, 1913. С. 35.

⁷ Цветаев Д. В. Избрание Михаила Феодоровича Романова на царство. М., 1913. С. 56: В восточной части Замосковья были расположены, между прочим, следующие вотчины Никиты Романовича: Петровское, Клины, Смердово (приблизительно на юго-запад от Юрьева-Польского), Лычево (на восток от того же города), Кишлеево (между Юрьевым и Владимиром), Заколпье, Геориевское (на запад от Муром). Севернее, около Нерехты, лежала вотчина Никиты Романовича Денисовское. Далее, в северо-восточной части Замосковья, в уездах: Галичском, Чухломском и Солигаличском, сосредоточены были весьма значительные его владения: Анофриево, Шулева, Зосима-Савватий, Никола Мокрый, Степурино, разные села и деревни Верховской волости и проч.» (Ссылка: Документальные данные о перечисленных сейчас владениях Никиты Романовича относятся также и ко времени его сыновей и даже более позднему. В частности, о Смердове и Клинах см.: Московский Архив Министерства Юстиции, Писцовые книги по Юрьеву-Польскому, 12466. Л. 419–424; Дело упраздненного Юрьев-Польского уездного суда, по 1-й описи из вязки 6 № 87; Дела молодых лет по Москве. Кн. 33. Д. 19. Л. 27 об. – 23, 102–110; см. также брошюру Г. С. Ш., Юрьев-Польский и Романовские вотчины Смердово и Клины. М., 1912; о Денисовском – Грамоты Коллегии Экономии 5364, 5193; о владениях в Бежецком Верхе – Писцовая книга по Торжку 11463. Л. 814–823 и др.)

⁸ Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. С. 51.

⁹ Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф. Начало династии Романовых. С. 42.

¹⁰ Веселовский С. Б. Род Кобылы // Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 154.

¹¹ См., напр.: Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. Кострома, 2000.

¹² Духовное завещание царя Иоанна Васильевича // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. № 222. 1572–1578. СПб., 1846. С. 389.

¹³ Там же. С. 382.

¹⁴ Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе. М., 1866. С. 12.

¹⁵ Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / подгот. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова; отв. ред. Л. А. Дмитриев. М., 1977. С. 175–176.

¹⁶ Кострома: справочное издание Костромского Губернского Статистического Комитета. С. 21.

¹⁷ Готье Ю. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 343.

¹⁸ Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на Российском престоле. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 435.

¹⁹ Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. 1-е изд. Спб., 1874. С. 31.

²⁰ Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях / сообщил действ. член А. П. Барсуков // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 1. (172-я) / изд. под заведыванием Е. В. Барсова. М., 1895. Л. 3.

²¹ № 108-й. Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне... [оторвано]... с поместными и с денеж... 124 году // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук / под ред. Н. А. Попова. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. Спб., 1890. С. 138.

²² Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 19.

²³ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: 1-я половина XVIII века. М., 1964. С. 19.

²⁴ № 154-й. Дело по отписке Тульского воеводы С. Ушакова о назывании Тулянином Иваном Ратаевым боярина И. Н. Романова «пономаревым сыном» // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. С. 178.

²⁵ Старинные волости и станы в Костромской стороне: материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. М., 1909. С. 7.

²⁶ Кострома: Справочное издание Костромского Губернского Статистического Комитета. С. 20.

²⁷ Виноградов Н. Род бояр Романовых и их отношение к Костромской стороне // Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1913 год. С. 37.; Костромское Приволжье и г. Кострома, 1613–1913. Кострома, 1913. С. 11–12.

²⁸ Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. Кострома, 2000. С. 200.

²⁹ Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1: Галичская десятина с пригородами Солигаличем, Судаем, Унжей, Кологривом и Чухломою жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1895. С. 272.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 218.

³² Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. С. 198.

³³ Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. С. 216.

³⁴ Там же. С. 277.

³⁵ Земельные владения Дома Романовых в XVI–XVII ст. / сост. по опубликованным писцовым книгам и трудам разных ученых обществ и отдельных лиц Действительный член Обществ: Императорского Русского Военно-Исторического, Императорского Русского Географического и Императорского Любителей Естествознания при Московском Университете Корпуса Военных Топографов Капитан Михаил Кожевников. Спб., 1913. С. XXI.

³⁶ Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1: Галичская десятина с пригородами Солигаличем, Судаем, Унжей, Кологривом и Чухломою жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1895. С. 217.

³⁷ Земельные владения Дома Романовых в XVI–XVII ст. С. XXVIII.

³⁸ Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. С. 297.

³⁹ Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории. С. 193.

⁴⁰ Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1. С. 218.

⁴¹ Там же. С. 246.

⁴² Герб Мантурово утвержден решением Думы города №45 от 17 декабря 2004 года (обновление – решение Думы города № 197 от 30 декабря 2007 года). Авторская группа: Г. Зорин (г. Мантурово), К. Моченов, К. Переходенко, Г. Русанова, О. Фефелова.

Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов

г. Кострома

**РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК
В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ РАБОЧИХ
И КРЕСТЬЯН РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Период второй половины XIX – начала XX века характеризуется довольно широким и активным процессом формирования и развития библиотечной сети в России. Этот процесс был обусловлен целым рядом причин и обстоятельств, среди которых важное место занимали следующие: рост грамотности населения страны, относительная доступность просвещения и образования для трудящихся слоев, связанная с отменой крепостного права и последовавшими за ней реформами 60–70-х годов XIX века, промышленная модернизация, вызвавшая небывалую ранее потребность в грамотных специалистах для производства, активизация общественно-политической жизни страны и революционного движения в ней и т. д.

В пореформенной России библиотечная сеть была достаточно разнородной и разрозненной: библиотеки, как и школы, учреждались различными ведомствами, сословными клубами, владельцами предприятий и т. д. Реформы 1860-х годов послужили своего рода импульсом к созданию общедоступных народных библиотек¹, инициаторами создания которых чаще всего выступали наиболее прогрессивно настроенные члены губернских и уездных земств. Например, в 1872 году в Костромской губернии появилась первая общественная публичная библиотека в г. Ветлуге, учрежденная на средства уездного земства², к 1899 году в деревнях и селах губернии имелась 41 библиотека, к 1903 году – 148, к 1909 году – 226, а к 1911 году – уже 283 библиотеки³.

Развитие сети библиотек способствовало не только просвещению, росту образовательного уровня трудящейся массы и прежде всего рабочих, но и росту ее общественно-политического сознания. Надо сказать, что передовые,

прогрессивно настроенные представители «третьего сословия»: фабриканты, промышленники, купцы – порою активно содействовали этому⁴. Среди них довольно широкое распространение получила идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения. Известный исследователь московского купечества П. А. Бурый справедливо отмечал: «Самое отношение предпринимателя к своему делу было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность они смотрели... не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою»⁵. По-видимому, этим отношением во многом объясняется факт популярности среди купцов и предпринимателей идей благотворительности и коллекционерства⁶.

Широко известно меценатство братьев Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых, Федора Васильевича Чижова, Александра Ивановича Коновалова, Ивана Дмитриевича Сытина и других предпринимателей, связанных с Костромским краем. Известно, что по инициативе В. А. Шевалдышева (кандидата на должность директора правления) при Товариществе Новой Костромской льняной мануфактуры в 1905 году была открыта библиотека-читальня для служащих и рабочих предприятия. В. А. Шевалдышев, как и другие учредители подобных библиотек, прекрасно понимал особую социально-политическую роль библиотек в тех исторических условиях, которую газета «Владимирские губернские ведомости» охарактеризовала так: «Библиотеки – важнейшее средство содействия регулированию отношений между хозяевами предприятий и рабочими»⁷. Согласно уставу, библиотека предназначалась для бесплатного пользования книгами и периодическими изданиями всеми рабочими и служащими Товарищества⁸.

Вместе с тем, размах библиотечного дела был бы более широким, если бы сама процедура открытия библиотек не встречала столь жесткого административного регулирования. Для открытия библиотеки требовалось разрешение министра народного просвещения или, по крайней мере, губернатора. Общий контроль за работой библиотек осуществляло Министерство внутренних дел.

В рассматриваемый период значительно усиливается влияние Русской православной церкви и ее высшего органа – Синода – на различные социальные институты. Церковь старалась оживить, активизировать свою деятельность, более широко влиять духовно-идеологическими средствами на общественное сознание. Духовное ведомство всячески стремилось установить контроль не только над церковными изданиями и библиотеками, но и над светскими⁹.

Соответствующая деятельность органов и учреждений духовной цензуры в библиотечном деле в новых социально-экономических и политических условиях пореформенной России определенным образом провоцировала рост числа народных библиотек, зачастую возникавших как одна из форм социального протеста против наиболее реакционных действий духовенства. Ужесточение контроля за народными библиотеками и их деятельностью объективно вело к росту общественно-политического сознания народных масс и усилению распространения революционных идей, в том числе и через библиотеки, доступные широким массам трудящегося населения, прежде всего рабочим и крестьянам.

Анализ материалов обследования земств 1909 года по 102 народным библиотекам Владимирской губернии¹⁰ позволяет сделать ряд выводов в сфере рассматриваемой проблематики. При этом необходимо оговориться, что ситуация в Костромской губернии была во многом тождественна общим тенденциям соответствующей ситуации во Владимирской губернии. Во-первых, следует отметить, что рабочие и крестьяне не только составляли большую часть читателей сельских библиотек (67,5 %), которая прочитывала 62,2 % выдававшихся в течение года библиотеками книг, но и выступали весьма активными читателями, если брать в расчет такой показатель, как количество книг, прочитанных в среднем одним читателем за год. Так, в среднем на одного читателя из крестьян приходилось 8,5 книг, прочитанных за год, из рабочих – 9,1, из ремесленников – 10,9, из торговцев – 10,5, из учащихся – 19,9, из интеллигенции – 12,6. При этом средний показатель книг, прочитанных всеми категориями читателей в течение года, составлял 9,4. Во-вторых, нужно указать на то, что рабочие-читатели, составляя в 3,5 раза меньшую по численности группу читателей (14 675 человек) по сравнению с крестьянами (47 081 человек), прочитывали в среднем в расчете на одного человека книг больше, чем крестьяне (9,1 и 8,5 соответственно).

Названные материалы показывают также, что основной контингент читателей (56,9 %) составляла молодежь в возрасте от 11 до 20 лет. Имея в виду, что средний возраст окончивших начальную школу составлял 11,5 лет, можно сделать вывод о том, что для окончивших школу детей рабочих и крестьян чтение книг из народных библиотек являлось следующей ступенью в приобретении знаний. После двадцатилетнего возраста интерес к чтению ослабевал так, что читатели старше 50 лет составляли всего лишь 1,5 %. В соответствии с таким распределением читателей находилось и процентное соотношение количества прочитанных каждой возрастной группой книг. Читатели в возрасте 11–20 лет прочли 61,5 % книг, до 11 лет – 8,5 %, старше 20 лет – 30 %. В отношении женщин следует заметить, что процент их систематически снижался с увеличением возраста. Этот факт во многом объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что читательницы (из рабочих и крестьян, прежде всего) гораздо позднее мужчин начали приобщаться к образованию. Во-вторых, тем, что женщины были значительно больше мужчин скованы бытовыми и иными жизненными обстоятельствами. Выйдя замуж, как правило, в возрасте 16–20 лет, женщина должна была думать сначала о семейных заботах, а уж потом о чтении, повышении культурного или образовательного уровня.

С точки зрения духовных запросов (читательских интересов), контингент читателей сельских библиотек распределялся таким образом. В каждой из библиотек книги делились на 11 отделов: 1 – религиозно-нравственные, 2 – художественные, 3 – исторические и биографические, 4 – книги по географии, 5 – естественнонаучные, 6 – по сельскому хозяйству, 7 – книги по медицине, гигиене и санитарии, 8 – о ремеслах, 9 – юридическая и общественная литература, 10 – периодические издания, 11 – прочие книги¹¹. По данным земства, наиболее читаемым для всех категорий читателей был раздел 2¹², причем особенно популярны среди отечествен-

ных авторов были Вс. Соловьев, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, из зарубежных авторов предпочитались сочинения Ж. Верна, А. Дюма, А. Брэма¹³.

Вторым по популярности в среде рабочих явился раздел 3. Затем по степени снижения читаемости разделы располагались следующим образом: 4, 10, 1, 5, 9, 6, 11, 8, 7. Такое распределение читательских интересов рабочих (как и других категорий читателей) определялось не только большим или меньшим пристрастием их к литературе какого-либо из названных разделов, но и тем фактором, что читатели народных библиотек находились в таких условиях, при которых приходилось читать не то, что интересно, а то, что есть в наличии в библиотеке. Таким образом, не книжный фонд приспособлялся ко вкусам, предпочтениям и потребностям читателя, а наоборот: спрос читателя – к наличествующему книжному фонду, что являлось следствием определенной политики государственной власти в деле просвещения народа.

В этом отношении показателен сюжет из воспоминаний рабочего Ф. Н. Самойлова: «Книги учили меня думать. Вначале я читал таких авторов, как Жюль Верн, Майн Рид, Купер, и увлекался описанием приключений и путешествий. Позднее я перешел к классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Изредка в нашей бесплатной библиотеке появлялись научно-популярные книжки. За пять-шесть лет я прочитал массу самых разнообразных книг, но любопытно, что не встретил ни одной, которая смогла бы разбудить мое классовое самосознание»¹⁴.

Кроме того, народные массы и прежде всего фабрично-заводские рабочие являлись и весьма активными читателями периодической печати. В числе газет, находившихся в поле их зрения, были «Русские ведомости», «Курьер», «Новости дня», «Свет», «Читальня народной школы», «Журнал для всех», «Новое время» и целый ряд других. В периодических изданиях рабочие также хотели видеть не только практические советы по хозяйству, обустройству быта, воспитанию детей, но и отражение важнейших общественно-политических событий и процессов, происходивших в России и мире. Спектр читаемой ими периодики мог бы несомненно быть шире, если бы не запретительные меры Министерства народного просвещения в отношении большинства газет и журналов для бесплатных библиотек, обслуживавших интересы рабочих и крестьян.

Несколько иначе обстояло дело с городскими бесплатными библиотеками и их читателями. Если в сельских библиотеках в среднем на одного читателя приходилось 9,2 прочитанных за год книги, то в городских – 24,4. Городские читатели по сравнению с сельскими читали больше книг по естествознанию, медицине, прикладным наукам, общественным вопросам, больше газет и журналов. Меньшей популярностью пользовались беллетристика, литература религиозного характера, исторические и географические исследования, книги по сельскому хозяйству и «прочие». Профессиональный состав читателей городских библиотек в значительной степени определялся их географическим расположением. В промышленно развитых городах читатели распределялись следующим образом (1 964 читателя из 5 городских библиотек): крестьяне – 3,0 %, рабочие – 52,2 %, ремесленники – 14,3 %, торговцы – 5,7 %, учащиеся – 12,4 %, учителя, врачи, священники и т. п. – 12,4 %.

В городах, не располагавших значительным промышленным потенциалом, читатели группировались совершенно иначе: крестьяне – 3,0 %, рабочие – 3,9 %, ремесленники – 6,1 %, торговцы – 7,4 %, учащиеся – 10,0 %, учителя, врачи, священники и т. п. – 69,6 % (всего 230 читателей 2 библиотек).

При этом горожане читали более систематично и равномерно, чем сельские жители, чему способствовали два обстоятельства: большее количество досуга и более осязаемая потребность в книге. Географическое расположение народных бесплатных библиотек влияло не только на профессиональный состав читателей, но и на посещаемость библиотек читателями всех категорий. В результате крайней неравномерности размещения народных библиотек по территории Владимирской губернии громадная часть сельского населения, и прежде всего рабочие и крестьяне, была лишена возможности пользоваться библиотечными книгами. Расстояние от места проживания читателя до библиотеки являлось фактором, во многом определяющим читательскую активность.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века в России возникают новые, общедоступные библиотеки, коренным образом отличавшиеся по организации, методическим подходам и социальному назначению от библиотек духовного ведомства, что способствовало росту их популярности среди широких масс трудящегося населения. Библиотека стала восприниматься не только как информационное и культурное учреждение, но и как образовательное, дающее возможность пополнять знания, формировать общественно-политические взгляды и т.д. путем самообразования.

Важно отметить, что осознанное требование культурного просвещения и досуга (прежде всего, через открытие библиотек, читален, школ для рабочих и их детей) неизменно входило в число важнейших заявлений пролетариата, выдвигаемых в ходе забастовок, стачек, волнений в начале XX века как в Костромской, так и во Владимирской губерниях. По этому поводу костромские рабочие в 1905 году высказывались следующим образом: «Образование нужно рабочему для повышения его заработка и для защиты его социальных и политических интересов. Более развитый рабочий удачнее приспособляется к условиям труда, лучше разбирается в свойствах орудия, которым работает, и, следовательно, больше зарабатывает ...»¹⁵

Примечания

¹ См., напр.: *Иванцов Д. С., Чугунов Е. А.* Общедоступные библиотеки в России: историко-культурологическая ретроспектива // Библиотеки и образование: управление изменениями и социальное партнерство: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. «Библиотеки и образование»/ под ред. В. В. Юдина. Ярославль, 2008. С. 134–139; *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Кострома, 2001.

² *Соловьев А. А.* Публичные библиотеки уездных городов Владимирской и Костромской губерний во второй половине XIX – начале XX века // Библиотековедение. 2010. № 5. С. 99.

³ *Анохин А. А.* Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. № 1. С. 16.

⁴ *Иванцов Д. С., Чугунов Е. А.* Культурно-просветительская и благотворительная деятельность российских предпринимателей рубежа XIX–XX веков как инструмент влияния на рабочую массу (на материалах Верхнего Поволжья) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX вв.: социальные аспекты проблемы: материалы V Международ. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. Ч. 2. С. 28–32.

⁵ *Бурьшикин П. А.* Москва купеческая: мемуары. М., 1991. С. 18.

⁶ См.: *Прохоров В. Л.* Творили во благо: меценаты-предприниматели России. М., 1999; *Синова И. В.* Российские предприниматели, благотворители, меценаты. СПб., 1999; *Хорькова Е. П.* История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998 и др.

⁷ Владимирские губернские ведомости. 1914. 10 янв.

⁸ *Горохова О. В.* Фабричные библиотеки // Губернский дом. 2006. № 6. С. 57–59.

⁹ См. подробнее: *Потапова Е. В.* Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX века: дис. ... канд. пед. наук. М., 1999.

¹⁰ См.: Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып. 4: Внешкольное образование. Владимир-на-Клязьме, 1911.

¹¹ См.: *Кузнецов Я. О.* Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 год // Вестник Владимирского губернского земства (Владимир – на – Клязьме). 1905. № 7. С. 61.

¹² См.: Положение народного образования во Владимирской губернии... С. 14, 20, 21.

¹³ *Чугунов Е. А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. – 1913 г. С. 211.

¹⁴ *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего. М., 1940. С. 31–32.

¹⁵ Государственный архив Костромской области. Ф. 749. Оп. 1. Д. 249. Л. 58.

Л. Р. Габдрафикова

г. Казань

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ГОРОДСКИХ ТАТАР (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Почти на протяжении всей истории татар на них оказывали определенное влияние другие культуры. В XVIII – в первой половине XIX века – это были среднеазиатские города вроде Бухары и Самарканда. В то же время еще казанский профессор Карл Фукс писал о проникновении некоторых европейских тенденций в татарскую городскую среду: в организации жилого пространства, в украшениях женщин и т. д. Но до середины XIX века западное влияние было минимальным. Городское общество вело относительно замкнутый образ жизни, весь спектр потребностей ограничивался пределами татарских слобод. Интеграция мусульман в общеимперскую жизнь стала результатом как наступившей буржуазной эпохи, так и желания татар сохранить религию. В отличие от реформаторов, новое поколение татар, родившихся в конце XIX века, позиционировало

себя как светских людей. Импорт европейской культуры в татарское общество осуществлялся несколькими путями. Определенное влияние оказала Османская империя, а именно Турция и Египет. Кроме того, важную роль сыграла соседняя русская культура. С османским влиянием татары более традиционных воззрений готовы были смириться из-за этнической и конфессиональной близости, интеграция в русскую среду проходила сложнее. К примеру, когда еще на рубеже XVIII–XIX веков мурзы – татарские дворяне – начали поступать в военную службу, отдавать своих детей в русские учебные заведения, мусульманское духовенство резко осудило их действия. Изучение русского языка считалось им греховным¹. Однако вслед за дворянами перенимали русскую культуру и разбогатевшие татарские предприниматели. Знание общеимперского языка стало для них жизненной необходимостью, без которой невозможно вести коммерческие дела.

Кроме того, во второй половине XIX века велась и соответствующая государственная политика. Важным шагом в этом направлении (православно-миссионерском) стало открытие татарских учительских школ, которые должны были подготовить преподавателей для русско-татарских начальных училищ. Одна из таких – Казанская школа, открытая в 1876 году, проработала до 1917 года и выпустила целую плеяду татарских светских интеллигентов². Другие школы, например Уфимская (затем переведена в Оренбург), были менее успешными. Все эти учебные заведения подготовили татарскую молодежь, независимую от традиционных религиозных воззрений, адекватно воспринимающую русскую культуру и транслирующую свои знания на остальную часть мусульманского сообщества. Далеко идущие миссионерские задачи правительства приобрели несколько иное русло – эта молодежь больше говорила о «национальном прогрессе» и не желала ассимилироваться. К примеру, один из выпускников Казанской татарской учительской школы, будущий политический деятель и классик татарской литературы Гаяз Исхаки представил публике роман «Исчезновение через двести лет», где предупреждал татар о возможном печальном исходе.

Кроме правительственных школ, действовали отдельные законы, которые также способствовали интеграции татар в российское общество. В 1889 году принимается закон, согласно которому мусульманское духовенство было обязано сдавать экзамен по русскому языку. Безусловно, новые правила большей частью татарского общества были встречены негативно, но молодое поколение мулл воспринимало закон уже спокойно. При мусульманских училищах – медресе – открывались русские классы. В начале XX века русский язык учили не только купеческие сыновья, но и все остальные шакирды (учащиеся). Нередко богатыми учениками нанимались частные преподаватели. Писатель Галимджан Ибрагимов в Казани специально снимал комнату у русских хозяев, чтобы чаще практиковать свои знания. Хотя такое же жилье в татарской части города стоило значительно дешевле³. Интерес к русскому языку был обусловлен как общей государственной политикой в отношении инородцев, так и личным желанием молодого поколения татар конкурировать с русскоязычным населением в профессиональной сфере. «Ты хочешь устроиться на работу? Мест тебе

сколько угодно! Только надо знать русский, – писал в начале 1917 года из Уфы поэт Шайхзада Бабич другу Сайфи Кудашу, – а если нет, добро пожаловать в казахские степи (учительствовать. – Л. Г.)»⁴. Вероятно, интерес охватывал не все слои населения. Так, когда в 1912 году Оренбургское мусульманское благотворительное общество решило организовать курсы русского языка, желающих их посещать было очень мало.

Знакомство с русской культурой являлось неким форпостом на пути к западным новациям. Это отмечает Г. Алисов в статье «Мусульманский вопрос в России», опубликованной в журнале «Русская мысль» в 1909 году, особо подчеркивая, что татары стремятся к Западу: «Но дух мусульманских газет иной, чем у русских. <...> Они проводят идеи западной культуры, чтобы с помощью их создать свою тюркскую. В конце концов, вся эта проповедь сводится именно к необходимости утвердить элементы культуры»⁵. Влияние русской культуры можно проследить как в литературе начала XX века, в зарождении национального театра, устройстве клубов и различных обществ, так и в повседневной жизни.

Утверждение элементов новой культуры многими понималось однобоко. Среди молодежи было популярно употребление в татарской речи русских слов, это считалось показателем образованности. В письмах отдельные слова, а иногда целые предложения могли быть написаны на русском языке. Некоторые переиначивали на русский лад татарские имена⁶. О засорении татарского языка русскими словами в 1911 году в оренбургском журнале «Шура» писал поэт Мажит Гафури. «Если и дальше будет так продолжаться, то через двадцать-тридцать лет никто не поймет содержание книги, написанной на чистом татарском языке», – прогнозировал он⁷.

Подражание русской культуре отражалось не только на татарском языке, но и на ведении коммерческих дел, на всем образе жизни, на обустройстве домашнего быта, на одежде татар. Следуя русским дворянам, татарские купцы нанимали своим детям гувернанток-француженок или немок⁸. Жилье богатых городских татар мало отличалось от таких же русских домов. Меблировка комнат была идентичной, конфессиональное отличие владельцев подчеркивали лишь шамаили на стенах – изречения из Корана. Так же и с одеждой. К началу XX века в облике большинства городских татар национальным являлись лишь головные уборы: тюбетейки у мужчин и калфаки у женщин. Накануне Первой мировой войны образованная молодежь отказалась и от них, пренебрегая мусульманской традицией прикрывать голову. Через материальные ценности и привычки молодые татары постепенно теряли свою духовную составляющую. Их религиозное самосознание становилось более шатким, часть молодежи перестала читать намаз, поститься в месяц Рамадан. «Наши молодые люди за последнее время совершенно позабыли вопрос о вере...», – отмечал один из татарских публицистов в 1909 году⁹. Редко, но встречались в начале XX века смешанные браки. Все это было не ново. Матримониальные союзы с европейками имелись и среди османских турок¹⁰. «Отталкивающее легкомыслие» египтян, обучавшихся в Европе, их равнодушные к собственной культуре, отмечали англичане в середине XIX века¹¹.

На пути к европеизации ослабевал национальный иммунитет и у городских татар. Это началось еще в середине XIX века среди дворян и богатых предпринимателей, к началу XX века данная тенденция охватила и более бедные слои – учащуюся молодежь. Вероятно, именно такие татары, погнавшиеся за внешним европейским лоском, начинали стыдиться своего происхождения и старались скрывать его, разговаривать только по-русски, одеваться по последней моде, посещать русские театры, клубы и т. д. Особенно часто о подобном поведении татар сообщала казанская газета «Баянель-хак»¹². В то же время в русской прессе в подавляющем большинстве случаев позитивно оценивались любые культурные начинания инородцев.

Двойственность внешнего восприятия отражалась и на самоидентификации татар. «Я не европеец и не азиат. Остался между ними», – писал о себе публицист Фатих Карими¹³. Промежуточное положение между европейской культурой и традиционной свойственно многим народам, вступившим на путь модернизации. Схожая ситуация наблюдалась среди османских турок. Часть татар, «переболев» русской культурой, вновь возвращалась к своим этноконфессиональным истокам. Такое перевоплощение произошло с писателем Фатихом Амирханом. Его эпатажное поведение и убеждения с годами сменились умеренными взглядами. Трансформацию традиционного мусульманского общества невозможно представить без влияния русской культуры. Она отразилась на всех уровнях татарской действительности: как на общественном, так и на бытовом. Однако выбрать свой оригинальный путь развития татарам не удалось из-за известных событий 1917 года. Накопившийся светский (иногда атеистический) потенциал татарской молодежи стал благодатной почвой для установления коммунистических идеалов в обществе.

Примечания

¹ Неджибь. Пробуждение русских татар и их литература // Современник. 1911. Кн. 4. С. 169.

² Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: сб. документов и материалов. – Казань, 2005.

³ Башири З. Замандашлар белэн очрашулар. Казан, 1968. С. 183.

⁴ Бабич Ш. Хатлар // Бабич Ш. Зэнгэр жырлар. Казан, 1990. С. 392.

⁵ Алисов Г. Мусульманский вопрос в России // Гасырлар авазы=Эхо веков. 1999. № 3/4.

⁶ Колахметов Г. Хатлар // Колахметов Г. Яшь гомер. – Казан, 1981. С. 217.

⁷ Гафури М. Чуар тел // Гафури М. Сайланма эсэрлэр. Казан, 2010. С. 342.

⁸ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Ч. 2. Казань, 1870. С. 19.

⁹ Национальный архив Республики Татарстан (далее: НАРТ. Ф. 969, Оп. 1, Д. 47, Л. 17-об.

¹⁰ Там же. Ф. 420, Оп. 1, Д. 253, Л. 20-об.

¹¹ Яковлев А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. – М., 2010. С. 258.

¹² Обзор мусульманской печати // Мир ислама. СПб., 1912. Т. 1. № 2. С. 279.

¹³ Шараф З. Фатых Карими (на тат. яз.) // Фатих Карими: Науч.-биограф. сб. Казань, 2000. С. 90.

С. А. Губанов

г. Кострома

**ДИСКУРСИВНАЯ ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЦЕЛОГО
В ТЕУРГИИ СЛОВА П. А. ФЛОРЕНСКОГО:
ПОИСКИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ И БЫТИЯ**

Жанровая природа произведений искусства, по мысли Флоренского, обладает невидимой идеей антиномического единства, отражающей цельное мировоззрение синергией слова художника и слова о действительности в творческом выражении, так как «два слова, слово действительности и слово художника, соединяются в нечто целое». Параллельно этому, идея антиномического единства проводится богословом через функции композиции и конструкции, становящиеся феноменологической составляющей поэтики произведения. Так, композиция способна репродуцировать внутренние коннотации слова художника, тогда как конструкция позволяет отражать онтологическое существо действительности, провиденциально ведает символогией произведения и максимально концентрирует его смысловое наполнение. Отсюда структурная организация произведения, которое является указывающим на реальность и показывающим интерпретации цельного мировоззрения художника, поневоле приравнивается к тому, что оказывается намного больше самого себя, и уже посредством этого способствующего обстоятельства оно постепенно тяготеет к определению символичности, представляется потенциально символическим освоением действительности. Хотя признанное взаимодействие в искусстве субъективного начала и объективной модальности, то есть «реализма» и «идеализма», другими словами, антиномических планов композиции и конструкции, в различные исторические состояния и эстетические программы разных эпох могут быть неоднородными, но неизменным должно сохраняться стремление выхода к пониманию символической природы трансцендентности в искусстве. Флоренский так пишет по этому поводу: «... выведение за пределы себя самих есть условие художества, необходимое, но недостаточное: область, в которую совершается выход, должна быть предметна, т. е. цельна сама в себе, а не случайным скоплением несогласованных и необъединенных элементов»¹. Можно утверждать, что концепция сюжета произведения искусства прямо пропорционально связывается с чертой его конструктивной особенности, оставаясь при этом только лишь внешним моментом организации.

Выражающей силой движения внутренних антиномий в произведении, их идеологической основой признается, по Флоренскому, первосюжет, то есть «первый вывод сознания за пределы единства изобразительных средств. Тут дается сознанию соотношение сил, стихий, элементарных вещей, к которым сознание приводится изобразительными средствами, но которые, т. е. силы и прочее, непосредственно изображением не даются»², но создают определенную цельность. Ее в конечном итоге созидает «сюжет в более обычном смысле слова»³.

Получается, что творческое сознание художника унифицирует самое себя посредством вхождения в культовое пространство, где присоединяется к сущности феноменологии сверхчувственного состояния вещей и их архетипических прототипов, данных в средствах изобразительности. Следовательно, сами первсюжеты философа можно с полной вероятностью детерминировать в качестве мифем. Это определение мотивируется тем, что они конструируются и выводятся из непосредственного естества символов, которые непроизвольно отражают событийную фабулу реальности и признаются «плотью» мифов, так как «некоторые факты, объекты, события сознания, в отличие от событий психической жизни человека, являются событиями, объектами, стоящими как бы на линиях, которые пронизывают любые эпохи, любые человеческие структуры, какие бы они ни были – культурные, социальные, личностные, в которых что-то существует вне времени, в которых что-то существует как тождество» и «материал мифов составляет из мировых событий (выступающих как мифемы)»⁴.

В таком случае, с позиции метапсихологического мировоззрения Юнга, суть и экзистенциально-онтологическое обоснование первсюжетов Флоренского происходит из архетипического, поэтому называть их следует архетипами или архетипическими сюжетами, имеющими самостоятельно уникальную антиномическую диалектику. Богослов представил в космологической форме своеобразный калейдоскоп первсюжетов, существенных для русской иконы, отражающих онтологию мифологического мышления как факт общечеловеческой теургии, выведенной из культурного архетипа сознания и познания в формировании духовной ментальности личности: «Можно сказать, что чем онтологичнее видение, тем общечеловечнее форма, которую он(о) выразится, подобно тому как священные слова о самом таинственном – самые простые: отец и сын, рождение, согнивающее и прорастающее зерно, жених и невеста, хлеб и вино, дуновение ветра, солнце с его светом и т. д.»⁵ Свое первостепенное прикладное назначение первсюжеты находят в традициях канонической формы изображения иконы, то есть непрерываемого символа ноуменальной формы «наибольшей естественности», ликвидирующей характер случайности и высвобождающей самосознание художника из границ непреломляемой и нарочитой субъективности.

Еще одним основополагающим принципом философии символизма и символии в претворении особенностей антиномической антропологии сознания по Флоренскому, становится понятное обыкновенной логике свойство метафизически чувственной полноты символа или его вещности, отраженной соответственно в архитектонике произведения той жанрово-стилевой сферы искусства, в которой он полноценно раскрывается и постепенно совершенствуется, исходя из композиции и конструкции. В онтологической концентрации вещности символа и делегирования ее в область сознательного и подсознательного опыта теургического откровения в творчестве, производящегося посредством смысла антиномий нисхождения/восхождения в ноуменальность культового пространства, по существу и состоит вся конкретная метафизика богослова, поскольку представляемая в Бытии «конкретно метафизическая сущность вся сплошь должна быть явленной наглядно, и явление ее... во всех своих подробностях, будучи

одним целым, должно быть наглядным ...»⁶. В то же время наблюдается и обратная сторона этого процесса, заключающаяся в том, что сам по себе символ способен трансформироваться из онтологического феномена в аллегорическое приращение. Это перерождение происходит в том случае, если фактор выражения внутренней чувственной полноты утрачивает «созерцательную наглядность» и феноменологически неспешно «вырождается в аллегорию», поэтому «такие символы, будучи противопоставлены настоящим символам и соборным знаменам, а тем более превозносимы над ними, легко становятся источниками ереси, т. е. обособления, а по латыни – секты»⁷. Понимание Флоренским претворения вещного потенциала в структуре символа явно носит ноуменальный характер, тогда как аллегория его рационализирует, не позволяет присваивать и конденсировать антиномические дефиниции трансцендентного начала, которое способствует диалектическому равноденствию между чувственной и сверхчувственной теургической эмпирикой субъектного сознания. Такого рода признание символа средоточиями мистической рефлексией пространства, а аллегории рациональным его эквивалентом было свойственно не только метафизическому символизму философа, но и эстетической программе в символогии Вяч. Иванова.

Существование подобных типологических видоизменений в специфике внутренних коннотаций символа, наверное, связано с историей раннехристианской экзегезы. В ней обнаруживалась уникальная культурная традиция герменевтического подхода к практике истолкования священных текстов, сочетающая в себе символический и аллегорический принципы, так как «для аллегориста ценен не только пророческий, но и любой скрытый смысл»⁸, объективно достижимый при помощи средств рассудка. Логико-рациональное стремление аллегории, в размышлениях Флоренского, обладает актуальной вероятностью отстранения человека от синестезии религиозного чувства «соборного знания», степень выражения которого достигается мистико-символическим путем. Именно отсюда в основе мировоззрения раннехристианских экзегетиков (Иринея, Климента, Оригена и других), лежали принципы герменевтического истолкования Священного Писания. Большинство всех их действительных функций направлено на принятие не только его рационального содержания, но и феномена духовной наполненности, просматривающейся сквозь призму антиномического разума, а не рассудка, который ретранслирует самозамкнутую систему недвижимого познания, лишённого всяческого смысла противоречий – онтологического движения духовного разума. Так, для того чтобы осуществить ее полноценное понимание, по утверждениям Климента, «необходимо задействование высшей человеческой способности – разума, который способен усмотреть ее в символах, скрытых под вуалью аллегорий»⁹. Другими словами, процесс локализации символа из его онтологических пределов в сферу аллегорического приращения – это феноменологическое ниспровержение в культурный, отвечающий рационалистическим требованиям знак или псевдотипический символ его живой духовной синергии, превращенной в статический механизм формы значащего из антиномической диалектики означающего. Причем указанный акт может расцениваться в качестве внутреннего предела символа,

но уже не со стороны онтологической дихотомии вхождения человека в область трансцендентного Абсолюта, тем самым как бы форменно самоликвидируясь в нечто большее самого себя, а с точки зрения нарочитой социально-коммуникативной функции межкультурного взаимодействия.

В символично-мифологическом содержании зримо живописного этюда Флоренского «На Маковце» передается онтологическое настроение мистического восприятия различных времен суток. В нем присутствует фрагмент текста, где весьма опосредованно вводится тематический элемент апофатизма, экзегезы богопознания, репрезентирующий ее в чертах конкретики и нерасторжимой плотности обобщенного символического образа пещеры. Флоренским пишет: «Сойди в себя – и узришь обширные своды. Ниже, оставь страх, спустись в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и желтый, дающий отдохновение. Здесь заглушен шаг твой. Здесь сухо и почти тепло. Капли времен срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены редующим звуком: словно бьют свои удары бесчисленные маятники. Как в мастерской часовщика, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимые ритмы, сплетаются и расплетаются. Упруго жужжат веретена судеб. Сердца всех существ пульсируют в этих недрах. Тут, от мглы и лучей, рождаются все вещи мира. Тут ткется, из ритмических колебаний, быстрых и медленных, глухих и звонких, из гулов и пещерных отзвучий, – живой покров, что называется Вселенной. Сюда, в утробу земли, собираются и звездные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссияет Звезда Утренняя».

Этот фрагмент конденсирует антропологический путь мистического движения внутренних чувственных и сверхчувственных инерций личности, активизирующихся при помощи привлеченного отражения в них трансцендентного всеединства Вселенной, но, однако, возможного только благодаря мистериальному снисхождению в недра биения тех ритмов сердца и души, что возрождают антиномическое стремление имманентной формы восхождения к Звезде Утренней – к Христу. Восхождение человека к сверхчувственной плоскости продиктовано Флоренским не преимуществами хода естественного духовного совершенствования, но теургическим процессом, сотканным из множества антиномий, преодолев и растворив подвигом веры которые, он сможет дихотомически приподняться над полнотой значений эмпирического состояния и обратиться к гармоническому облику новой души, не поддающемуся рациональному описанию и называнию, а только лишь угадываемому и ноуменально видимому, неизреченному в культовом пространстве.

Мифологема «пещеры» в философии символизма Флоренского весьма симптоматична. Она олицетворяет собой мистические глубины души и духовного мировидения человека, раскрывает первоисточник самосозерцания претворенных качеств антиномий Вселенной в параметрах индивидуальности свойств целей и задач познавательного императива, в котором субъективная модальность равнозначна проникновению в природу феноменов (вещей) как таковых. Здесь актуализируется принцип антиномического единства микро- и макрокосма по философской антропологии Флоренского. Согласно смыслу утверждений

Климента Александрийского, феноменология «малых мистерий» не только прокладывает сущность достижимости знаний о мире, но и способствует возведению пропорциональной сути их онтологической конечности как подготовки «к следующим за ними великим мистериям, касающимся всеединства, которые уже ничему не учат, подводя к (непосредственному) созерцанию и осмыслению начал природы и вещей»¹⁰. Метафизика созерцательных состояний человеком дихотомического всеединства Бытия и представляет тематический предмет своеобразной лирической медитации богослова, если условно так обозначить жанровую природу его философского этюда или эссе.

Примечания

- ¹ Флоренский П. А. На Маковце // У водоразделов мысли. М. 1990. С. 79–421.
- ² Там же. С. 140.
- ³ Там же. С. 141.
- ⁴ Флоренский П. А. Иконостас: избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 80.
- ⁵ Флоренский П. А. Исследования по теории искусства // Флоренский П. А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 90.
- ⁶ Там же. С. 180.
- ⁷ Там же. С. 115.
- ⁸ Афонасин Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002. С. 324.
- ⁹ Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. / подгот. текста, пер., предисл. и коммент. Е. В. Афонасина. СПб., 2003. Т. 2. Кн. 5. С. 189.
- ¹⁰ Там же. С. 140.

И. С. Наградов

г. Кострома

КОСТРОМСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРАННИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

Странническое согласие зародилось в 1760-е гг. как ответ низших, деклассированных слоев населения на усиление феодально-крепостнических отношений и непоследовательность умеренных старообрядческих толков в их отношениях с «миром Антихриста». Идеологическая основа учения странников была разработана в среде радикально настроенных членов филипповского согласия. Дальнейшую разработку и оформление учения произвел беглый солдат Евфимий, ранее также входивший в московскую общину филипповцев. Его сочинения содержат мысль о невозможности людей, живущих в миру, быть истинными христианами. По мнению Евфимия, Антихрист воплотился в императоре Петре I и его преемниках. Он создал социальное неравенство через неравномерное распределение земель и имущества;

© И. С. Наградов, 2012

потребовал уплаты налогов и податей, чем породил насилие и вражду между людьми. Единственный путь спасения, по Евфимию, – это бегство от несправедливого и нехристианского мира, окончание которого будет ознаменовано вторым пришествием Христа и его победой над Антихристом¹. Однако в результате столкновения с жизненными реалиями произошли изменения в повседневной практике. В согласии сформировались две группы: непосредственно странствующие, принявшие крещение члены согласия, и постоянно проживающие в миру, еще не крещенные странноприимцы (жиловые, пристанодержатели). Последние из них вели обычное хозяйство и предоставляли странникам укрытие.

О существовании столь радикального течения в старообрядчестве правительству долгое время не было известно. Странников неоднократно задерживали, но определить в них представителей особого старообрядческого согласия не могли. Причиной этого были заявления бегунов в том, что они истинные христиане, чиновники же в подробности вероучения не вникали, поэтому судили их только за гражданские преступления². Существенную роль играли и подношения, щедро выдававшиеся чиновникам руководителями старообрядцев.

История открытия согласия подробно описана в работе И. К. Пятницкого³. Автор показал, что основное следствие было проведено в Ярославской губернии комиссией Министерства внутренних дел под председательством графа Ю. И. Стенбока. Нами рассмотрен вопрос о методах работы указанной комиссии⁴.

Из писем к родным одного из членов ярославской комиссии И. С. Аксакова мы узнаем, что в конце сентября 1850 г. он совершал поездку в Костромскую губернию. Вот как Аксаков описывал эту командировку: «Поводом к поездке моей были разные полученные сведения об укрывательстве в Кинешемском уезде двух необходимых для нас раскольников. Они – наставники и учителя. <...> Необходимо было также иметь личные объяснения с костромским военным губернатором и дать ему полное понятие о предмете наших исследований. Все это сделалось так внезапно, что я за два часа до отъезда вовсе и не предполагал этого. Стенбок и прочие члены остановились в с[еле] Сопелках, а я отправился в Кострому, где пробыл сутки, остановившись у Унковского. Взяв от губернатора 8 человек жандармов и чиновника, в ту же ночь уехал я в Кинешму, верстах в 85 от Костромы, а оттуда отправился по дороге в Шую, где, в верстах в 35 от Кинешмы, произвел ночные обыски в двух деревнях, никого и ничего не нашел, кроме одной женщины, члена-корреспондента раскольничьего общества, которую и арестовал; утром отправился обратно в Кострому, куда и приехал к вечеру, а на другой день, т. е. 25-го, после свидания с губернатором, поскакал назад в Ярославль и вечером уже присоединился к комиссии. О Костроме и о Костромской губернии я не могу дать вам определительного понятия. Скажу только, что быт и самый народ там гораздо чернее или “серее” ярославского. После Ярославской губернии вы невольно поражаетесь грубостью и невежеством,

грязным бытом костромичей. Это, впрочем, вовсе не доказывает, чтобы нравственность там была лучше. Напротив, раскол в соединении с цивилизацией и произвел в Ярославской губернии такую скверную секту, как сопелковская...»⁵

Поездка И. С. Аксакова имела определенные последствия. На основании обращения ярославской следственной комиссии, учрежденной по делам о пойманных в Ярославском уезде беглых, бродягах и пристанодержателях, от 27 сентября 1850 г., костромской губернатор отправил в Костромской, Нерехтский и Кинешемский уезды следователей, в том числе чиновника особых поручений Дмитриева и ассессора костромского губернского правления А. Ф. Писемского. Целью командировки было разыскание бегунских наставников Федора Иванова, Ивана Иванова Жаровского, Василия Якимова и Никиты Михайлова, а также выявление мест проживания странноприимцев, особенно в г. Плесе⁶.

Дмитриев, имея информацию, что странники, известные чиновникам также как последователи «ляминой веры», собираются по большим праздникам в г. Плесе, поспешил туда. Однако, несмотря на все усилия, поиски бегунов оказались безрезультатными.

Ассессор костромского губернского правления, в будущем известный писатель А. Ф. Писемский, совместно с земским исправником обследовал с. Красное. В доме крестьянина Михаила Егорова он обнаружил двух девок из соседней деревни, которые нанялись в работницы. В красносельском бору у д. Ломки были найдены разрушенные кельи. Затем был произведен обыск у одного из жителей с. Ивановское, где отыскано несколько книг и рукописных тетрадей. А. Ф. Писемским были пойманы Иван Федоров и Ксения Федорова с утварью, взятой из разрушенных келий-избушек. Но те сказали, что нашли вещи случайно, и связь со странниками всячески отрицали. На наличие странников указывали и другие факты, однако самих странников не было.

Дознание по Кинешемскому уезду в октябре 1850-го производил младший чиновник особых поручений, чья фамилия остается нам неизвестной. Прибыв в Кинешму, он пригласил местного исправника Звягина отправиться инкогнито в с. Вичугу. Однако и этим чиновникам узнать хоть что-нибудь о действиях загадочной секты не удалось. Не помогли и «крайне внезапные» обыски в домах подозрительных крестьян окрестных деревень Ераста Федорова и Авдотьи Ивановой из д. Боровитиха.

Вероятно, неуловимость странников заставила МВД обратить на Костромскую губернию более пристальное внимание. Так, 18 декабря 1850 г. И. С. Аксаков писал: «Бумаг в получении из П[етер]бурга нет никаких, но Каменский, костромской губернатор, проезжая через Ярославль, сказывал одному из наших знакомых, что в Костроме по поводу указанного нами раскола будет учреждена целая комиссия. Только неизвестно: по окончании ли нашей комиссии здесь или еще во время ее существования. Меня пугает мысль, что эта комиссия будет просто наша комиссия, переведенная в Костромскую губернию

по окончании своих занятий здесь, или, если и учредят особую комиссию, так меня назначат в нее членом, чего мне страшно не хочется!»⁷.

Однако опасения Аксакова оказались напрасными. Уже через неделю ситуация с костромской комиссией прояснилась: «По крайней мере, теперь я обрадован другою новостью: я избавился от поездки в Кострому. Мы получили от м[инист]ра бумагу, что в Костромскую губернию назначается особая комиссия из чиновников нашего м[инистерст]ва, одного жандарма и местного чиновника. Лица эти все поименованы в бумаге м[инист]ра. Слава Богу! Одно только смущает меня: сказано, что эта комиссия должна действовать в связи с нашею и состоять с ней в постоянных сношениях. Это как будто обязывает и нашу комиссию продолжаться до окончания занятий костромской; может быть, делопроизводство костромской комиссии приобщится к нашему, и отчет должен быть общий... Все это меня пугает, и я с нетерпением жду приезда этих чиновников, чтоб узнать их инструкции»⁸.

Таким образом, в Костромской губернии по распоряжению министра внутренних дел, была учреждена комиссия, аналогичная по своим задачам ярославской. Точной даты создания комиссии мы не знаем, поскольку из полутора десятков дел, заведенным комиссией, сохранилось лишь семь, но и эти дела оказались сильно повреждены. Комиссия получила следующее название: «Костромская следственная комиссия, учрежденная по распоряжению г[осподина] министра внутренних дел».

В начале января 1851 г. петербургские чиновники прибыли в Костромскую губернию, предварительно посетив Ярославль. И. С. Аксаков писал: «Приехали, наконец, чиновники, назначенные для костромской комиссии. Слава Богу, что я не с ними: что за народ! Слава Богу и в том, что они не свяжут, кажется, действий нашей комиссии, которую мы намереваемся скоро закрыть»⁹.

Аксаков, томившийся в Ярославле, излишне торопил события. Ярославской комиссии было суждено проработать еще целый год. Однако сам он после стычки с министром внутренних дел Л. А. Перовским подал в отставку задолго до окончания ее работы.

В состав же костромской комиссии вошли надворный советник, чиновник МВД Барабин, майор корпуса жандармов Шевелев, чиновник особых поручений при губернаторе Дмитриев¹⁰. Сообщение И. С. Аксакова о приезде нескольких чиновников из министерства обязывает нас продолжить поиск их фамилий в других источниках.

Для помощи комиссии по распоряжению губернатора было направлено четыре жандарма и 100 рублей серебром на прогоны и порции, причем в июне выдача была произведена повторно. Комиссии так же были выданы тетрадь для ведения записей или протоколов и допросные бланки.

Комиссией, которой было передано дело о кельях близ д. Ломки, были проведены дополнительные опросы жителей. Это дало некоторые результаты. Так, отставной рядовой Андрей Васильев из д. Ломки Кинешемского уезда, будучи православным, сообщил на допросе, что его жена Марья 35 лет некоторое время назад, взяв из дома льна, 2 четверика семени, четверть ржи, новый

полушубок, две кадки, из которых одна с брусникой, а другая с грибами, сбежала. Прошлой же зимой он видел прялку, кадки и другие вещи, увезенные его женой, у крестьянина Федора Федорова и его жены Аксины Васильевой. В доме же деревенского старосты незадолго до Масленицы собирались какие-то мужики. Все это говорит о том, что супруга ушла с бегунами. Однако другие жители указывали на то, что В. Васильев сам укрывает странников. Ф. Федоров, на которого указывал А. Васильев и который приходился ему шурином, сообщил, что супруги «жили между собой сварливо» и это может быть причиной бегства, а вещи им куплены у жены-беглянки совершенно законно.

Еще одно дело, расследуемое членами комиссии, началось зимой 1851 г. и касалось поимки в д. Внуковке Нерехтского уезда семьи странников: Осипа (в странничестве Иосифа) Семенова, Феклы (Феврусы) Кузьминой и их десятилетнего сына Ефима (Изосима). Они происходили родом из помещичьих крестьян графа Шереметьева д. Мещерино Коломенского уезда. Осип Семенов был резчиком «форм для фабрик», т. е., вероятно, досок для набивания узора на ткани. Он был грамотен, умел читать и писать, неплохо разбирался в учении странников и, по собственному признанию, «поучал других». Супруга его – уроженка д. Мещерино – происходила из семьи Ермаковых. По данным следователей, к 1851 г. глава семьи записался в московское купечество по 1-й гильдии. Февруса не выказала глубокого знания страннического вероучения, но заявила следователям, что власти не признает, а вот если бы ей дали волю жить по заповедям Господа и Святых отцов, то признала бы.

По рассказам самого Иосифа, он перешел в странничество за 3,5 года до ареста. Комиссия указывала на то, что он скитается уже 7 – 8 лет. Первоначально Иосиф ушел в Пошехонские леса в Ярославской губернии. До или после этого они с женой были крещены или в с. Сопелки Иваном Яковлевым, или в с. Сеславино, где проживали в доме крестьянина Ивана Яковлева Крайнева. По сообщению свидетелей, проживая в Сеславино, Иосиф публично читал поучения и проповеди. Долгое время семья скиталась по Нерехтскому уезду, проживая то у одних, то у других странноприимцев, пока не была поймана сотским. Через посредство губернатора делом занялась костромская комиссия.

Как правило, странники отказывались раскрывать имена и место жительства странноприимцев. Следователям приходилось использовать всевозможные приемы для получения информации. Часто сведения получали от изгоев страннического общества или детей. Так и в этом случае, «приласкав предварительно сего мальчика», следователи узнали от Изосима места остановок семьи во время странствия, а также о том, что отец крестил по дороге двух человек. Иосиф же скрывал имена последователей «с необычайным упорством», а в спорах доходил до исступления. В конце концов он дал некоторые показания, потребовав, что бы все было записано дословно, и ему дали подписать показания полууставным письмом.

В середине марта костромская комиссия в полном составе прибыла для совещания с коллегами в Ярославль. С ними был мальчик Изосим для проведения очных ставок с И. Я. Крайневым и его семьей, которых он сразу же опознал¹¹.

В феврале 1851 г. в д. Охлебники Кинешемского уезда были пойманы в доме крестьянина Николая странники Иван Александров, Матрена Захарова, Авдотья Маркелова, Марья Алексеева. При них оказались книги и рукописи¹². Нерехтский и кинешемский тюремные замки стали наполняться арестантами. Однако таких ошеломляющих результатов, какие были получены в результате деятельности комиссии в Ярославской губернии, костромским чиновникам достичь не удалось. Во-первых, распространение странников в Костромской губернии не имело столь больших масштабов, как в Ярославской губернии. Во-вторых, состав комиссии был гораздо меньшим, чем в Ярославле. В конечном счете, министр внутренних дел распорядился деятельность комиссии прекратить с формулировкой: «по неимению... новых материалов по означенному предмету». Члену комиссии Барабину было приказано вернуться в главное управление МВД в Петербург, а имеющиеся дела сдать в департамент общих дел Министерства внутренних дел¹³. Точную дату прекращения деятельности комиссии выяснить не удалось по причине плохой сохранности дел. Вероятно, это произошло в середине 1851 г., поскольку последние из имеющихся документов датируются июнем этого года.

Примечания

¹ Мальцев А. И. Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма / под. ред. Н. Н. Покровского. М., 1988. С. 104–115.

² Секта странников или бегунов в Ярославской губернии и открытие этой секты в 1850 году. Ярославль, 1887. С. 2.

³ Пятницкий И. К. Секта странников и ее значение в расколе // Богословский вестник. 1906. Т. 1. № 3. С. 431–468 (2-я пагинация).

⁴ Наградов И. С. Следственная комиссия по расследованию деятельности страннического согласия в Ярославской губернии в 1850–1852 гг.: к вопросу о правительственных методах борьбы с «расколом» // Клио. 2011. Ноябрь. С. 90–91.

⁵ 28 сентября 1850 г<ода>. Четв<ерг>. С<ело> Сопелки // И. С. Аксаков. Письма к родным (1849–1856). М.: Наука, 1994.

⁶ Государственный архив Костромской области (далее: ГАКО). Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–55.

⁷ 18-го декабря 1850-го г<ода>. Понедельник // И. С. Аксаков. Указ. соч.

⁸ 25 декабря 1850 г<ода>. Понед<ельник> // И. С. Аксаков. Указ. соч.

⁹ 1851 года генваря 7-го. Воскресенье. Ярославль // И. С. Аксаков. Указ. соч.

¹⁰ ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

¹¹ ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–55 а.

¹² ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–25.

¹³ ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–53.

С. В. Цветков

г. Кострома

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРЕВНИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ШУНГЕНСКОЙ И МИСКОВСКОЙ
ВОЛОСТЕЙ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

После отмены крепостного права в 1861 г. крестьянское хозяйство получило новый импульс для развития. Главной проблемой крестьян в пореформенное время стало недостаточное обеспечение земельными наделами. В то же время у селян появился стимул развивать промыслы, не связанные с земледелием и скотоводством. Немалую роль в развитии крестьянских хозяйств в пореформенное время стали играть земские организации, которые давали крестьянским хозяйствам кредиты на развитие, оказывали консультативную помощь по проведению агрономических мероприятий, способствовали развитию инфраструктуры сел и деревень. Все эти факторы принесли свои плоды к концу XIX – началу XX в., когда крестьянские хозяйства начали приобретать самостоятельность. Эти процессы можно проследить в развитии Мисковской и Шунгенской волостей Костромского уезда.

Территориально исследуемые волости находились в районе так называемой Костромской низины, которая уже в советское время оказалась затопленной водами Горьковского водохранилища. Издавна они славились своими промыслами: хмелеводством, сенокосением, бортничеством и т. д. Основными занятиями крестьян в XIX – начале XX в. в Костромском крае были земледелие и отходничество. В среднем по Костромскому уезду использовалось около 30 % пригодных для земледелия земель. Другая картина наблюдалась в Мисковской волости – здесь было занято под пашни всего лишь около 4 % земель¹. Непригодность земель для выращивания зерновых культур обусловила появление новых форм сельского хозяйства, которые в изучаемый период стали нетрадиционными для Костромской губернии. Такими можно считать хмелеводство, картофелеводство и животноводство. Эти направления стали основой для становления новых сельскохозяйственных предприятий Мисковской и Шунгенской волостей. Губернское земство выделяет Мисковскую и Шунгенскую волости при исследовании сельскохозяйственного производства «в самостоятельную группу, так как условия хозяйства в них совершенно отличны и исключительны для Костромской губернии»².

В Шунгенской волости почти 74 % всех посевных площадей отводилось под выращивание картофеля³. Это способствовало появлению новых производств по переработке картофеля: производства картофельной патоки и крахмала. По данным земской организации, эти продукты сбывались в Петроград, Москву, Рыбинск⁴.

В Мисковской волости важной статьёй доходности крестьянского хозяйства на рубеже XIX–XX вв. стало хмелеводство. Костромской хмель шел на

продажу, преимущественно, в Вологодскую, Пермскую, Уфимскую, Томскую и Тобольскую губернии⁵. Так, в одном из докладов костромского уездного земства сообщалось: «... ввиду важного экономического значения разведения хмеля почти в одной Мисковской волости нашего уезда, где он занимает в настоящее время площадь в 444 десятины, со стороны земства является неотложной необходимостью обратить серьезное внимание на улучшение культуры хмеля и его качества»⁶. Этот доклад был связан с тем, что «для Мисковского хмелеводства условия сбыта хмеля с каждым годом становятся все затруднительнее. Последние 20 лет это подчеркивается наиболее остро»⁷. Основная причина сложившейся ситуации – возросшая конкуренция на мировом и российском рынках. В этих условиях мисковские хмелеводы пытаются найти выход. В частности, «отделом хмелеводства заложен опытный хмельник и произведены первые опыты с правильной сушкой и щипкой хмеля». С точки зрения земских работников, «прямым делом хмелеводов – взять торговлю хмелем в свои руки»⁸.

В Шунгенской и Мисковской волостях развивается животноводство. С 1904 г. в этих районах устраиваются ежегодные выставки быков-производителей и дойных коров, что говорит об успешном развитии молочного скотоводства⁹. Причем в основу экспертизы на данных выставках была заложена молочная производительность¹⁰. На базе развития этой отрасли в исследуемых волостях появляются предприятия по переработке молочной продукции – маслобойные и сыроваренные заводы. Сыр и масло «частью сбываются в Кострому, частью отправляются в Москву и Петроград»¹¹. Сыроваренные и маслобойные заводы в большинстве случаев находились в частной собственности, но в начале XX в. стали появляться сельскохозяйственные общества.

Сельскохозяйственные крестьянские общества дали новый толчок развитию молочного животноводства. По данным Костромского губернского земства, до определенного времени молоководство в Мисковской и Шунгенской волостях не являлось ведущей отраслью сельского хозяйства. «Одна из главных причин, почему здесь так долго не могло развиваться молоководство, – это отсутствие постоянного и сравнительно выгодного сбыта молока», так как доходность понижалась как «от низкой расценки молока, так и от того, что молоко принимали на заводы с ограничениями»¹². Возникшее в 1909 г. Вежевское сельскохозяйственное общество (Мисковская волость) поставило задачу устранения так называемых «дефектов молока». Уже на второй год своего существования обществом был построен собственный сыроваренный завод, где была установлена постоянная приемка молока. Обществу также удалось поднять цену на молоко с 35–40 копеек до 55–65 копеек за пуд. Итогом этих мер стало увеличение за 1910–1911 гг. числа коров на 53 %¹³.

Еще одним уникальным направлением для русской деревни конца XIX – начала XX в. в Мисковской волости стала торговля. В торговых селах Мисковской волости – Жарках, Мискове и Куникове – было сосредоточено

около 17 лавок, 6 чайных, трактир и пивная¹⁴. Как видно, такое множество торговых учреждений в названных селах говорит о том, что в Мисковской волости жили обеспеченные жители, большинство из которых были крестьянами. Рост доходов крестьянских хозяйств к 1917 г. в Мисковской и Шунгенской волостях нашел выражение в постройке двухэтажных кирпичных домов, которые составляли целые улицы. Все это говорит о зажиточности крестьян накануне революции. Строительство кирпичных домов, по воспоминаниям жителей, относится к концу XIX – началу XX в., что по времени совпадает с периодом быстрого экономического развития Мисковской и Шунгенской волостей.

Развитие исследуемой территории выделяется на общем фоне развития крестьянского хозяйства Костромской губернии. Низкая пригодность земельных угодий под выращивание зерновых культур внесла свои коррективы в экономическое развитие. На первое место вышли нетрадиционные для Костромского края хмелеводство, картофелеводство и сенокосение. В свою очередь, наличие обширных заливных лугов способствовало распространению животноводства, которое в изучаемой местности достигло значительных успехов, что подтверждалось на ежегодных выставках крупного рогатого скота. К моменту начала Первой мировой войны в Мисковской и Шунгенской волостях образовалось несколько сельскохозяйственных обществ и молокоперерабатывающих заводов, которые бросали вызов возникшим перед ними экономическим проблемам (сбыта продукции, улучшения ее качества и т. д.). Развитие несколько затормозила начавшаяся мировая война и, разумеется, революция 1917 года, а последующая коллективизация окончательно уничтожила частную инициативу крестьянства.

Примечания

- ¹ Грунтовые дороги Костромской губернии. Кострома, 1915. Ч. 1. С. 274.
- ² Известия Костромского губернского земства. 1912. Вып. 11. С. 12.
- ³ Там же. С. 275.
- ⁴ Грунтовые дороги Костромской губернии. Кострома, 1915. Ч. 1. С. 287.
- ⁵ Там же. С. 276.
- ⁶ Доклады по агрономическому отделу к очередному земскому собранию сессия 1911 года. Кострома, 1911. С. 89–90.
- ⁷ Известия Костромского губернского земства. 1912. Вып. 11. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 8.
- ⁹ Доклады по агрономическому отделу к очередному земскому собранию сессия 1911 года. С. 94–97.
- ¹⁰ Известия Костромского губернского земства. 1912. Вып. 9. С. 17.
- ¹¹ Грунтовые дороги Костромской губернии. С. 276.
- ¹² Известия Костромского губернского земства. 1912. Вып. 7. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 18.
- ¹⁴ Грунтовые дороги Костромской губернии. С. 293.

С. А. Смирнов

г. Кострома

**ИСТОЧНИКИ СРЕДСТВ УЛУЧШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО
ПОЛОЖЕНИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
В РАМКАХ ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II**

Начало эпохи Великих реформ вызвало пристальный интерес общества и правящих кругов к проблемам Русской православной церкви и породило надежду на их скорейшее разрешение¹. Переход суждений в практическую плоскость выразился в учреждении 28 июня 1862 г. Главного присутствия по делам православного духовенства, одним из ключевых направлений деятельности которого стало улучшение материального положения приходского духовенства². В рамках данного направления в период 1863–1869 гг. был принят ряд отдельных и взаимосвязанных подзаконных правовых актов, содержащих различные способы увеличения доходов православного белого духовенства.

Однако законотворческая деятельность Главного присутствия в рамках данного направления проводилась в неблагоприятных экономических условиях, при увеличении налогового бремени и ухудшении положения широких слоев населения, прогрессирувавшем обесценивании рубля и т. д.³ В этой связи возникает актуальный вопрос об источниках средств, за счет которых правящие круги планировали улучшить благосостояние приходского духовенства. В отечественной историографии на этот вопрос не дается полного и точного ответа.

Решение сложившейся проблемы может быть осуществлено посредством выявления источников финансирования предполагавшихся способов улучшения материального положения приходского духовенства, группировки способов в соответствии с источниками ожидавшихся средств и определения, в какой степени предполагавшиеся способы гарантировали поступление средств.

Способы решения проблемы материального обеспечения приходского духовенства, заложенные в принятую нормативно-правовую базу реформы, в соответствии с выбранным критерием можно условно разделить на 3 группы: 1) помощь государственных учреждений; 2) привлечение средств прихожан; 3) использование ресурсов Русской православной церкви.

I. ПОМОЩЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В первую очередь Главное присутствие рассчитывало на помощь Министерства финансов и Министерства государственных имуществ. 21 марта 1863 г. в адрес этих министерств был составлен официальный запрос, утвержденный 14 апреля 1863 г. императором, в котором министру финансов от имени председателя присутствия высказывалась просьба оказать начиная уже с 1863 г. денежную помощь православному духовенству западных епархий в виде займа сверх утвержденного для них бюджета⁴.

Одновременно министру государственных имуществ был сделан запрос с просьбой оказать содействие в решении проблемы материального обеспече-

ния приходского духовенства посредством бесплатной выдачи или продажи по заниженным ценам строевого и дровяного леса, отвода причтам, при наличии свободных земель, дополнительных земельных наделов сверх нормированных 33 десятин и передачи приходским священникам, преимущественно западных епархий, в постоянное пользование казенных арендных статей (ферм, земель, мельниц и рыбных ловель)⁵.

Кроме того, определенные надежды по улучшению материального обеспечения приходского духовенства возлагались на все местные государственные учреждения. В частности, предполагалось обязательно включать в состав губернских присутствий по обеспечению духовенства наряду с епархиальным архиереем также гражданского губернатора и управляющего палатой государственных имуществ. Помимо этого, епархиальным преосвященным предоставлялось право приглашать в присутствия на правах членов губернских предводителей дворянства, городских голов губернских городов⁶, управляющих местными удельными конторами, начальников горных заводов⁷, одного из членов губернской земской управы⁸ и в целом, местных начальников разных управлений, имевших в своем ведении значительные хозяйственные ресурсы и средства⁹.

Однако данная группа способов не гарантировала поступление дополнительных доходов православному белому духовенству, поскольку государственные учреждения не обязывались изыскивать средства и вполне могли отказать в помощи.

II. ПРИВЛЕЧЕНИЕ СРЕДСТВ ПРИХОЖАН

A. Переложение расходов по содержанию приходского духовенства на прихожан

1. Полное переложение расходов на прихожан

Стремление переложить часть расходов по содержанию приходского духовенства на прихожан прослеживается с первых нормативно-правовых актов, разработанных Главным присутствием и утвержденных императором.

Так, в Положении о порядке устройства домов для причтов при учреждении новых приходов от 21 июня 1863 г. все расходы по постройке церквей и домов для клира, а также содержанию самого причта в случае образования нового прихода должны были целиком возлагаться на прихожан, инициировавших открытие¹⁰.

Следующая попытка переложить часть расходов по улучшению материального положения приходского духовенства на прихожан была предпринята в рамках Положения о составе приходов и церковных причтов от 16 апреля 1869 г. Одним из способов реформирования было упразднение малонаселенных приходов. В то же время Положение оставляло прихожанам возможность сохранить самостоятельными приходы, которые губернские присутствия решили бы приписать к другим, путем предоставления причтам этих приходов «достаточного содержания» со стороны приходского населения¹¹.

2. Частичное переложение расходов на прихожан

По тому же Положению от 16 апреля 1869 г. прихожанам предоставлялась возможность найма диаконов сверх штатных псаломщиков, а также «вольнораемных

церковников», из собственных средств без причинения ущерба содержанию штатных членов причта. И хотя для найма «вольнорабочих церковников» допускалось использовать церковные «кошельковые суммы», возможность эта была сильно ограничена необходимостью разрешения епархиального начальства¹².

Б. Оптимизация сбора пожертвований

Оптимизировать сбор пожертвований от прихожан планировалось с помощью церковно-приходских попечительств, которые разрешалось создавать в приходах по инициативе приходского населения после утверждения 2 августа 1864 г. Положения о приходских попечительствах при православных церквях. Сделать это предполагалось путем установления добровольного сбора на нужды церковных причтов¹³.

Попытка переложения расходов по содержанию духовенства на прихожан и оптимизация сбора пожертвований также не гарантировали улучшения материального положения приходского духовенства, поскольку в их основе лежал принцип добровольности.

III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

А. Ограничение открытия новых приходов

Практически в самом начале реформы Главным присутствием была предпринята попытка ограничения роста численности священно- и церковнослужителей. В соответствии с Положением о порядке устройства домов для причтов при учреждении новых приходов от 21 июня 1863 г. прихожане, проявившие инициативу создания нового прихода, должны были брать на себя все расходы по постройке церкви и домов для клира, а также содержанию самого причта¹⁴. Данное мероприятие предотвращало рост численности священно- и церковнослужителей, а также «распыление» государственных средств и средств прихожан между приходами.

В дальнейшем под влиянием не оправдавшихся в полной мере надежд на помощь земских учреждений и церковно-приходских попечительств реформаторы были вынуждены прибегнуть к более радикальным мерам. В соответствии с утвержденным Положением о составе приходов и церковных причтов от 16 апреля 1869 г., предполагались следующие способы решения проблемы неадекватного материального обеспечения приходского духовенства:

Б. Закрытие малонаселенных приходов

Данная процедура должна была осуществляться путем приписки прихожан и церкви малонаселенных приходов к другим приходам¹⁵. В свою очередь, ликвидация самостоятельного прихода автоматически вела к расформированию обслуживавшего его причта и распределению источников доходов, которыми пользовался причт, между другими приходами.

В. Сокращение состава причтов

До начала Церковной реформы, в соответствии с указом 8 октября 1778 г. «О неумножении сверх потребности священников и причетников при церквях» и Уставом духовных консисторий 1841 г., минимальный и максимальный состав причтов, если они не были определены особым постановлением, ограничива-

лись тремя и восемью членами соответственно¹⁶. В соответствии с Положением, происходит уменьшение минимального и максимального штатов самостоятельных приходских церквей до двух и четырех членов соответственно¹⁷. По политическим и экономическим соображениям исключение составляли причты кафедральных и городских соборов, церквей в Санкт-Петербурге и Москве, в Великом княжестве Финляндском и Закавказском крае, в Варшавской и Камчатской епархиях, церквей придворных, военно-сухопутного и морского ведомств, при казенных заведениях, единоверческих и кладбищенских¹⁸.

Г. Уравнение приходов

Еще одним способом, основанным на использовании средств Русской православной церкви, было уравнение приходов, то есть более или менее равномерное распределение прихожан между приходами¹⁹. Данная процедура носила противоречивый характер, поскольку, с одной стороны, должна была способствовать увеличению доходов причтов тех приходов, к которым приписывались прихожане, а с другой – уменьшать содержание причтов тех приходов, от которых эти прихожане отнимались.

Д. Использование церковно-приходских сумм

По Положению от 16 апреля 1869 г., для найма диаконов сверх штатных псаломщиков, а также «вольнонаемных церковников допускалось использовать с разрешения епархиального начальства церковные «кошельковые суммы»²⁰.

Кроме того, по Положению об облегчительных мерах к приобретению в церковную собственность домов для помещения причтов, а также и других недвижимых имуществ от 31 декабря 1869 г. епархиальным начальствам, по постановлениям духовных консисторий, утвержденным епархиальными архиереями, предоставлялось право употреблять избыточные церковные доходы на единовременные выплаты причтам, «устройство» (покупка, строительство, ремонт, аренда) для них домов, а также покупку недвижимых имуществ в церковную собственность для получения прибыли от их сдачи в аренду и постоянного использования полученной прибыли на содержание священно- и церковнослужителей²¹.

Поскольку принятие решений по уравнению и закрытию малонаселенных приходов передавалось на усмотрение губернских присутствий по делам православного духовенства, а по использованию церковно-приходских сумм – на епархиальное начальство, то данные способы также не обеспечивали возможность гарантированного увеличения доходов приходского духовенства, а уравнение приходов и вовсе носило противоречивый характер.

Губернские присутствия и епархиальное начальство в обязательном порядке должны были сократить состав причтов и ограничить открытие новых приходов, в связи с чем эти мероприятия следует признать ключевыми в рамках данного реформационного направления.

Таким образом, мероприятия по улучшению материального обеспечения приходского духовенства, составлявшие отдельное направление Церковной реформы Александра II, включали в себя различные способы этого улучшения, которые опирались на государственные, приходские и церковные источники средств, главными из которых как по количеству предполагавшихся способов,

так и по степени гарантированности поступления средств являются церковные. Другими словами, правящие круги планировали улучшить материальное положение приходского духовенства, в первую очередь, за счет средств самого белого духовенства и средств приходских церквей.

Примечания

- ¹ *Освальт Ю.* Духовенство и реформа приходской жизни, 1861–1865 гг. // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 140–148.
- ² ПСЗ-2. Т. 37. Отд-ние 1-е. 1862. № 38414. СПб.: Типография II отд-ния Собственной ЕИВ Канцелярии, 1865. С. 559–560.
- ³ *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. С. 565.
- ⁴ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39481, п. 3. СПб., 1866. С. 340.
- ⁵ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39481, п. 4. СПб., 1866. С. 340.
- ⁶ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39481, п. 1. СПб., 1866. С. 339.
- ⁷ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39871. СПб., 1866. С. 841.
- ⁸ ПСЗ-2. Т. 41. Отд-ние 1-е. 1866. № 43080. СПб., 1868. С. 231.
- ⁹ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39871. СПб., 1866. С. 841.
- ¹⁰ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39768. СПб., 1866. С. 664–665.
- ¹¹ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974. СПб., 1873. С. 322.
- ¹² ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974, отд. II, п. 5, 7. СПб., 1873. С. 322–323.
- ¹³ ПСЗ-2. Т. 39. Отд-ние 1-е. 1864. № 41144, ст. 5. СПб., 1867. С. 690.
- ¹⁴ ПСЗ-2. Т. 38. Отд-ние 1-е. 1863. № 39768. СПб., 1866. С. 664–665.
- ¹⁵ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974. СПб., 1873. С. 321–322.
- ¹⁶ ПСЗ-1. Т. 20. 1775–1780. № 14807. СПб., 1830. С. 752–753; Устав духовных консисторий. Ст. 76. СПб.: Синодальная типография, 1843. С. 32.
- ¹⁷ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974, отд. II, Пп. 1, 2. СПб., 1873. С. 322.
- ¹⁸ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974, отд. II, п. 9. СПб., 1873. С. 323.
- ¹⁹ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974. СПб., 1873. С. 321–322.
- ²⁰ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 1-е. 1869. № 46974, отд. II, п. 5, 7. СПб., 1873. С. 322–323.
- ²¹ ПСЗ-2. Т. 44. Отд-ние 2-е. 1869. № 47680. СПб., 1873. С. 438.

О. В. Миновская, А. А. Турыгин

г. Кострома

МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛЕВОЙ ИГРЫ «РОССИЯ – ВОСТОК – ЗАПАД, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ВЕКА ДОМА РОМАНОВЫХ»

Игра старше культуры, игра предшествует культуре, игра творит культуру.

Й. Хейзинга¹

Приоритеты и интересы современного российского общества и государства ставят перед педагогами особенно важные задачи в сфере гражданского образования и патриотического воспитания подрастающего поколения. Сохранение и развитие богатого культурного наследия России требует воспитания у детей и молодежи интереса к познанию ее традиций, культуры, истории.

© О. В. Миновская, А. А. Турыгин, 2012

Греческая языковая традиция этимологически раскрывает смысл понятия «история» через процесс «расследования», «узнавания», «установления». Это означает, что первоначально история отождествлялась со способом узнавания, установления подлинных событий и фактов, с определенным познавательным усилием личности. Как справедливо заметил М. Блок, «наш ум по природе своей гораздо меньше стремится узнать, чем понять. Отсюда следует, что подлинными науками он признает лишь те, которым удается установить между явлениями логические связи»².

Следуя данному рассуждению, необходимо признать, что образование современных подростков и юношей требует использования педагогических средств, адекватных их возрастным потребностям, в том числе потребностям в открытии, достижении, преодолении. Одним из современных педагогических средств, позволяющих сделать процесс познания истории увлекательным, исследовательским, является ролевая игра. Полидеятельностный характер, стратегичность и вариативность игры, ее эмоциональность и азартность, возможность раскрыть свои потенциалы обеспечивают привлекательность игры для подростков и юношества.

Среди разновидностей ситуационно-ролевой игры особый интерес в контексте познания истории и культуры представляет ролевая игра-эпопея (автор термина Б. В. Куприянов). Понятие «эпопея» подразумевает «ряд событий, связанных с героическими подвигами»³ или «крупное значительное событие, охватывающее целый исторический период»⁴. В нашем случае игра-эпопея охватывает исторический период, связанный с героическими подвигами и значительными событиями в жизни России времен династии Романовых.

Такая игра-эпопея длится до 20 дней, выступает формой организации жизнедеятельности детских объединений в условиях образовательного учреждения (в нашем случае – загородного детского центра). Историческая игра становится ядром всей образовательной программы, подчиняет себе деятельность детских объединений, праздники и мероприятия интеллектуального, творческого, спортивного характера.

Игра-эпопея является достаточно подробной копией законченного этапа жизни культурно-исторической общности (пусть даже имитационной). Она имеет завязку – оформление противоречий между участниками, развитие игры в ходе игровых действий, яркую кульминацию – событие, в результате которого происходит разрешение конфликтов, заложенных в разработке игры. Героем событий игры может стать каждый (или почти каждый) из участников. События, возникающие в ходе игры, вызывают потребность мыслить, действовать, совершить поступок.

Представляя собой вариант альтернативной истории, игра-эпопея предполагает искусственную конструкцию прошлого, по возможности приближенную к реальности, предполагающую процесс его познания. Альтернативность здесь означает педагогическое моделирование ситуации выбора и свободной реализации собственного выбора игроком, что инициирует процесс познания. Основным средством выступает проблематизация эпизода российской истории на предмет поиска альтернативных путей развития.

Исходная игровая ситуация задается педагогом и вполне соотносится с историческими реалиями. Выбранная историческая ситуация должна иметь потенциал альтернативности развития (например, ситуация междоусобицы и отсутствия наследника). Тогда игровая ситуация будет иметь множество вариантов развития. Игрок, принимая роль (образ существовавшего исторического субъекта), стремится изучить и осмыслить игровой сюжет, а затем выбирает и реализует свои стратегические и тактические ходы. В итоге игровые события могут завершиться как в соответствии с реальной историей государства, так и самым неожиданным образом.

Важно отметить, что подросток или юноша, действуя в игре как исторический персонаж, своеобразно «проживает» предлагаемый исторический сюжет. Историческая ролевая игра дает возможность понимания истории как в ее широком смысле (культура, политика, экономика, социальная структура, быт), так и на микроуровне – с позиции обычного человека, его восприятия, действия – всего того, что составляет структуру повседневности. Этот факт не позволяет видеть в истории только лишь историю политики (школьный курс) и набор знаний о культуре со сложными, труднозапоминающимися названиями (устав, полуустав, «нарышкинское барокко», стремянной, епанча, фузея и т. д.). В ролевой игре процесс «запоминания» сопряжен с процессом «действия» с макетом или предметом. Язык, предметы эпохи, элементы материальной культуры становятся привычными для участника, так как он постоянно ими пользуется. Важно учитывать, что «обращение с предметами» происходит в смоделированном игровом контексте, наполненном не только предметами, но и смыслами. На игровых площадках воссоздаются государственные институты, церемонии и ритуалы, с помощью которых воспитанник осваивает контекст отношений и культуру исторического периода.

Собственное действие игрока, как правило, не отягощено знанием о «реальном» действии исторического субъекта и в меньшей мере вписывается в уже устоявшиеся в исторической науке схемы, обладая потенциалом к их верификации. Каждый участник становится героем исторических событий и создает свой вариант истории. В ходе игры и на этапе анализа ее итогов воспитанник предпринимает попытки понять «почему произошло так, а не иначе?», «как могла бы развиваться ситуация?», «какие факторы оказывали/могли оказывать влияние на действия человека прошлого?».

Историческая ролевая игра обладает потенциалом представления исторического опыта в индивидуальных и конкретных образах. Речь идет о том, что в игре мы воссоздаем не только образы «великой Смуты», «утра стрелецкой казни», «раскола», «социальной нищеты», «блаженных», но и инициируем более четкие индивидуальные образы, переживания человеческих страданий, исторических и социальных потрясений, породивших их восхищения, сопереживания и т. д. Если историческое воображение развивается, то обладающий им человек может наглядно представить историческую судьбу людей, а также живо размышлять об их действиях, поскольку начинает мыслить не абстрактными формулами и научными категориями⁵.

Нам представляется, что социально-педагогические потенциалы исторической ролевой игры также связаны с сохранением культурных основ и коллективной исторической памяти, обеспечением преемственности уникальных исторических традиций (гражданских и патриотических). Ключевое значение здесь имеют язык, традиции, ритуалы и символы, артефакты материальной культуры (их символические копии и образцы), которые широко воспроизводятся в ролевой имитации.

Описываемая нами историческая ролевая игра «Россия – Восток – Запад, или Четыре века дома Романовых» была разработана и реализована педагогическим коллективом авторского лагеря ролевых игр «Кентавр» на Костромской земле в августе 2009 года в условиях загородной летней смены для подростков и учащейся молодежи. Кроме того, предполагается проведение 3–5 игровых смен в последующие годы. Ролевая игра-эпопея основывается на коллизиях истории Российского государства в период правления дома Романовых. В ней моделируются социальные, политические, культурные взаимоотношения внутри Российского государства и отношения России с ее соседями с Запада и Востока. Для разработки игрового сюжета избираются ключевые вехи истории. В частности, первая тематическая смена была посвящена истории русской Смуты, в ходе которой взошла на престол династия Романовых. Вторая смена раскрывает коллизии правления царя Федора Алексеевича и регентства царевны Софьи и т. д.

Летняя смена включала два игровых эпизода. Исходная игровая ситуация эпизода выстраивалась в соответствии с реальными историческими коллизиями (так, в игре 2009 года первый эпизод начинался пресечением династии Рюриковичей в 1598 году, а начало второго эпизода знаменовалось воцарением Василия Шуйского). Дальнейшее развитие игровых событий полностью зависело от участников. В игре моделировались политические, экономические, культурные аспекты жизни российского общества того периода, а также учитывались природные катаклизмы, социальные процессы, происходившие в то время.

Все участники распределялись в три игровых центра: центр «Россия», центр «Запад» и центр «Восток». Основным субъектом игры являлась игровая группа, состоящая из 2–3 человек. В группе каждый участник, кроме командных задач, получал индивидуальную игровую легенду и задачи. Центр «Россия» включал группы боярских родов (Голицыных, Милославских, Нагих, Романовых, Годуновых и т. д.), игровые группы российских городов (Москвы, Нижнего Новгорода, Великого Новгорода, Костромы, Путивля и др.), представителей государственных структур и духовенства, русских монастырей, купечества. Центр «Запад» был представлен интересами государств Швеции, Речи Посполитой, католического духовенства. А центр «Восток» предполагал участие запорожских и уральских казаков, башкир, татар, Османской империи.

Каждый участник выполнял в игре функции в рамках игровой профессии – военного, казначея, купца, ремесленника и т. д. Соответственно организация игры требовала работы игровых площадок политического характера (например, Боярская дума), экономического характера (например, экономическая карта

игры), военных действий (предполагающих игровое фехтование с помощью деревянных мечей и ведение военных действий на карте игры) и т. д. Моделирование культурной жизни Российского государства, народов Востока, государств Запада осуществлялось с помощью общелагерных мероприятий, внедрения ритуалов и традиций.

Особенностями исторической ролевой игры стали следующие:

- имитация социальных, экономических, политических и культурных процессов в рамках исторического контекста соответствующей эпохи;
- организация опыта взаимодействия по реализации социально-экономических и политических целей и интересов;
- расширение и углубление знаний воспитанников в области социально-гуманитарных дисциплин посредством погружения в культурно-исторический контекст соответствующей эпохи;
- включение воспитанников в социальное творчество как конструирование системы отношений с окружающим социальным миром и философское творчество как выстраивание системы личностных ценностей и смыслов;
- конструирование в игре-эпопее воспитательного пространства, содержащего образцы и ценности национальной культуры и культуры Костромского края.

В целях включения участников в историческую игру-эпопею в первые дни смены для участников были организованы мероприятия, «погружающие» в данный исторический период и игру в целом – это малые ролевые игры, информационные игры и занятия, тематические мероприятия. А также были предусмотрены подготовительные занятия по правилам игры и освоению игровых профессий.

Первый и второй игровые эпизоды начинались и завершались яркими игровыми событиями и традиционными ритуалами (подписание мирных договоров между групповыми субъектами игры, вручение наград и т. д.). В ходе игры педагогами организовывались тематические мероприятия и праздники, обеспечивавшие яркость, целостность игры – шведский воинский турнир, польский бал, народное гуляние «Сабантуй», воинский праздник «День Александра Невского», интеллектуальная игра «День Кирилла и Мефодия» и др.

По завершении игрового эпизода с участниками проводился анализ событий первого эпизода, где сопоставлялись реальные исторические события и результаты игры. Это позволяло участникам понять, каким образом, за счет каких ресурсов, действий достигались такие результаты (разные или схожие) в игре и в реальности.

Образовательные результаты были связаны с формированием у участников представлений об особенностях и закономерностях развития российской государственности. Многие воспитанники, исполнявшие ключевые роли в игре, получили опыт проектирования социальных процессов и управления ими. Выполнение задач в игровых профессиях обеспечило приобретение участниками опыта взаимодействия в качестве субъекта политических, экономических, культурных отношений в пространстве игры-эпопеи. В целом игра содействовала духовно-нравственному и гражданско-патриотическому воспитанию участников

посредством освоения культурно-исторического опыта. Предлагаемая интеллектуальная и творческая деятельность способствовала повышению образовательного, интеллектуального и профессионального уровня молодежи.

Примечания

- ¹ Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997.
- ² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
- ³ Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. М.: Ювенс, 1995.
- ⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.
- ⁵ Линденберг К. Как не пройти мимо прошлого // Обучение истории. М., 1997.

А. С. Лазарев

г. Кострома

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ
СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

Уровень образованности населения, качество образования, объем средств, выделяемых государством на финансирование образовательной сферы, всегда были одними из показателей развития страны, отношения ее правительства к передовым достижениям науки, техники и культуры. Характер проводимых образовательных реформ, их направленность непосредственно отражают социальные процессы, политический курс внутри страны и влияние внешнеполитических факторов.

Вопрос развития и распространения образования был одним из основных в России рубежа веков. Однако анализ статистики показывает, что, несмотря на принимаемые меры, решение проблем, связанных с образованием, требовало значительных средств и времени. Различная ведомственная принадлежность казенных, а также большое количество общественных и частных учебных заведений – начальных, средних общеобразовательных и специальных – делает крайне затруднительным их сколько-нибудь полный и точный учет¹. Наиболее полные и детальные статистические данные публиковались Министерством народного просвещения (МНП), учебным отделом Министерства торговли и промышленности и Департаментом земледелия Главного управления земледелия и землеустройства во всеподданнейших отчетах, ведомственных статистических изданиях.

Начальное образование было представлено множеством различных типов учебных заведений, имевших различные уставы и программы, уровень преподавания

и образовательный ценз учителей, ведомственную принадлежность. Наиболее распространенным типом начальной школы являлись сельские одноклассные и двухклассные училища МНП с трехлетним и пятилетним курсом обучения, которые финансировались в основном местными земствами, сельскими обществами и частными лицами. В ведении Святейшего синода находились церковноприходские школы – одноклассные с трехлетним и двухклассные с четырехлетним курсом обучения, имевшие программу обучения, сходную с начальными училищами МНП. Кроме того, Святейшему синоду принадлежали школы грамотности с двухлетним курсом обучения, не имевшие статуса полноценного начального учебного заведения². Основным типом начальных учебных заведений в городах являлись городские училища, основную массу которых составляли трехклассные училища с шестилетним курсом обучения. В соответствии с правительственным решением, с 1 июля 1912 г. городские училища преобразовывались в высшие начальные училища с четырехгодичным курсом обучения. К концу 1914 г. в России насчитывалось 123 745 начальных учебных заведений, принадлежавших различным ведомствам – 80 801 ведомства МНП, 40 530 – ведомства православного исповедания и 2 414 – других ведомств. Охват школой детей в возрасте от 8 до 11 лет составлял по империи 30,1 % (в городах – 46,6 %, в сельской местности – 28,3 %)³.

В системе среднего образования центральное место занимали классические гимназии – мужские и женские. Выпускники первых пользовались преимущественным правом поступления в университеты. В мужских гимназиях программа обучения составляла 8 лет. Курс обучения в женских гимназиях был несколько облегчен по сравнению с мужскими и составлял 7 лет. При гимназиях могли организовываться дополнительные педагогические классы с одногодичным или двухгодичным курсом обучения, готовившие выпускниц к педагогической деятельности. Особыми типами женских средних учебных заведений являлись гимназии и институты благородных девиц ведомства императрицы Марии, учебные планы которых приближались к программам гимназий МНП. Прогимназии, как мужские, так и женские, имели четырех- или шестилетний курс обучения и облегченные по сравнению с классическими гимназиями программы обучения.

Реальные училища были рассчитаны на подготовку к получению технического образования. Курс обучения был рассчитан на 7 лет. В пятом и шестом классах могли открываться коммерческие отделения. В седьмом классе упор делался на подготовку к поступлению в высшие учебные заведения с механико-технологическим и химико-технологическим уклонами (в университеты выпускники реальных училищ не допускались). Технические училища МНП готовили техников для промышленных предприятий.

В целом по России к 1 января 1914 г. из 8 902 621 учащихся в начальных и низших школах обучалось около 82 % всех учащихся, в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях – около 6 %, в специальных средних и низших школах – 3,2 %, в различных частных, национально-религиозных

и т. п. учебных заведения – около 7 %, в высших учебных заведениях – 0,8 %, остальные, около 1 %, не распределены по категориям заведений⁴.

Огромное количество назревших потребностей по делу народного образования, остававшихся в течение целого ряда лет без удовлетворения, вызвало предъявление крупных требований на отпуск из казны средств для расширения деятельности МНП, что и выразилось в значительном росте ассигнований по сметам этого ведомства за 1911–1913 гг.: расходы по МНП возросли с 1900 г. почти в 5 раз, составив в 1913 г. 14,6 % всех бюджетных расходов. При этом, как отмечалось в «Объяснительной записке к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 год» (СПб., 1912), недостаток в учебных заведениях был так велик и с каждым годом выдвигалось так много новых запросов в этой области, что «надо предвидеть еще в течение многих лет усиленные жертвы казны на народное образование ранее, чем потребность в нем будет достаточно удовлетворена»⁵. Быстрые темпы развития промышленности требовали научно-подготовленных мастеров, низших и средних техников по отдельным производствам, что требовало напряженной деятельности по развитию профессиональных средних и низших школ. В 1906 г. МНП был выработан проект введения всеобщего обучения. Основные начала министерского проекта получили 3 мая 1908 г. силу закона, и с этого времени начинается широкий отпуск средств на народное образование и планомерное открытие школ, имеющее своей конечной целью обеспечить доступность начального обучения для всего населения Российской империи. Вопрос о всеобщем образовании был поднят уже в речи Николая II 27 апреля 1906 г. в Государственной думе 1-го созыва. То, что просвещение народа было поставлено в число первостепенных государственных задач, подтверждалось в манифесте 9 июля 1906 г., в программной речи Столыпина, обращенной к членам Государственной думы 13 мая 1906 г., в речи председателя Совета министров 6 марта 1907 г. перед членами II Государственной думы⁶.

Подобная проблема не могла не отразиться на законодательной деятельности Государственных дум, а также политических партий, представлявших в них интересы различных групп населения. Наибольшую разработку проблемы образования получили в деятельности III Думы⁷. В то же время в проводимой правительством образовательной политике определяющими были следующие объективные направления реформирования:

1. Рост числа технических учебных заведений разных уровней: для рассматриваемого периода характерно появления целого ряда новых вузов и средних учебных заведений. Это было вызвано необходимостью повышения образования рабочих в связи с ускорившимися темпами индустриализации и усложнением технологий в производстве. Кроме того, возникла потребность в расширении слоя специалистов-инженеров с высшим образованием.

В ведении Министерства народного просвещения и различных ведомств (кроме военного и морского) находились 50 вузов с численностью учащихся 74 783 человека. В 15 государственных вузах осуществлялась подготовка

инженерно-технических специалистов. Потребность в специалистах высшей квалификации была столь велика, что за последние два десятилетия XIX и первое десятилетие XX в. сеть высших технических учебных заведений в стране увеличилась в 2,5 раза (с 6 в 1880 г. до 15 в 1914 г.). Выпуск специалистов для промышленности, строительства, транспорта и связи ежегодно составлял 1 500 специалистов в год⁸. Тем не менее, принятые меры по наращиванию числа инженерных вузов оказались недостаточными. В 1906 г. был разработан проект регионального развития инженерного образования в России. Предполагалось открыть в две очереди 11 технологических (политехнических) институтов, в первую очередь в Вятке, Саратове, Иркутске, Кишиневе, Ташкенте, Вильно, Владивостоке, Благовещенске; затем – в Екатеринославе, Симферополе, Воронеже. В 1916 г. этот проект от Министерства народного просвещения поступил в Совет по профессиональному образованию, но его реализации помешала Первая мировая война.

2. Расширение возрастных, территориальных, сословных и гендерных рамок начального, среднего и высшего образования. В России, несмотря на консервативный курс государственной политики в сфере образования в конце XIX в., именно этот период можно считать завершением становления системы российского образования⁹. Появились все основные ступени образования – от начального до дополнительного. Значительно выросло количество образовательных учреждений, увеличилось число обучающихся. Существенно повысилась грамотность населения: к концу XIX в. доля грамотных достигла 21 %, в городе грамотная молодежь составляла 40 %. Однако все эти улучшения были далеки от решения глобальных проблем – их должен был решить подготовленный в 1915–1916 гг. под руководством министра народного просвещения П. Н. Игнатьева Проект реформы средней школы.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. система образования в России не только заключала в себе целый ряд требующих разрешения проблем и противоречий, но и динамично развивалась.

Примечания

- ¹ Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 16.
- ² Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004. С. 115–129.
- ³ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник / ред.-сост. А. М. Анфилов, А. П. Корелин. СПб., 1995.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Цит. по: Россия 1913 год.
- ⁶ Рожков В. Указ. соч. С. 129.
- ⁷ Овчинников А. В. Дума народного просвещения. Режим доступа: URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191929790&archive=&start_from=&ucat=&
- ⁸ Гусарова М. Н. Из истории инженерного образования в России // Преподавание истории в школе. 2009. № 8. С. 69.
- ⁹ Богуславский М. В. Реформы Российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 14.

Н. Г. Карнишина

г. Пенза

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

Национальный вопрос в начале XX в. трактовался русскими государствоведами, политиками и публицистами как с точки зрения государственного устройства Российской империи, положения национальных окраин, так и в контексте общей национальной идеи.

Правовед С. А. Корф объяснил подобный широкий подход тем обстоятельством, что «имперское единение в наши дни достигается единственно факторами экономическими, социальными и духовно-культурными»¹. Публицист Я. Г. Емельянов обосновал возросший интерес в обществе к данным проблемам политическими обстоятельствами. Он писал в журнале «Юридический вестник»: «Мировая война выдвинула и поставила на очередь целый ряд проблем международного и государственного права. Многие из них, решавшиеся до сих пор политиками и публицистами чисто теоретически, превратились в настоящее время в жизненные и практические вопросы»².

Наконец, безусловно, Манифест 17 октября 1905 г. и последовавшие за ним изменения в государственном и общественном устройстве сыграли немаловажную роль в усилении интереса к проблемам национально-территориального устройства Российской империи.

З. Ф. Авалов в статье «Областные сеймы. Федерализм» отметил доминировавшие в 1905–1906 гг. тенденции в общественно-политической жизни России: «...переход к конституционализму неизбежно сопровождается критическим пересмотром всех отдельных отраслей и частей государственного управления. Там, где несколько наций бьются в тенетах одного государства или где области, более или менее значительные по размерам и культурности, начинают задумываться над своим положением, перед нами скоро вырисовывается чарующий идеал федерализма. Помимо всякой оценки, народ смотрит на государство, на власть, как на свое нечто; он видит здесь отблески своей идеи, служение своим нуждам, он говорит: наш государь, наш министр, наши финансы, наша армия, наши владения в Азии... Такая связь есть факт лишь для национального большинства (точнее, для преобладающей нации); ее не существует для инородного меньшинства. А так как «меньшинством» могут быть целые народы, то они, в виде (упоминаемого часто в скобках) исключения, оказываются в государстве на положении чужих, а не своих»³.

Как в научной среде государствоведов, так и в общественно-политических кругах четко обозначились два лагеря: с одной стороны, сторонники идеи «неделимой державной империи», с другой – конституционалисты с теорией союзного государства.

Сторонники первого подхода исходили из понимания незыблемости Российской империи. Государствоведы А. В. Романович-Славатинский, М. Н. Ступин

подчеркивали: «Современное государственное устройство страны может быть или в полном соответствии с прошлым, т. е. являться лишь естественным развитием прежнего устройства, вследствие прежнего выроста страны территориального, экономического и культурного или же быть в полном или частичном противоречии с прошлым, т. е. являться обоснованным не на присущих народу и укоренившихся в нем в течение его жизни взглядах на существо государственного порядка, а на таких началах, которые идут вразрез с народными взглядами»⁴.

Теория союзного государства в русском правоведении конца XIX – начала XX в. получила свое развитие в трудах Н. И. Лазаревского, С. А. Котляревского, А. Д. Градовского, Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, А. С. Яценко.

А. Д. Градовский в своих статьях подчеркивал, что «разнообразие национальных особенностей есть коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации». По мнению ученого, нужно не подавлять и сглаживать национальные различия и особенности, а, наоборот, создавать условия для нормального и самобытного существования и развития народов. Важнейшим из таких условий он считал политическую самостоятельность народа, наличие у него национальной государственности⁵.

В статье «Государство и народность» правовед привел следующие доводы: «Группа лиц, поставленная в условия национального развития, сделавшаяся народностью, неизбежно вырабатывает два понятия, имеющие неотразимое влияние на ее внешнюю и внутреннюю жизнь, – понятие о своем единстве и о своей независимости. Понятие о единстве есть не что иное, как сознание своей собирательной личности, своего «я» между другими народами. Понятие независимости есть требование свободы, оригинальности, самостоятельности во внешнем и внутреннем развитии. Другими словами, понятие о единстве построено на сознании полной общности интересов и оригинальности общей всем творческой силы; требование независимости вытекает из сознания своего права на проявление этой творческой силы в самостоятельной культуре, в оригинальном историческом развитии. И то и другое понятие растет вместе с историей каждого народа, действуя первоначально как темный инстинкт, потом как сознательная идея».

А. Д. Градовский писал: «Национальная теория видит условия народного прогресса не в той или другой комбинации государственных форм, не в том или другом сочетании частей государственного механизма, а в возрождении духовных сил народа, в его самосознании и обновлении его идеалов». Ход рассуждений автора строится на признании двух типов государств: государств, однородных в отношении всех своих элементов, и государств, состоящих из различных народностей, сохранивших воспоминание о своей самостоятельности и непрерывно стремящихся к ней. А. Д. Градовский исходил из тезиса, что каждая народность, т. е. «совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, т. е. особое государство. Народности, утратившие свою политическую самостоятельность, делаются служебным материалом для других рас»⁶.

Н. М. Коркунов справедливо сделал вывод о том, что обособление окраин зачастую вело к сохранению там отживших и устарелых государственных институтов. Автор подчеркивал бесперспективность унии в монархическом государстве. Он писал: «Уния как форма соединения государств есть наследие старины, лишенное будущности. Она не выражает собой стремления к национальному единству и, предполагая полную независимость и обособленность составляющих ее государств, не может дать такого единства. В современных условиях государственной жизни уния является малоподходящей формой. Резкое обособление политических и частноправовых отношений, широкое развитие общественной жизни, решительное преобладание национальных интересов над династическими – все это делает теперь унию совершенно непригодной формой соединения государств. Современным условиям государственной жизни может соответствовать не случайное соединение, какова уния, а обусловленные общностью народных интересов и стремлений политические соединения самих государств»⁷.

С. А. Когляревский в работе «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора»⁸ ссылается на Г. Еллинека, который для объяснения переходных политических форм создал теорию так называемых «государственных фрагментов». При этом автор призывал исходить из различия между самоуправляющейся частью унитарного государства и государством, входящим в федерацию.

Н. И. Лазаревский национальный вопрос решал в совокупности с проблемой автономии. Он писал: «С точки зрения интересов населения автономия является средством приведения местного управления в согласие с взглядами и требованиями населения. Автономия, прежде всего, делает возможным ведение управления на местном языке. Затем, если какая-либо местность представляет те или иные культурные или бытовые особенности, то автономия является единственным возможным средством считаться в делах местного управления с этими особенностями и приспособливаться к ним, ибо централизованное управление на это безусловно неспособно. А между тем приемы управления не только в смысле избрания тех или других способов действия в пределах закона, но и по многим вопросам и в смысле самого содержания законов, несомненно, должны считаться с местными особенностями: под одни и те же мерки нельзя безнаказанно, не насилуя население, подводить и великоруса, и черкеса, и поляка.

Не менее существенно и то, что народ, имевший свое политическое прошлое, обладающий известными историческими традициями, всегда будет стремиться иметь свое управление, и в том управлении, которое всецело определяется из центра и всецело проникнуто его духом, всегда будет видеть нечто чужое, всегда будет видеть в нем угнетение своей национальности. С точки зрения национальности, не образующей отдельного государства, но чувствующей свою культурную обособленность, имеющей свои исторические воспоминания, имеющей свой язык и при том в территориальном отношении представляющей известное целое, – стремление к автономии вполне понятно»⁹.

С. А. Корф писал: «Главнейший вывод, который можно сделать из истории развития федерализма, следующий: каждый народ, каждая национальность

естественно стремятся к возможно полной самостоятельности, когда несколько народностей соединено в одно целое (например, государство старого режима), каждая из них проявляет центробежные или сепаратистские идеалы и наклонности, но как только им обеспечивается внутренняя самостоятельность, возможность правотворчества и гарантия собственного культурного развития, так центробежные силы сменяются центростремительными и начинается процесс объединения на основе федерализма»¹⁰.

А. С. Яценко сделал вывод, что «в России федерализм мыслим лишь как дробление единой суверенной власти. И потому он должен быть, безусловно, осужден». При этом следует отметить, что А. Яценко трактовал унию как особую форму конфедеративных государственных соединений, т. е., по сути, соединение двух обособленных государств, имеющих одного и того же монарха. Такая категория применительно к Польше и Финляндии им не применялась. Конфедерация (союз государств) определялась в общем плане как особый вид государственного образования, отличающийся от федерации (союзного государства) более слабой степенью централизации¹¹.

Применительно к ситуации начала XX века А. С. Яценко сформулировал вывод, с которым было согласно большинство правоведов и политиков. Он писал: «Нужно, безусловно, высказаться против национальной децентрализации России. Области с нерусским населением составляют окраины и имеют ничтожное значение по сравнению с общей массой имперского населения, которое ни в каких федеральных и договорных отношениях с этими областями быть не может. Россия есть страна с преобладающим, громадное большинство составляющим русским населением и с незначительным меньшинством инородческим»¹².

Выступая, с одной стороны, против политики русификации национальных территорий, с другой стороны, авторы поддерживали унификаторский курс центральной власти по отношению к окраинам. По их мнению, национальная теория государства признает солидарность, неразрывную связь между всеми элементами политической народности как правительственными, так и общественными. Она не предполагает в качестве элементов враждебных и исключających друг друга – личности и государства, общества и государства. При этом мы не видим четкой грани между консерватизмом, либерализмом и прочими течениями в поисках путей решения национального вопроса. Настолько сложным и болезненным являлся национальный вопрос в России, что его трактовка с позиций территориальных, этноконфессиональных, внутри- и внешнеполитических выступала своего рода «лакмусовой бумагой» в прояснении истинных взглядов автора. При этом не имело значения, был он публицистом, государственным деятелем или ученым-правоведом.

Примечания

¹ Корф С. А. Автономные колонии Великобритании. СПб., 1914. С. 433.

² Емельянов Я. Г. К предстоящему государственно-правовому устройству Польши // Юридический вестник. М., 1914. Кн. 7–8. С. 311.

³ Конституционное государство / сост. З. Ф. Авалов, В. В. Водовозов, В. М. Гессен. М., 1905. С. 350.

⁴ Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев; СПб., 1886. С. 98; Ступин М. Н. Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем. СПб., 1905. С. VII.

⁵ Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 55; Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1872. Т. 6. С. 80.

⁶ Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе. М., 2009. С. 29.

⁷ Коркунов Н. М. Русское государственное право. 7-е изд. СПб., С. 143.

⁸ Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 58.

⁹ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. Вып. 1. Пг., 1917. С. 256; Там же. С. 231.

¹⁰ Корф С. А. Федерализм. Пг., 1917. С. 80.

¹¹ Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 786.

¹² Там же. С. 775.

А. Г. Митров

г. Кострома

«БЫЛИ ГЛАВНЕЙШЕЮ ПРИЧИНОЮ ИСТРЕБЛЕНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ...» (ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА В ВОЙНЕ 1812 Г.)

Народное ополчение создавалось по манифесту Александра I от 18 июля 1812 г. В формировании его участвовали 16 губерний Центральной России, объединенные в три округа, и четыре украинские губернии.

Особенностью Области войска Донского было то, что 31 июля Войсковая канцелярия решила приостановить организацию крестьянского ополчения, но продолжить формирование казачьего, о чем сообщила войсковому атаману М. И. Платову и в Сенат¹. Но и формирование казачьего ополчения встречало трудности. Обычно при выставлении полка на службу он обновлялся молодыми казаками на треть; ополченские же полки, напротив, комплектовались «малолетками» и отставными казаками. Чтобы повысить их боеспособность, канцелярия приняла решение о введении в состав создававшихся полков не менее трети служилых казаков. Большую сложность представляло обеспечение ополченцев оружием, снаряжением и лошадьми. Из войсковых запасов было роздано казакам 1 100 дротиков, закуплено 850 ружей². Войско Донское выставило 26 полков (22 ополченских и 4 полка служилых казаков) и полуроту конной артиллерии (всего 15 465 казаков). С конца сентября полки стали поступать в авангард русской армии. Первоначально М. И. Кутузов предполагал все полки Донского ополчения направить на усиление армейских партизанских отрядов, но затем изменил решение. Прибывшие 5 октября и назначенные в авангард 6 полков участвовали в сражении 6 октября под Тарутино наряду с ранее находившимися при

армии донскими полками. Большая часть Донского ополчения направлена в корпус М. И. Платова, 3 полка – в авангард Главной армии, часть – в отряды И. С. Дорохова, Д. В. Давыдова, А. С. Фигнера. При освобождении Москвы казаки из отряда Ф. Ф. Винценгероде первыми вошли в город и предотвратили взрыв Кремля.

Следует отметить, что сами французы, по крайней мере официально, приносили роль казаков в войне. В бюллетене Великой армии о них говорилось: «Сия жалкая конница, один только шум производящая и не могущая пробиться сквозь роту вольтижеров, сделалась страшною от благоприятствовавших ей обстоятельств. Однако же неприятель раскаивался при всяком покушении, на кои он отваживался, был опрокидываем... и лишился при том множества людей»³. Но после войны французы признали воинское умение казаков, что для нас особенно ценно, так как это свидетельство врагов, испытывавших на себе силу казачьего оружия. «...Казаки, кидаясь в атаку, – свидетельствовал генерал Моран, – обыкновенно несутся маршем и хорошо останавливаются на этом аллюре... Эти люди, будучи осторожны, не требуют особых попечений о себе, отличаются необыкновенной стремительностью в своих действиях и редкой смелостью в своих движениях»⁴.

Нельзя не упомянуть и о причине мужества русских солдат, казаков и ополченцев. Казачий историк Быкадоров отмечал: «...в эту тяжелую годину вторжения в пределы нашего Отечества 29 различных народностей Россия вышла победительницей и изгнала врагов из пределов своих только благодаря глубокой любви и преданности русского народа своей Вере, Царю, Родине и заветам предков... Народы, предводительствуемые Наполеоном, опиравшиеся на законы его, законы человеческие, были побеждены народом русским, руководившимся в делах своих законами Божиими...»⁵

Проблемы, сходные с теми, что имели место при формировании ополчения на Дону, возникали и при формировании ополчений в российских губерниях. На 1 января 1812 г. запас годного стрелкового оружия, хранившегося в арсеналах и на заводах, составлял всего 175 928 ружей и карабинов и 3 956 пар пистолетов. В 1806–1807 гг. русское правительство было вынуждено закупать оружие в Вене⁶. Естественно, что для ополчения оружия не хватало. Для вооружения ополченцев использовались топоры, тесаки, пики казачьего образца. Размеры пик были произвольными, но общим признаком являлось отсутствие подтока и прожилин. Казачьи пики имели более толстое древко и менее длинный наконечник по сравнению с уланской пикой.

Костромское и Нижегородское ополчения входили в состав 3-го округа. Формирование ополченских частей в Костромской губернии началось в августе и проходило в Костроме, Кинешме, Галиче и Нерехте. Губерния выставила 10 519 ратников и офицеров, сведенных в егерский батальон, 4 пеших и 1 конный полки. Командовал ополчением генерал-лейтенант П. Г. Бардаков, сподвижник А. В. Суворова, участник сражения при Рымнике. Один только регистр денежных сборов с помещичьих имений для обмундирования 1-го Костромского пехотного полка занимал 28 листов⁷. Суммы пожертвований были весьма

значительны. Так, титулярный советник Сальков внес на ополчение 500 рублей⁸. Следует отметить, что формирование ополчения приняло массовый характер. Только в 1-й пехотный полк было подано 114 заявлений. К командиру 2-го пехотного полка явились 40 крестьян, готовых вступить в ополчение. В ополченцы записывались юноши 15–17 лет. Настойчиво просили принять их в ратники 18 учащихся Костромской семинарии. По данным К. А. Булдакова, желающих было еще больше, но по выбору начальника в ополчение зачислили только 25 семинаристов⁹. В то же время некоторые помещики старались поставить в ополчение старых и больных крестьян, от своих обязанностей уклонялись многие дворяне, назначенные на офицерские должности¹⁰. Так, назначенный в ополчение нерехтский помещик капитан 2-го ранга Н. Чупрасов сообщал, что не может выполнять свои обязанности по болезни¹¹. Для ополченцев не хватало оружия. Из 696 человек, принятых в ополчение в Кологриве, лишь 151 были вооружены пиками¹².

Особенностью обмундирования нижегородцев стали серые суконные шапки с четырехугольным верхом, отороченные бараньим мехом, напоминавшие кивера улан регулярной армии. Костромские ополченцы, напротив, носили картузы и любые другие шапки. Впрочем, костромичам было предписано носить «суконную шапочку, на которой иметь из латуни выбитой крест и внизу вензель Государя императора... армяк серого сукна, брюки или шаровары серого сукна...»¹³. Каждому ратнику полагался ранец, в котором следовало иметь рубаху, портки, рукавицы, портянки, онучи, запасные сапоги и провиант на трое суток. Вооружались ополченцы пиками и топорами.

9–10 декабря Нижегородское и Костромское ополчение выступило на Курск и Киев. В апреле ополчение было недалеке от Киева, в Чернобыле, где из-за эпидемии сыпного тифа умерло более половины личного состава. Умершим от тифа костромичам в Чернобыле позднее поставили памятник¹⁴.

В начале 1813 г. ополченцы двинулись в заграничный поход и в качестве резерва находились при армии в сражениях под Дрезденом и Рейхенбергом, а затем участвовали в осаде Дрездена. После этого часть ополчения была направлена на помощь войскам, осаждавшим Гамбург, а часть находилась при осаде Глогау. Непосредственно Костромское ополчение в сентябре 1813 г. вступило в Силезию и участвовало в осаде Глогау. Сюда же были направлены полки Рязанского, Симбирского, Нижегородского и Казанского ополчений, причем общее руководство их действиями принял именно П. Г. Бардаков. В стычках с французами под стенами крепости отважно действовал костромич Платон Васильевич Голубков. Во время неприятельской вылазки 24 октября отличился 4-й пеший полк Костромского ополчения. Вылазка была отбита, командир батальона подполковник Бартнев, штабс-капитан Воронов и поручик Нелидов, раненный в бою, были представлены к наградам¹⁵. Осада затянулась до марта 1814 г., когда союзные войска уже вступили в Париж. В Париже командир одного из полков Костромского ополчения и преподнес Александру I ключи от крепости. В феврале 1815 г. Костромское ополчение вернулось на родину, где ратникам была устроена торжественная встреча. Следует отметить,

что потери, понесенные костромичами, были очень большими. Из 10 тыс. человек в живых остались 3 622, среди которых имелись раненые и больные¹⁶.

Итак, мы можем констатировать, что и казачьи ополченские, и просто ополченские части формировались в массовом порядке, несмотря на трудности с комплектованием и вооружением. Тем не менее, трудности эти были преодолены, благодаря патриотизму русского населения. При этом не только казачьи, но и ополченские части проявили на войне храбрость и воинское мастерство, что отмечалось не только русскими, но и самими французами. А М. И. Кутузов писал, что действия казаков «были главнейшею причиною истребления неприятеля...».

Примечания

¹ Агафонов А. И. Предисловие // Быкадоров И. Казаки в Отечественной войне 1812 года. М.: Яуза: Эксмо, 2008. С. 39.

² Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1 163.

³ 29-й бюллетень Великой армии // Санкт-Петербургские ведомости. 1813. № 4. 14 янв.

⁴ Цит. по: Никитин В. Ф. Казачество: нация или сословие? М.: Яуза: Эксмо, 2007. С. 341.

⁵ Быкадоров И. Указ. соч. С. 54.

⁶ Бородино, 1812 / отв. ред. П. А. Жилин. М.: Мысль, 1987. С. 17.

⁷ ГАКО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 2.

⁸ ГАКО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁹ Булдаков К. А. Костромской край. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1992. С. 45.

¹⁰ Виноградова С. Боевой путь Костромского народного ополчения, 1812–1815 // Костромская старина. 1995. № 7. С. 21.

¹¹ ГАКО. Ф. 812. Оп. 1. Д. 86. Л. 23.

¹² Виноградова С. Указ. соч. С. 22.

¹³ ГАКО. Ф. 812. Оп. 1 (доп.). Д. 3. Л. 10.

¹⁴ Григоров А. А. Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 322.

¹⁵ Виноградова С. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Сапрыгина Е. Загадка Рубановского // Губернский дом. 1994. № 5. С. 38.

А. Н. Шигарева

г. Кострома

ФРИДРИХ ВТОРОЙ О РОССИИ, ДИНАСТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ И О ПЕРСПЕКТИВЕ РУССКО-ПРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1752 Г.

Значительное внимание прусский король Фридрих Второй уделял налаживанию отношений с Российской империей из-за опасений втягивания этой могущественной державы в конфликт против Пруссии. «Из всех соседей, – писал прусский король, – Российская Империя, как самая опаснейшая, наиболее заслуживает внимание: она сильна и близка. Да при том другим неприятелям можно воздать зло за зло, чего в рассуждении России сделать невозможно, разве бы иметь сильный флот для подкрепления и доставки съестных припасов»¹. Исто-

ды из неравнозначности потенциала России и Пруссии в военной, экономической и геополитической областях, во внешнеполитической доктрине короля Российской империя не могла занимать место наиболее вероятного противника. Однако существовали регионы, а именно Север Европы и Центральная Европа (Польша), где интересы двух государств соприкасались друг с другом. Руководствуясь стремлением не допустить усиления влияния России на этих территориях, а также, по собственному признанию Фридриха в мемуарных источниках, необходимостью сохранения равновесия на Севере, Фридрих идет на заключение тройственного союза с Францией и Швецией (1750 г.). Однако этот оборонительный договор был воспринят Россией крайне неодобрительно, и вскоре Фридриху стала известна отрицательная реакция России: «Граф Бестужев делал вид, что почитает сие подозрительным; вселил в императрицу опасение, и довел дело так далеко, что российские войска собрались также лагерем на Шведских границах в Финляндии и на прусских в Лифляндии»². В таких критических обстоятельствах произошло обострение отношений между Россией и Швецией, поводом к нему стало разногласие о границе с Финляндией, которая по Абовскому трактату (1743 г.) не была точно определена. Все это с тревогой воспринималось в Берлине, где анализировались негативные последствия с точки зрения соотношения сил для Пруссии. На основе сделанных выводов Фридрих пришел к заключению о необходимости недопущения военного столкновения с Россией в этом регионе.

Все попытки прусского короля установить дружественные отношения с русским двором в 1750-е гг. были тщетны. Руководивший русской внешней политикой канцлер А. П. Бестужев был решительным сторонником союза с «древним» союзником России – Австрией – и столь же решительным противником любых договоренностей с новым возможным союзником – Пруссией. Бестужев переоценивал непосредственную опасность усиления прусского государства во время войн за австрийское наследство для интересов Российской империи. Главная опасность в экспансионистских устремлениях прусского короля для России, по мнению русского канцлера, заключалась в возможном противодействии Пруссии в польских делах, прежде всего в избрании польского короля. Примечательно, что еще одним доводом антипрусской позиции русского канцлера стало обращение к опыту двух войн за австрийское наследство, в которых Фридрих II продемонстрировал весьма свободную трактовку союзнических обязательств по отношению к своему «естественному союзнику» – Франции. На севере Европы интересы России и Пруссии сталкивались напрямую, а русские дипломаты придерживались традиционной политики времен Петра I, заключающейся в недопущении Пруссии в прибалтийские земли³.

С неудовольствием Фридрих отмечал, что «власть венского двора при дворе Петербургском умножалась день ото дня, и должна была умножаться с великой поспешностью, потому что дух министра приуготовлен уже был соглашаться...»⁴. Причины русско-прусских разногласий король был склонен видеть в личной дипломатии канцлера Бестужева. Несмотря на многочисленные предписания Фридриха в Россию о том, что действовать при русском дворе нужно

крайне предусмотрительно, избежать новых осложнений отношений между двумя государствами все же не удалось. А. П. Бестужев подозревал королевского посланника А. Мардефельда в заговоре с Шетарди, направленном на смещение канцлера. Подозрения русского канцлера не были беспочвенны: Фридрих совершенно отчаялся сблизить позиции России и Пруссии при Бестужеве, он надеялся на перемены к лучшему в отношениях с Россией только в случае отставки русского канцлера, который, по мнению короля, руководствовался своими частными интересами. В свою очередь, исходя из общего понимания союзничества как структуры, связанной глубокими взаимными интересами, Фридрих отдавал себе отчет в том, что альянс с Австрией был выгоден России по двум причинам: во-первых, для совместной борьбы против Порты, а во-вторых, для получения субсидий из Англии⁵.

Инцидент с русским послом в Берлине, который, посчитав себя обойденным вниманием короля во время церемонии бракосочетания прусской принцессы и наследника шведского престола, внезапно покинул Берлин, стал поводом для взаимного отзыва послов в 1750 г.⁶ Теперь противники короля в Петербурге получили полную свободу действий. По словам Фридриха, они «не стыдились лжи и клеветы, дабы раздражить Императрицу Елизавету против короля. Уверили ее, что сей государь делал умышления на ее жизнь, дабы возвести на престол принца Иоанна. Императрица, поверив их словам, возымела к королю непримиримую ненависть. Франция не имела в это время в Петербурге своего посланника, управляющий шведскими делами был более «русак нежели швед...»⁷. В связи с вынужденным отъездом прусского посла из Петербурга король утратил возможность реально влиять на русскую политику. Дипломатический провал в России стал предзнаменованием дальнейшего осложнения русско-пруссских отношений. Далек ли были от истины обвинители прусского короля, приписав ему стремление спровоцировать в России очередной династический кризис?

Ключом к пониманию изменений внешнеполитической линии прусского короля с момента заключения мира в Дрездене и до начала Семилетней войны является его «Политическое завещание», написанное в 1752 г. В этом серьезном политическом трактате, написанном под влиянием увлечения знаменитым политическим завещанием Армана дю Плесси Ришелье, Фридрих подвел итоги 12 лет своего правления и попытался определить место Пруссии в политической системе Европы в середине XVIII в. в соответствии с ее геополитическими интересами. В сложной международной ситуации 1750-х гг. король предельно четко определил первоочередные цели прусской внешней политики: удержать полученные в двух войнах за австрийское наследство преимущества, увеличить собственное влияние на германские дела, предотвратить новый подъем Габсбургской монархии.

При отборе на пост русского посланника, считал король, необходимо учитывать особенности русской политики и двора: «В Петербурге необходимо иметь интригана, который не испугается русского бахвальства и умеет давать взятки, не привлекая всеобщего внимания»⁸. Способность соответствовать обычаям,

правам каждого двора должна была приблизить решение поставленных задач перед дипломатами. Все посланники получали указания непосредственно от короля. Кроме того, эффективность дипломатической работы, по мнению Фридриха, значительно повышалась благодаря взаимному обмену информацией. Как истинный глава внешней политики Пруссии, Фридрих соединял и анализировал все полученные сведения, что позволяло ему обладать более полной информацией о международной обстановке и своевременно реагировать на европейские события. Несомненно, самостоятельность прусских посланников была существенно ограничена, и по сути дела прусский просвещенный абсолютизм нуждался в высокопрофессиональной дипломатической бюрократии, выполнявшей директивные указания короля.

При решении одной из приоритетных задач – оперативного получения достоверной информации о планах иностранных кабинетов – в своем завещании король выступает за активное использование методов шпионажа, будучи убежденным в том, что действия в рамках легальной дипломатии не всегда приводят к желаемому результату. Нити дипломатических ведомств и тайной дипломатии должны быть сосредоточены непосредственно в руках короля, что позволяло устранить возникновение дополнительных осложнений в международных делах. В этой связи прусской дипломатии удалось избежать реального функционирования двух альтернативных дипломатических служб, свойственного французской внешней политике кануна «дипломатической революции 1756 г.», разделившейся на личную тайную дипломатию Людовика XV, так называемый «секрет короля», и официальную линию французской внешней политики⁹.

В «Политическом завещании» мы не найдем также идей, созвучных концепции классификации европейских государств, выдвинутой в «Истории моего времени». При сохранении в целом негативной оценки России, сформированной в основном под влиянием записок И. Г. Фоккеродта (1737), а также итоговых отчетов прусских посланников А. Мардефельда (1747) и К. В. Ф. Финкенштейна (1748)¹⁰, Фридрих приходит к выводу о том, что только внутренняя слабость этого государства не позволяет ему активнее вмешиваться в европейские дела. Второй важный вывод, который делает король, это констатация отсутствия неразрешимых противоречий между Пруссией и Россией. Отставка подкупленного Австрией министра (речь идет об А. П. Бестужева) повлечет восстановление отношений между Берлином и Петербургом. В большей степени интересы русской политики определяются, по мнению Фридриха, стремлением Российской империи сохранить решающий перевес в Польше, развитием дружеских отношений с Австрией с целью предотвращения внезапного нападения Турции и распространения как можно большего влияния в северных государствах.

В «Политическом завещании» Фридрих предрекает России очередной кризис династии Романовых. Несмотря на все преклонение наследника бездетной Елизаветы Петра перед Пруссией и самим Фридрихом, король дает неутешительный прогноз, основываясь на отчетах прусских посланников в России. По его мнению, Петр больше немец, чем русский по духу и воспитанию, и потому не будет пользоваться народной любовью. Более того, на этой почве

считает реальным возвращение Ивана Антоновича на престол, что ввергнет Россию в новую Смуту. Развитие событий показало, что положение Петра и в самом деле было непрочным и его пребывание на русском престоле окончилось трагедией. Но опасность придет не от томящегося в заточении Ивана Антоновича, а от немецкой принцессы, на которую прусский король некоторое время оказывал сильное влияние.

Какой должна быть политика прусского короля в этих условиях? В целом Фридрих демонстрирует верность прежним союзническим отношениям после завоевания Силезии: «Наши общие интересы требуют сохранения союза с Францией и объединения с врагами австрийского правящего дома»¹¹. Как и ранее, он рассчитывает на соединение собственных сил с потенциалом оппозиционных Вене германских курфюрстов и сильной европейской державы, с которой связывали его общие интересы и в союзе с которой он может с успехом осуществить политику «расширения» Бранденбургского государства.

Как видим, в «Политическом завещании» 1752 г., Фридрих подходит к характеристике международных дел и перспективам прусской политики вполне традиционно: он целиком под влиянием опыта войны 1742–1748 гг. и не предвидит наметившихся тенденций в международных отношениях, которые в конечном итоге привели к «дипломатической революции» 1756 г.

Фридрих, пожалуй, впервые столь открыто высказался о возможных «приращениях» прусского государства в разделе «Политические мечтания», выделив два возможных пути увеличения территории: наследование и завоевание, тем самым прививая своей доктрине наступательный характер. Именно вокруг этой составной части тестаменты развился научный спор о возможности рассмотрения воззрений, высказанных Фридрихом, в качестве реальной внешнеполитической программы. Не останавливаясь подробно на проблемах династической политики, вполне традиционной для Гогенцоллернов, основное внимание король уделяет возможностям, условиям и средствам присоединения к Пруссии соседствующих с ней территорий, особый интерес из которых представляют Саксония, Польская Пруссия и Шведская Померания¹². На основании этих слов из завещания делались предположения о намерении Фридриха II присоединить Польскую Пруссию как задачи *sine qua non* (одного из главных условий самого дальнейшего существования прусского государства)¹³.

Фридрих был крайне озабочен заключением союза между старыми континентальными противниками: Бурбонами и Габсбургами. Договор с Лондоном уже не внушал ему уверенности ни в безопасности, ни в продолжении мира в Германии. Позднее, в «Истории Семилетней войны» (1763), он так описывал свои ощущения и свои мысли накануне войны: «Мир висел почти на волоске, искали только одного предлога, а если не достает только его, то можно считать войну объявленной». Его политические расчеты до 1756 г. в отношении России оказались ошибочными: «Сия держава, в которой австрийские министры одержали верх над всеми остальными, разорвала дружбу с Англией по причине заключенного английским королем союза с Пруссией. Императрица Елизавета, ненавидя французов от времени последнего посольства маркиза де

Шетарди, хотела лучше соединиться с нею, нежели сохранить хотя бы тень согласия с такою державою, которая была в союзе с Пруссией»¹⁴.

Примечания

¹ Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit // Die Werke Friedrichs des Großen. Bd. 2. Berlin, 1913. S. 87.

² Фридрих II. История Семилетней войны // Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского. Т. 3. 1790. С. 27; Friedrich der Grosse. Geschichte des Siebenjährigen Krieges // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd. 3. Berlin, 1912. S. 22–23.

³ АВПРИ. Ф. Секретные мнения. Оп. 5. Д. 591. Л. 85 об.; Бестужев А. П. Мнение А. П. Бестужева-Рюмина об отношении России к Пруссии, 1745 // Архив князя Воронцова. Т. 2. М., 1880. С. 76–94.

⁴ Фридрих II. История Семилетней войны. Т. 3. С. 32; Friedrich der Grosse. Geschichte des Siebenjährigen Krieges // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd. 3. Berlin, 1913. S. 22.

⁵ Фридрих II. История Семилетней войны Т. 3. С. 36. Friedrich der Grosse. Geschichte des Siebenjährigen Krieges // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd. 3. S. 23.

⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 126.

⁷ Фридрих II. История Семилетней войны Т. 3. С. 34; Friedrich der Grosse. Geschichte des Siebenjährigen Krieges // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd. 3–4. Berlin, 1912. S. 24.

⁸ Ibid. S. 217–218.

⁹ Приемышева А. В. Французская внешняя политика накануне «дипломатической революции» 1756 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 75–78.

¹⁰ Брокс П. Иоганн Готхильф Фоккеродт и его влияние на представление Вольтера и Фридриха Великого о России // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000. С. 42–49.; Мардефельд А. Записка о важнейших персонах при дворе прусском (Берлин, 21 февраля 1747 г.); Финкенштейн К. В. Общий отчет о русском дворе (1748 г.) // Лиштенан Ф-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750 гг. М., 2000. С. 296–326.

¹¹ Friedrich der Grosse. Das Politische Testament von 1752... S. 212.

¹² Ibid. S. 222.

¹³ Стегний П. В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 107.

¹⁴ Friedrich der Grosse. Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Bd. 3. S. 35.

РАЗДЕЛ III

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ (XVII – НАЧАЛО XX ВВ.): ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ

В. М. Марасанова

г. Ярославль

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА С. Д. УРУСОВА НА ПОСТУ ГУБЕРНАТОРА В КИШИНЕВЕ И ТВЕРИ

Начало XX столетия вошло в историю России как эпоха войн, реформ и революций. Сложность переживаемого страной периода потребовала особой четкости в деятельности местных государственных органов, которые должны были оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку¹. Для изучения губернаторского корпуса особый интерес представляют мемуары князя Сергея Дмитриевича Урусова (1862–1937)². Его жизненный путь продолжает привлекать внимание историков, политиков и общественных деятелей³.

Дворянский род Урусовых тесно связан с Верхним Поволжьем. В конце XVIII в. Никита Сергеевич Урусов служил ярославским вице-губернатором и губернатором. Его сын Семен избирался ярославским уездным и губернским предводителем дворянства. Следующий в роду Дмитрий Семенович Урусов являлся мировым посредником, председателем Ярославской уездной и губернской земской управы. Таким образом, Урусовы пробовали свои силы и на государственном поприще, и в сословных учреждениях, а в пореформенный период начали деятельность в новых органах самоуправления.

С. Д. Урусов родился в с. Спасском Ярославской губернии, окончил Ярославскую гимназию и Московский университет. В 1902 г. он стал тамбовским вице-губернатором, в 1903 г. – бессарабским губернатором, а в 1904 г. – тверским. В своих мемуарах С. Д. Урусов оставил ценные замечания о месте и роли губернатора в системе правительственных учреждений. Изучив разделы «Свода законов Российской империи», посвященные губернским учреждениям и правам министра внутренних дел, С. Д. Урусов сделал вывод о том, что губернатор «не должен считать себя чиновником министерства. Состоя на службе по губернским учреждениям, будучи назначен непосредственно императором

и подчиняясь только Сенату, он исполняет законные распоряжения всех министров, не состоя в подчинении ни у одного из них». С. Д. Урусов привел фразу, которой его напутствовал перед отъездом в Кишинев министр внутренних дел В. К. Плеве: «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но за то и ответственны»⁴.

Ответственное отношение к службе позволило князю Урусову успешно справиться с возложенными на него задачами. В рабочие дни в половине девятого утра он уже начинал прием посетителей. В час приходил правитель канцелярии, а в два часа уже председательствовал в одном из присутствий, «не менее четырех раз в неделю, а иногда и ежедневно». После нескольких визитов с 8 часов вечера губернатор садился за бумаги. С. Д. Урусов считал важными свои объезды губернии, «так как дела и вся переписка, проходящая ежедневно перед его глазами, оживают и приобретают реальное значение»⁵. Такой же график работы он сохранил в Твери. На губернаторе лежала обязанность подписать по 300–400 бумаг в день, и его рабочий день составлял 10–12 часов. Из воспоминаний С. Д. Урусова видно, что он приложил немало усилий для борьбы с наиболее вопиющими недостатками местной администрации и полиции, особенно взяточничества.

Осенью 1904 г. С. Д. Урусову было предложено на выбор два губернаторских места: в Харькове и в Твери. Князь Урусов выбрал Тверскую губернию, несмотря на то что она считалась «особенно трудной по отношениям правительства с “крамольным” тверским земством». Этот конфликт достался Урусову в «наследство» от его предшественников Н. Д. Голицына и А. А. Ширинского-Шахматова. Предварительно С. Д. Урусов изучил материалы ревизии 1903 г. и сделал вывод о необоснованности исключительных мер, предпринятых по отношению к тверскому земству, и сообщил министру внутренних дел и Николаю II о необходимости их отмены. В результате такой позиции нового губернатора Новоторжское уездное и Тверское губернское земства вновь получили возможность избирать членов земских управ, и в их состав попали либералы Н. К. Милюков, Б. Н. Тиц, В. Д. фон Дервиз и др. Действия тверского губернатора смогли урегулировать затяжной конфликт между государственными органами и местными либеральными деятелями.

Однако обстановка в Тверской губернии, как и по всей стране, резко изменилась в связи с началом первой российской революции 1905–1907 гг. С. Д. Урусов 24 мая 1905 г. отправил в Петербург прошение об отставке с поста тверского губернатора «по домашним обстоятельствам», но реальная причина ухода была другой. Князь Урусов считал, что товарищу министра внутренних дел Д. Ф. Трепову были излишне предоставлены особые полномочия в руководстве деятельностью губернаторов. 10 июня 1905 г. Урусов был освобожден от должности губернатора. Случай, когда губернатор оставил службу из-за несогласия с политикой МВД, несомненно, был исключительным явлением по российским меркам.

Можно отметить, что с началом первой российской революции смена губернаторов происходила во многих регионах России. Например, в Костромской и Владимирской губерниях смена губернаторов произошла в 1906 г.⁶ В Ярославскую губернию новый «начальник» А. А. Римский-Корсаков прибыл

в конце ноября 1905 г. Его предшественник А. П. Рогович подал прошение об отставке, как и князь С. Д. Урусов, из-за несогласия с политикой правительства. Однако, в отличие от своего тверского коллеги, А. П. Рогович покинул пост губернатора вследствие неприятия начатых в России реформ. В прощальном адресе, врученном А. П. Роговичу в Ярославле, отмечалось, что его решение покинуть пост губернатора вызвала «стойкость в вере и убеждениях»⁷. Именно позиция ярославского губернатора А. П. Роговича была характерна для большинства российских губернаторов, а князь С. Д. Урусов так и остался редким исключением из общего правила. Как отмечал в своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский, занимавший в то время пост московского губернатора, при назначении московским генерал-губернатором генерал-адъютанта Ф. В. Дубасова в конце ноября 1905 г. последний принял это назначение так, «как принимают боевой пост»⁸. Верховная власть видела в военных кадрах надежную опору в обстановке общественно-политического кризиса, но военные, как правило, не понимали специфику гражданского управления.

С приходом на пост председателя Совета Министров С.Ю. Витте в октябре 1905 г. кандидатура С. Д. Урусова рассматривалась на пост министра внутренних дел, и в итоге он стал товарищем министра внутренних дел⁹. В неудачный момент – 8 декабря 1905 г., когда в Москве началась восстание, – была создана очередная комиссия по реформе местного управления, которой руководил князь Урусов. Комиссия сосредоточила основное внимание не на местном управлении, а на земском вопросе, то есть на самоуправлении. Предложения комиссии по реорганизации местных правительственных учреждений не были поддержаны властями, и 2 января 1906 г. комиссия была распущена¹⁰. Вскоре ушел в отставку с поста товарища министра внутренних дел С. Д. Урусов. Затем он был избран депутатом I Государственной думы от Калужской губернии. 8 июня 1906 г. на заседании Думы он критиковал Департамент полиции МВД за призывы к погромам. С. Д. Урусов заявил, что погромы являются правительственной провокацией и происходят в лучшем случае при молчаливом согласии властей¹¹. Это выступление произвело большое впечатление на депутатов и общественность.

После роспуска Думы С. Д. Урусов был привлечен по делу о Выборгском воззвании, хотя и не принимал участия в его составлении. Он был осужден на три месяца и отбывал заключение в Таганской тюрьме. В 1907–1917 гг. Урусов жил в своем калужском имении и занимался литературной деятельностью. Он публиковал статьи в газете «Русские ведомости» и журналах. Именно тогда С. Д. Урусов работал над своими мемуарами, первый том которых был издан в 1907 г. За эту книгу он был приговорен к четырем месяцам тюремного заключения.

Отличие князя С. Д. Урусова от других российских губернаторов начала XX в. состояло в том, что он не только был активным администратором, но и понимал необходимость преобразований в государственном строе. Более того, он не боялся лично решать самые сложные проблемы на региональном уровне – сначала в Кишиневе и Твери, а затем на общероссийском уровне – в I Государственной думе.

Примечания

¹ Белов А. М., Белова Т. В. Губернатор в эпоху революций и реформ в России начала XX века // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Ч. I. Кострома, 2003. С. 36–44; Попов Г. П. Губернаторы русского Севера. Архангельск, 2001; Фролов Н. В., Фролова Э. В. Владимирские наместники и губернаторы. Ковров, 1998; Марасанова В. М., Федюк В. П. Ярославские губернаторы, 1777–1917: историко-биографические очерки. Ярославль, 1998.

² Урусов С. Д. Записки. Три года государственной службы / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. М., 2009.

³ Любина Т. И. Сергей Дмитриевич Урусов // Тверские губернаторы: К 200-летию образования Тверской губернии. Тверь, 1996. С. 45–50; Унковский Ю. М. Урусовы и Унковские в Ярославском крае // «От мудрости и святости былого ...»: VII Тихомировские чтения. Ярославль, 1999. С. 40–42; Федюк В. П. Сергей Дмитриевич Урусов (К 140-летию со дня рождения) // Ярославский календарь на 2002 год. Ярославль, 2001. С. 27–29.

⁴ Урусов С. Д. Указ. соч. С. 3, 4, 18.

⁵ Там же. С. 49–50, 232.

⁶ См.: Бочков В. Н. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997; Современники: альбом биографий Н. И. Афанасьева. Б.м., 1910. Т. 2.; Список лиц, служащих по ведомству МВД (исправлен по 1 янв.). Ч. 2. СПб., 1914. С. 81.

⁷ Ярославские губернские ведомости. 1905. Неофиц. ч. 6 дек. № 98.

⁸ Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 109.

⁹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. Таллинн; М., 1994. Т. 3. С. 66, 68, 83, 98, 102.

¹⁰ Дякин В. С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. М., 1972. С. 231–273.; Унковский Ю. М. Указ. соч. С. 74.

¹¹ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 68–69.

И. В. Голубева

г. Кострома

**ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОСТРОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ (1870 – НАЧАЛА XX В.)**

Обращение к истории Костромского городского общественного управления, функционировавшего, как и в других 508 городах России, на основе сначала Городового положения 1870 г., а затем 1892 г., несет в себе как бы тройной смысл: это и дань памяти тех, чья деятельность во многом определила современный облик нашего города, это и выявление конкретного исторического опыта механизма решения городских проблем и, наконец, это часть более общей исторической проблемы, связанной с особенностями и уроками самой крупной попытки самодержавия реформировать уклад российской жизни в 60–70-е гг. XIX в. Основанные на принципах представительства, выборности и всесословности, городские органы самоуправления в лице своих распорядительных

и исполнительных органов (думы и управы), так же как и земства, были призваны «разгрузить» центральную и местную административную власть от решения проблем в таких наиболее «запущенных» сферах, как городское коммунальное хозяйство и социальная сфера.

Проблема заключается в том, что эти совершенно разные по характеру и задачам учреждения были изначально поставлены в сложные условия, связанные с недемократическим избирательным законом, предоставлявшим права участия в выборах лишь небольшому проценту городских жителей (по Городовому положению 1870 г., плательщикам городских налогов, а с 1892 г. – на основе имущественного ценза, лишившего мелких и средних налогоплательщиков избирательных прав), ограниченность финансовой базы, административный надзор за деятельностью, отсутствие принудительной власти. Насколько эти факторы позволили «заработать» механизму местного городского самоуправления, обеспечил ли он реальный прорыв к цивилизованным формам жизни в городской среде? Не претендуя на исчерпывающий ответ, автор данной статьи попытался дать общий обзор деятельности Костромской думы в конце XIX – начале XX в. в сфере городского благоустройства и быта. Выборы в Костромскую городскую думу на основании Городового положения 16 июня 1870 г. проводились по трем избирательным съездам (крупных, средних и мелких налогоплательщиков – избирателей первого, второго и третьего разрядов), избравшим по равному числу гласных. Избиратели, включенные в состав каждого из собраний, уплачивали вкуче одну треть всей суммы сборов и избирали треть гласных городской думы. 26 ноября 1870 г. в Костроме состоялись выборы по первому разряду избирателей, 30 ноября – по второму, 3 декабря – по третьему¹. Рабочие, бедные ремесленники, служащие и лица свободных профессий, не владевшие собственностью и поэтому не являвшиеся налогоплательщиками, не имели избирательных прав. Не случайно, что средний процент избирателей в Костроме составил 6,8 %. В результате выборов в Костромскую городскую думу было избрано 72 гласных. Из них: 1 протоирей, 11 дворян, 4 разночинца и 56 человек купеческого и мещанского сословий²; преобладание последних вполне отражало российскую тенденцию роста «буржуазных слоев» населения городов.

Городская дума, являвшаяся распорядительным органом, избирала из своего состава исполнительный орган – управу в составе городского головы и членов управы (в первый ее состав в Костроме входили 5 человек: Г. Г. Набатов, М. Сыромятников, М. Волков, В. Вильтон, Е. Беляев) для реализации постановлений думы и ведения текущих дел по городскому хозяйству. И думу и управу возглавлял городской голова.

Главами Костромского городского самоуправления в обозначенный период являлись³:

в 1871–1882 гг. *Григорий Галактионович Набатов* (1815–1889), купец первой гильдии; торговец хлебом, мясом, кожевенным и лесным товаром, владелец кожевенного завода, лавки, лесопилки, каменного дома, 4 пассажирских пароходов и др.; в 40–60-е гг. – городской староста, гласный городской думы,

бургомистр, городской голова; сначала член-благотворитель, а потом почетный член губернского попечительства о детских приютах; потомственный почетный гражданин г. Костромы;

в 1883–1892 гг. *Василий Иванович Чернов* (1826–1892), купец первой гильдии, владелец 5 пассажирских пароходов на Волге, гласный думы (1874), уездного и губернского земских собраний, председатель сиротского суда (1883), почетный блюститель хозяйственной части Костромской духовной семинарии (1878) и др., почетный потомственный гражданин, кавалер орденов Св. Анны III и Св. Станислава II–III степеней, знака Красного Креста и др.;

в 1893–1898 гг. *Иван Яковлевич Аристов* (около 1834–1909), купец первой гильдии, глава торгового дома, владелец пассажирского парохода, паровой мельницы, крахмало-паточного завода, каменных домов и др., гласный городской думы (1870) и уездного земского собрания (1883–1888), член Костромского комитета торговли и мануфактур (1900), староста Никольской церкви за Волгой и строитель церковно-приходской школы и др., потомственный почетный гражданин, кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава II–III степеней, знака Красного Креста и др.;

в 1898–1912 гг. *Геннадий Николаевич Ботников* (1860–1920-е), купец первой гильдии, хлеботорговец, совладелец паровой мельницы и крупчатки в деревне Рыжкове Костромского уезда, нескольких лавок и каменных домов, гласный городской думы (1890) и уездного земского собрания (1891), член III Государственной думы, председатель городского попечительного о бедных комитета (1915), почетный мировой судья Костромского уезда (1900–1917), действительный и почетный член ряда благотворительных, научно-просветительских обществ, потомственный почетный гражданин, кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава III степени, золотых медалей «За усердие» на Аннинской и Станиславской лентах и др.;

в 1913–1916 гг. *Владимир Алексеевич Шевалдышев* (1874 – после 1917), личный дворянин, выпускник Императорского Николаевского лицея и юридического факультета Московского университета, владелец имения в Тверской губернии и каменного дома в Москве, кандидат (1905), член (1906) и директор (1915) правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, член губернского комитета общественной безопасности (1917), директор Клириковского детского приюта, почетный член губернского попечительства о детских приютах и др., кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава III степени, коммерции советник (1913).

Одной из важнейших обязанностей органов городского самоуправления была работа по его благоустройству. Данное направление включало в себя: ремонт домов, занимаемых управою и главной гаупвахтой, фонарей и столбов, устройство прорубей, содержание мостов, гатей, земляных трактов, четырех бульваров, городских площадей и улиц перед зданиями, принадлежащими городскому обществу, устройство мостков, освещение города, иллюминацию в праздничные дни, очистку ретиранных мест в зданиях, состоявших в ведении городского самоуправления и т. д. Финансовые затраты на эти цели в 1871 г. составили мизерную

сумму в 2 125,70 рублей. Однако в последующие годы расходы по данной статье бюджета значительно возросли, составив в 1875 г. уже 6 875 рублей (5 % бюджета), в 1880 г. – 20 199,7 (7 % бюджета), в 1896 г. на эту сферу было выделено 21 351,13 рублей, а в 1900 г. – 32 652,71 рублей, что составляло *самую крупную* статью сметных назначений бюджета. Причем наибольшие средства затрачивались на ремонт городских зданий, дорог, мостов, а так же на мощение и ремонт тротуаров⁴. Уже первый состав думы в 1871 г., констатировав, что весной в городе «невозможно ни пройти, ни проехать», принимает постановление «заняться устройством более проезжих улиц», таких как: Богоявленская, Царевская, Солдатская, Ивановская»⁵. В последующее время «география» мощения улиц ежегодно расширялась, дойдя в 1900 г. до тех, что вели в фабричные районы, причем здесь мощение велось на средства Костромской льнопрядильни бр. Зотовых и Русской фабрики Гратри, Жерар и Михиной⁶. В 1902 г. думой было принято «Обязательное постановление по устройству тротуаров в г. Костроме», которое допускало в центральной части города использование только асфальта и плитняка, тогда как на прилегающих улицах – кирпича, цемента, щебня, гравия⁷.

Посадка деревьев на городских бульварах, подстрижка акаций на горе Муравьевке отдавались городской управой (с разрешения городской думы) по договору частному лицу. Со временем оно стало и делом частных лиц. Поддержка общественной инициативы сначала последовала от губернатора. 4 сентября 1886 г. дума обсуждала его отношение от 28 августа за № 3186, в котором он предлагал рассмотреть составленный полицмейстером по просьбе граждан список улиц, где можно было «произвести посадку деревьев вдоль тротуаров против их домов». Дума согласилась с предложенным, утвердив порядок производства насаждений только на тех улицах, «ширина которых от дома до дома (включая тротуар) была не уже девяти сажень», причем деревьями только одной породы др.⁸

В июне 1897 г. городской думой было принято решение об устройстве сквера на Сусанинской площади «с таким расчетом», чтобы памятник Сусанину находился в его начале». В 1900 г. Сусанинскую и Воскресенскую площади связала аллея, обсаженная 55 липами и пихтами, на создание которой глава самоуправления Г. Н. Ботников пожаловал 778 рублей⁹.

Одной из статей городского бюджета по благоустройству было освещение города¹⁰. В 1896 г., например, город освещался 620 фонарями, главным образом в центре. Вопрос об электрическом освещении города впервые был поднят инженером путей сообщения В. Н. Беляевым. 11 августа 1899 г. в городскую управу от него поступила записка, в которой он предлагал «на свои средства концессионным способом на 40 лет и с правом выкупа городом через 20 лет» устроить в Костроме электрическое освещение и ввести трамвайное сообщение. Специальная комиссия городской управы, оценив экономичность данного способа освещения, уменьшение пожарной опасности, которая существует при керосиновом освещении города, желательность введения трамвая для горожан «в смысле улучшения и удешевления передвижений» признала проект своевременным и желательным, а концессионный способ наиболее удобным и экономичным, не требующим от города никакой единовременной затраты на предприятие.

Городской голова Ботников обратился к 10 фирмам принять участие в означенной концессии, из которых ответили лишь 3, причем отрицательно¹¹. Только в 1911 г. началось строительство Костромской электростанции, в рамках развернувшихся работ по празднованию 300-летия династии Романовых, на средства полученного займа под залог городских имуществ. Оно было осуществлено «Русским обществом Всеобщей компании электричества» в 1912–1913 гг. Трамвайное сообщение так и не стало реальностью¹².

Особой и весьма знакомой в наши дни городской проблемой было поддержание чистоты городских улиц и площадей. Так, впервые принятые думой в 1871 г. Обязательные постановления для жителей г. Костромы были в первую очередь направлены на обеспечение «в надлежащем порядке и чистоте» мостовых, сточных труб, ретиранных мест, мусорных ям и т. д., содержание которых было отнесено к натуральной повинности домовладельцев и разных ведомств. Особо подчеркивалась в Обязательных постановлениях необходимость «чистоты и опрятности» в торговых лавках, в помещениях, где производилась продажа продовольственных товаров и спиртных напитков. Оговаривались правила противопожарной безопасности.

В последующие годы (1876, 1882, 1883, 1884, 1885) были изданы дополнения к Обязательным постановлениям 1871 г.; ими устанавливались, например, место и порядок вывоза городских нечистот (летом с 12, зимой с 10 часов ночи, до 5 часов утра летом, а зимой до 6 часов, «в закрытых бочках»); недопустимость выгружать «оное» на лед рек и т. д.¹³

С вопросом о чистоте города была тесно связана проблема обеспечения горожан чистой водой, качество работы городского водопровода, построенного в 1870 г. Однако его сеть не охватывала весь город. Ежегодно отчислялись средства на подключение новых домов и улиц к магистральной линии водопровода. О том, как усложнилось и «выросло» водопроводное хозяйство города свидетельствовали цифры сметных назначений бюджета. Если в 1871 г. на содержание водопровода было выделено всего 2 125,70 рублей, то во второй половине 90-х гг. XIX – начале XX в. расходы на него составляли 10–11 тыс. рублей¹⁴.

Однако темпы строительства водопроводной сети в целом не соответствовали имевшимся потребностям, значительная часть населения пользовалась водой прямо из реки Волги, Костромы, Запрудни, шахтных колодцев, водозаборных будок. Качество воды в самом водопроводе оставляло желать лучшего. Вопросы водоснабжения города регулярно обсуждались на заседаниях городской думы. В 1879 г. ею была учреждена водопроводная комиссия, в центре работы которой была проблема улучшения качества работы городского водопровода. Рассмотрев на своем заседании 17 января 1885 г. ее доклад о причинах плохого состояния воды в костромских реках (соответственно водопроводе и колодцах города), дума установила их прямую связь с производственной деятельностью костромских промышленных предприятий. Было решено: «1) воспретить фабрикантам спускать нечистоты из сортиров, ватерную и газовую воду с их фабрик в реки Запрудню и Кострому и сообщить городской полиции для наблюдения за точным исполнением настоящего постановления думы; 2) Воспретить

промывку кож и шерсти выше городского водопровода; 3) Воспретить вывозку нечистот из города на берега и лед рек Костромы и Волги; 4) Удлинение рукава признать необходимым, а т. к. порча воды причиняется спуском нечистот в р. Кострому с лежащих на ней фабрик, то удлинение рукава отнести на счет фабрикантов». Все эти меры как «Обязательные постановления ...» Думы были опубликованы в прессе, однако абсолютно решить этот вопрос не удалось¹⁵.

С 1900 г. начались изыскательские работы в районе реки Ребровка, где находились так называемые «гремучие ключи», «дающие», по сообщению водопроводной комиссии, «чистую и вкусную воду». В дальнейшем в этой местности начала строиться водонапорная станция (введена в эксплуатацию в мае 1913 г.), вода с которой по 5-километровой трубе поступала на городские фильтры при центральной напорной станции¹⁶.

Улучшение водоснабжения было тесно связано с обеспечением противопожарной безопасности в городе по причине частых пожаров. Костромская городская пожарная команда была создана в 1863 г. по предложению губернатора Рутзевича и распоряжением МВД 31 августа 1863 г. С введением Городового положения 1870 г. она перешла в заведование городского общественного самоуправления. В 1872 г. было построено городское пожарное депо, затем вспомогательное на Всехсвятской улице, в летнее время открывалось и временное пожарное отделение за рекой Волгой в Спасской и Никольской слободах. Согласно постановлению городской думы 12 июня 1898 г., временное отделение пожарной части было устроено и при инвалидном доме г. Минина. Насколько реально «выросло» содержание пожарной части города, свидетельствуют данные сметных назначений. Если в 1880 г. оно составляло 12 101 рубль, то в 1900 уже – 21 101 рублей¹⁷.

Разрушительный пожар 1887 г. в Костроме побудил губернатора В. В. Калачева предложить городской думе в помощь городской пожарной команде учредить в г. Костроме пожарное общество, с чем дума согласилась на своем заседании 20 апреля 1889 г. В состав общества были приглашены гласные Н. - П. Карцев, В. А. Зотов, Н. К. Кашин, П. Г. Колодезников, И. М. Дуров, И. И. Михин, К. А. Брюханов, Г. И. Михин и др. Ежегодно дума выделяла обществу специальное пособие, в 1900 г. оно составляло, например, 500 рублей. Команда добровольного общества оказывала регулярное содействие городской команде в тушении крупных пожаров¹⁸.

Забота о материальной защите горожан от последствий такого разрушительного бедствия, как пожар, побудила думцев в 1873 г. поставить вопрос о необходимости открытия в Костроме Общества добровольного взаимного страхования имущества от огня; специальной комиссией был подготовлен проект соответствующего Положения, но работа затянулась; в 1878 г. в него были внесены изменения, касающиеся финансовых условий страхования. И наконец только в 1884 г. было учреждено Костромское городское общество взаимного от огня страхования. Важнейшую роль в его организации сыграл гласный думы, присяжный поверенный И. И. Постников. Отмечая свое 25-летие, общество в специальном юбилейном издании подчеркивало, что за весь период существования оно выплатило страхователям возмещение от убытков

в 126 365,97 рублей, причем плата за страхование была на 10 % ниже, чем в частных обществах¹⁹.

Частым пожарам в Костроме во многом способствовало то обстоятельство, что даже в центре города, который в соответствии с регулярным планом его развития 1781 г. должен был быть каменным, строительство деревянных и полукаменных домов продолжалось. Планирование, определение перспектив развития города также входило в компетенцию городского самоуправления. Для этого в 1871 г. была учреждена должность городского архитектора. Первым городским архитектором был Н. Н. Черницкий, зарекомендовавший себя «универсальным специалистом, способным спроектировать любое сооружение – от фабрики до церкви»²⁰. В числе его осуществленных проектов в первой половине 1870-х гг. были – перестройка здания городской управы (пл. Советская, д. 2а), два корпуса мелочных рядов внутри Гостиного двора, пристройка двух корпусов («крыльев») к главной пожарной каланче и др. В конце 1870-х – 1880-е гг. городское строительство связано с именем И. И. Загоскина (распланирование улиц в Спасо-Запрудненской слободе, перестройка здания городского трехклассного училища (ул. Пятницкая, д. 1), строительство двухэтажного трактира в Мясных рядах (Молочная гора, д. 3), строительство одноэтажных и перестройка Мичуринских казарм (ул. Красноармейская, д. 2), строительство двухэтажного корпуса больницы Костромского уездного земства (ул. Советская, д. 77) и, наконец, последним самым ярким его творением стал проект здания Костромского духовного училища (пр. Мира, д. 8а). С именем исправляющего обязанности городского архитектора в 1889–1893 гг. А. Е. Смурова прежде всего связано воздвигнутое и декорированное от начала до конца здание ночлежного дома, построенного на средства купца Ф. И. Чернова. В 1894–1929 гг. трудился на своем посту «один из самых плодовитых из городских архитекторов» Костромы Н. И. Горлицын. По его проектам построено пожарное депо на Покровской площади (не сохранилось), здание городского ломбарда, надстройка третьего этажа Костромской губернской гимназии, городская скотобойня, здание Романовского музея, «Пале-театра», электростанции, ряда частных домов и многое другое²¹.

В деле телефонизации города дума оказалась не слишком активной. Телефонная станция начала свою работу на казенный счет в ноябре 1899 г., ее емкость составляла 300 номеров. На дальнейшую телефонизацию города дума все же начала отчислять деньги в объеме около 700 рублей, однако емкость городской телефонной сети росла медленно, увеличившись к 1912 г. лишь на 24 аппарата²².

К числу предметов ведомства городского самоуправления относилось и попечение «об охране народного здравия». Расходы по данной статье включали в себя средства на лечебные цели, противоэпидемиологические санитарные меры, борьбу с эпизотиями. Важным событием в жизни города явилось открытие в 1879 г. «общественной» больницы на 35 кроватей «для пользования бедных больных из городских обывателей». Помещалась она в доме, пожертвованном городу почетным гражданином г. Костромы А. А. Акатовым.

На проценты с его же благотворительного капитала содержались пять мест для неизлечимо больных. В больнице работал 1 врач, 2 фельдшера и фельдшерица. В 1890 г. при ней открылся приемный покой для амбулаторных больных и аптека при нем, в 1894 г. – специальный барак для инфекционных больных; в 1896 г. здания городской больницы были тщательно отремонтированы. Неслучайно возрастает и общий объем ее финансирования, составлявший в 1880-е гг. 6–7 тыс. рублей а в 1890-е гг. – 10–11 тыс. рублей²³. В начале XX в. появляется еще одно новшество в деле медицинского обслуживания – с 1 мая 1904 г. в городе по инициативе Костромского общества врачей, поддержанной думой, было учреждено ночное дежурство врачей, местом нахождения последних было помещение при Федоровской общине сестер милосердия Красного Креста.

Горожане могли вызвать такого врача и домой, бесплатно воспользовавшись телефонами в полицейских частях и управлении²⁴.

В деятельности как городского, так и земского самоуправления 80–90-е гг. XIX в. были тем периодом, когда была ясно осознана особая значимость санитарного направления работы как важнейшего среди профилактических противоэпидемиологических мер в борьбе с такими заболеваниями как холера, корь, скарлатина, оспа, дифтерия, коклюш, дезинтерия, брюшной тиф, в первую очередь определявших высокий уровень смертности в крае. По предложению губернатора Н. Е. Андреевского, в апреле 1880 г. дума учредила так называемую санитарную комиссию (бюро) по типу учрежденной ранее Московской городской думой²⁵. В том же году по поручению губернатора городским врачом И. С. Ивановым была подготовлена специальная записка о «местностях, где скапливаемая вода, при отсутствии надлежащего стока, причиняет зло имуществу и здоровью городских обывателей». Своим Отношением за № 2109 губернатор направил материалы в думу, которая рассматривала их на заседании 10 июля 1880 г. Для изучения вопроса была создана комиссия, которая определила объем и смету предстоящих работ, ее доклад был утвержден и принят к исполнению. Упомянутый выше городской гласный, врач И. С. Иванов, через год, к июню 1881 г., подготовил еще один труд чрезвычайной важности – «Опыт санитарного обследования г. Костромы», вызвавший особую благодарность гласных как фактически первое начинание в этом важном деле. Собранные им сведения за шесть последних лет позволили автору выявить картину заболеваемости и причин смертности в городе. Работа была опубликована в 4-м выпуске «Материалов для статистики Костромской губернии (Кострома, 1881)²⁶.

В 1885 г. дума принимает Обязательные постановления для жителей г. Костромы, касающиеся мер предупреждения заразных инфекционных заболеваний, которые требовали от горожан содержать в чистоте свои дома и дворы, производить дезинфекцию ретирадных мест и помойных ям, регулярно проветривать помещения, употреблять кипяченую воду, стирать белье в городских прудах и т. д.²⁷. Доклады санитарной комиссии (бюро) при городской управе о санитарно-гигиенической ситуации в городе, движении показателей смертности, мерах по выправлению ситуации практически ежегодно дума обсуждала на своих заседаниях. Так, 11 июня 1898 г. санитарная комиссия докладывала,

оценивая степень результативности работы по улучшению санитарного состояния города, что, по данным статистического комитета, за три последних пятилетия смертность в городе уменьшилась, но по-прежнему ее уровень велик, составляя за 1893–1897 гг. 32,2 % на 1000 человек. Среди важнейших факторов называлась нерешенность вопроса об улучшении качества водопроводной воды²⁸. Непосредственное наблюдение за санитарной ситуацией в городе осуществлял состоявший при управе особый врач и фельдшер при нем²⁹.

Неоднократно дума обращалась к правилам содержания домашних животных, мерам предупреждения распространения среди них инфекционных болезней (сап, бешенство и др.), порядку отлова бродячих собак, содержанию в санитарном отношении боен – указания на этот счет имелись в Обязательных постановлениях 1882, 1885, 1886, 1888, 1898, 1899, 1900, 1902, 1904 г.³⁰ Ветеринарный контроль в Костроме в течение 13 лет осуществлял городской ветеринарный врач Н. М. Бекаревич, которого сменил на этом посту в 1899 г. К. В. Мэль. Проверялись мясные и колбасные лавки, гастрономические магазины на предмет наличия так называемых «пломб» – знака, свидетельствовавшего о том, что мясные изделия прошли ветеринарный контроль. Обследование поступавшего в город мяса значительно облегчилось с открытием в 1903 г. городской скотобойни. Его вели два ветврача, одним из которых был уже упомянутый Мэль. Кроме того, в обязанности ветврача входило и оказание ветеринарной помощи на дому, осмотр больных животных в земской амбулаторной лечебнице для животных³¹.

Проблемы городской безопасности, правопорядка являлись еще одной важной сферой внимания городского самоуправления. Понимание роли полиции в этом нелегком деле, тем не менее, не означало безоговорочной поддержки думой почти ежегодных обращений костромских губернаторов об увеличении жалования и штата полицейских служащих в силу ограниченности бюджетных средств. На выплату жалования, покупку обмундирования, оружия, содержание зданий полицейского управления и т. д. в 1880-е гг. дума тратила около 13 тыс. рублей, в середине 1890 – начале 1900-х гг. – около 19 тыс. рублей, что являлось по объему 4–5-й статьей сметных расходов бюджета. Только в 1879 г. дума в соответствии с отношением губернатора Н. Е. Андреевского приняла решение о введении ночных караулов, вопрос о создании которых был поставлен его предшественником В. И. Дорогобужиновым еще в 1872 г. В соответствии с Обязательными постановлениями для жителей г. Костромы о ночных караулах 1879 г. (дополнены в 1900 г.) они вводились с 1 апреля по 1 октября каждого года с 9 часов вечера до 6 часов утра³².

Обеспечить покой горожан были призваны издававшиеся в 1885–1886 гг. Обязательные постановления, устанавливающие правила обустройства и содержания «всех мест раздробительной продажи питей»: трактирных заведений, постоянных дворов, винных лавок, обязывавшие их владельцев не допускать беспорядков, воровства, наблюдать за «порядком и благочинием». Дума утверждала особое «расписание» мест винных лавок и погребов, запретив в 1893 г. в дополнение к вышеуказанным положениям их открытие на окраинах города³³.

С обеспечением безопасности на дорогах связана регламентация работы извозчиков, конного движения в целом как «легкого, так и возового» в Обязательных постановлениях 1894 и 1905 гг. В 1898 г. устанавливались правила движения по городу на велосипедах. Пользоваться последним можно было, только получив специальное разрешение и номер, а для этого «пройдя испытания» перед особой комиссией, состоящей из двух членов городской управы и полицмейстера³⁴.

Обращает на себя внимание, что обязательные постановления нередко детально прописывали некоторые этические нормы поведения человека в городской среде. Так, статье 13 в Обязательных постановлениях 1871 г. гласила: «Воспрещается в публичных местах и на улицах пение, крик, разные ругательства, постыдные выражения и бродяжничество в пьяном виде, в противном случае нарушители подвергаются ответственности по законам». В статье 16 указывалось, что в воскресные и праздничные дни во время гуляний «в народные игры и песни не включать постыдных выражений, поносительных и ругательных слов, не совершать поступки, нарушающие благопристойность или приносящие кому-либо вред, а игры в орлянку, кулачный бой, как забавы вредные, вовсе воспрещаются». В постановлениях 1884 г. указывалось, например, что «владельцы лавок гостиного ряда... должны красить крыши и лицевые фасады лавок одновременно и одинаковой краской...»; в постановлениях 1885 г. в том числе строго оговаривалось, что «не дозволяется вывешивать на всеобщее обозрение постельное белье» и т. д.³⁵ За кажущейся на первый взгляд излишней регламентацией стояла очевидная потребность в повышении общей культуры горожан, развитии цивилизованных форм жизни.

В целом, деятельность Костромской городской думы, несомненно, оказала позитивное воздействие на жизнь города. Показателем растущего объема решаемых ею задач был рост бюджета городского самоуправления. Если в 1871 г. баланс думы составлял 101 739,53 рубля, то, в 1880 г. – 617 647 рублей; в 1900 г. общий оборот всех сумм по приходу и расходу кассы составил сумму 917 756 рублей³⁶.

Вместе с тем деятельность Костромской городской думы, как и в целом городского самоуправления по стране, не стоит переоценивать, опять же именно по причине состояния его финансовой базы. При очевидной динамике бюджета его хронической болезнью были «недоимки» городских сборов: в 1880 г. они составили 11 472,04 рублей (подсчитано автором), в 1894 г. – 30 946 рублей, в целом по губернии к 1900 г. – 75 052,79 рублей. Трудно не согласиться с выводом, содержащимся во всеподданейшем докладе губернатора за 1890 г.: «недоимка числится большей частью за арендными оброчными статьями... большей частью состоит из арендной платы, вносимой в определенные контрактные сроки» и «частью за несостоятельными городскими обывателями, которые по своей бедности и бездоходности не могли своевременно уплачивать назначенного с них сбора». Значительная часть бюджета шла на содержание «правительственных учреждений», на «отправление воинского постоя», суживая возможности городского самоуправления в решении наиболее животрепещущих чисто муниципальных проблем³⁷. Дума, как показывает знакомство с материалами ее заседаний,

как могла, считала и экономила деньги, пыталась увеличить свой бюджет всевозможными сборами (например, «по мещанскому сословию в пользу города» в размере 10 коп., «сбор 1 коп. с пуда продаваемого льна» и т. д. Ежегодно городская управа производила различные торги, отдавая землю внутри гостиного двора для торговли, продавала городские земли мещанству, губернскому земству и др.³⁸. Огромную роль играло поступление в бюджет благотворительных капиталов. Однако все это принципиально не решало проблему недостаточности собственных средств. Регулярное обращение к займам приводило к накоплению долга, который к 1903 г. составлял 264 368 рублей³⁹. Объем нерешенных задач, стоявших перед городом в начале XX в., и необходимых для этого средств ярко высветил план работы, предложенный избранной в 1910 г. думой Комиссии для выработки мероприятий по благоустройству города ко времени празднования 300-летия царствования дома Романовых. Объем работ на решение самых неотложных городских проблем был оценен в 1 млн 150 тыс. рублей⁴⁰.

Только полученный банковский займ под залог городских имуществ и правительственная субсидия позволили осуществить к 1913 г. ряд мероприятий, наиболее значительными из которых были замощение большинства улиц города, устройство электрического освещения, расширение сети городского водопровода и устройство городских фильтров, сооружение Романовского музея, возведение больницы при Костромской Федоровской общине сестер милосердия Красного Креста и др.

Деятельность Костромской городской думы, несмотря на узость представительных начал, административный контроль, в целом соответствовала поставленным перед ней задачам; уровень, масштабность их решения определялись не слабым человеческим потенциалом, а, увы, общей социально-экономической конъюнктурой в стране, и прежде всего в крае. Опыт Костромской думы показывал известный предел возможностей местного самоуправления на этапе крупных, модернизационных задач, успех в решении которых требовал эффективного взаимодействия с федеральной властью, прежде всего в решении финансовой поддержки наиболее социально значимых городских проблем.

Примечания

¹ Скворцов Л. П. Материалы для истории г. Костромы. Ч. 1. Кострома. С. 349–350.

² Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60 – начале 90-х годов XIX века. Л., 1984. С. 61–63; Костромские губернские ведомости. 1871. № 8.

³ Приводится в сокращенном варианте по: Градоначальники Костромы, 1785–2003. От городского головы до главы самоуправления / авт.-сост.: Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома: ООО «Костромаиздат-850», 2003. С. 79–80, С. 83, 87–88.

⁴ Отчет Костромской городской управы о приходе, расходе и остатке городских сумм за 1871 г. Кострома, 1872. С. 16; То же за 1880 г. Кострома, 1881. С. 24–35; То же за 1896 г. Кострома, 1897. С. 199–201; То же за 1900 г. Кострома, 1901. С. 93–94.

⁵ Журнальные постановления Костромской городской думы за 1872–1875 гг. Кострома, б.г. С. 31, 42.

⁶ Отчет Костромской городской управы... за 1900 г. С. 339.

⁷ Костромские губернские ведомости. 1902. 12, 16, 19 янв.

⁸ Журналы Костромской городской думы за 1886 г. Кострома, 1887. С. 116–188.

- ⁹ Журналы Костромской городской думы за 1897 г. Кострома, 1898. С. 75; Отчет Костромской городской управы... за 1900 г. С. 339.
- ¹⁰ Журнальные постановления Костромской городской думы за 1872–1875 гг. С. 89–90.
- ¹¹ См.: Костромская старина. 2003 № 16. С. 25–26.
- ¹² Приложение к отчету Костромской городской управы за 1913. Кострома, 1916. С. 594.
- ¹³ Обязательные постановления Костромской городской думы для жителей г. Костромы, изданные в разное время в установленном законом порядке. Кострома, 1897. (Год издания указан неверно, поскольку оно включает в себя обязательные постановления 1905 г. Примеч. авт.) С. 13–19, 85 и др.
- ¹⁴ Отчет Костромской городской управы... за 1880 г. С. 68; То же за 1896 г. С. 198; То же за 1900 г. С. 157.
- ¹⁵ Журналы Костромской городской думы за 1885 год. Кострома, 1886. С. 4; Обязательные постановления... С. 31.
- ¹⁶ Отчет Костромской городской управы... за 1900 г. С. 340–341; То же за 1903 г. С. 459.
- ¹⁷ Отчет Костромской городской управы... за 1880 г. С. 24–35; То же за 1896 г. С. 196–197; То же за 1900. С. 341.
- ¹⁸ Журналы Костромской городской думы за 1889 г. Кострома, 1890. С. 41; Журналы Костромской городской думы за 1891 г. Кострома, 1892. С. 135; Отчет Костромской городской думы за 1896 г. С. 196; То же за 1900 г. С. 341 и т. д.
- ¹⁹ Проект положения о добровольном взаимном страховании от огня, составленный комиссией в 1873 г., и изменения и дополнения к нему в 1878 г. Кострома, 1879 г. Празднование 25-летия Костромского городского общества взаимного от огня страхования. Кострома, 1909. С. 4–6.
- ²⁰ Здесь и далее см.: Каткова С. С. Городские архитекторы // Губернский дом. 2005. № 5–6. С. 62–73.
- ²¹ Там же. С. 68–73.
- ²² Журналы Костромской городской думы за 1897 г. Кострома, 1898. С. 8; Отчет Костромской городской думы за 1900 г. С. 251; Северная правда. 1999. 2 нояб.
- ²³ Отчет Костромской городской думы за 1894 г. С. 202.; То же за 1896 г. С. 201; Обзор Костромской губернии за 1890 г.: Приложение к всеподданнейшему докладу. Кострома, 1891. С. 19.
- ²⁴ Отчет Костромской городской управы за 1903 г. С. 444.
- ²⁵ Журналы Костромской городской думы за 1880 г. С. 40.
- ²⁶ Там же. С. 78–82; Журналы Костромской городской думы за 1881 г. Кострома, 1882. С. 83; Журналы Костромской городской думы за 1882 г. Кострома, 1883. С. 97–99.
- ²⁷ Обязательные постановления... С. 19–27.
- ²⁸ Журналы Костромской городской думы за 1898 г. С. 71–73.
- ²⁹ Отчет Костромской городской управы за 1903 г. С. 478.
- ³⁰ Обязательные постановления... С. 13–15, 16–19, 28–30, 32, 36, 55, 58–60 и др.
- ³¹ Отчет Костромской городской думы за 1903 г. С. 478–479.
- ³² Журнальные постановления Костромской городской думы за 1872 г. С. 70. Журналы Костромской городской думы за 1879 г. С. 119–121; Обязательные постановления... С. 10–11.
- ³³ Обязательные постановления... С. 33–35, 40–41.
- ³⁴ Там же. С. 41–47, 52–53.
- ³⁵ Там же. С. 3–9, 15, 17, 18 и др.
- ³⁶ Отчет Костромской городской управы... за 1871 г. С. 2; То же за 1880 г. С. 6–7; То же за 1900 г. С. 2.

³⁷ Отчет Костромской городской управы... за 1880 г. С. 24–35; То же за 1894 г. С. 25–33; Обзор Костромской губернии за 1890 г. С. 6.

³⁸ *Юрченко М.* Направления деятельности Костромской городской думы в 70–80-е гг. XIX в. С. 6.

³⁹ Отчет Костромской городской управы за 1903 г. С. 4.

⁴⁰ В Костромскую городскую думу особой комиссии, избранной для выработки мероприятий по благоустройству города ко времени празднования 300-летия царствования дома Романовых, доклад по благоустройству города. Кострома, 1911. С. 51.

Н. В. Миловидова

г. Кострома

ЗАРИСОВКИ БЫТА И НРАВОВ В РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Повседневная жизнь русского мужика, мещанина, мелкого чиновника в XIX в. в условиях демократизации России все чаще стала интересовать писателей. В результате яркой и противоречивой получилась представленная ими палитра быта и нравов как столицы, так и провинции, как «сильных мира сего», так и «всех остальных». Конечно, для историка художественная литература является очень специфическим источником, но созданная талантливыми писателями, жившими и творившими, в том числе в XIX в., она, безусловно, расширяет наши представления о прошлой жизни людей, культуре их поведения и быта. Весь этот материал дорогого стоит, так как он дополняет то, что часто отсутствует в общепринятых источниках.

В ряду заинтересовавших нас писателей – Г. И. Успенский, В. А. Соллогуб, И. И. Панаев, А. Н. Плещеев, М. М. Достоевский. Несмотря на разницу в их происхождении, много общего мы находим в описании ими русского быта, что помогает лучше понять прошлое и лишний раз убедиться в вечных проблемах России. В разных уголках этой самой многоликой России удалось побывать нашим писателям, то будучи на службе при Министерстве внутренних дел, как В. А. Соллогубу, то – в Департаменте народного просвещения, в редакции его журнала, как И. И. Панаеву. Мало востребованы сегодня и произведения литератора-разночинца, человека «не от мира сего» Г. И. Успенского, и произведения М. М. Достоевского – брата Ф. М. Достоевского, издателя и редактора, автора статей в журналах «Время», «Отечественные записки». Они писали не столько о жизни состоятельных людей, сколько о «маленьком человеке», заставляя нас прислушаться к народной речи, побывать на толкучке или в семействе чиновника, мастерового, внимательно присмотреться к ним, ибо подлинная правда жизни здесь, и мы должны ее увидеть.

Как известно, к концу XIX в. Россия была крупнейшей по территории и населению страной в мире, в ней проживало 126 млн человек. После реформ

1860–1870-х гг. ускорилось ее экономическое развитие в условиях модернизации, но при этом еще давали знать себя феодальные пережитки. Одни люди продолжали пользоваться всеми благами бытия, другие же владели жалкое существование. Росла социальная напряженность. Неравенство было заметно во всем. Интересные зарисовки из жизни того времени приводит В. А. Соллогуб, подчеркивая, что даже транспорт у всех соответствовал социальному статусу. «Вот мчится телега – буйная молодость русских дорог; вот переваливается бричка, как саратовский помещик после обеда, – отмечал он, – вот гордо выступает широкая карета, как какой-нибудь богатый откупщик, вот дормез, вот коляска, а за ними толстый купец – дилижанс, выпив четырнадцать чашек чаю на почтовом дворе»¹. Воспользуемся любезным приглашением Василия Ивановича, казанского помещика лет пятидесяти, дородного человека, являвшегося одним из типичных представителей своего времени, и отправимся в путь. Заметим, что одет он был по-помещичьи: на голове белая пуховая фуражка с длинным козырьком; фрак синий со светлыми пуговицами, панталоны горохового цвета, галстук с огромной пряжкой, на жилете бисерный шнурок светло-небесного цвета². Средством передвижения до Казани им был выбран тарантас – удивительное изобретение ума человеческого. После сборов этот дорожный экипаж исчез под сундучками, чемоданчиками и чемоданами, ящичками, коробами, коробочками, корзинками, бочонками и всякой всячиной всех родов и видов. На месте предполагаемого сиденья лежала огромная перина и семь пуховых подушек, а так как путь был долгим, то ехали лежа. В ногах Василия Ивановича стоял рогожный куль, в котором был дорожный пирог, фляжка с анисовой водкой, разные жареные птицы, ватрушки, ветчина, белые хлебы, калачи, а еще неизбежный спутник в дальней дороге погребец (небольшой сундучок с посудой и провизией), обитый снаружи тюленьей шкурой щетиной вверх, перетянутый жесткими обручами. Под крышкой – поднос, а на подносе – чайник, стеклянный графин с чаем, другой – с ромом, два стакана, молочник и мелкие принадлежности чайного удовольствия³. Вместе с Василием Ивановичем ехал Иван Васильевич, молодой человек, только что вернувшийся из-за границы, довольно много «промотыжничавший» в парижской опере да загородных балах, решившийся наконец посмотреть Россию, изучить свою родину. Так вот его внешний вид был иным. воротник макинтоша поднят выше ушей, под мышкой – небольшой чемоданчик, а в руках – шелковый зонтик, дорожный мешок со стальным замочком, прекрасно переплетенная в коричневый сафьян книга со стальными стежками и тонко очиненный карандаш. Ну, чем не франт? За чужой счет ему открылся прекрасный случай добраться до отцовской деревни... Наконец-то тарантас тронулся, и между пассажирами завязался разговор. Беседа шла о чиновниках; о русском мужике, который не только землю пашет, но и музыкантом, механиком, живописцем, мастеровым, управителем может быть, да кем угодно! Говорили и о дворянах, помещиках, среди которых в каждой губернии и теперь есть образованные люди, которые при содействии законов могли бы дать благодетельное направление целой области, но все они почти бегают от выборов, как от чумы, предоставляя их козням и расчетам мелких сплетников и губернских

крикунов. Попромотались они на праздники, на театры, на всякую дрянь. Старинные имена их исчезают. Русское дворянство отдало свои родовые вотчины оборотливым купцам, которые в роскошных поместьях наделали фабрики...⁴ Но скоро разговор был прерван, так как на горизонте показалась станция, представлявшая собой низенькую избушку, перед которой стоял четырехугольный пестрый столб, означавший жилище станционного смотрителя. За избушкой тянулся трехсторонний сарай, крытый соломой, в котором содержались лошади, коровы, свиньи и цыплята. Внутри избушки на стенах среди преобладавшей грязи и копоти кое-где еще были заметны следы белой краски. В левом углу – киот с образами, а под ним – длинная лавка около продолговатого стола. На стене – лубочные картины, да расписание почтового начальства. На собственной половине смотрителя горделиво возвышался комод красного дерева, покрытый пылью и разными безделками, как то: половина очков, сальные огарки, гребеночка, сигарочный ящик без сигар, гвозди, счеты, целое собрание разных головных уборов и др. Среди них выделялась зеленая фуражка, присвоенная казенному значению смотрителя⁵. За чаем и беседой время в ожидании возвращения лошадей пролетело быстро. И вот опять вперед бежит дорога... На пути новая остановка, на сей раз губернский город Владимир. Но, как верно заметил один из героев соллогубовского «Тарантаса», все губернские города очень похожи друг на друга. Посмотри на один – все будешь знать. Да, действительно, «везде была в основном одна большая улица, один главный магазин, где собирались помещики и покупали шелковые материи для жен и шампанское для себя; потом присутственные места, дворянское собрание, аптека, река, площадь, гостинный двор, два или три фонаря, будки и губернаторский дом»⁶. В каждом губернском городе был губернатор. Перед иным, бывало, квартальные бегали, суетились секретари, кланялись купцы и мещане. Но власть менялась, и уже другому губернатору также кланялись те же чиновники, пресмыкались перед ним, улыбались ему, рассыпались мелким бесом. Скучно было наблюдать весь этот театр марионеток. Неугомонные люди пытались бороться, но скоро и их утомляло бесплодное ратование за свои любимые убеждения, и они шли на уступки, втягиваясь незаметно в эту грязную, таинственную провинциальную жизнь с ее сплетнями и интригами, мертвящим застоєм, заразной ложью, мещанской моралью; болото «мутноводского» общества засасывало любого. Литература, политика, искусство – эти темы не занимали никого, хотя, отходя ко сну, некоторые читали русские журналы. Спрашивается зачем, если на другое утро они не могли воспроизвести содержание прочитанных в них повестей или, в лучшем случае, все сводилось к обсуждению каких-нибудь мелочей⁷. По долгу службы губернаторы ездили ревизовать уезды. В это время города пустели, так как помещики спешили в деревню, понимая всю важность момента. Еще в городе жили вице-губернатор, прокурор, предводитель дворянства и другие служащие, а также остряк, сочинявший на всех стихи да прозвания, старый доктор, архитектор, землемер, иностранный купец, несколько офицеров в отпуску, много барышень, поющих варламовские романсы и ожидавших своего счастья. А, вообще, образ жизни их был довольно однообразным и, как замечали современники, скучным. Визиты, сплетни, карты, балы...

В губернии обретались и те (в основном все те же чиновники), кого судьба однажды забросила в столицу, подняв высоко, а потом возвратила опять в провинцию. Некоторым из них очень хотелось этим взлетом похвастаться, и тогда Петербург, по их воспоминаниям, представлялся огромным департаментом, а строения его глядели министрами, директорами, столоначальниками, с форменными стенами, с вицмундирными окнами. Служба, подчеркивали они, это лестница. По ней ползают и шагают, карабкаются и прыгают люди зеленого цвета, то толкая друг друга, то срываясь по неосторожности... Немногие идут твердо и без помощи. Не все думают об общей пользе, но каждый думает чаще о своей. Каждый помышляет, как бы схватить крестик, чтоб поважничать, да как бы набить карман потуже. А еще взятки, займы, аферы, акции, облигации, спекуляции, благодаря которым и понаживали они целые состояния⁸.

В повести М. Достоевского «Господин Светелкин» перед нами открывается еще одна, довольно типичная, судьба «маленького человека». Сын бедных, как водится, благородных родителей, Петр Васильевич Светелкин прибыл в Петербург из одной отдаленной губернии в поисках счастья. С ним был туго набитый бельем чемодан, мудрые и поучительные советы его матери да бумажник, в котором хранилось несколько согнутых ассигнаций – плод долговременной материнской бережливости. Сам Петербург взглянул на него, как богатый вельможа-помещик, для которого одной душой больше, одной меньше ничего не составляет. Город пахнул на него холодом своих высоких великолепных зданий, и Светелкин вдруг упал духом, разочаровался во всех своих планах и горько заплакал в своем номере. Скоро он познакомился с неким господином, который вселил в него вновь надежду. Тогда Светелкин приободрился и размечтался о том, как получит хорошее место, огромное жалование, а в результате удачного брака в придачу княжеский титул. О чем еще можно было думать? Но и эти грезы скоро прошли, как сон. Так шел день за днем, а приличное место все не находилось. Без связей, не имея никаких дипломов на ученую степень, бедный молодой человек только от случайности мог ожидать себе спасения. Привезенная им сумма денег убывала с каждым днем. И вдруг повезло! Он все-таки нашел себе место и стал работать, как автомат, за четверых. Сослуживцы смеялись над ним. Иногда они давали ему свою работу, говоря, что это просьба начальника. А потом пришло уважение, перед ним кланялись, снимая шляпу, улыбались. По вечерам он читал, писал письма, но чаще лежал на диване или сидел у окна. Излишки потихоньку превращал в банковские билеты. Чуть разбогател. Одной мебели у него было рублей на 500. Шло время. Господину Светелкину стукнуло 40 лет. Он поседел, стал важным. Вся его жизнь теперь протекала в маленькой съемной квартире, куда он переехал из светелки. Осенними ночами он продолжал мечтать об уютном домике, садике, утопающем в цветах, наследстве дяди, любимой жене, например институтке, которая с роду женихов не видала...⁹

Яркие бытовые зарисовки в повести М. Достоевского одни сменяются другими. И вот мы уже рядом с деревянным домом, несколько покосившимся в одну сторону и будто спрашивавшим у прохожих извинения, что нечаянно попал в такое каменное общество. Некоторые действительно чувствовали к нему

сострадание. Дом же с каждым годом все больше наклонялся набок, а солнце – это всеоживляющее светило – освещало его по-другому. Проникнув в небольшой зал, довольно мрачный, отчасти оборванный, где за чайным круглым столом посередине уселись все члены почтенного семейства Уховерткиных, оно, казалось, высвечивало только одни недостатки. Мебель ждала обновления, самовар – чистки. В комнате висели шесть клеток с канарейками, а около стола сидел крупный легавый пес. На мягком, полинявшем и во многих местах продранном кресле восседал тоже как будто продранный и полинявший глава семейства, старец лет шестидесяти, бывший управитель княжеских имений Филипп Филиппович Уховерткин. Покинув место службы, он стал вести жизнь патриархальную, выводить канареек, лелеять свою подагру, оказывать благодеяния мяснику, булочнику, портному, сапожнику. Более всего на свете уважал свою собственность. Был скуп, умел держать в повиновении кроткий нрав своей супруги и других членов семейства. Сидел целыми днями молча в мягком стеганом халате без галстука. Его супругой была Афимья Кузминишна, дама лет сорока пяти, бесцветная, худощавая, вечно с каким-нибудь секретом, склонная к интригам. Она очень сильно любила своего единственного сына Дмитрия. Молодой человек двадцати пяти лет занимался собой, так как других занятий не имел. Сидя на шее родителей, он только делал долги. Наконец, желая идти по стопам отца, выхлопотал себе место управителя...¹⁰

Да, столичная жизнь, как поток, все уносила, увлекая с собой и господ Светелкиных и Уховерткиных, не дав им опомниться. Эта жизнь не русская, а перенявшая у Европы и мелочное образование, и крупные пороки. Где же искать Россию? Может быть, в простом народе, в простом вседневном быту русской жизни? Отправимся на сей раз в уездный город, в глубинку. По обеим сторонам единственной грязной улицы, например Растеряевой, тянулись, смиренно наклонившись, темно-серо-коричневые домики, едва покрытые полусогнившим тесом, домики, сходные с нищими в лохмотьях, жалобно умолявшими прохожих. Две-три церкви, старый деревянный гостиный двор, непросяхающая лужа, непроходимая грязь, свинья под забором, кабак, острог с брусняным тыном, аптека¹¹. Эту картину захолустья дополняли ужасы темных осенних ночей и всеобщая бедность, в мамаевом плену у которой с незапамятных времен и томилась убогая сторона. Бедное и «обглоданное», по местному выражению, население всякого закоулка состояло из мелких чиновников, мещанок, торговавших мятой и мятной водой, мещан, пропивающих все, что выторговывают их жены, гарнизонных солдат¹². Конечно, иным было положение городничего, судьи, исправника, стряпчего да господ Криворожина, Надулина, Ворышева. Они ходили в присутствие или распивали беззаботно «пуншты», картишками тешились, посещали балы, частенько навещали за городом цыганский табор. Быстро летело их время, менялись платья, а жизнь, тем не менее, проходила в однообразии.

По субботам в домах простых людей шла суетня, мытье полов, обметание потолков. Все ждали воскресенья, надеясь, что легче будет на душе. Ходили к обедне, пекли пироги, пили чай, а некоторые и что покрепче, а потом кто направлялся в баню, кто – в кабак продолжать разгонять скуку, кто – на бульвар,

где играла музыка, или на берег реки. Так гуляла провинция. Приглядевшись, можно было в толпе разглядеть в малиновых штофных телогрейках на лисьем меху раздумянных мещанок с мужьями в синих сибирках, ямщиков в засаленных тулупах да старушенок в порыжелых солопах...¹³ Да, по-разному складывались судьбы людей. Вот мещанин Лубков с Растеряевой улицы города Т. оказался беспечным хозяином. Сначала он занимался разведением фруктовых деревьев, потом купил водовозку и хлебопекарню, завел кабак, завсегда-тем которого сам и стал, торговал говядиной, давал в долг, но в конечном итоге проторговался и совсем прогорел¹⁴. А все почему? Да потому, что у нас в России, рассуждал один из героев В. А. Соллогуба, много людей покупающих и продающих, но настоящей торговли у нас нет. Для торговли нужна наука, нужно стечение образованных людей, строгие математические расчеты, а не одно удалое авось. «Вы наживаете, – подчеркивал он, обращаясь к купцам, – миллионы, потому что превращаете потребителя в жертву, против которой все обманы позволительны, и потом откладываете копейку к копейке, отказывая себе во многом. Мысли у вас только об одном: как бы купить подешевле и продать подороже»¹⁵. Были, естественно, и другие причины, в том числе и та, что русский человек по своему менталитету вовсе и не торговец.

Мелкому чиновнику в таких городках тоже нелегко было разжиться. Народ уже не таков пошел, да и сам он бедствовал. Могли на праздник фунтик чая или полголовцы сахара принести на поклон, а помещик мог иногда прислать то куль овса, то муки немножко – вот и все. Жалованье небольшое. Внешний вид тоже был не ахти. Чаще изношенный мундир с золотым кантиком по черному бархатному воротнику, старая треугольная шляпа, огромная бумага, торчащая между пуговицами мундира. Во всем чувствовалась привычная робость¹⁶.

В каком бы городе России мы ни побывали, с какими бы людьми ни встретились, судя даже по представленным произведениям русских писателей, такое ощущение, что время остановилось. Отдельные высказывания, реплики, рассуждения героев их повестей и рассказов, подчас независимо от сословия, и нас, живущих в XXI в., о многом заставляют задуматься, вспоминая XIX в. Судите сами. «Жизнь в Петербурге, – заверяет нас очевидец, – как фейерверк. Много блеска, много дыма, а потом ничего... Кто не богат, то придает себе наружность богатства и тем разоряется вконец; кто богат, то уже пускается в такую роскошь, строит такие дворцы, что поневоле разоряется тоже... Может быть, в нашем совершенном незнании расчета есть какая-то славянская удаль, какое-то отдаленное условие нашей широкой, размашистой природы»¹⁷. «Тщеславие – вот божество, которому поклоняется столичная толпа»¹⁸. Разве не мудро замечено, что «...мы с самого детства все заражены одной болезнью...» под названием «жизнь сверх состояния» или «от праведного труда будешь не богат, а горбат»?¹⁹ Время идет вперед, и приходит день, когда всякий чувствует, что «по-старому» нельзя, надо «по-новому»; а начнет «по-новому» – выходит «черт знает что»²⁰. Реформы всегда противоречивы в своих последствиях. Со слов очевидцев в контексте реформ XIX в., «новейшее время не по нас», а «главные вопросы современности – это дороговизна, неуважение к чину

и званию, неумение оценить человека заслуженно»²¹. Конечно, подчеркивали они, жизнь все равно менялась, хотя грязь, развалившиеся заборы еще оставались, но зато явились новые слова «общественная польза», «порядок», «свобода». Кстати, слово «свобода», залетевшее в наши края, – до того еще ново, что определенности настоящей решительно не имеет. Возможно, поэтому и «вольные деньги», которыми так привык распоряжаться городишко в прежнее время вдруг ушли куда-то... и вот почему глушь съезжилась, притихла, разозлилась и стиснула зубы²². Актуально звучат слова из прошлого о том, что у нас нет чувства гражданственности, гражданской обязанности, «мы привыкли сваливать все на правительство»²³. Известно, что многое в жизни определяет образование и воспитание. Так, «дети одного чиновника, – читаем у Г. Успенского, – пользовались означенной свободой, а все просвещение их состояло только в умении разобрать вывеску овощной лавочки да в особенности писать на заборах односложные и многосложные слова сатирического смысла»²⁴. А вот еще любопытный совет о том, что бить ребят надо перестать, забросить розгу, так как во всем теперь пошла свобода!²⁵

В итоге имеет смысл привести строки из очерков провинциальной жизни Г. Успенского о том, что «Россия – государство богатейшее, если бы за ним “уход”»²⁶. Как бы мы ни пытались понять Россию, заглянув в ее повседневную жизнь и нравы любого века, многие вопросы так и останутся вечными, открытыми. Недаром читаем у В. Соллогуба и соглашаемся с ним в том, что русский народ «странный народ, непостижимый народ! В нем столько противоречий, столько оттенков, что его в целую жизнь не разгадаешь»²⁷.

Примечания

¹ Соллогуб В. А. Сережа. Лоскуток из вседневной жизни // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М., 1988. С. 20.

² Он же. Тарантас // Там же. С. 220.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 231, 233.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 247.

⁷ Плещеев А. Н. Две карьеры // Плещеев А. Н. Житейские сцены. М., 1986. С. 269, 287.

⁸ Соллогуб В. А. Тарантас. С. 249–250.

⁹ Достоевский М. М. Господин Светелкин // Отечественные записки, 1848. № 9. С. 178, 179, 181, 183, 186, 204. Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru>.

¹⁰ Там же. С. 205–208.

¹¹ Соллогуб В. А. Сережа. Лоскуток из вседневной жизни. С. 20. С. 155.

¹² Успенский Г. Нравы Растеряевой улицы // Полн. собр. соч. 6-е изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 1.

¹³ Панаев И. И. Актеон // Избр. произв. М., 1962. С. 348.

¹⁴ Успенский Г. Нравы Растеряевой улицы. Т. 1.

¹⁵ Соллогуб В. А. Сережа. Лоскуток из вседневной жизни. С. 20, 294.

¹⁶ Там же. С. 328, 330.

¹⁷ Там же. С. 250, 251.

¹⁸ Соллогуб В. А. Большой свет. С. 121.

¹⁹ Он же. Тарантас. С. 249; Успенский Г. Нравы Растеряевой улицы // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 8.

²⁰ Успенский Г. Глушь. Провинциальные и столичные очерки. СПб., 1875. С. 39.

²¹ Он же. Разоренье. Очерки провинциальной жизни // Полн. собр. соч. 6-е изд. Т. 1. С. 299, 300.

²² Там же. С. 40, 41, 46.

²³ Соллогуб В. А. Тарангас. С. 275.

²⁴ Успенский Г. Глушь. С. 64.

²⁵ Там же. С. 39.

²⁶ Он же. Разоренье. С. 467.

²⁷ Соллогуб В. А. Тарангас. С. 327–328.

О. В. Горохова

г. Кострома

**БИБЛИОТЕКА БОЛЬШЕСОЛЬСКОГО
НИКОЛАЕВСКОГО (РОМАНОВСКОГО)
ПРИХОДСКОГО УЧИЛИЩА**

Смешанное двухклассное приходское училище в посаде Большие Соли Левашовской волости Костромского уезда Костромской губернии было основано его уроженцем, московским первой гильдии купцом и потомственным почетным гражданином Константином Абрамовичем Поповым (1814–1872), заложено 10 мая 1859 г. и открыто 8 сентября 1861 г.¹

«Под иконами, на приличном отдалении была привинчена к стене медная доска, с надписью: “По благословиению Божию училище открыто в царствование Самодержавнаго Великаго Государя Императора Александра Николаевича 8 сентября 1861 года, в день рождения Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича”. Освящение училища совершено Преосвященным Платоном, Епископом Костромским и Галичским, в присутствии начальника губернии, генерал-лейтенанта Н. А. Рудзевича, г. директора народных училищ Костромской губернии, статского советника Е. Г. Егорова и самого учредителя училища, потомственного почетного гражданина К. А. Попова. Великому Государю благоугодно было повелеть именовать это училище Николаевским, в память открытия его в день рождения Государя Наследника Цесаревича. Закладка училища происходила 10 мая 1859 года»².

В том же «Кратком очерке двадцатилетнего существования (1861–1881) Николаевского в Больших Солях, Костромской губернии, двухклассного приходского училища», составленном его заведующим (1861–1887)³ Дмитрием Ивановичем Соколовым (1828–1902)⁴ имеется и описание библиотеки: «Комната для библиотеки устроена в другой половине задней части дома, с двумя окнами во двор, и примыкает к левой стороне коридора и к женскому отделению I класса; в библиотечную комнату ведут двой двери: одни из коридора, для постоянного входа библиотекаря и других лиц, желающих пользоваться чтением книг,

а другие из женского отделения I класса, открываемые только при публичных актах. Библиотечная комната, с стеклянными, довольно вместительными, шкафами для книг и учебных принадлежностей; с висящими по стенам портретами Государя Императора и основателя училища, превосходной живописи (в особенности портрет основателя училища, писанный художником-живописцем, Е. С. Сорокиным) в резных вызолоченных рамках, и с длинным посередине столом, обставленным стульями, – служит местом собрания как любителей чтения, так и членов училища во время классных перемен и для официальных собеседований»⁵.

Племянником учредителя училища, также состоявшим его почетным блюстителем (18.01.1877–01.05.1896), Константином Семеновичем Поповым (1856 – не ранее 1911)⁶ местонахождение библиотеки через три десятилетия, впрочем, было изменено: «В 1890 г. по желанию К. С. Попова за его счет училище было расширено и все здание и постройки заново отремонтированы. Расширение училищного здания состояло в том, что к задней части дома сделана каменная прикладка в два этажа и в верхней части пристройки была устроена библиотечная комната, а в нижней – квартира. Из старой библиотечной комнаты и передней части классной комнаты 1-го класса устроено было зало, где учащиеся могут отдыхать в перемены между уроками»⁷.

На пополнение библиотеки из штатных сумм с основания училища расходовалось 20 рублей в год⁸, а с 1868 года – 70 рублей⁹. Учредитель училища, кроме того, выписывал, переплетал и отсылал ему такие периодические издания, как «Ваза», «Домашняя беседа», «Душеполезное чтение», «Калейдоскоп», «Народная газета», «Отечественные записки», «Подснежник», «Православное обозрение», «Русские ведомости», «Странник», «Сын Отечества», «Чтение для детей» и др., а также 70 экземпляров Евангелия, сочинения Н. В. Гоголя, И. И. Лажечникова и др., и в конце 1862 г. писал заведующему: «Мне очень приятно, что с будущего года в училище откроется класс для чтения всем большесольцам»¹⁰. Однако приобрести земляков к мировому информационному процессу оказалось не так легко: «Класс чтения был открыт в 1863 г., но в том же году и закрыт, потому что жители Больших Солей, как не получившие никакого образования, вовсе не подготовлены были к этому»¹¹.

И все же училищная библиотека, в 1868 г. насчитывавшая 324 названия книг и периодических изданий в 795 томах¹², а в 1881 г. – 553 названия книг и периодических изданий в 986 томах¹³, оставалась общедоступной.

Небесполезным для училища представлялось и его открытие в день рождения Наследника Цесаревича и великого князя Николая Александровича, и 24 января 1863 г. его основатель сообщил заведующему долгожданную весть: «На днях получил я из канцелярии Московского учебного округа бумагу, из которой видно, что Государь Император 3-го января удостоил своею милостию принять мое училище под высокое покровительство Государя Наследника и именовать его Николаевским»¹⁴.

Соответственно «училище, по случаю объявления ему Монаршей милости именоваться Николаевским, совершило торжество 2 февраля 1863 г., в присутствии г. директора Костромской гимназии, Е. Г. Егорова. Все учащиеся и учащие в этот

день молились в храме во время литургии, после которой законоучителем, в присутствии г. директора, учащихся, учащихся и множества жителей п. Больших Солей, в училищном доме осужден был благодарственный Господу Богу молебен, с многолетием Государю Императору, Государыне Императрице, Государю Наследнику и всему царствующему дому. Затем прочитана была бумага о повелении Государем Императором именоваться Большесольскому двухклассному приходскому училищу Николаевским, и всеми учащими с учащимися пропет был несколько раз гимн «Боже, Царя храни»¹⁵. Но в дальнейшем общие ожидания не оправдались.

По иронии судьбы, «Государь Наследник Николай Александрович, имя которого носит училище, в летние месяцы 1863 г. проезжая из г. Ярославля по р. Волге в Кострому, осчастливил своим посещением соседний с посадом Николо-Бабаевский монастырь, где тогда жил на покое Преосвященнейший Епископ Игнатий (Брянчанинов). Стечение народа из окрестных местностей было громадное. В день ожидания Его Высочества в монастыре заведывающий училищем С[околов] и штатный смотритель Костромских училищ И. Ф. Петропавловский, бывши в монастыре, искали случая пригласить Его Высочество удостоить своим посещением училище, но сопровождавший Его граф Строганов нашел поздним их приглашение, по причине невозможности без Высочайшего повеления изменить назначенный по маршруту час, в который ожидали Высокого гостя Костромичи»¹⁶, а еще через два года Наследник Цесаревич и великий князь (08.09.1843–12.04.1865), страдавший золотухой, скончался в полном неведении как о существовании Большесольского училища своего имени, так и о своем покровительстве ему, после чего учредитель училища писал его заведующему: «Вам уже известно, какую потерю понесла наша Россия в лице возлюбленного нашего Государя Наследника; а для нас еще более прискорбно: во имя Его устроено наше Николаевское училище, и потеря нашего покровителя ничем не вознаградима. Прошу вас, Д. И., попросить о. Иоанна отслужить панихиду по Государе Наследнике Николае Александровиче в самом училище, пригласить всех учеников и учениц, а также и родителей их, – помолились об упокоении души его: другого утешения нам не остается...»¹⁷

Разочарование обнаруживается и в заключительной части «Исторического очерка пятидесятилетнего существования (186–1911 гг.) Николаевского в посаде Большие Соли, Костромской губернии, двухклассного приходского училища» его заведующего (1896–1909) Ивана Васильевича Баева: «В том же году, согласно духовного завещания основателя, местным общественным управлением избран на должность почетного блюстителя Николаевского училища Большесольский 2-й гильдии купец В. А. Охлобыстин. Новый почетный блюститель оказался далеким от училища, совершенно не интересуясь состоянием его, в течение почти пятнадцати лет (1896 г. и по текущий 1912 г.) не оказал училищу никакой ни нравственной, ни материальной помощи, нося почетное звание номинально»¹⁸.

В довершение всего молитвы за упокой Николая Александровича со временем обрели такую двусмысленность, что училищу пришлось присвоить более общее наименование – «Романовское» – в память 300-летия царствования дома Романовых распоряжением «Отношение Департамента Народного Просвещения 7 сентября 1916 года на имя Попечителя Учебного Округа»¹⁹.

Примечания

- ¹ Государственный архив Костромской области (далее: ГАКО). Ф. 444. Оп. 1. Д. 113. Л. 8 об.–9.
- ² *Соколов Д. И.* Краткий очерк двадцатилетнего существования (1861–1881) Николаевского в Больших Солях, Костромской губернии, двухклассного приходского училища и письма его основателя и почетного блюстителя К. А. Попова к заведывающему училищем. Кострома: Губ. тип., 1885. С. 17.
- ³ ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 2569. Л. 360–364, 493–496.
- ⁴ Русский провинциальный некрополь / вел. кн. Николай Михайлович. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнерев и К^о, 1914. Т. 1. С. 809.
- ⁵ *Соколов Д. И.* Указ. соч. С. 16–17.
- ⁶ ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 519. Л. 828 об.–829, 872 об.–873; Оп. 6. Д. 424. Л. 28 об.
- ⁷ [Баев И. В.] Исторический очерк пятидесятилетнего существования (1861–1911 гг.) Николаевского в посаде Большие Соли, Костромской губернии, двухклассного приходского училища. Кострома: Губ. тип., 1912. С. 30.
- ⁸ *Соколов Д. И.* Указ. соч. С. 109.
- ⁹ Там же. С. 29.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Щепетильников А. М.* Николаевское в Больших Солях двухклассное приходское училище // Костромские губернские ведомости. 1868. № 26. Ч. неофиц. С. 214.
- ¹³ *Соколов Д. И.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ [Баев И. В.] Исторический очерк ... С. 30–31.
- ¹⁶ *Соколов Д. И.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ [Баев И. В.] Исторический очерк ... С. 30–31.
- ¹⁹ Отчет по дирекции народных училищ Костромской губернии за 1916 гражд. г. Кострома: Губ. тип., 1917. С. 83.

А. Д. Шипилов

г. Кострома

**ИСТОЧНИКИ РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КОСТРОМСКОГО КРАЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.**

Источниковая база регионоведческого изучения Костромского края в XVIII – начале XX в. включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные материалы. Последние выявлены в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и Костромы (Российском государственном архиве древних актов, Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Российском государственном историческом архиве, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, Государственном архиве Костромской области, Костромском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике).

© А. Д. Шипилов, 2012

Остановимся подробнее на характеристике отдельных групп данных источников.

1. *Авторские тексты* историков, этнографов, археологов, искусствоведов, педагогов, статистиков, экономистов, географов, медиков, агрономов XVIII – начала XX в. образуют главную группу источников. Анализ текстов не является при этом предметом данной статьи. Комплекс рассматриваемых авторских текстов крайне разнороден. Здесь и статьи, и заметки путешественников, и монографические работы, и исторические обзоры учреждений (работы И. К. Васькова, А. Д. Козловского, П. П. Свиньина, П. Ф. Островского, М. Я. Диева, Я. А. Арсеньева, В. А. Самарянова, В. Г. Пирогова, А. В. Баженова, Н. М. Бекаревича, Н. Н. Виноградова, Д. П. Дементьева, П. А. Илинского, И. В. Миловидова, И. Д. Преображенского, Н. Н. Селифонтова, И. И. Скворцова, И. К. Херсонского и др.). Большинство трудов опубликовано в виде книг и статей в Костроме и других городах Российской империи в течение XVIII – начале XX в. Их учет и выявление облегчен наличием добротных библиографических указателей¹.

Большой комплекс авторских текстов сохранился в неопубликованном виде в ряде архивохранилищ страны. В составе Мазуринского собрания хранится автограф рукописи Н. С. Сумарокова «История о первоначалии и происшествии города Костромы», первого по времени авторского произведения XVIII в., созданного в Костроме и о Костроме². Неопубликованные творческие материалы М.Я. Диева удалось обнаружить в целом ряде хранилищ: в составе фонда известного собирателя древностей А. А. Титова, в Костромском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике³. К сожалению, составители «Каталога личных архивных фондов отечественных историков» прошли мимо такой примечательной фигуры, как Диев⁴, и не стали реконструировать его архив, разбросанный по нескольким хранилищам.

В личных фондах местных деятелей конца XIX – начала XX в. (Н. Н. Виноградова, И. Д. Преображенского, Н. Н. Селифонтова, Л. А. Парийского, И. А. Рязановского, В. И. Смирнова, Е. Ф. Дюбюка) отложились рукописи статей, книг, докладов, использование которых расширяет наши представления о традициях регионоведческих исследований на Костромской земле⁵. Большим подспорьем в деле выявления неопубликованных авторских текстов, равно как анонимных рукописей, является справочник «Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области»⁶. Стоит отметить попытку Т. В. Йенсен реконструкции архива Д. П. Дементьева, в составе которого было 207 томов «Рукописей Дементьевского архива» и 60 томов «Ветлужской старины»⁷.

2. Следующая группа источников – это *источники личного происхождения*, представленные мемуарами и эпистолярными материалами.

Весьма редки источники *мемуарного жанра*, которые удалось обнаружить в ходе исследования. Они могут быть использованы лишь для воссоздания деталей биографии изучаемых деятелей⁸, не позволяя восстановить существенные детали развития регионоведческих исследований в Костромском крае. Обнаруженные мемуары отчасти помогают восстановить общий фон эпохи.

подавляющее большинство изучаемых деятелей, к сожалению, вообще не оставили после себя никаких дневников или воспоминаний.

Источники *эпистолярного жанра*, используемые в диссертации, представлены письмами местных и столичных деятелей XIX–XX вв.

Эпистолярные материалы помогают воссоздать повседневную действительность, окружавшую исследователей. Неформальные отношения, бытовавшие внутри ученого сообщества, практически невозможно обнаружить ни в одном другом виде источников. Эпистолярная позволяет приблизиться к созданию целостного образа деятеля, погруженного не только в научные изыскания, но и в повседневные заботы, выстраивание отношений с властями, издателями, журналами. Для исследуемого периода переписка является составной частью образа жизни ученого, наиболее эффективным способом коммуникации. Отдельный интерес представляют сплетни и слухи о других деятелях, а также суждения, которые ценны именно своей субъективностью, характеристики, которые невозможно представить в опубликованных работах.

Опубликованные эпистолярные источники крайне немногочисленны⁹. Основная масса писем отложилась в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и Костромы. Использование неопубликованной переписки расширяет наши представления о творческих достижениях изучаемых персон, скрытых мотивах их действий, неформальных контактах со столичными деятелями.

3. В отдельную группу источников мы выделяем материалы *периодической и повременной печати* («Костромские губернские ведомости», «Костромские епархиальные ведомости», «Костромская жизнь», «Костромской листок», «Поволжский вестник», «Отечественные записки», «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.). Это, прежде всего, информационные заметки в газетах, журналах и трудах о собраниях и заседаниях научных и иных обществ, съездов, отчеты о прочитанных лекциях и т. д. К ним примыкают хроники, составленные по журналам и газетам. Материалы периодической и повременной печати служат прекрасным подспорьем в деле восстановления общественных умонастроений и событий, запросов эпохи. Своего рода путеводителем в костромской печати может считаться работа О. В. Бердовой¹⁰.

4. Следующая группа источников – это *законодательные и нормативные акты*, опубликованные преимущественно в Полном собрании законов Российской империи, Своде законов Российской империи, сборниках документов. Нормативно-правовые источники отражают эволюцию правового положения официальных и общественных организаций и учреждений (губернских статистических комитетов, губернских ученых архивных комиссий).

5. Весьма обширная группа источников – *делопроизводственные материалы*. Сюда относятся документы общероссийских и местных официальных и общественных научных и культурно-просветительских организаций и учреждений. В материалах Русского исторического общества¹¹, Центрального статистического комитета¹², Петербургского археологического института¹³ содержится приказная и циркулярная документация официального характера, переписка

с центральными и местными ведомствами по вопросам создания и функционирования научных и культурно-просветительских организаций, ежегодные отчеты и доклады, документы, позволяющие осветить вопрос об организации выставок, съездов, музеев, собирании всевозможных коллекций на местах.

Материалы о создании и функционировании научных и культурно-просветительских обществ края (уставы, протоколы заседаний, списки членов, отчеты, официальная переписка) представлены документами Костромской ученой архивной комиссии¹⁴, Костромского губернского статистического комитета¹⁵, Костромского научного общества по изучению местного края¹⁶. Обнаруженные материалы, помимо данных для истории деятельности указанных организаций, содержат сведения о проведении IV областного историко-археологического съезда в Костроме (1909 г.). Серьезная лакуна – отсутствие документов церковно-исторического общества, историю и основные направления деятельности которого пришлось восстанавливать по косвенным данным.

5. Небольшая группа *статистических источников* представлена материалами центральной и местной статистики, которые дают представление о развитии Костромского края на протяжении XIX – начала XX в. в социальном, культурном, образовательном и научном отношениях.

Примечания

¹ Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концепции их содержания. Кострома: Б.и., 1909; *Виноградов Н. Н.* Хронологический и систематический указатель к неофициальной части «Костромских губернских ведомостей». Кострома: Б.и., 1914. Ч. 1: 1838–1850 гг.; *Жадовский А. Е.* Обзор литературы по флоре Костромской губернии // Труды КНОИМК. Кострома: Б.и., 1915. Вып. 4. С. 63–92; *Смирнов В., Умнов Н.* Материалы по библиографии Костромского края. Кострома: Б.и., 1919. Вып. I: 1. Общие справочные издания; 2. Естественно-исторические издания и статьи (Труды Костромского науч. о-ва по изучению местного края. Вып. 14); 1925. Вып. II: 1. Антропология; 2. Этнография. (Труды Костромского науч. о-ва по изучению местного края. Вып. 35); Фольклор Костромского края: библиограф. указатель / сост. Н. Басова. Кострома: Б.и., 1974.

² РГАДА. Ф.196. Д. 1639.

³ ОР РНБ. Ф.776 (А. А.Титов). Д. 3962, 3963, 3964, 3946, 3948, 3965, 3966, 4008, 3941, 3972, 3973, 3974, 3981, 3995, 4006, 4009, 4010, 4011, 3943, 3947, 3986, 3987, 3990, 3949, 3969, 3988, 3993, 3968, 3976, 3977, 3978, 3970, 3971, 3980, 4005, 4001, 4004, 4007, 4008, 3941, 4019, 3999, 3976, 3977, 3978, 4012, 4013, 4014, 4015, 4016, 4017, 4018, 4020, 4056; Костромской государственной историко-архитектурный музей-заповедник. КОК 24738. Подробнее о собрании М.Я. Диева см.: *Титов А. А.* Ученый протоиерей Костромской епархии о. Михаил Яковлевич Диев и его рукописи // Библиографические записки. 1892. № С. 98–105; *Розов Н. Н.* М. Я. Диев – костромской краевед и собиратель рукописей первой половины XIX века // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л.: ГПБ, 1980. Вып. 2. С. 101–108.

⁴ Одна из работ М.Я. Диева, сохранившаяся в личном фонде другого историка, лишь упомянута (см.: Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. Вып.2: Первая половина XIX в. С. 154.

⁵ ГАКО. Ф. 600; 644; 652; 654; 655; Р-12; Р-550.

⁶ Коллекция рукописей Государственного архива Костромской области / подгот. В. Н. Бочковым. Кострома: Б.и., 1964.

⁷ См.: *Йенсен Т. В.* Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 24.

⁸ *Диев М. Я.* «Благодетели мои и моего рода»: воспоминания священника М. Я. Диева // Русский архив. 1891. № 5. С. 61–89; *Апушкин В.* О дворянских гнездах. (Воспоминания, впечатления, мысли) // Труды КНОИМК: ист. сб. Кострома, 1917. Вып. 7. С. 115–132; *Селифонтов Н. Н.* Воспоминания об институте путей сообщения // Русская старина. 1880. № 8. С. 651–666.

⁹ Письмо А. Козловского П. П. Свиньину // Отечественные записки. 1823. Ч. 16, № 43. С. 304–305; 1824. Ч. 17, № 45. С. 108–110; Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву, 1830–1857 / сообщ. А. А. Титов // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1. С. 1–116; Письма о. М. Я. Диева к И. М. Снегиреву / предисл. А. А. Титова. М., 1909.

¹⁰ *Бердова О. В.* Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX – начала XX века. Кострома: КГУ, 2002.

¹¹ РГИА. Ф. 746 (Русское историческое общество).

¹² РГИА. Ф. 1290 (Центральный статистический комитет).

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 119 (Петербургский археологический институт).

¹⁴ ГАКО. Ф. 179 (Костромская ученая архивная комиссия).

¹⁵ ГАКО. Ф. 161 (Костромской губернский статистический комитет).

¹⁶ ГАКО. Ф. 508 (Костромское научное общество по изучению местного края).

М. Ш. Шарифов

г. Сергиев Посад Московской обл.

СИМФОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В УЧЕНИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Феномен евразийства – это альтернативный (т. е. небольшевистский) ответ на сложившуюся в первой и второй четверти XX в. в советской России и вокруг нее общественно-политическую ситуацию¹. На начальном этапе евразийство было направлено на противодействие марксистско-коммунистической идеологии как заведомо негодной и реакционной, а также на возрождение посткоммунистической России. Переосмысливая последствия октября 1917 г., евразийцы вслед за славянофилами обосновывали тезис о наличии у России собственного вектора общественно-политического развития, требующего отхода от западноевропейских ценностей². Вместе с тем, в отличие от славянофилов, евразийцы не рассматривали историческую роль славянства с точки зрения раскрытия абсолютного разума: «Ведь славянофилы, подобно западникам, были гегельянцами. Прямо вопреки евразийцам славянофилы твердо стояли на почве единства всемирно-исторического культурного процесса. И если началам романо-германской культуры они противопоставляли начала культуры славянорусской, то не иначе как в качестве начал общечеловеческих. Гегель

объявлял романо-германскую культуру XIX в. завершением всемирно-исторического процесса раскрытия абсолютного разума, а славянофилы эту самую завершительную роль приписывали началам славянорусским»³.

Евразийцы утверждали, что существует «не только романо-германская культура (западная) и что, в частности, русская культура представляет собой самостоятельную ценность, которую надо отличать и противопоставлять европейской культуре»⁴. Н. С. Трубецкой в книге «Европа и Человечество» писал: «...европейская культура не есть нечто абсолютное... а лишь создание ограниченной и определенной этнической или этнографической группы народов... что, таким образом, европеизация является безусловным злом для всякого неромано-германского народа... и что истинное противопоставление есть только одно: романогерманцы – и все другие народы мира, Европа и Человечество»⁵. Евразийцы признавали разрушительными попытки «модернизаций» по западноевропейским сценариям.

Исходя из этого постулата евразийцы выводили оригинальную концепцию национального развития и государственного строительства. Стремясь к преобразованию России в духе традиции «русской правды», евразийцы создали политическую доктрину, существеннейшим образом отличную как от западной демократии, так и от социализма. Выдвинутые евразийцами тезисы о симфонической личности и идеократическом государстве предполагали формирование нового понимания индивидуального и государственного суверенитета.

Учение о «симфонической» (соборной) личности является краеугольным камнем евразийской концепции. Основываясь на тезисе об оригинальном сочетании в культуре России национального и интернационального начал, евразийцы утверждали, что российский народ как многонациональное этническое образование носит «симфонический» (соборный) характер, следовательно, и личности его составляющие являются «симфоническими» (соборными). К «симфоническим» (соборным) личностям относились как социальные группы (семья, сословия, класс, народ), так и индивиды, входящие в эти группы.

«Симфоническая» (соборная) личность индивида является антитезой европейскому индивидуализму. Для западноевропейской парадигмы исходным базисным понятием является личность как индивид, обладающий неотъемлемыми правами-свойствами. Отсюда выводится концепция естественных прав. Естественные права выводятся из разумной природы человека, из свободы его воли, цивилизованного способа существования в определенном сообществе. Причем человеку не даруются властью права и свободы, они принадлежат ему от рождения и должны беспрепятственно осуществляться.

Евразийцы считают недопустимым признание примата личности над коллективом, так как такое признание ведет к ожесточенному соперничеству между отдельными индивидуумами, что ослабляет общество. У евразийцев признание индивида личностью обуславливается требованием его единства с социальным множеством – семьей, сословием, классом, народом и т. д. Евразийцами за основу принимается тезис об органическом единстве сосуществования индивида и социальной группы как органического единства многообразия или

такого единства множества, когда и единство, и множество отдельно друг от друга не существуют. Складывается определенная взаимопроницаемая иерархия личностей по степени их соборности. По мнению евразийцев, подчинение индивида коллективной «симфонической» (соборной) личности является основным условием подъема жизнедеятельности коллектива, предельной слаженности и мобилизации сил всех его членов. При определении правового статуса личности эта иерархия индивида и общества, государства достигается неразрывностью субъективных прав и юридических обязанностей, реализуется в концепции «правообязанности».

Концепция «правообязанности» непосредственно выводится из тезиса о разделении правовой системы на две части: народное право и официальное право. Если официальное право евразийцами понимается как совокупность закрепленных нормативных актов и норм, то в определении содержания народного права акцент делается на «правотворчестве» российского народа, как «симфонической» (соборной) личности. «Нормы» народного права проявляются на уровне семьи, общины, церкви, а также государства в целом. Народному праву придается более высокая юридическая сила⁶. Уровень правовой системы общества определяется не качеством законов, соблюдением «симфоническими» (соборными) личностями императивов народного права. Исходя из этого положения евразийцы при определении правового статуса индивида признавали лишь за ним абсолютное право на «внутреннее духовное развитие», выводимое из народного права: «У человека есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее, духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у человека качество быть человеком и делает нормальное развитие государства невозможным»⁷. Тогда как другие права индивида признавались относительными в силу того, что устанавливались официальным правом, а значит и могли быть ограничены.

Указанная связь прав и обязанностей является специфической особенностью определения правового статуса личности, его индивидуального суверенитета. Индивидуальный суверенитет личности конструируется у евразийцев вокруг права на «внутреннее духовное развитие», предполагающего у индивида автономную духовную среду. Однако, замечают евразийцы, эмпирический процесс становления симфонической личности всегда несовершенен. Своего совершенства он достигает в церкви. Поэтому церковь определяется как основной детерминант в определении содержания права «на внутреннее духовное развитие». Фактически концепция «симфонической» (соборной) личности, гипертрофируя значение коллективного, сводит право «на духовное развитие» в обязательство по соблюдению императивов коллективной «симфонической» (соборной) личности.

Остальные права «симфонической» (соборной) личности индивида носят относительный характер, а значит, должны соответствовать иерархии соборности. Отрицая естественное право, евразийцы предлагали заменить его «установленным правом», которое должно формулироваться в соответствии с национально-религиозными идеалами «симфонической» (соборной) личности

российского народа. Индивидуальный суверенитет у евразийцев в сравнении с западноевропейскими трактовками носит усеченный характер.

«Органичность» предполагает наличие особого идеологического, мессианского императива в основе суверенитета. В ней для евразийцев лежит не воля народа (в западноевропейском понимании), а основная государственная идея («идея-правительница»). Евразийцы обращаются к православию исходя из необходимости определения содержания «идеи-правительницы». Для евразийцев «идея-правительница» отражает идеал и фундаментальные ценности, накопленные Россией за ее многовековую историю. «Идея-правительница» выводится Н. Н. Алексеевым из трактовки положений Библии⁸. Н. Н. Алексеев обращался к иосифлянству, развившему и отстаивавшему идею о государстве как о проекции небесного, Божественного порядка на земной, а также к нестяжательству Нила Сорского. «Органичность» евразийского суверенитета приводит к отождествлению государства и церкви: «Евразийская идеология утверждает, что государство есть становящаяся, не усовершенствованная Церковь. Евразийцы настаивали на необходимости различия в Православной Русской Церкви двух ипостасей: эмпирической и “святой, непорочной и безошибочной”. Первая (эмпирическая) ипостась – это весь русский православный народ с его тяжкими грехами и заблуждениями, который лишь становится Церковью. Вторая (святая, истинная) ипостась – это “Церковь как центр преображающегося в нее грешного мира”».

Из этого выводилось основное содержание “идеи-правительницы”: распространение и укрепление православия. Государство рассматривалось евразийцами лишь как средство утверждения православия. Генеалогически монизм евразийцев связан с концепцией “Третьего Рима”⁹. «Идея-правительница» формирует стержень внутри- и внешнеполитического курса, что обеспечивает «гарантийность» и «демогичность» евразийского государства.

Примечания

¹ *Аверинцев С. С.* Евразийская идея: вчера, сегодня, завтра. (Из материалов конференции, состоявшейся в комиссии СССР по делам ЮНЕСКО // Иностранная литература. 1991. №12. С.225.

² *Алексеев Н. Н.* На путях к будущей России. Советский строй и его политические возможности // Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2000. С. 319.

³ *Алексеев Н. Н.* О гарантийном государстве // Русский народ и государство. С. 60.

⁴ *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. Прага, 1924. С. 85–87.

⁵ *Карсавин Л. П.* Восток. Запад и русская идея // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 88–90.

⁶ *Карсавин Л. П.* Из протокола допроса Л. П. Карсавина // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 212.

⁷ *Кизеветтер А. А.* Русский экономический сборник. Прага, 1925. Вып. 3. С. 317.

⁸ *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана // Европа и Человечество. М., 2000. С. 373.

⁹ *Новиков А.* Катехизис попокоммунизма. Евразийство как артефакт культурного самосознания России // Атака. 1998, № 201. С. 60.

В. Е. Николаев

г. Саратов

**ОРГАНИЗАЦИЯ АГЕНТУРЫ ОБЩЕСТВАМИ
ПО ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

История законодательства об авторском праве в России ведет свою историю с XIX столетия. Одним из правомочий автора является закрепленное еще в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. право на получение вознаграждения за постановку пьесы на сцене («право представления»)¹.

Новый период в борьбе за права авторов начался с появлением первых в России авторских правозащитных организаций – Общества драматических писателей и оперных композиторов (1874) и Союза драматических и музыкальных писателей (1903). Несколько десятилетий борьбы в судах позволили выстроить действующий механизм защиты прав авторов, а организация широкой агентской сети – создать возможность его реализации даже в отдаленных уголках империи.

Первоначально сколь-нибудь четких правил по приисканию агентов не существовало. Анализ документов Общества драматических писателей показывает, что ими становились актеры, журналисты, писатели, инженеры, нотариусы, поверенные, податные инспектора и т. д. Среди известных агентов можно назвать актера Ф. А. Бурдина (Петербург), писателя В. Г. Короленко (Н. Новгород), книгоиздателя П. И. Андроникова (Кострома, 1874–1879)².

С появлением в 1903 г. Союза драматических и музыкальных писателей (далее – Союз) серьезной трудностью для новой организации стало формирование сети агентов: нужно было создать целую систему связей, на что могло уйти несколько лет. Выход был найден достаточно неожиданный – агентами было предложено стать почтово-телеграфным служащим.

Привлечение в коммерческих целях государственных чиновников стало возможным после соответствующего разрешения министра внутренних дел, которое, вероятно, было дано после ходатайства одного из членов императорской фамилии (формально Союз входил в состав Императорского Русского театрального общества, хотя и обладал при решении внутренних вопросов достаточно широкой автономией).

Служащие почтово-телеграфного ведомства были выбраны по целому ряду причин: они имелись практически во всех значительных населенных пунктах империи; состояли на государственной службе, а значит, имели определенное общественное положение; суммы авторского гонорара удобнее всего было пересылать посредством телеграфных учреждений, часто бывших единственным местом, где выполнялись подобные операции.

Добавление же в структуру вертикальных связей («Правление Союза – Агент») дополнительного звена – Уполномоченного (как правило, должностного лица из

состава канцелярии правления почтово-телеграфного округа) не только гарантировало соблюдение агентами платежной и иной дисциплины (случаи присвоения денежных средств агентами были далеко не единичны), но и давало возможность своевременно менять агентов при переводе чиновников на новое место службы.

Вот, например, как происходило формирование агентуры в Ярославском почтово-телеграфном округе, куда входила и Костромская губерния.

Циркуляром Главного управления почт и телеграфов от 5 октября 1902 г. № 48101 начальникам почтово-телеграфных округов было указано на возможность совмещения чинами ведомства основной работы с исполнением обязанностей агента Союза³. 14 июля 1903 г. его правление направило начальнику округа И. В. Джаксону письмо, в котором ему было предложено выбрать из состава вверенного ему управления чиновника, ответственного за формирование агентуры и сношения с правлением Союза в статусе уполномоченного. Правление было особенно заинтересовано в приискании агентов в малонаселенных местностях⁴. Доход в них не мог быть велик, но статус агента поднимал общественное положение служащего, а также означал некоторое увеличение доходов.

Уполномоченным Союза был назначен делопроизводитель Управления И. Н. Дьяконов. Правление письмом от 26 июля 1903 г. предложило ему представить список агентов в округе. Во исполнение этого поручения на места были разосланы запросы с предложением начальникам почтово-телеграфных контор и отделений сообщить уполномоченному о возможности принятия на себя агентуры, числе театральных представлений в населенных пунктах, где располагались учреждения, и числе постоянных или приезжих трупп.

Как можно видеть из ответов начальников телеграфных учреждений, развитие театрального дела в провинции имело значительно меньшие масштабы, нежели это виделось из Петербурга. В подавляющем большинстве уездных или заштатных городов, крупных сел не было не только постоянных театральных предприятий, но даже приезжие труппы посещали их весьма редко. Лишь в немногих существовали любительские общества или кружки, весьма нечасто ставившие театральные постановки.

К сентябрю 1903 г. уполномоченным были сформированы списки агентов⁵. В небольших уездных городках, а также других малочисленных населенных пунктах агентами являлись начальники почтово-телеграфных контор и отделений, однако в более крупных (например, в Кинешме), где служебные дела не позволяли заниматься посторонней работой, эту роль исполняли их помощники или иные назначаемые ими лица. Для примера рассмотрим крупный промышленно развитый Нерехтский уезд Костромской губернии. На его территории изъявили желание стать агентами Союза служащие Нерехтской, Плесской, Середской почтово-телеграфных контор, Писцовского, Яковлевского и Сидоровского почтовых отделений⁶.

Лишь начальник Нерехтской почтово-телеграфной конторы, располагавшейся в уездном центре, Николай Бухарин сообщал о регулярно проходящих спектаклях⁷. Начальник Середской конторы Кириллов, напротив, отмечал, что в этом крупном селе, где располагались несколько фабрик, «нет какого-либо

постоянного театрального помещения, и спектакли, даваемые изредка кружком любителей, носят чисто случайный характер». Начальник Яковлевского почтово-телеграфного отделения Голованов(?) сообщал, что «...в Яковлевском бывают случайные театральные предприятия и очень редко», говоря же о местных театральных силах указывал, что «в Яковлевском бывают спектакли только с благотворительной целью, помещения постоянного не имеется»⁸. Служащий телеграфа в селе Писцове В. Макеев(?) также отвечал, что «в с. Писцове никаких театральных помещений, предназначенных для постоянных или случайных спектаклей не имеется»⁹. Некоторые в своих отзывах были более откровенны, как, например, один из служащих в Вологодской губернии. «Место моей службы совершенно глухое»¹⁰, – сообщал он начальству.

Согласно Циркуляру Союза драматических и музыкальных писателей от 17 декабря 1903 г. № 1, агентура организации на территории Ярославского почтово-телеграфного округа начала действовать с 1 января 1904 г. Агентам почтовым отправлением с описью вложения рассылались удостоверение, устав Союза, инструкция уполномоченным и агентам; квитанционная книжка, тарифная таблица, бланки подписок и разрешений, расчетных листов; каталог охраняемых произведений. Циркуляр особо оговаривал желательное предоставление бесплатного места агенту во втором ряду партера, где была бы укреплена постоянная надпись: «Агент Союза драматических и музыкальных писателей»¹¹.

Не все провинциальные антрепренеры с воодушевлением восприняли новых «постояльцев» в своих театрах. Так, начальник Нерехтской почтово-телеграфной конторы, агент Союза Бухарин в письме от 7 июля 1904 г. сообщал: «Имею честь довести до сведения Вашего, что в бесплатном для меня месте, на публичное представление в зале общественного клуба мне отказывают». На представлении 28 апреля пьесы «Наталка» и «Бувальщина» распорядитель Миров-Бедюх категорически отказался отвести бесплатное место агенту, невзирая на представленное ему циркулярное сообщение Союза, выразившись, что «он никаких союзов не признает». За содействием пришлось обращаться к полицейскому надзирателю, но и тот, по новизне дела, не смог ничем помочь, заявив, что «он ничего не знает». Пришлось незадачливому агенту вместо бесплатного места покупать билет ценой в 1 рубль¹². Как правило, подобные недоразумения быстро сходили на нет после ознакомления агентом чинов полиции и антрепренеров с нормативными документами, в некоторых случаях приходилось прибегать к помощи городского судьи.

С течением времени положение дел менялось: число театральных предприятий увеличивалось, расширялась их география. В 1917 г. авторский гононар перечислялся агентами из Костромы, Галича, Кинешмы, Юрьевца, Макарьева Солигалича, Ветлуги, Нерехты, Писцова, Плеса, Середы и других населенных пунктов¹³.

Примечания

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1846. № 19283.

² См.: Резепин П. Костромские романоветы // Страницы времен. 2011. № 2. С. 94; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 76. Л. 10–11, 50–51, 61–62, 108–109, 125–125 об.

³ Циркуляром от 12 сентября 1908 г. № 49131 то же было разрешено в отношении Общества русских драматических писателей. См.: РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 62 об. В 1912 г. число агентов Союза составляло 1600 человек, Общества драматических писателей – 1200. См.: *Импр.* Французская хлестаковщина // Театр и искусство. 1912. № 16. С. 334.

⁴ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 573. Оп. 1. Д. 276. Л. 3–4, 6–6 об. См. также: Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. Ф-1104. Оп. 1. Д. 105а.

⁵ ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 276. Л. 11–13а.

⁶ Там же. Л. 12–13.

⁷ «В г. Нерехте спектакли и вечера даются в помещении общественного клуба, где имеется постоянная сцена». Письмо И. Н. Дьяконову от 31 июля 1903 г. // ГАЯО. Ф. 573. Оп. 1. Д. 276. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 110.

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ Там же. Л. 113.

¹¹ Там же. Л. 125, 134–135 об.

¹² Там же. Л. 145–145 об.

¹³ См. подробнее: РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 5.

А. М. Шаронов

г. Саранск

МУРОМА: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Вопрос о национальной принадлежности летописной муромы в принципе решен. Археологические, топонимические, географические и пр. данные свидетельствуют о том, что она одна из этнографических групп народа эрзя. Однако те, кто не желают ее идентифицировать с эрзей из ненаучных соображений, ссылаются на фразу в «Повести временных лет» («Мурома свой язык») и считают ее отдельным народом. Такая позиция обусловлена отчасти тем, что признание муромы эрзей существенно изменит представления об этногенезе русского народа и его государственности. Это будет сильным ударом по теории о славянском происхождении Руси.

Народ эрзя изначально относится к русскому миру, о чем свидетельствуют многие факты, в том числе русский былинный эпос и прежде всего глава русских богатырей Илья Муромец, родом из эрзянского села Карачарова из-под эрзянского города Муром. Село Карачарово и город Муром еще в XVII веке были эрзянскими населенными пунктами. Голландец Стрюйс в описании путешествия из Москвы в Астрахань 24–27 мая 1669 года отмечает: «...Из Ляхов отправились в Муром (Moguma). Этот маленький городок, населенный москвитянами и татарами, называемыми мордвой (Morduvins), составляет границу последних,

хотя находится под властью царя»¹. В другом источнике *Moruma* звучит как *Морамор*: «В том государстве есть... Руссия, мы называем ее Гардарики. Там такие главные города: Морамор, Ростов, Сурдалар, Хольмгард...»² (Все эрзяно-меряно-русские города!) *Морамор* состоит из двух эрзянских слов: *морамо* (пение) и *моро* (песня), что значит *поющий, песенный*. Эрзянское многоголосое пение было слышно на много верст в тогдашней вековой тишине, и по этому признаку, скорее всего, и был назван город, который впоследствии из *Морамор*, *Морума* перешел в *Муром*. Мурому с эрзей («мордвой») отождествлял финский археолог Аспелин. Он заявил, что не знает исторических резонов, в силу которых из мурома можно было бы делать особый народ³. И. Н. Смирнов возражает против теории Аспелина, ссылаясь на свидетельство летописца: «Мурома свой язык». К тому же в пределах Мурома, кроме следов пребывания эрзян, есть свидетельства о присутствии здесь некогда литвы⁴. Однако литва либо ушла, либо растворилась в массе местного населения, будучи родственной эрзе, эрзя же осталась, трансформировавшись в русь. И. Н. Смирнов, следуя традиции, территорию расселения эрзи ограничивает пределами нескольких районов в южной части Нижегородской губернии, высказывает суждения, аналогичные мнению своих современников в историографии России XIX века, которая была антифинской по своей сути и стремилась во всем ограбить и ограничить финские народы: в уровне социально-исторического развития, в языке, в культуре, в антропологии, в территории. Последняя произвольно заселяется «славянами». Что касается эрзи, она обзывается «мордвой» и от нее отчуждаются принадлежащие ей совершенно определенно мурома, меря, мещера. Мурома отторгается от эрзи только потому, что летописец написал «Мурома свой язык». При этом не берется во внимание то обстоятельство, что мурома находится далеко от Киева, и он ее исследованием не занимался, а поэтому не мог хорошо знать ее. Летописец в отдельные народы выделил также мерю и мещеру, являющиеся эрзянами.

Об уровне исторической науки России XIX-XX веков красноречиво говорит тот факт, что она не в состоянии была не только на научной основе верно воспроизвести этногенез русского народа, но и решить более простой вопрос - распознать, что эрзя и мокша – два совершенно самостоятельных народа по всем этнообразующим признакам: языку, антропологии, территории расселения, одежде, психическому складу ума, уровню общественного развития и т. д. Ввиду этого многие выводы науки, касающиеся как эрзи и мокши, так и руси являются либо неверными, либо произвольными. Археолог П. Д. Степанов утверждал, что эрзя и мокша с первых веков нашей эры живут отдельно на больших расстояниях друг от друга, что исключало контакты между ними и принадлежность к единому этносу. Формирование их этнического облика есть результат различных исторических условий существования. Поэтому целесообразно изучать древний период истории эрзян и мокшан примерно до XVI века отдельно⁵. Точка зрения П. Д. Степанова не принята во внимание, ибо она противоречит политической идее «единства» эрзи и мокши, из которых пытаются путем историографических фокусов образовать единый народ по имени «мордва». П. Д. Степанов привел убедительную аргументацию в пользу эрзянской

принадлежности муромы: «Известно, что в междуречье Клязьма – Ока сконцентрированы могильники, генетически связанные с эрзянскими могильниками Рязанского течения Оки, относящимися к первой половине I тыс. н. э. Вполне закономерно было бы считать эти могильники, датируемые VII–XI вв., эрзянскими, как мы показываем на карте».

Но что очевидно для нас, то еще недостаточно для других и потому приходится прибегать к доказательствам документальным, археологическим и этнографическим. Неизвестно, с чьей «легкой руки» в период младенческого состояния изучения отечественной истории им было присвоено наименование «Муромских». В дальнейшем в литературе появилось «племя мурома», соответственно «Муромская культура», которая по существу является эрзянской. «Мы считаем памятники с нижнего течения Оки эрзянскими». Памятники «на нижней Оке VII–XI вв. называются “Муромскими” без достаточных оснований. Совершенно очевидно, что они, будучи генетически связаны с Рязанскими могильниками, являются мордовскими – эрзянскими»⁷. «Вся топонимика “Муромского края” объясняется из мордовского языка»⁸. Для С. М. Середонина также бесспорно существование мурома, хотя он считает, что о мере, веси, муроме «летопись имеет неверные и скудные представления, а затем и совершенно молчит, так как будто бы с конца X в. этих племен уже не было. Едва ли было бы правильно допустить, что в XI в. племена эти уже растворились в славянском мире...»⁹. А. М. Тальгрэн писал по поводу «Муромской» культуры, что археологические памятники (особенно многочисленные для 900–1100 гг.), к ней относящиеся, заставляют видеть в ней вариант мордовской (эрзянской) культуры, и «Муромские» погребения нижнего течения Оки являются мордовскими¹⁰. Д. К. Зеленин считал, что «мурома» близка «... родственной ей мордве и потом составила одно из трех разветвлений мордвы (вероятно, Каратаев или мокшу)»¹¹. Решение вопроса о тождестве «муромы» с эрзей, по мнению П. Д. Степанова, имеет огромное значение по той причине, что при положительном ответе являются основания утверждать о довольно раннем включении эрзи в состав Древнерусского государства¹². Отождествляя мурому с эрзей А. А. Герасимов: «Разбор показаний Новгородской летописи приводит нас, таким образом, к выводу, что в самом начале XII в. население области, называемое муромой, состояло (быть может, и не исключительно) из мордвы. А отсюда с неизбежностью вытекает и другое заключение – о тождестве летописной “муромы” с мордвою и о необходимости самый термин “мурома” признать выражением не столько этнографического, сколько географического порядка»¹³. Мурому от эрзи отрывали исторические, сознательно стремившиеся уменьшить ее этнические и географические параметры и таким образом принизить ее роль в русской истории.

Эрзянские села в Муромском районе Владимирской области были живы еще в 80-е годы XX века. В 1986 году в одном из учреждений города Саранска я читал лекцию по линии общества «Знание». Когда речь зашла о русско-эрзянских исторических отношениях и я сказал, что население Рязанской, Московской, Владимирской и других областей исконной России имеет эрзянские корни, в зале встали две девушки и объявили, что они родом из эрзянского села

из-под города Муром. Эти эрзяне считали себя русскими. Об эрзянских селах в Муромском районе свидетельствуют и другие очевидцы. Однако удивительно то, что о муромских эрзянах летописец не упоминает. Почему? Вероятно, потому, что он их считает русскими. Не пишут о них и историки XVIII–XX веков нашего времени. Наверное, по той же причине, что и летописец. Феномен муромы, являвшейся без всяких оговорок, включая ссылку на «Повесть временных лет» – «Мурома – язык свой», эрзей, говорит о том, что в IX–XIII веках эрзяне почти всех западных регионов Руси именовались одновременно русскими, и, вероятно, они восточных эрзян, противостоявших им в войнах, не желавших трансформироваться в иную народность, называли «мордвой».

Об изначальной слитности эрзян и русских свидетельствует ориентированность на Русь сознания современных эрзян – феномен, исследованием которого не занимался никто из историков, лингвистов, этнографов, фольклористов. Эрзяне идут в Русь потому, прежде всего, что на генном уровне сознают свою принадлежность к ней, знают, что Русь вышла из эрзи (мери, мещеры, муромы), широко и вольно расположилась на ее земле, включив в себя проживавшее на ней другое финское население эпохи Биармии и Новгородского княжества (весь, корелу, ижору, кривичей, вятичей). Отметим, что историки, этнографы, археологи, фольклористы, лингвисты Мордовии, Москвы, Владимира, Рязани и других научных центров серьезным изучением муромы, мещеры, мери в советское время не занимались. Мордовский государственный университет, Научно-исследовательский институт при Совете Министров Мордовской АССР к муроме, мере и мещере ни одной экспедиции не направили. Их научные представления основываются на данных «Повести временных лет» и политизированных высказываниях ученых XVIII–XIX веков, достоверность которых сомнительна, ибо ими имелись в виду не научные, а политические цели, как это было при вербальном создании «великорусского племени» и «великорусского языка», не имеющих ничего общего с реальностью.

Раскрытие подлинного этнического статуса муромы, признание ее принадлежности к эрзе является открытием еще одной интересной страницы в истории Руси, доказательством того, что Русь без всякого сомнения родилась, помимо пределов Биармии и Новгорода, на Оке и Волге, на эрзяно-меряно-мещерской земле, где издревле стоят великие русские города Москва, Владимир, Суздаль, Ростов, Ярославль, Кострома, Рязань, Нижний Новгород, откуда родом могучие русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, подавляющее большинство великих русских людей, выдающиеся поэты, ученые, общественные деятели.

Примечания

¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. Т. 1. С. 188.

² Древнейшие государства на территории СССР, 1984 год / под ред. А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1985. С. 223.

³ Смирнов И. Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. С. 45.

- ⁴ Там же. С. 45–46.
- ⁵ *Степанов П. Д.* Древняя история мордвы - эрзи // НИИЯЛИЭ: Труды. Вып. 34. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. С. 263.
- ⁶ Там же. С. 267.
- ⁷ Там же. С. 274.
- ⁸ Там же. С. 271.
- ⁹ *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 209.
- ¹⁰ *Tallgren A.* Les provinces culturelles finnoises de l'age recent de fer dans la Russie du Nord. E.S.A. III. Helsinki, 1928. 9 p.
- ¹¹ *Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности // Сборник ЛОИКФУН. Вып. 1. Л., 1929. С. 101.
- ¹² *Степанов П. Д.* Указ. соч. С. 274.
- ¹³ *Герасимов А. А.* К вопросу о национальности летописной муромы // Герасимов А. А. Избр.: в 2 ч. Саранск: ГКУРМ «НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 2011. Ч. I. С. 138–142.

Н. Л. Семенова
г. Стерлитамак

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

История государственного управления Российской империи представляет собой целый комплекс серьезных научных проблем, начиная с анализа законодательной базы институтов государственной власти и заканчивая системой местного управления, ее спецификой в отдельных регионах. Интерес к данным проблемам не ослабевает и в наше время, о чем свидетельствуют новые монографические и диссертационные исследования¹.

Историки единодушно пришли к выводу, что управлять такой огромной страной, как Российская империя, на основе какой-либо одной схемы было невозможно. Правительство учитывало экономические, религиозно-конфессиональные особенности, традиции в отдельных регионах. Выделение специфических черт и особенностей структуры органов власти и управления в отдельных регионах в разные исторические периоды требует тщательного анализа общероссийского законодательства. Именно здесь были заложены общие принципы и направления развития системы государственного управления всех уровней. Особый интерес представляет период конца XVIII – начала XIX в., когда не только сменился монарх на российском престоле, но и произошли определенные изменения в системе управления. Кроме того, этому периоду историки уделяют гораздо меньше внимания по сравнению со временем Екатерины II и Александра I.

Центральной фигурой местного управления Российской империи в XVIII–XIX вв. являлся губернатор. Институт губернаторства и его законодательные основы были введены Петром I в начале XVIII в. Следующий этап в создании

системы местного управления составили преобразования Екатерины II и ее «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г.² Главным «хозяином» губернии или наместничества был признан наместник (или генерал-губернатор). В каждой губернии (или наместничестве) учреждался правитель наместничества (или губернатор), назначаемый императором. Пределы власти и обязанности губернатора не были четко определены. В законе говорилось, что он заседает вместе с генерал-губернатором в губернском правлении. В случае отсутствия или отъезда генерал-губернатора, губернатор продолжает исполнять свою должность «по данным губернаторам наказам», ведет переписку с соседними губерниями, о пограничных делах уведомляет коллегия иностранных дел³.

Законодательство конца 70–80-х гг. XVIII в. несколько конкретизировало обязанности губернаторов и касалось конкретных вопросов их деятельности. Так, 1 ноября 1777 г. был подписан сенатский указ о составлении губернаторами топографических описаний своих губерний и представлении их в Сенат⁴. Губернаторы должны были представить сведения о границах губернии, о составе населения, о протекающих реках, промыслах и т. п. 19 апреля 1778 г. вышел сенатский указ о представлении губернаторами в Сенат ежегодных сведений о составе городского населения вверенных им губерний⁵.

Неопределенность и двойственность законодательства прослеживалась также в отношениях между губернатором и органами дворянского самоуправления. С одной стороны, дворянские собрания были формально независимы от органов государственной власти, но с другой – местные власти настойчиво вмешивались в их деятельность. Достаточно красноречиво и четко характеризует реальное положение вещей в губернии сенатский указ, принятый в сентябре 1788 г. В нем говорится: «... и при сем случае открылось, что правитель губернии, придя в собрание дворянства, выслал из онаго дворянина, выговаривал губернскому предводителю за определение, собранием дворянским учиненное подтвержденное в принесении жалобы Его императорскому величеству на наместническое правление, настоял о выборе в предводители дворянина, судом опороченного, и отвергал выбранного дворянством в губернские предводители дворянства, и сверх того приводил с собою в собрание дворянское гостей»⁶. Учитывая такие факты, указ запретил правителям губернии впредь входить в дворянское собрание и как-то влиять на его решения. Этот порядок был отменен при Павле I, который, как известно, фактически отменил Жалованную грамоту дворянству. В соответствии с именованным указом от 9 марта 1798 г. гражданским губернаторам следовало находиться при дворянском собрании при рассмотрении «общественных вопросов»⁷. Кроме того, именной указ от 28 июля 1797 г. установил, что предводитель дворянства может отлучаться от должности только с разрешения гражданского губернатора⁸.

Император Павел I уничтожил несколько губерний, а очень многие фактически «перекроил»: уменьшив их или увеличив⁹. Кроме того, Павел I ликвидировал должность генерал-губернатора, а губернатора снова поставил во главе губернии. По мнению И. Блинова, эти изменения привели к «двойственности» должности губернатора: он вновь соединил в себе функции представителя высшей

правительственной власти и администратора, которые при Екатерине II были разделены между генерал-губернатором и губернатором¹⁰.

Павел I ввел должность военных губернаторов, которые назначались только в некоторые губернии и области, находившиеся на особом положении в государстве. Именной указ, данный Сенату 9 сентября 1801 г., восстановил пять губерний и постановил пограничные губернии и губернии, состоявшие на особом положении, передать под управление военных губернаторов¹¹. Гражданские губернаторы были подчинены военным. Но теперь перед правительством встала задача более четко разграничить обязанности военных и гражданских губернаторов. Именной указ, объявленный Сенату генерал-прокурором 14 марта 1800 г., гласил, что Сенат должен по всем делам, касающимся губернского правления и полицейских дел, предписания делать гражданскому губернатору¹². А гражданский губернатор, уже по своему усмотрению, при решении дел может обратиться за помощью и поддержкой к военному губернатору. Был установлен порядок, что в случае отсутствия военных губернаторов, управлявших и гражданскими делами, решения уголовных палат передавать на рассмотрение гражданских губернаторов¹³.

Отсутствие четкого разграничения функций между военным и гражданским губернаторами рождало многочисленные споры и разногласия. Так, в 1800 г. гражданский губернатор Оренбургской губернии И. О. Курис жаловался в Сенат, что военный губернатор генерал-майор Н. Н. Бахметев вмешивается в его дела¹⁴. Спор возник относительно разбора дел башкир и мишарей по незначительным преступлениям. Специального указа из Сената по этому вопросу не последовало, был сохранен прежний порядок: дела башкир и мишарей рассматривались губернскими судебными органами и передавались на утверждение военному губернатору.

В конце XVIII – начале XIX в. правительство пытается усилить правовую базу деятельности гражданских губернаторов. Был установлен порядок замещения должности гражданского губернатора в случае его болезни или отъезда вице-губернатором; определены столовые деньги¹⁵. Ряд законов предписывал губернатору не выходить за пределы своей власти и усиливал их ответственность за добросовестное исполнение своих обязанностей¹⁶. Так, если губернатор допускал недоимки в своей губернии, то на его имение мог быть наложен секвестр (запрет или ограничение в использовании имения и имущества)¹⁷. Гражданские губернаторы наряду с военными несли ответственность за снабжение войск дровами и всем необходимым¹⁸. 1 марта 1800 г. был подписан именной указ, данный Сенату, о том, что если в какой-нибудь губернии случится разграбление почты, то губернатор будет отвечать за это своим имением и будет отстранен от должности¹⁹. Появлению данного закона предшествовал случай в Костромской губернии. Там была разграблена почта: похищены деньги и посылки на сумму 19 616 рублей. По приказу императора вся сумма была взыскана с местного губернатора Кочетова за счет секвестра его имения.

Более четко стал определяться круг лиц, находящихся в подчинении губернатора. Сенатский указ от 18 января 1798 г. подчинил губернских землемеров

гражданским губернаторам²⁰. Именной указ от 11 февраля 1798 г. предоставил гражданским губернаторам право определять и увольнять земских комиссаров и исправников²¹. Удельные экспедиции также были подчинены гражданским губернаторам²². Гражданский губернатор должен был определять кандидатов на полицейские должности. В указе от 25 июля 1799 г. говорилось, что в уездных и губернских городах на полицейские должности назначаются купцы, мещане, которые не имеют ни опыта, ни необходимых знаний²³. Губернаторам следует подбирать на эти должности бывших чиновников, «оставшихся за упразднением мест», «способных и расторопных». В соответствии с указом от 14 февраля 1799 г. было решено хранить в сельских и городских магазинах двухгодичный запас хлеба исходя из количества населения. Контроль над хлебными магазинами и их сохранностью был возложен на плечи гражданских губернаторов²⁴. Общее увеличение делопроизводства, которое ложилось на губернатора, заставило правительство ввести дополнительно должность секретаря при гражданском губернаторе²⁵.

Правление Александра I стало новым этапом в развитии центрального и местного управления. Министерская реформа привела к раздроблению системы местного управления и подчинению ряда органов и учреждений министерствам. Это повлекло за собой некоторое раздробление всей прежней системы и утрату губернатором своей прежней власти. Губернатор также перешел из исключительного ведения Сената в ведение Министерства внутренних дел.

Таким образом, анализ законодательства конца XVIII – начала XIX в. показывает, что правовая база деятельности губернаторов не была разработана, а находилась только в стадии формирования. Основными недостатками законодательства являлись: неопределенность власти губернатора, а зачастую ее недостаточность и двойственность; смешение в лице губернатора функций судебной и административной власти. Данные недостатки и противоречия будут преодолены только в последующем законодательстве и главным образом в «Наказе» губернаторам 1837 г.

Примечания

¹ *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007; *Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX в.: антропология власти: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011; *Минаков А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

² Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ-1). Собр. 1-е. Т. 20. № 14392. СПб., 1830. С. 231–232, 237.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. № 14671. С. 567–568.

⁵ Там же. № 14733. С. 665–666.

⁶ Там же. Т. 22. - № 16731. С. 1131.

⁷ Там же. Т. 25. № 18421. С. 126.

⁸ Там же. Т. 24. № 18062. С. 662.

- ⁹ Блинов И. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 154–155.
¹⁰ Там же.
¹¹ ПСЗ-1. Т. 26. № 200004. СПб., 1830. С. 775–776.
¹² Там же. № 19324. С. 65.
¹³ Там же. № 19609.
¹⁴ Семенова Н. Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX вв. Стерлитамак, 2001. С. 118.
¹⁵ ПСЗ-1. Т. 24. № 18012. С. 635; № 17684.
¹⁶ Там же. Т. 25. № 19126. С. 795.
¹⁷ Там же. Т. 24. № 17920. С. 591.
¹⁸ Там же. № 18290. С. 855.
¹⁹ Там же. Т. 26. № 19301. С. 66.
²⁰ Там же. Т. 25. № 18330. С. 39.
²¹ Там же. № 18368. С. 61.
²² Там же. № 18441. С. 165.
²³ Там же. Т. 25. № 19047. С. 735.
²⁴ Там же. № 18856. С. 562–564.
²⁵ Там же. Т. 26. № 19281. С. 38.

Л. Н. Заливалова

г. Кострома

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ ВИЗАНТИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Политическая система византийской государственности включала и институт христианской Церкви. Исследование отношений между светской и церковной властью в современной историографии византиноведения далеко не завершено. В российской исторической науке интерес к Византийской империи традиционно был связан не только с признанием ее значения для всемирной истории, но и потребностью осмысления влияния на формирование институтов средневековой государственности и церкви в византийском ареале, в том числе и России. Рассмотрим проблематику государственно-церковных отношений в Византийской империи, представленную в трудах российских ученых второй половины XIX–начала XX века.

В дооктябрьской историографии второй половины XIX века отношения государства и церкви в Византии считались областью научных интересов в первую очередь церковных историков – ученых из духовных академий. Среди научных трудов этого круга исследователей выделим работы А. П. Лебедева, Ф. А. Курганова, И. И. Соколова и Н. А. Скабалановича, в которых отражается восприятие русской византологией категории «цезаропапизм»¹.

А. П. Лебедев освещал историю Византийской церкви в IX–XV веках и особо останавливался на вопросе об отношениях церкви и государства. Как следует

из его трудов, понятия «церковь», «государство» и «общество» автор разграничивал. Во все времена в гражданском обществе, считал он, «прямое назначение церкви состоит в том, чтобы воздействовать на государство и общество в духе идей христианства и его требований»². Детально характеризуя многочисленные функции церкви в византийском обществе IX–XI веков («воспитательница и руководительница общества», «борец за истину и справедливость», организатор благотворительности и т. д.³), он констатировал, что успешное их осуществление на практике зависело не только от духовенства. Будучи «на службе государства» и «споспешествуя крепости и целостности государственной организации», церковь, в свою очередь, рассчитывала на помощь и поддержку государства, однако не всегда ее получала. Когда «государство содействует Церкви, близко входит в интересы Церкви, не попирает ее законных прав – церковная деятельность процветает. Если иначе относится... иначе идет и деятельность Церкви»⁴.

Основываясь на суммарном изучении материала византийских исторических письменных источников, А. П. Лебедев приходит к выводу, что в IX–XI веках государство «в теории» не подвергало сомнению независимость и самостоятельность церкви как института, что «прекрасно доказывает светское законодательство». В IX веке светское законодательство и церковные каноны определяют пределы полномочий властей светской и церковной, «власть императора и патриарха как бы взаимно уравниваются; их области различны, но значение одного не ниже другого»⁵. Характеризуя реалии византийской истории, А. П. Лебедев показывал, что государство в эти столетия многое делало для Церкви, в то же время она «не всегда могла свободно пользоваться принадлежащими ей правами; ее права попирались со стороны государства»⁶. В другом сочинении, посвященном истории византийской церкви в XI–XV веках, А. П. Лебедев вновь обращается к вопросу об отношениях императоров и церкви. Представления западной науки о цезаропапизме, писал он, «частью несправедливы, когда хотят видеть в подобных отношениях какую-то систему, будто бы принятую и утвердившуюся как закон», а «частью справедливы... так как нормальные отношения государства к Церкви весьма часто переходили в ненормальные»⁷. Однако следующие за этим тезисом эпизоды византийской истории конца XI–XV в., почерпнутые из источников, подтверждают цезаропапизм в Византии.

Теоретическое опровержение наличия в империи цезаропапизма как особой черты византийской государственности сформулировано в работах Ф. А. Курганова. Он впервые обратился к исследованию византийского канонического и светского права V–VI веков с целью выделения фундаментальной основы церковно-государственных отношений, которая, по его убеждению, сложилась именно в 325–565 гг. Согласно концепции Ф. А. Курганова⁸, в Византии постепенно сформировалась и затем получила юридическое закрепление идея союза и полного согласия светской и церковной власти, объединяющих усилия ради блага всего христианского государства и общества. Вместе с тем, в силу специфики происхождения, функционирования

и решаемых задач, каждая из сторон сохраняла известную самостоятельность и независимость. «Двуединство», или «диархия», церкви и государства, утверждал историк, оставалось неизменной основой их отношений до конца существования Византийской империи, несмотря на наличие раздоров, трений и уступок между обеими сторонами.

Выводы Ф. А. Курганова поддерживал и развивал И. И. Соколов, специально занимавшийся государственно-церковными отношениями в Византии XI–XV веков. В отличие от А. П. Лебедева, по его мнению, наличие в письменных источниках многочисленных примеров столкновений императоров и церковных иерархов само по себе не может служить подтверждением цезаропапизма. Он увидел в «диархии» отражение специфики исторической судьбы Византии по сравнению со средневековыми государствами Западной Европы. Двуединство властей в период завершения формирования христианского государства стало одним из составных элементов, характеризующих «византинизм» как более общую категорию: «византинизм... весьма сложное целое, охватывающее всю историческую жизнь Византии – и церковную, и гражданскую». Проявления цезаропапизма, отражаемые в источниках, И. И. Соколов, так же как и А. П. Лебедев, объяснял как «нарушение юридической и канонической нормы, злоупотребление отдельных лиц, явление временное и случайное». Также, считал он, нет «научных оснований говорить и о папизме византийских патриархов». Византийское общество в отличие от западноевропейского характеризует преданность византийцев православной церкви, точное соблюдение догматов и канонов, широкую миссионерскую деятельность православной церкви и церковно-религиозный характер обыденной жизни византийцев в целом. Все это и есть проявление фактических отношений, тесных связей между государством и церковью. Несмотря на все «уклонения» или даже «злоупотребления» отдельных иерархов и императоров, диархия осталась стержневой базой государственно-церковных отношений до конца существования империи⁹.

Концепция византийской государственности, представленная Н. А. Скабалановичем, характеризует ее специфику наличием таких элементов: православие и теснейший союз церкви с государством, а также монархическая верховная власть, опорой которой является свободное крестьянство¹⁰. Теория византийского двуединства церковной и светской властей у Н. А. Скабалановича не отличается от трактовки других его современников: раздельное существование двух полюсов власти с юридическим закреплением сферы полномочий, а также примеры фактического нарушения обеими сторонами установленного соотношения сил.

Проблематику взаимоотношений светской и церковной власти в Византии в IX–XI веках исследовал и Н. И. Суворов. Анализируя материал источников, он пришел к выводу не только о параллелизме священства и царства, но и об определенном превосходстве первого над вторым¹¹. В работе Суворова сделан вывод, что до IX века в Византии по существу не было поводов к сопоставлению пределов полномочий патриарха и власти императора. Основным побуди-

тельным мотивом возникновения вопроса об отношениях церковной и светской власти явился разрыв с Римом и возвышение константинопольского патриарха над другими главами восточной церкви¹².

Историографическая ситуация начала XX века в дооктябрьском византиноведении характеризуется нарастанием разрыва светского и церковного направлений. В более широких кругах русских ученых Византия привлекает внимание тех исследователей, которые занимаются теоретическими разработками проблем политической власти. И в этой связи упомянем труд Л. А. Тихомирова¹³. Характеризуя категорию «церковь» как религиозный союз верующих, а не социальную общность, он утверждал невозможность формирования политической доктрины в рамках религии. Таким образом, в Византии не могло быть цезаропапизма, так как «государство и церковь учреждения сосуществующие, но не сливающиеся по самому различию характера власти каждого». Главной функцией церкви он считал религиозно-нравственное воспитание общества и конституирование нравственной доминанты, призванной ограждать монархическую власть от действий против блага подданных.

В обобщающем труде по истории империи Ф. И. Успенского, крупнейшего русского византиниста начала XX века, авторская концепция включает уже полученные русскими учеными результаты изучения сферы государственно-церковных отношений. Историк является сторонником концепции «византинизма» и представляет ее в своей «Истории Византийской империи»¹⁴. В соответствии с позитивистским представлением о верховенстве института императорской власти, все факты умаления монархами прав церкви оценены Ф. И. Успенским как акты необходимого, с точки зрения государства, политического влияния на церковь и общество. Он подчеркивал связь церковной иерархии с политическим строем и административным делением империи, усилия императоров в деле возвышения константинопольского патриарха, значение правовой основы, определяющей особое положение христианской церкви в государстве¹⁵. Церковь – христианская община верующих – является инструментом, позволяющим объединять, «связывать» население империи, все ее части, разные по традициям, национальным и языковым признакам. Поэтому возвышение и укрепление института церкви служит средством укрепления института императорской власти¹⁶. Таким образом, теоретическое равноправие церкви и государства, считал Ф. И. Успенский, отраженное в праве, не противоречит фактическому превосходству светской императорской власти над патриархами церкви.

В российском общественном сознании после событий революции 1905–1907 гг. нарастали кризисные явления. Часть кругов интеллигенции связывала эту сложную ситуацию с падением уровня религиозности и нравственности русского народа. Это нашло своеобразное отражение в работах некоторых византинистов, вновь обратившихся к теории цезаропапизма. Известный византинист П. В. Безобразов характеризует термин «цезаропапизм» применительно и к теории, и к практике церковно-государственных отношений

в Византии. Он убежден, что специфика византийской государственности в сочетании неограниченной монархии и высокого уровня демократичности общества. Христианская церковь и религия являются сферой проявления демократизма народа, а император использует их в своих целях. Многочисленные примеры источников о практическом вмешательстве василевсов в сферу церковной жизни и превращение патриарха в покорного исполнителя воли монарха являются для ученого ярким свидетельством отсутствия в Византии каких-либо сил, могущих противостоять деспотизму императоров¹⁷.

Негативное отношение к союзу церкви и государства высказывает и К. Н. Успенский. Избегая терминологического определения взаимоотношений церкви и государства как «цезаропапизма», он прослеживает их эволюцию. В раннем средневековье получив от императорской власти имущества и привилегии, церковь становится «служебной силой государства» и в связи с этим теряет возможность нравственного влияния на общество, а христианские формулы превращаются в «беспольные лозунги». Затем, используя монастыри, церковь начинает «соперничать с государством за рабочие руки». Разгром иконоборцев возвращает церкви ее прежний служебный статус, то есть положение составной части имперского аппарата управления, призванной идеологически возвеличивать институт императорской власти¹⁸.

В заключение подведем некоторые итоги освещения церковно-государственных отношений в Византии в дооктябрьской историографии. Русские историки исходили из тезиса о возможности конструктивного влияния религии на историческую действительность.

Независимо от того, являлся ли историк открытым сторонником или противником распространенной в западной историографии теории цезаропапизма, или защищал идею равноправия и «симфонии» церкви и государства, обе этих модели увязывались с конкретными фактами политики императоров. Несмотря на трактовку византийской церкви как общины верующих, включение христианской церкви в структуру византийского государства рассматривалось учеными как акт политической мудрости монархов, имевший прагматическую цель – усиление верховной власти василевса. В данном контексте неудивительно, что церковь воспринималась как составная часть государственного аппарата, находящегося в распоряжении светской власти. Сторонники теории цезаропапизма негативно оценивали деятельность церкви в этой области и видели в этом обстоятельстве одну из причин кризисов и последующей гибели империи. В свою очередь, защитники идеи «симфонии властей» объясняли причины кризисов виной конкретных императоров и церковных иерархов, которые по своим нравственным качествам не могли защитить сформулированный предками идеал церковно-государственных связей и отношений. Доводы в свою пользу и в отрицание тезисов противника исследователи находили в материале письменных памятников. Они воспринимали их как исторически реальное отражение действительности, надежное свидетельство современников.

Сущность отношений церкви и государства русские исследователи описывали в морально-нравственных категориях или увязывали с политическими интересами сторон. Характерной особенностью историографической ситуации является разделение учеными теории церковно-государственных отношений и практики реальной жизни. Теория – это идеальное сосуществование духовной и светской власти в рамках гражданского общества с юридическим закреплением сферы полномочий в светском законодательстве и каноническом праве. Практика есть реализация властных полномочий. Подобный подход способствовал социально-субъективной оценке отраженных источниками церковно-государственных отношений. Важнейшими этапами истории отношений государства и церкви выступали периоды правления Константина Великого, Юстиниана, эпоха иконоборчества и династии Комнинов.

Примечания

¹ См.: *Дагрон Ж.* Восточный цезаропапизм (история и критика одной концепции) // ГΕΝΝΑΔΙΟΣ. СПб., 2000.

² *Лебедев А. П.* Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб., 1998. С. 9.

³ Там же. С. 19, 34, 35, 44 и др.

⁴ Там же. С. 19, 45.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 22, 51, 58, 61 и др.

⁷ *Лебедев А. П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 86.

⁸ *Курганов Ф. А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного утверждения характера этих взаимоотношений (325–565). Казань, 1880.

⁹ *Соколов И. И.* О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003. С. 19–25.

¹⁰ *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884.

¹¹ *Суворов Н. И.* Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. М., 1902. С. 148.

¹² Там же. С. 132–134, 157.

¹³ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1905.

¹⁴ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 1–2. СПб., 1913–1917. 2-е изд. Т. 1–3. М., 1996.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 70, 192–200; Т. 2. С. 205–206.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 485; Т. 2. С. 205–206.

¹⁷ *Безобразов П. В.* Очерки византийской культуры. Пг., 1917. С. 54–56, 59–66.

¹⁸ *Успенский К. Н.* Очерки по истории Византии. М., 1917. С. 59–61, 197, 207–208 и др.

В. В. Козлова

г. Кострома

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУСТАРНАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Актуальность темы исследования определяется важностью изучения структуры и механизмов становления и функционирования системы всероссийских и региональных выставок, изучения форм и методов проявления общественной инициативы со стороны научных и любительских объединений, способствовавшей созданию местных музеев. На этом фоне опыт устройства костромской губернской земской выставки (КГЗВ), явившийся первым в жизни костромского губернского земства, на сегодняшний день полностью не изучен. Выставка способствовала созданию Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), которое внесло огромный вклад в исследовательскую и музейную деятельность.

Первая группа источников – документы законодательного характера, касающиеся регулирования вопросов подготовки и проведения всероссийских и региональных выставок, политики в отношении земств. «Правила устройства выставки российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге»¹, утвержденные 2 октября 1828 г., явились первым законом о выставочной деятельности в России. На основании именного указа «Об открытии в губернских городах выставки изделий» от 25 августа 1836 г. в регионах состоялось 32 выставки, в том числе выставка в Костроме 1837 г.² Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях³, для учреждения выставок местных произведений требовалось утверждение губернатора. Использование источников данной группы дает возможность проследить правовой статус выставок.

Вторая группа источников – это делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций. К ним относятся постановления Костромского губернского земского собрания сессий 1909–1914 гг. Проект выставки стал разрабатываться с 1909 г. с целью участия земства в предстоящем празднестве. К январю 1910 г. были выработаны общие положения: масштаб в рамках одной Костромской губернии, 4 отдела (промышленный, сельскохозяйственный, общественно-культурный и исторический). Костромской городской думой разработку проекта было решено поручить выставочной комиссии во главе с В. А. Потехиным⁴. На должность комиссара выставки с 1 августа 1911 г. был приглашен И. В. Шулепников. В годичных отчетах правления Костромского научного общества по изучению местного края за 1912–1914 гг. проявилась подготовка КНОИМК к выставке 1913 г., процесс формирования общества, которое возглавил И. В. Шулепников.

Большой комплекс делопроизводственных документов хранится в фондах Государственного архива Костромской области (ГАКО):

© В. В. Козлова, 2012

1. Ф. 205 Костромской губернской земской управы содержит ценные сведения об участии в выставках, в том числе об устройстве юбилейной выставки в честь 300-летия дома Романовых. Это журналы заседаний и доклады земской управы, отражающие организационные моменты; более 2 тысяч заявлений экспонентов на участие в КГЗВ.

2. Ф. 140. Типографии Костромского губернского правления. Это документы о подготовке к выставке, договоры о печати объявлений и афиш.

3. Фонды, в которых сохранилась информация об организации охраны правопорядка во время пребывания царствующих особ дома Романовых в Костроме (ф. 755 – Бюро по выдаче пропусков в места нахождения Николая II в Костроме 1913 г.; ф. 756 – Временное Костромское регистрационное бюро в период приезда Николая II в Кострому в 1913 г.) В этих фондах находятся списки лиц, допущенных на выставку во время посещения ее Романовыми, планы охраны. Выдача билетов на выставку, во время Высочайшего посещения началась с 11 апреля 1913 г.

Третья группа – статистические материалы. Во-первых, в этой группе следует отметить источники, относящиеся к финансовой стороне выставки. По данным смет и раскладок Костромского губернского земства на расходы по устройству выставки выделялось 105 тыс. рублей⁵, в итоге сумма на устройство и проведение КГЗВ составила 234 509 рублей. Необходимо отметить, что в самом первом проекте выставки примерная смета предполагала 240 тыс. рублей. Во-вторых, это диаграммы, картограммы, графики и таблицы, которые были выставлены в особом отделе на выставке. В них содержатся как общие сведения по Костромской губернии (сравнение по площади и населению с другими губерниями, некоторыми государствами Западной Европы, плотность населения по уездам, виды занятий, грамотность, цены на продукцию и др.), так и специальные – по крестьянским хозяйствам, промышленности, кустарным и ремесленным промыслам⁶. Выставочная статистика бралась из официальных источников: данные Всеобщей переписи населения 1897 г., подворных переписей, текущей земской статистики и др.

Четвертая группа – справочные издания. Каталоги, указатели и сборники, изданные на основе данных, подготовленных к выставке, содержат ценные сведения о содержании отделов выставки, об экспонатах и экспонентах, о ее павильонах⁷.

Пятая группа – материалы периодической печати. Впечатления о выставке нашли свое отражение не только в местной прессе, но и в столичной. Так, на выставке корреспондентом от «Русских ведомостей» был В. А. Гиляровский, который отметил понравившиеся ему экспонаты, и особенно произведения красносельской ювелирной школы⁸. Представляют интерес костромские газеты «Поволжский вестник», «Старая костромская жизнь», «Известия Костромского губернского земства», «Костромские епархиальные ведомости», в которых систематически публиковались данные о выставке: до ее открытия, во время функционирования и после закрытия. Грандиозность проекта, необычная для провинциального города, неоднократно подчеркивалась прессой. Объявления

в газетах гласили, что принять участие в выставке может каждый с любым числом экспонатов, прошедших отбор.

Шестая группа – источники личного происхождения. Во-первых, в этой группе необходимо выделить впечатления самого Николая II. В дневнике он, как известно, довольно сдержанный на эмоциональные оценки, о выставке написал следующее: «Интересно, но утомительно»⁹. Есть и впечатления приближенных императора, и воспоминания о праздновании 300-летия дома Романовых в Костроме в целом¹⁰. Во-вторых, представляют интерес воспоминания организаторов выставки, заведующих отделами, в которых отражены занимательные моменты подготовки выставки, оценочной работы по присуждению наград участникам¹¹. В-третьих, это воспоминания об архитекторе выставки Л. Р. Сологубе, которые проливают свет на связь талантливого петербургского художника-архитектора с Костромским краем, а также на его деятельность помимо выставки¹². В-четвертых, это впечатления о выставке самих посетителей, сохранившиеся на страницах экскурсионного журнала 1913 г., а также в воспоминаниях костромского краеведа Л. А. Колгушкина, дающие ценный критический взгляд со стороны¹³.

Седьмая группа – вещественные источники, фотодокументы. Большинство экспонатов осталось у участников, лишь некоторая часть сохранилась и находится в фондах Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Фотодокументы запечатлели виды выставок, витрин, фотопортреты выставочных деятелей и экспонентов, позволяющие воссоздать обстановку КГЗВ¹⁴. Необходимо также отметить, что, несмотря на некоторые недочеты, задачи выставки земству удалось выполнить: она стала украшением юбилейных торжеств.

По результатам выставки земской управой планировалось издать «Экономический очерк Костромской губернии в связи с юбилейной выставкой 1913 г.» Но подтверждения его создания, а тем более опубликования найти не удалось. Тем не менее, те сведения, которые сохранились, имеют свою ценность для изучения Костромской губернии начала XX в.

Примечания

¹ Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 3. СПб. 1830. С. 873.

² ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1837. С. 888.

³ Свод законов Российской империи. Т. 2. Кн. 1. М., 1910. С. 219–240.

⁴ Журналы костромской городской управы за 1912 г. Кострома, 1914.

⁵ Сметы и раскладки Костромского губернского земства за 1913 год. Кострома, 1913.

⁶ Костромская губернская земская в ознаменование 300-летия дома Романовых сельскохозяйственная, кустарная и промышленная выставка 1913 г. Указатель экспонатов статистического отдела Костромской губернской земской управы. Кострома, 1913.

⁷ Каталог кустарного отдела Костромского губернского земства. 1913. Кострома, 1913; *Чемоданов А. Н.* Костромская губернская земская выставка в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых, 1613–1913. Кострома, 1913 и др.

⁸ *Гиляровский В. А.* На костромской выставке // Губернский дом. 1993. С. 60–61.

⁹ Николай II. «Интересно, но утомительно». Из дневника Николая II за 1913 год // Губернский дом. 1998. №5–6. С. 121–122.

¹⁰ *Джунковский В. Ф.* «Эти два дня в Костроме никогда не изгладятся из моей памяти...» // Губернский дом. 1998. № 5–6. С. 125–132; *Коковцов В. В.* «Большое впечатление произвела только Кострома» // Там же. С. 132–135; Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворсеса. М., 2004.

¹¹ Злополучный обрубок с родословной Романовых. Воспоминания о 1913 г. в Костроме // Губернский дом. 1996. № 1. С. 23–25; *Френкель З. Г.* Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 80–81.

¹² *Магницкий М.* Звонок из Парижа // Костромской край. 1993. 11 марта.

¹³ *Колгушкин Л. А.* Костромская старина // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского обл. отд-ния Всерос. фонда культуры. Вып. 2. Кострома, 1992. С. 22–60; *Шапошников Е.* В Нижний, Кострому и Ярославль: экскурсия учеников Калужского реального училища // Русский экскурсант. 1914. № 1. С. 66–73.

¹⁴ Альбом Костромской губернской земской выставки, устроенной в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых, в г. Костроме, в 1913 г. Кострома, 1913.

В. Л. Еремеева

г. Кострома

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СОЗДАНИЕ КОСТРОМСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

К середине 30-х годов XIX века в России отчетливо прослеживалась необходимость реформирования существовавших статистических учреждений. Этот факт признавало и правительство. В европейских государствах, чьи территория и народонаселение, по сравнению с Россией, были невелики, местные статистические учреждения уже существовали¹. Учитывая размеры Российской империи, провинциальные статистические комитеты были особенно необходимы, так как один центральный орган был не в силах осуществлять сбор и обработку всей нужной информации. К. Ф. Герман писал: «Правительство не знает даже самых простых предметов. Я [Герман] не знаю точно даже число городов в России. Нигде не означено определенное число оных, никто утвердительно не может сказать, сколько выходит ведер вина, хлеба и пр. Самые официальные сведения, изданные правительством, подвержены сомнению и требуют великой статистической критики»².

Реформирование касалось всех ступеней административной статистики России. В 1834 году было реорганизовано Статистическое отделение, на должность начальника которого был назначен известный статистик, уроженец Костромской губернии К. И. Арсеньев, руководивший им в 1835–1852 годы³. Одновременно с этим создавались статистические учреждения на местах – губернские и областные статистические комитеты. Официально открытие губернских статистических комитетов стало возможным после 20 декабря 1834 года, когда были «высочайше

утверждены правила для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов губерний»⁴. Этот важный документ состоял из двух частей. Первая, «О статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел», определяла порядок работы отделения и его главенствующее положение, ему и подчинялись губернские статистические комитеты. Их функции определялись во второй части правил. На их основаниях в 1835 году 29 апреля и был открыт Костромской губернский статистический комитет под председательством Костромского гражданского губернатора А. Г. Приклонского⁵. В донесении губернатора говорилось: «...Вследствие предписания от 17 марта 1835 года № 40 открыт Костромской комитет, я пригласил всех лиц поименованным в § 28 «Правил», и таким образом 20 дня апреля Костромской комитет воспринял свое открытие». Что касается § 28, в качестве постоянных членом в состав комитета входили все высшие чиновники губернской администрации: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, почетный попечитель гимназии, прокурор, инспектор врачебной управы, управляющий удельной конторой, губернский директор училищ и член духовной консистории по избранию епархиального архиерея. Также постоянными членами и членами-корреспондентами могли стать люди, пользующиеся общим уважением⁶. На первом собрании Костромского комитета в постоянные члены был избран определенный в губернию в статистическую службу из Кавказского саперного батальона штабс-капитан Бартнев, в члены-корреспонденты «положено избрать на первый раз Статского советника П. П. Свинына, как костромского помещика; и известного здесь ученой деятельностью ректора Губернской семинарии архимандрита Афанасия»⁷.

Предполагая большие объемы статистических работ, правила, тем не менее не давали точных методических указаний и не предусматривали вознаграждение сотрудников за труд, что, естественно, не могло не приводить к трудностям комплектования комитетов. Костромской комитет относился к предстоящим работам со всей ответственностью, понимая, какая рутина ждет членов комитета: «по необходимости делать выбор и извлечения из множества хранящихся в архивах и канцелярии документах, и даже (если уже начать судить) по требованиям точности, то нельзя не признать что до сей точности далеко не достигают многие официальные ведения, обыкновенно собираемые форменным порядком людьми низшей инстанции»⁸. Поэтому вопрос о выборе такой должности, как производитель статистических работ, был поставлен самым первым. «Производитель статистических работ комитета вынужден будет так же лично сам, на месте проверять или собирать нужные материалы... должность займет и потребует всего времени, какое может употребить человек деятельный». Ввиду всех этих фактов, на должность правителя дел решено было выбрать постоянного члена комитета Бартнева как человека, имеющего опыт по статистической части. Но в то же время комитет считал необходимым «надлежащее обеспечение и вознаграждение» такой деятельности. «Потребно назначить приличное жалование и необходимую сумму на канцелярию»⁹.

После первого заседания только открывшегося статистического комитета был сформулирован ответ в МВД в виде ходатайства: «Так как статистические

описания полезное государственное предназначение обещают и собственно Костромской губернии великие выгоды для развития ее способов и устройства, то комитет предоставил мне ходатайствовать:

1. Чтобы дозволено было исчислению на ежегодное содержание Костромского губернского статистического комитета по следующему счету: жалование правителю дел в размере 1 500 р., он же производитель статистических работ, при нем писцу – 300 р., на канцелярские расходы – 200 р., итого – 2 000 р.

2. Чтобы дозволено было причитающеюся на нынешний 1835 г., считая открытие Костромского комитета часть таковой суммы, выдавать из числа общих остатков земских боров за текущее трехлетье»¹⁰.

Вопреки бытующему мнению, что из-за отсутствия средств и загруженности членов комитета они совершенно бездействовали, стоит отметить, что после первого последовали и следующие заседания Костромского комитета, где, помимо избрания новых членов, рассматривались и первые работы членов-корреспондентов (например, архимандрит Афанасий выразил желание перевести статью Блума «Статистические сведения о России»). На темпы работы губернского статистического комитета в значительной мере влиял выбор Правителя дел. Таковым, например, был инспектор врачебной управы надворный советник Соломон, который создал целый отдел из документов и работ, посвященный истории и статистике Костромской губернии. Кроме того, в собранных в 1835–1843 годы статистических данных имелись ценные сведения по межеванию и топографии уездов и волостей губернии, частных землевладений с подробным описанием их исторических, географических, экономических, демографических и административных характеристик¹¹.

Костромской губернский статистический комитет с момента своего создания ответственно и серьезно отнесся к работе по сбору и анализу статистических данных, характеризующих губернию в различных отношениях. Статистика рассматривалась им не как прихоть столичной администрации, а как полезное и необходимое для губернии дело.

Примечания

¹ *Захарова И. М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 35.

² Цит. по: *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889, Т. 1. С. 227.

³ *Корнев В. П.* Видные деятели отечественной статистики, 1886–1990: биограф. сл. М., 1993. С. 37–39.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–4.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Отд-ние 2-е. СПб., 1835. Т. 9. С. 366.

⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2об.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 14.

П. А. Комиссаров

*г. Кострома***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
ПО БОРЬБЕ С РАСКОЛОМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В конце XIX в. раскол в Российской империи представлял значительную силу. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории Костромской епархии проживало старообрядцев и уклонившихся от православия 39 718 человек, что составляло 2,86 % от населения епархии¹, причем 30 894 человек, или 77,8 %, сосредоточены в двух смежных между собой уездах – Варнавинском (20 441 человек) и Макарьевском (10 453 человека), соседних с Нижегородской губернией, которая являлась важным очагом старообрядчества в России². Эти данные противоречат информации епархиального архиерея, который в отчете за 1897 г. указывал численность раскольников на целых 16 000 человек меньше³. По сведениям, собранным в 1893 г. советом Костромского Феодоровско-Сергиевского братства, в епархии насчитывалось до 36 995 душ раскольников самых различных толков, в том числе последователей: австрийского согласия – 7 012 человек, поморского – 8 880, федосеевского – 2 594, спасова – 3 312, филлиповского – 1 127, странников – 3 006, беглопоповцев – 4 650 человек⁴. В любом случае абсолютно точное число раскольников было подсчитать чрезвычайно трудно, однако на основании этих данных можно сделать вывод, что в Костромской епархии было несколько десятков тысяч старообрядцев различных толков к концу XIX в.; целью же духовных властей было как можно большее число раскольников обратить в православие.

Борьба с расколом и сектантством была нелегкой задачей как для всего духовенства Российской империи, так и для лиц духовного звания Костромской епархии в частности. Среди основных причин устойчивости раскола, на основании Всеподданейших отчетов обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания, можно выделить давность существования раскола: любой раскольничьей семье крайне трудно было отказаться от традиций предков, навыков, взглядов, склада жизни, которые они унаследовали от предыдущих поколений. Большую опору встречал раскол в своих последователях, которые занимали общественные должности либо были крупными торговцами и заводчиками. Бедные раскольники только из-за экономических и коммерческих связей с членами раскольнической общины вынуждены были оставаться в расколе. Об этом свидетельствуют архивные документы. Так, в 1886 г. несколько крестьян с. Никольское-Аладыно – Алимпий Тихомиров, Иван Исааков, Василий Арефьев, Алексей Космин, Алексей Марков и вдова Васильева – со своими семьями отошли от православия в раскольническую поморскую секту⁵. Поводом к уклонению в раскол послужили своеволие и влияние купцов, проживающих в селе Яковлевском, Сидорова и Крымова⁶.

В 1880 г. обер-прокурором Святейшего синода был назначен К. П. Победоносцев – ярый приверженец консерватизма, и с этого же года в деле борьбы

с расколом ознаменовался новый этап. На этот раз синодальная политика была направлена не на ограничение прав раскольников, а на убеждение их в православной вере посредством миссионерской деятельности и обращения в единоверие. Кратко определим основные моменты этой политики.

Еще в 1866 г. Синод предоставил местным епархиальным властям учреждать должности епархиальных миссионеров с отнесением расходов на их содержание на местные средства⁷. С 1886 г. во всех духовных семинариях, в том числе и Костромской, учреждались самостоятельные кафедры по истории и обличению русского раскола. К учреждаемой кафедре был присоединен однородный предмет – «Сравнительное или Обличительное богословие». Должность семинарского библиотекаря возлагалась на преподавателя Обличительного богословия и Учения о расколе и сектантстве⁸. В 1887 г. в Костромской епархии было вновь открыто братство Преподобного Сергия, имеющее целью распространение духовно-нравственного просвещения в пределах епархии и противодействие расколу.

29 июня 1887 г. в Москве состоялся миссионерский съезд, на котором присутствовал и представитель от Костромской епархии. Наряду с утвержденными общими мерами по борьбе с расколом и сектантством, было составлено «Поучение к глаголемым старообрядцам». Синод постановил напечатать «Поучение...» и препроводить к епархиальным преосвященным для рассылки по церквам в руководство приходским священникам при беседах с раскольниками⁹. Следующие миссионерские съезды проходили в 1891 г. – в Москве, 1897 г. – в Казани.

В 1888 г. Синодом были обнародованы правила к руководству духовенства, выработанные бывшим в 1887 г. в Москве съездом миссионеров, а также правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров по отношению к раскольникам и сектантам. Правилами была установлена необходимость иметь в каждой епархии, где существуют раскольники или последователи рационалистических сект, не только одного или нескольких миссионеров, но и особых миссионеров по уездам или по благочинническим округам из местных приходских священников или из среды мирян¹⁰. На приходских священников была возложена обязанность проведения для народа бесед и чтений, учреждение церковно-приходских школ и школ грамоты, особенно в местах, где число раскольников значительно, распространение книг, листов и брошюр, обличающих раскол.

Костромское Феодоровско-Сергиевское братство в 1892 г. положило начало противораскольнической миссии в епархии; для 8 уездов было назначено 5 миссионеров и им на разъезды и за труды определено по 200 рублей ежегодно каждому, причем от братства они снабжались необходимыми им для беседований с раскольниками старопечатными книгами. Поучительным примером для этих миссионеров, начинающих борьбу с расколом, и для приходских священников служили беседы с раскольниками в конце 1892 г. миссионера-слепца А. Е. Шашина (члена Московского братства святого Петра митрополита), приехавшего в Кострому по приглашению архиерея и вступавшего в беседы с раскольниками в разных местностях епархии¹¹.

Епархиальный миссионер появился в Костромской епархии только в 1899 г. Им стал Иоанн Иванов, священник с. Георгиевское, окружной миссионер Кинешемского и Юрьевецкого уездов. В 1903 г. после его смерти несколько месяцев исполняющим должность епархиального миссионера был Сергей Романовский, преподаватель Костромской духовной семинарии. Затем, с сентября 1903 г. до 1913 г., должность костромского епархиального миссионера занял Евфимий Зубарев, бывший ранее витебским епархиальным миссионером¹². Со второй половины 1890-х гг. у миссионеров появляются официальные помощники из числа мирян и приходского духовенства: отставной унтер-офицер Флегонт Андреев, крестьянине Василий Разумов и Иван Статъин, священник с. Вая Харламий Шашилов¹³.

Таким образом, «Правила об устройстве миссий» имели огромное значение в миссионерской деятельности Церкви. Теперь миссионерство стало обязательным для каждого священника, в приходе которого были раскольники. «Правила...» также утвердили способы борьбы с расколом, основным из которых признавалось проведение бесед со старообрядцами. Миссионеры и приходские священники должны были вести споры с представителями раскола, вступать в полемику, отстаивать свою точку зрения, доказывать несостоятельность раскольнических учений. Для этого необходимо было изучать литературу, состоящую главным образом из старопечатных книг, что вызвало необходимость открытия библиотек при церквях и благотворительных округах (табл. 2). Результативность подобных бесед определить сложно. Количество переходов из старообрядчества в православие колебалось (табл. 1). Другой важной мерой противодействия расколу являлось открытие церковно-приходских школ, особенно в местностях, где влияние раскольников было ощутимо.

Таблица 1²⁴

Количество присоединившихся из раскола разных толков в Костромской епархии по годам

Год	Присоединившиеся к православию из раскола на принципах единоверия	Присоединившиеся к православию из раскола безусловно	Общее число присоединившихся к православию из раскола
1884	10	37	47
1885	12	41	53
1886	15	47	62
1887	81	30	111
1888	0	63	63
1889	8	30	38
1890	94	28	122
1891	86	81	167
1892	15	133	148
1893	3	214	217
1894	6	157	163
1895	10	125	135
1896	431	237	668
1897	95	125	220

Окончание табл. 1.

Год	Присоединившиеся к православию из раскола на принципах единоверия	Присоединившиеся к православию из раскола безусловно	Общее число присоединившихся к православию из раскола
1898	67	575	642
1899	6	243	249
1900	238	166	404
1901	53	265	318
1902	448	185	633
1903	104	136	240
1904	0	70	70
1905	165	27	192

Таблица 2²⁵

Количество единоверческих церквей и библиотек в Костромской епархии за разные годы

Год	Единоверческих церквей	Библиотек (при церквях и благочиннических округах)
1884	9	Нет данных
1890	9	–
1895	9	677
1900	12	701
1905	22	703

Политику Синода в Костромской епархии проводило в жизнь епархиальное начальство – архиерей и духовная консистория. Дела о раскольниках рассматривал 1-й стол канцелярии Костромской духовной консистории. Согласно уставу духовных консисторий, принятому в 1841 г., если кто-либо уклонялся в раскол, то местные приходские священники немедленно приступали к мерам наставления и увещания, которые, если бы не достигали целей, повторялись со стороны епархиального начальства через тех же священников или других духовных лиц. При безуспешности таких мер уклонившийся в раскол после извещения консисторией гражданского начальства вызывался и увещался в присутствии консистории и, смотря по надобности, лично архиереем¹⁴. После принятия нового Устава духовных консисторий в 1883 г. усомнившиеся в православии теперь не вызывались в присутствие¹⁵, так как данная мера не была эффективной: ведь путешествие в епархиальный центр стоило денег, времени и десятков, а то и сотен километров пути. Поэтому все бремя склонения уклоняющегося в раскол к православию ложилось на местного приходского священника. Консистория теперь лишь назначала священника, который должен был вести беседы и проводить увещания с уклоняющимся в раскол. В Государственном архиве Костромской области сохранилось немало документов, согласно которым лица православного вероисповедания отходили в раскол. Если в благочинии,

волости или уезде обнаруживались какие-либо противозаконные действия раскольников, например устройство раскольнических моленных, незаконные погребения умерших по расколу, то консистория после получения соответствующей информации от благочинного или церковного причта докладывала об этом гражданским властям.

Так, в ноябре 1888 г. раскольник д. Краснова Нерехтского уезда крестьянин Николай Безуматов самовольно лишил христианского погребения умершего своего сына Ефима, зарыв его тело на недозволенном месте. Раскольники д. Краснова перекрещивали детей православных родителей, воспитывали их в духе раскола. После доставления этих сведений присутствие Костромской духовной консистории в лице кафедрального протоиерея Иоанна Поспелова, протоиерея Павла Богословского, протоиерея Александра Красовского отправила прошение прокурору Костромского окружного суда возбудить против раскольников указанной деревни судебное преследование¹⁶.

Желающего присоединиться к православию из раскола приходской священник присоединял по церковному чину, брал с него подписку о пребывании в православии и записывал присоединение в метрическую книгу.¹⁷ Раскольники могли присоединяться к православию как безусловно, так и на принципах единоверия. Последнее в указанный период получает распространение особенно с 1890-х гг. В Костромской епархии за 10 лет (1895–1905 гг.) количество единоверческих приходов увеличилось с 9 до 22 (табл. 2). К 1905 г. в епархии насчитывалось 11 472 единоверцев¹⁸.

О немаловажном значении единоверия в борьбе с расколом свидетельствуют и архивные документы. Так, в 1896 г. миссионер с. Баков Варнавинского уезда Никанор Николаевский вместе с другими православными священниками уговорил присоединиться к Православной церкви 535 человек на правах единоверия, так как им тяжело было расстаться со старыми обрядами¹⁹. Специально для новообращенных был открыт при церкви у д. Большое Тришково Варнавинского уезда самостоятельный единоверческий приход и назначен консисторией священник Иван Кузнецов, недавно присоединившийся к православию на правах единоверия²⁰.

Обо всех присоединившихся к православию в течение года раскольниках и сектантах, а также о присоединенных к православию иноверцах и о крещенных православными священниками детях иноверных родителей церковные причты предоставляли епархиальному архиерею ведомость один раз в год в начале января следующего года за подписью всего причта, совершавшего присоединение или крещение²¹. О числе присоединившихся по епархии от раскола и разных сект, а также присоединившихся к Православной церкви из других вероисповеданий, преосвященные предоставляют Синоду ведомости по прилагаемым формам также 1 раз в год²². Все духовенство при представлении благочинным отчетов в начале января каждого года начиная с 1894 г. было обязано доставлять в консисторию сведения о числе сектантов, находящихся в каждом приходе, с подразделением их по категориям сект и ересей²³.

Со смертью К. П. Победоносцева, началом первой русской революции и принятием указа от 17 апреля 1905 г. миссионерская деятельность ненадолго приостановилась, однако уже с 1908 г. начался ее новый этап.

Итак, в данной работе мы попытались рассмотреть роль Костромской духовной консистории в борьбе с расколом в 1880–1905 гг. Консистория как орган епархиального управления подчинялась только Синоду и епархиальному архиерею и только от них получала указания. В указанный период политика Синода по борьбе с расколом и сектантством сводилась к миссионерской деятельности и распространению единоверия. Духовные консистории и епархиальные архиереи должны были эффективно способствовать проведению этой политики на местах. В противодействии расколу консистория действовала через Костромское Феодоро-Сергиевское братство, гражданские власти, благочинных, приходских священников, миссионеров, отдавая им указы и распоряжения. От указанных лиц и учреждений епархиальное начальство получало сведения о расколе и доносило их обер-прокурору Святейшего синода. Консистория являлась связующим звеном между Синодом и духовенством епархии. Напрямую члены присутствия и тем более канцелярии консистории борьбу с расколом не вели. И вся тяжесть миссионерской деятельности возлагалась на приходских священников и миссионеров. Миссионерская деятельность реализовывалась посредством бесед с раскольниками, распространения книг, брошюр и листовок антираскольнической направленности, устройства церковно-приходских школ, открытия новых библиотек при церквях. Эти меры, на первый взгляд, могут показаться малоэффективными, но, тем не менее, судя по количеству присоединившихся к православию из раскола, можно сделать вывод об относительном успехе миссионерской деятельности в Костромской епархии в указанный период.

Примечания

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Костромская губерния. Спб.: Центр. статист. комитет Мин-ва внутр. дел, 1903. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1902 год. Спб., 1905. С. 199.

⁴ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного вероисповедания за 1892 и 1893 годы, – Спб., 1895. С. 278.

⁵ ГАКО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 776. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 4, об.

⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1886 год. Спб., 1889. С. 74.

⁸ Там же. С. 144.

⁹ Там же. С. 73.

¹⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1888–1889 годы. Спб., 1892. С. 88.

¹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1892–1893 годы. Спб., 1896. С. 184–185.

¹² *Наградов И. С.* Государственно-церковная конфессиональная политика и ее влияние на развитие старообрядчества в 1855 – феврале 1917гг. (на материалах Костромской и Ярославской губерний): дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Кострома, 2005. С. 110.

¹³ Отчет о состоянии и деятельности Костромского Православного Федоровско-Сергиевского братства за 1896 г. // Приложение к официальной части КЕВ. 1897. С. 9–12.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 16. Отд. 1. Спб., 1842. С. 224.

¹⁵ Там же. Собр. 3-е. Т. 3. Спб., 1886. С. 113.

¹⁶ ГАКО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2049. Л. 8об.

¹⁷ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 3. Спб., 1886. С. 113.

¹⁸ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. Спб., 1910. С. 36, прил.

¹⁹ ГАКО. Ф. 130, Оп. 1, Д. 3984, Л. 1об.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 3. Спб., 1886. С. 114.

²² Там же. С. 116.

²³ Всеподданейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1892–1893 годы. Спб., 1896. С. 321.

²⁴ Таблица составлена на основании приложений к Всеподданейшим отчетам обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1884–1907 годы.

²⁵ Таблица составлена на основании приложений к Всеподданейшим отчетам обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1884–1907 годы.

И. А. Кузьмичев

г. Кострома

ГАЛИЧ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА: ХОД И ИТОГИ ПОСАДСКОГО СТРОЕНИЯ 1649–1652 ГГ.

Восстановление государственного хозяйства и всей системы управления после Смуты требовало значительных человеческих и материальных ресурсов, изыскание которых стало первостепенным делом нового правительства. Москва была заинтересована в налаживании стабильных налоговых поступлений с тяглогового посадского населения, однако был выбран быстрый и экстенсивный путь, который мог только отложить разрешение системного кризиса до лучших времен.

Известный ученый, занимающийся историей возникновения и развития городов от Древней Руси до России XVII века – П. П. Смирнов выделил 3 основные проблемы, разрешить которые требовало посадское тягловое население провинциальных центров Московского государства.

«Программа посадских людей, помимо изгнания из страны иноземных торговцев, в чем заинтересованы были, главным образом, гости, состояла в разрешении вопросов о возвращении горожанам отторгнутых у них разными путями земель и вообще о достаточном наделении городов землею, об уничтожении

закладничества и принуждении всех занимающихся по городам торговлей и промыслами нести посадское тягло и войти в состав посадского класса, за которым должно признать исключительное право на городские торги и промыслы»¹.

Если мы вспомним историю хозяйственного развития галичского посада в XVI веке, то увидим, что события Смуты только обострили уже существовавшие на протяжении десятилетий те самые 3 основные проблемы: земельную, торгово-промыслово-ремесленную и налоговую.

По писцовым материалам второй четверти XVII века в г. Галиче насчитывалось: 599 тяглых посадских дворов, жителей в которых было 217 человек; в «белых» 118 дворах проживало 155 человек; нищих – 12 дворов и 14 человек².

Эта очередная перепись Галича приходилась на кульминационный этап деятельности правительства Морозова, которое хорошо известно своими радикальными действиями, нацеленными на пополнение государственной казны. Однако многие действительно необходимые реформы, такие как увеличение в некоторых крупных городах тяглового посадского населения, унификация и государственный контроль над «мерами», используемыми в торгово-промышленных операциях, соседствовали с крайне неудачными решениями. К последним следует в первую очередь отнести введение соляного налога, взимание недоимок с посадского населения за несколько лет, резкое урезание жалования служилым по прибору людям.

В конечном итоге, Морозов настроил против себя практически все слои городского общества, последней каплей для которых стала «...волокита, и волокита грандиозная, кажется, еще небывалая даже в московской практике...»³, которая фактически ликвидировала устоявшееся десятилетиями (возможно столетиями) право «простого люда» на обращение в «справедливый суд» высшей инстанции – «челобитье государю».

После городских восстаний, события которых хорошо описаны в отечественной историографии, и созыва земского собора на места были направлены так называемые «стройщики» – представители Москвы, главной задачей которых была реализация 19-й главы Соборного уложения. Особенно галичских тяглых посадских людей должна была интересовать реализация 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й статей указанной главы⁴.

В Галиче в тягло было отписано всего 59 дворов⁵ и зафиксировано 10 случаев продажи беломестцами своих дворов, лавок и амбаров⁶, что следует признать незначительной мерой. Тем более что «качественный» состав новых тяглецов оставлял желать лучшего. Из всех упоминающихся среди переведенных в тягло людей прямые и косвенные указания на занятие ремеслом или промыслом имеются только у 13 человек.

1. «...Во дворе Дениско Филиппов сын Шапошников...»
2. «...Во дворе Савинко Филипов Шапошников...»
3. «...Во дворе Петрушка Васильев сын коновал...»
4. «...Старинной Галичанин посадской человек Ивашко Пантелеев сын пивоваров...»
5. «...Вольные люди Федорейко Мелентьев сын мельник у него два племянника Янка да Федька Еуфимьев и дети жили в Галиче на посаде на сторо-

торжбе в наемном дворе посадцкого человека Ивашка Сошова живут в Галиче лет с тридцат делают мельницы...»

6. «...Вольной человек Левка Давыдов сын иконописец...»

7. «...Старинной Галичанин посадцкой человек Ивашко Михайлов сын колотилщик...»

8. «...Старинной посадцкой человек пронка Тимофеев сын рудомазин...»

9. «...Старинной Галичанин посадцкой человек Ивашко Родивонов сын рудомазин...»

10. «...били челом царю иванов дворник Сытина Ивашко Семенов сын калачник да волной человек Федка Иванов сын портной мастер чтоб им быть по промыслом в Галиче на посаде в тягле...»⁷

Можно, конечно, охарактеризовать это как первые шаги по реализации решений Земского собора, но сохранившиеся сведения о посадском строении за последующие года убеждают нас в обратном.

Содержание царской грамоты в Галич от 15 сентября 1649 года о запрещении боярским и монастырским крестьянам иметь лавки, амбары и варницы дает нам возможность понять, как на местах решалась одна из трех значимых для черных посадков проблем – утверждение монополии тяглого посадского населения на торгово-ремесленную и промысловую деятельность в городах.

«Били нам челом Галичане посадские люди, земской староста Илейка Кузмин и во всех посадских людей место, а сказали: в прошлом де во 157 году, по нашему указу, прислан был в Галич Микифор Жедринской, а по нашему указу и по соборному уложению велено в Галиче, на посаде, которые боярские и монастырские и всяких чинов люди и крестьяне тяглые дворы и лавки, и онбары, и погребы покупили и поймали в заклады, продавать тяглым посадским людем... а Микифор де Жедринской боярским и монастырским и всяких чинов людем и крестьяном, нороя им, с посадския с черныя земли дворов им и лавок и онбаров продавать не велел и земли им в посад не очистил, а имал по них поручныя записи и давал им сроки большие...»⁸

Как мы видим, после проведения официального строения в жизни галичского посада никаких существенных изменений не произошло. Не были решены ни земельная, ни торгово-промысловая проблемы. Лишь частично, за счет отписанных в тягло 59 дворов, было облегчено налоговое бремя посадской общины. Однако следует понимать, что это облегчение коснулось только тех налоговых статей, выплаты по которым распространялись на всю общину.

За царской грамотой от 15 сентября 1649 года последовало распоряжение приказа сыскных дел, в котором прописывался трехмесячный срок обязательной продажи беломестцами дворов, лавок, амбаров и т. д., а так же составление ценовых ведомостей. Однако и это указание центральной администрации, по крайней мере до 1652 года, не было воплощено в жизнь: «...по ся места о том ничего к государю не писывали и против государевых грамот книг и перечневой выписки и ценовых памятей не присыльвали»⁹.

Интересным является тот факт, что дворы отписывались в основном у монастырей и церквей, в то время как значительная часть нетяглых дворов

бояр, дворян, детей боярских и разных служилых по прибору людей оставалась нетронутой.

«Их (помещиков, дворян и детей боярских) было в стране около 25–30 тыс. человек, и, по переписным книгам 1646 г., они имели в городах не менее полутора тысяч осадных, крестьянских и бобыльских дворов. Только ничтожное меньшинство, менее одного процента (0,9 %) среди них пострадало при осуществлении посадского «строения»¹⁰.

«К общему количеству служилых приборных людей, которых в Московском государстве в 1650 г. было около 60 846 человек, взятые в тягло и вообще затронутые посадским строением составляют очень небольшой процент, а именно около 2 %»¹¹.

Т а б л и ц а

Подвергшиеся конфискации социальные группы¹²

Владелец дворов	Количество дворов
4 монастыря	26
3 церкви	10
Светские вотчинники	3
Помещики	1
Разных чинов люди	19
Всего:	59

Как видим по таблице, в Галиче у вышеперечисленных групп населения был отписан всего 1 двор, что составляет от общего числа около 1,7 %, как и в среднем по стране.

Объясняется такое неравномерное распределение отписанных дворов, в первую очередь, нежеланием правительства идти на конфликт с людьми, составлявшими основу военной мощи государства и способными, как показали события 2–5 июня 1648 года, повернуть свое оружие против коррумпированного чиновничьего аппарата. Также белые слободы, принадлежавшие патриаршему дому, живущие по средневековому укладу, ориентированному на натуральное хозяйство, мешали развитию торговых отношений. В Галиче, помимо всего прочего, мощь посадской общины была подорвана многократными разорениями города в Смугное время, и к началу «строения» тяглое посадское население, основную массу которого составляли «молодые люди», бобыли и нищие, не могло активно и результативно отстаивать свои интересы.

П р и м е ч а н и я

¹ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века Т. 2. М.; Л., 1948. С. 218.

² См. подробнее: Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники // УЗ МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 9. Вып. 1. С. 107.

³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века Т. 2. С. 62.

⁴ См. подробнее: Маньков А. Г., Ивина Л. И., Абрамович Г. В., Миронов Б. Н., Паняев В. М. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 99–100.

⁵ Здесь под словом «двор» мы понимаем как сами отписанные в тягло дворы, так и переведенные в тягло семейства, которым должны были отводиться места под строительство в тех или иных улицах, слободках и прочих территориальных единицах.

⁶ См. подробнее: РГАДА. Ф. 137. Суздаль. Кн. 1. Л. 89 об. – 107.

⁷ РГАДА Ф. 137. Суздаль. Кн. 1. Л. 90 об. – 100.

⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 4. Спб., 1836. С. 59.

⁹ Цит. по: *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 110.

¹⁰ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. С. 612.

¹¹ Там же. С. 626.

¹² Там же. С. 589.

Е. С. Иванова

г. Кострома

ОРГАНЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ВЫБОРЫ В НИХ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Система городского самоуправления, действовавшая в Российской империи в первой четверти XIX в. сложилась в большей своей части в последней четверти XVIII в. в ходе реформ Екатерины II. В городах на выборных началах функционировали шестигласная дума, магистрат (в малых городах ратуша), сиротский и словесный суды. Городское общество на 3 года избирало городского голову, бургомистров, ратманов, депутатов для составления городской обывательской книги, заседателей от городского сословия в общие и сословные учреждения; на 1 год – городского старосту, судей словесного суда и т. д.¹ Кроме общегородских органов управления, функционировали и разрядно-сословные органы.

Первичным органом городского самоуправления в городе было городское собрание, состоящее из всех «городовых обывателей». Законодательство предусматривало, что правом голоса на собраниях «общества градского» могут пользоваться лица, достигшие 25 лет, обладавшие капиталом, «с которого проценты не ниже пятидесяти рублей». В тех городах, где соответствующих капиталов не водилось, дозволялось снизить имущественный ценз². Граждане лишались права голоса по причине судимости, банкротства, а иногда и без решения судебных органов на основании приговора общества³.

Распорядительным органом сословного самоуправления, учрежденным «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи», являлась общая городская дума, состоящая из городского головы и гласных от всех 6 групп населения города (городовых обывателей, купцов всех гильдий, цеховых ремесленников, «иногородних и иностранных гостей», именитых граждан и посадских людей). Собираясь 1 раз в 3 года (за исключением экстренных случаев), общая городская дума избирала исполнительный орган – шестигласную думу, в которой

каждая группа населения имела по одному гласному⁴. Шестигласная дума решала вопросы, связанные с деятельностью городского хозяйства (вопросы снабжения города продовольствием, развития торговли), должна была стремиться к увеличению доходов «на пользу города», следить за состоянием общественных зданий. Кроме этого, дума должна была «сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие»⁵.

Руководил деятельностью шестигласной думы городской голова, который также председательствовал в сиротском суде, руководил выборами на все должности городского самоуправления, участвовал в составлении городской обывательской книги. А. И. Куприянов отмечает, что на практике городской голова часто расширял границы своей компетенции, сосредоточивая в своих руках огромную власть⁶.

Выборными судебными органами являлись городской магистрат (в малых городах ратуша) с состоящим при нем сиротским суде, а также словесный суд.

В городской магистрат избирались 2 бургомистра и 4 ратмана (в ратуши – 1 бургомистр и 2 ратмана). Двое ратманов заседали также в Управе благочиния⁷.

Бургомистры городского магистрата были фактически выборными должностями городских имперских чиновников, осуществляющих правовой надзор за деятельностью городской думы и контроль за отправлением правосудия⁸.

Находящийся при магистрате сиротский суд (в составе городского головы, членов магистрата и городского старосты) занимался попечением «о оставшихся в том городе после всякого звания жителей малолетних сиротах и их имений», а также «о вдовах и их делах»⁹.

Словесный суд занимался разбором исключительно гражданских дел – споров, связанных с имущественными и брачно-семейными отношениями¹⁰.

В историографии нет единого мнения о престижности службы в органах городского самоуправления. Советские историки считали, что всесторонний контроль за деятельностью органов местного самоуправления со стороны губернских органов государственной власти приводил к равнодушию городских сословий к службе в органах самоуправления и уклонению от нее¹¹. Современные историки говорят о необходимости корректировки данных выводов и находят причины, почему горожане хотели бы исполнять выборные должности¹².

Так, А. К. Семенов видел объяснение причин популярности должности городского головы в среде купечества в том, что городской голова, хотя и не получал жалованья, но имел почетный статус главы местного самоуправления, что делало его заметным в номенклатурных кругах и прямо способствовало переходу в высшую – первую гильдию через губернские подряды и откупа. К тому же городской голова был реальным распорядителем городского имущества и финансов и мог непосредственно влиять на благополучие подавляющего большинства городских граждан¹³.

Выборы были организованы с учетом того, что в них участвовали и неграмотные избиратели, поэтому баллотировку производили деревянными шарами. Ящик, в который опускали шары, был разделен внутри на 2 части. Снаружи на одной из сторон ящика были сделаны 2 крупных отверстия. Над правым

отверстием была надпись «избираю», над левым – «не избираю». После завершения голосования по каждой кандидатуре шары вынимали, пересчитывали, а затем баллотировали следующего претендента. Избиратели голосовали не за единственного кандидата, а за любое их число. Избранным считался тот, кто получил больше голосов. Выдвижением кандидатов занимались дума и городской голова. Впрочем, по закону после проведения выборов городского головы следовало его утверждение губернской властью, а лишь затем проводились выборы на другие должности. После приведения к присяге уже новый городской голова получал право предлагать кандидатов на другие должности. За соблюдением установленных процедур наблюдали представители государственных структур: полицмейстер (в уездном городе – городничий) и стряпчий¹⁴.

По закону возможность губернаторов вмешиваться в ход выборов сводилась к утверждению в должности победивших кандидатов. Но на рубеже XVIII–XIX вв. некоторые губернаторы, игнорируя закон, активно вмешивались в ход проведения выборов, особенно дворянских. Поэтому указом от 16 августа 1802 г. губернаторам предписывалось не вмешиваться в выборы и «не домогаться по желанию своему одних избрания, а других отдаления от должностей»¹⁵.

В разных городах Костромской губернии и в разные годы выдвигалось неравное количество кандидатов на различные должности. В некоторых городах выдвигались только 2–3 кандидата на одну должность, в других – более 10. Зависеть это могло, в первую очередь, от количества горожан, имеющих право участвовать в выборах и быть избранными, а также престижности и выгоды исполнения выборных должностей в разных городах. Так, в Парфеньеве и Чухломе при выборах в 1803 г. на должности городского главы, бургомистра и ратманов претендовало всего по 2, а в Буге – по 3 кандидата, причем кандидаты баллотировались только на одну должность¹⁶. Но, как показывают избирательные протоколы, в большинстве городов существовала практика, когда одного кандидата предлагали на разные должности.

При выборах в 1803 г. в Пучеже двое из кандидатов – купцы Д. А. Проскуряков и Б. И. Носов – баллотировались на 7 должностей: городского головы, бургомистра, первого и второго ратманов, старост от купечества и мещанства, словесных судей, но так и не были избраны¹⁷. Причины представления одних и тех же кандидатов могут быть разными: от стремления самого кандидата участвовать в управлении до стремления выборных лиц во главе с головой заставить определенных кандидатов нести общественную службу. Факты, когда граждане не выбирали несколько раз предложенного им кандидата, могут говорить о том, что они не соглашались доверить некоторым навязываемым кандидатам ответственные должности в городском самоуправлении, вероятно сомневаясь в их способности принести пользу городу и своим согражданам¹⁸.

В Плесе при выборах в 1803 г. на должность городского головы было выдвинуто 18 кандидатов (2 купца и 16 мещан), на должность первого и второго бургомистров 17 кандидатов (3 купца и 14 мещан), на 4 места ратманов претендовало 18 кандидатов (2 купца и 16 мещан), причем 15 из кандидатов баллотировались до этого в городские головы и бургомистры. А при выборах

в 1817 г. на каждую должность претендовало по 2 кандидата, причем кандидаты баллотировались только на одну должность¹⁹.

Интересен пример Луха, где в выборах в 1814 г. участвовало 100 человек, причем каждый из кандидатов баллотировался только на одну должность. В выборах на должности городского головы, бургомистра, ратманов и гласных в думу участвовало 18 кандидатов. При выборах в словесный суд баллотировались все оставшиеся присутствующие 82 человека. Те, кто не был избран словесными судьями, по большинству баллов заняли должности городских старост и квартальных надзирателей²⁰.

В историографии, на основании изучения законодательства рассматриваемого периода, сложилось мнение, что на наиболее важные должности надлежало избирать купцов, а не мещан. Изучая протоколы выборов в Костромской губернии, можно увидеть, что это мнение не является неоспоримым.

Так, в Кадые на выборах 1803 г. должности городского головы и бургомистра заняли мещане, а ратманов – купцы, а в Варнаvine должности городского головы, бургомистра и одного из ратманов заняли мещане, а второго ратмана – купец²¹. При выборах в 1814 г. в Больших Солях из 15 кандидатов в городские главы, бургомистры, ратманы, в совестный суд и гласных в думу, только трое являлись купцами, двое из которых претендовали на должности ратманов. В Юрьевце на должность городского головы претендовали 5 кандидатов и все из мещан. Вообще при этих выборах в баллотированных списках значится только один купец (при баллотировании в ратманы)²². А при выборах в 1803 г. в Буге на должности городского головы, бургомистра и ратманов баллотировались только мещане²³.

В Галиче же, наоборот, при выборах в 1814 г. на занятие должностей городского главы, бургомистров и ратманов претендовало 15 кандидатов: 13 – из купцов и только 2 – из мещан. Но на должности были выбраны представители только купеческого сословия²⁴. В Кинешме при выборах в 1803 г. в городские главы, первые и вторые бургомистры, первые и вторые ратманы баллотировались только купцы. А в третьи и четвертые ратманы баллотировались представители только от мещан²⁵. При выборах в 1814 г. в городские головы было 4 кандидата из купцов, в первые и вторые бургомистры – по 3 кандидата также только из купцов, причем двое из неизбранных в первые бургомистры баллотировались и во вторые бургомистры²⁶.

Объясняется это, в первую очередь, соотношением количества купцов и мещан в данном городе и отсутствием достойных кандидатов из купцов. Так, в таких развитых торговых городах, как Галич, Кинешма, Кострома, купцы занимали самые престижные должности, а в таких городах, как Варнавин, Буй, Кадый, где торговля была менее развита и существовала «нехватка достойных купцов», главные должности занимали мещане.

Иногда в баллотированных списках, подаваемых губернатору на утверждение, представлялась дополнительная информация о кандидатах: возраст, грамотный человек или нет, занимал ли раньше выборные должности. В баллотированных списках, подаваемых из Макарьевской городской думы, указывается, грамотный человек или нет. При анализе этих данных видно, что на выборах в 1803 г.

из 15 кандидатов в должности городского головы, бургомистров и ратманов избранные вторым бургомистром, первым и третьим ратманом «грамоте не умеют»²⁷. При выборах в 1814 г. из 15 кандидатов пятеро «грамоте не умеют», причем трое из них были избраны на различные должности. Один из них – А. И. Лапшин – с солидным преимуществом перед другими кандидатами, был избран городским головою, и еще двое были избраны вторым и четвертым ратманами²⁸. При выборах в 1817 г. из 14 кандидатов только 4 были неграмотными и претендовали они на должности ратманов²⁹.

Иногда избранные отказывались от занятия должностей. Так, при выборах в 1814 г. избранный ратманом в костромской магистрат купец Илья Калашников не смог занять свою должность из-за болезни. Эту должность занял стоящий после него по баллотированному списку старшим кандидатом купец Афанасий Волков, «добровольно изъявивший желание». В это же время в Юрьевце также из-за болезни не смог занять должность бургомистра В. А. Котельников и на его место заступил старший по баллотированию кандидат – С. М. Колокольнев³⁰.

При выборах в 1811 г. первым бургомистром был избран купец 3-й гильдии М. Акатов, а вторым – 1-й гильдии Ф. Я. Ашастин. Но М. Акатов «по неопытности к судопроизводству», а также «по слабости здоровья», обратился с прошением к губернатору Н. Ф. Пасынкову с просьбой уволить его от первенства по возложенной должности и предоставить оную Ф. Я. Ашастину. Его прошение было удовлетворено³¹.

При этих выборах в городские главы баллотировано было 4 кандидата. Невыбранный в городские главы первостатейный купец и фабрикант Петр Угличанинов затем был избран вторым заседателем в совестный суд, но он отказался от этой должности, объясняя этот отказ 19-м пунктом постановления от 1778 г., по которому «запрещается избираться к меньшим должностям» и предпочел остаться кандидатом в городские головы «к предупреждению могущего встретиться иногда в наступлении места городского головы, в убыли за недостатком кандидатов»³².

Таким образом, сложившаяся последней четверти XVIII в. система местного самоуправления с незначительными изменениями продолжала действовать в первой четверти XIX в., и, как мы можем видеть из избирательных протоколов, несмотря на всестороннюю опеку со стороны губернских органов управления, горожане принимали активное участие в выборах кандидатов на занятия различных должностей в органах городского самоуправления.

Примечания

¹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16188. С. 361.

² Там же. С. 362.

³ *Куприянов А. И.* Городская демократия: выборы в русской провинции (вторая половина 1780 – начало 1860-х гг.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 33.

⁴ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. М., 1968. С. 127.

⁵ ГАКО. Ф. 133, Оп. 1. Д. 5682. Л. 383.

⁶ *Куприянов А. И.* Городская демократия: выборы в русской провинции... С. 32.

⁷ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома Е. И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987. С. 324.

⁸ Семенов А. К. Городская гражданская реформа Екатерины II и выборы в городах Центрального Черноземья // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 101.

⁹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14816. С. 261.

¹⁰ Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. С. 409.

¹¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 185.

¹² Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М.: АИРО-XX, 1995. С. 25, 36; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дм. Булантин, 1999. Т. 1. С. 488–500.

¹³ Семенов А. К. Указ. соч. С. 101.

¹⁴ Куприянов А. И. Городская демократия: выборы в русской провинции... С. 34–35.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 27. № 20372. С. 221.

¹⁶ ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2105. Л. 90–91, 100–101, 123–124.

¹⁷ Там же. Л. 88.

¹⁸ Куприянов А. И. Городская демократия: выборы в русской провинции... С. 36.

¹⁹ ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2105. Л. 118–121; Д. 5682. Л. 37–37об.

²⁰ ГАКО. Д. 5682. Л. 11–12.

²¹ ГАКО. Д. 2105. Л. 126–128.

²² ГАКО. Д. 5682. Л. 14, 42–43.

²³ ГАКО. Д. 2105. Л. 101.

²⁴ ГАКО. Д. 5682. Л. 33–33об.

²⁵ ГАКО. Д. 2105. Л. 102–103.

²⁶ ГАКО. Д. 5682. Л. 5–6.

²⁷ ГАКО. Д. 2105. Л. 109–110.

²⁸ ГАКО. Д. 5682. Л. 16.

²⁹ ГАКО. Д. 7772. Л. 151–152

³⁰ ГАКО. Д. 5682. Л. 10–11, 40.

³¹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14816.

³² ГАКО. Д. 890, Л. 2–2об., 8об.

И. Н. Кудряшов, Е. А. Чугунов

г. Кострома

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В НАСЛЕДИИ
П. А. ФЛОРЕНСКОГО И А. Ф. ЛОСЕВА**

В весьма объемном и разноплановом по своему содержанию научном и творческом наследии как П. А. Флоренского, так и А. Ф. Лосева содержится значительный пласт идей, размышлений, умозаключений, высказываний, замечаний, который в совокупности и логическом построении может быть рассмотрен

© И. Н. Кудряшов, Е. А. Чугунов, 2012

в качестве определенных основ осмысления российской и мировой цивилизаций через призму культуры.

Признавая величайшую ценность культуры, П. А. Флоренский считал, что эта ценность не заключена в самой культуре, так как «всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т. е. служит некоторому предмету веры»¹. Иначе говоря, с точки зрения отца Павла, весь мир культуры, впрочем как и природный мир, глубоко символичен. Культура, по его мысли, не представляет из себя первичного и самодовлеющего мира ценностей. П. А. Флоренский утверждал: «В пределах самой культуры не существует критериев выбора. Нельзя, оставаясь в рамках культуры, принимать одно и отвергать другое. Для определения ценностей надо выйти за пределы культуры и найти критерий, высший по отношению к ней», так как, «оставаясь в рамках культуры, мы вынуждены принимать ее всю целиком и должны тогда обожествить ее и считать критерием всякой ценности, а в ней обожествить себя как деятелей и носителей культуры»². Такой подход для П. А. Флоренского был неприемлем. Великий русский мыслитель считал, что в самой культуре существуют, постоянно сменяя друг друга, два неравноценных фундаментальных типа: средневековый (типологически к нему близка и античная культура) и ренессансный, попеременно сменяющиеся в истории³.

Первый из них характеризуется символическим характером, т. е., по отцу Павлу, культура средневекового типа призвана олицетворить высшую ценность, абсолютную истину, она созерцательна и органична, ее примерами, кроме собственно европейского Средневековья, являются древнеегипетская культура и культура эллинской классики.

Другой тип – ренессансный, характеризуется прежде всего механически-деятельностным характером, полным погружением во внешний мир, этому культурному типу соответствует эгоцентризм.

В соответствии с такой типологизацией культурного процесса П. А. Флоренский делает оригинальный вывод. По его мнению, связь между эпохами осуществляется не непосредственно, а через одну: эпохи средневековые (или, как мыслитель еще называет их, – ночные) связаны между собой, хотя они и разделены эпохами ренессансного типа (дневными). Так, по его мысли, существует определенная связь между Древним Египтом, классической Грецией, европейским Средневековьем, с одной стороны, и – между крито-микенской культурой, эллинизмом, Возрождением – с другой. Ночные и дневные культуры существуют как бы параллельно, осуществляя в человеческой истории два различных проекта, давая жизнь и воспитывая два типа личностей.

П. А. Флоренский относил себя к мыслителям средневекового типа, а свое мировоззрение считал «соответствующим по складу и стилю XIV–XV вв. русского Средневековья»⁴.

В обширном наследии А. Ф. Лосева большинство трудов имеет прямое отношение к истории или теории культуры, но, между тем, как пишет А. А. Тахо-Годи, «нет ни одной работы, непосредственно посвященной теории (в частности –

философии) культуры»⁵. Поэтому, изучая творческое наследие А. Ф. Лосева, за точку отсчета можно взять несколько формулировок из его работы «Философия культуры». В ней А. Ф. Лосев писал: «Культура есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса... это есть отношение общего и частного или общего и единичного. Но мы понимаем отношение общего и единичного всегда только диалектически. Общее не оторвано от единичного, но является законом его возникновения; и единичное не оторвано от общего, но всегда является тем или иным его проявлением и осуществлением»⁶.

Как и в наследии П. А. Флоренского, в трудах А. Ф. Лосева обнаруживается ряд положений о типологии культур. В истории культуры он выделял 5 типов:

1. Восточный (Китай, Япония, Персия, Египет, еврейство). Восток лишен чувства личности, опыта неповторимой «раз во всю вечность данной индивидуальности, человек для него есть вещь».

2. Античный. Здесь уже слепо «ощущается опыт человека и личности, но личность понимается как природа... Идея духа дана здесь в своей отождествленности с материей»⁷.

3. Христианское Средневековье. Это культура, «которая построена на абсолютизации чистой идеи, или чистого духа, на абсолютизации личностного бытия». Бог здесь – абсолютная личность. Он – «абсолютная данность выше человека и выше самого мира, все мировое и человеческое может быть только тем или иным его проявлением»⁸. Поэтому все материальное подчинено духовному, жизнь земная – лишь подготовка к жизни вечной, цель ее – спасение души.

4. Новоевропейская, буржуазно-капиталистическая культура. Здесь «основой жизни является изолированная человеческая личность, которая... берет на себя функции Абсолюта. Как в Средние века идея брала на себя функции всякого инобытия, так в новое время человеческая личность берет на себя функции абсолютной идеи». Человек стремится к самообоснованию, самополаганию, самоосмыслению, то есть «стремится охватить всю бесконечность бытия»⁹.

5. Социалистическая культура. Здесь человек отказывается от личного содержания, здесь «примат человеческого же, но внеличного человеческого». Личность здесь заменяется коллективом, но не как сообществом личностей, а как «инобытие личности, т. е. внеличная данность»¹⁰.

Возрождение А. Ф. Лосев не выделяет в особый тип культуры. Возрождение – это начало буржуазно-капиталистической эпохи, это время, когда начинает убывать идеализм, «постепенно превращаясь из метафизически-трансцендентного в регулятивно-трансцендентный и субъективно-психологический». Отсюда, отмечает он, «величайшее значение во всей мировой истории того катаклизма и революции, которая именуется Возрождением»¹¹.

По А. Ф. Лосеву, направление и содержание исторического процесса диктуется идеей развития личностного самосознания в его отношении к Богу. Соответственно нормативной, образцовой культурой, так же, как и у П. А. Флоренского, оказывается христианское Средневековье. Эпохи до Средневековья являются нарастание идеальности; после него – убывание идеальности. Он понимает культуру как лестницу нисхождения абсолютного в инобытие и восхождения

индивидуального к абсолюту. Поэтому к Ренессансу А. Ф. Лосев относится «враждебно», что подтверждает его обширное исследование «Эстетика Возрождения». Он противопоставляет «целостную культуру» Средневековья разорванной культуре Ренессанса, «основывающейся на абсолютизации изолированного субъекта». А. Ф. Лосев усматривает тип ренессансного человека, обожествляющего себя и именно поэтому впадающего в нигилизм и сатанизм в «Джоконде» Леонардо с ее «бесовской улыбкой»: «Это не улыбка, а хищная физиономия с холодными глазами и ясным сознанием беспомощности жертвы, которой Джоконда хочет овладеть»¹².

Многие труды А. Ф. Лосева посвящены специальному рассмотрению античной культуры. «Тип античной культуры есть предельная обобщенность природно-человеческой телесности в ее нераздельности с ее специфически жизненным назначением», – писал А. Ф. Лосев¹³. Он четко разделял античную культуру и средневековую: «Необходимо также отличить античность от тысячелетия средневековой культуры, в основе которой – монотеизм, исходящий из признания божественной личности... По средневековым представлениям над миром, над человеком царит абсолютная личность, которая творит из ничего космос, помогает ему и спасает его. Словом, абсолютная личность стоит над всей историей. Этого нет в античной культуре»¹⁴.

Чрезвычайно близкими взглядам П. А. Флоренского оказываются взгляды на античный космос и А. Ф. Лосева. Отец Павел выступал своеобразным продолжателем традиции, идущей еще от античных натурфилософов, для которых все мироздание было единым, гармоничным Космосом, а философия — цельным знанием, вбиравшим все науки и даже искусства.

Средневековый же тип культуры, отличающийся «сверхсубъективностью» у П. А. Флоренского, во многом базируется на наследии античной культуры. Флоренский подчеркивает, что пафосом «античного человека, как и человека средневекового» является «приятие, благодарное признание и утверждение всяческой реальности как блага, ибо бытие – благо, а благо – бытие»¹⁵. Человек стремится познать и утвердить реальность не только в себе, но и вне себя. Античная культура, в понимании отца Павла, насыщена религиозным содержанием, которое распространялось на все сферы жизни. Ее важнейшими чертами являются: обращенность к высшему миру, целостное восприятие жизни, мистика переживаний, метафизика символов.

Символизм, учение о символе в творчестве интересующих нас мыслителей занимает особое место. П. А. Флоренский, например, свою концепцию культуры строил в «духе такого мировоззрения, которое противостояло бы как позитивизму, сводящему мир к плоскости явлений, так и отвлеченному идеализму (кантианству), разрывающему мир на явления и «вещи в себе». Этим мировоззрением оказался для П. Флоренского символизм»¹⁶. В культурологическом аспекте теория символа П. А. Флоренского логично вписывается в его концепцию типологии культур: средневековый тип – символический, а возрожденческий – иллюзионистический.

Обращение к православию и церковной культуре, отраженное в книге «Столп и утверждение Истины», а также в «Лекциях по философии культа», углубило

его теорию символа, выводя ее на «уровень религиозной онтологии»¹⁷. «Я всегда был символистом, – писал отец Павел. – Я хотел видеть душу... видеть ее воплощенной»¹⁸.

Понятие символа для А. Ф. Лосева – это вопрос, на который нельзя ответить однозначно. По его мнению, символ – это «не реальный переход в инобытие... неисчерпаемое богатство апофатических возможностей смысла», но также и «чисто смысловая картинность... нечто устойчиво-разделенное и четко очерченное»¹⁹. Символ, писал А. Ф. Лосев, «не указывает на какую-то действительность, но есть сама эта действительность. Он не обозначает какие-то вещи, но сам есть эта явленная и обозначенная вещь. Он ничего не означает такого, чем бы он сам не был. То, что он сам обозначает, и есть он сам; и то, что он есть сам по себе, то он и обозначает»²⁰.

А. Ф. Лосев трактует символ как принцип «бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления»²¹, то есть когда понимание символа связывается не с его наполненностью духовными энергиями, а с неким общим законом, присущим всему ряду данных явлений, обобщением и неразвернутым знаком которого представляется символ.

Трактовка символа П. А. Флоренским существенно отличается от понимания символа как знака, то есть когда хотят сказать, что нечто одно указывает на нечто другое; а также отличается от рационально-логической трактовки символа А. Ф. Лосевым. Тем самым соотношение взглядов двух мыслителей на данный вопрос представляет собой антиномию духовного и структурного подходов.

В концепции А. Ф. Лосева символ возможен, так как возможен язык, изначально и бессознательно связавший факт со смыслом. Язык, таким образом, бессознательно повторяет акт Творца. Следовательно, язык, как пишет А. Ф. Лосев, «есть система понимания... миропонимания; язык есть и само миропонимание». От понятия языка он переходит к понятию слова, («Слово есть понимание»), и далее к имени («Имя есть вид слова. Следовательно, имя есть понимание»²²).

В слове люди общаются между собой, в имени обосновывается глубочайшая природа социальности и проявляется сама социальная действительность. «Слово – могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца... Слово движет народными массами, слово побуждает сознание, волю, глубину чувств, делает слабого человека героем, нищенское существование – титаническим порывом. Без слова и имени нет и мышления вообще»²³. Без имени в бытии «было бы только бессмысленное и безумное столкновение глухонемых масс в бездне абсолютной тьмы»²⁴. Здесь метафизика имени (которым бытие «именуется» и «светится») сближается с метафизикой света. Далее А. Ф. Лосев утверждает, что «именем и словами создан и держится мир», а эта формула близка к богословским концепциям. В итоге своих сложных и трудных феноменологических построений А. Ф. Лосев приходит к выводу, что «сама сущность есть ни что иное, как имя. Имя, слово, как раз есть то, что есть сущность для себя и для всего иного»²⁵.

«Философия имени» тесно связана с философско-религиозными имяславскими спорами начала XX века о сущности Имени Божия в православии. Под вероятным воздействием атмосферы тех лет темы метафизики имени занимают большое место и в трудах П. А. Флоренского.

У отца Павла телом своим человек принадлежит к «тварному миру», «слово своей морфемой... входит в состав языка». И подобно тому как духовный акт начинается в сердце человека, так и «творческая жизнь слова потенцируется его смыслом, который... рождается каждый раз заново в каждом индивидуальном акте словоупотребления». В итоге слово – это «энергия сущности, или имя вещи»²⁶. Формула имени как энергии сущности представляет собой ядро «философии имени» П. А. Флоренского и его учения о языке, что близко к «философии имени» А. Ф. Лосева. С точки зрения отца Павла, имя являет собой архетип личности, в имени ее «внутренняя сущность впервые является миру», а личность своей жизнью «развертывает свиток» имени. «Соотношение имени и жизни, судьбы, личности подобно здесь соотношению символа и мифа: символ – это свернутый миф, миф – развернутый символ»²⁷.

Каждое время имеет свою мифологию. Миф – часть жизни, одно из важных средств человеческой ориентации. По словам А. Лосева, «миф не есть историческое событие как таковое, но... он всегда есть слово... Миф есть в словах данная личностная история»²⁸.

Благодаря мифу образуется такая картина мира, в которой все элементы мироздания упорядочены, структурированы и соотнесены с человеком. Уже сформированный мифический образ мира абсолютно идентифицируется с самим миром и не рассматривается как его интерпретация или толкование. Это подтверждают слова А. Ф. Лосева о том, что «с точки зрения самого мифического сознания ни в коем случае нельзя сказать, что миф есть фикция и игра фантазии... но – наиболее яркая и самая подлинная действительность»²⁹. Миф рассматривается здесь как реальность, непосредственно ощущаемая человеком и воспринимаемая как очевидная данность. Картина мира представляет собой совокупность представлений о мире и о месте человека в нем, которая носит историко-культурный характер.

По А. Ф. Лосеву, миф как жизненная реальность специфичен не только для глубокой древности. В современном мире очень часто происходит мифологизация, обожествление идей, выдвигаемых в политических целях, что особенно было характерно для советской страны, строящей светлое будущее с бессловесным обществом.

Темы мифа и диалектики в работах А. Ф. Лосева теснейшим образом сопряжены между собой. Подтверждением тому служат такие работы, как: «Диалектика мифа», «Античная мифология в ее историческом развитии», «История античной эстетики» и т. д. Специфика философии мифа А. Ф. Лосева – исключительное внимание к истории культуры, интерпретация мифологических типов с социокультурно-исторических позиций: классификация основных социальных типов мифологии трансформируется в принцип построения исторического знания.

Миф и обряд в древних культурах составляли известное единство – мировоззренческое, функциональное, структурное, являя собой как бы два аспекта первобытной культуры – словесный и действенный, «теоретический» и «практический». У П. А. Флоренского культ (обряд) рождает миф, то есть практическое ритуальное действие первично по отношению к теоретической природе мифа. Все мифы – религиозные, философские, и другие – являются обрядами одной центральной осевой вещи мироздания – культа, культуры.

Культ, по П. А. Флоренскому, есть «выделенная из всей реальности та ее часть, где встречается имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное»³⁰. Культ является своеобразным мостом между мирами. Высший смысл культа – познание Бога. «Связующим звеном между Богом и человеком является культ. По этой причине, замечает отец Павел, “человеческой является только культовая душа”»³¹. Ощущение полноты бытия, осмысленности жизни (смысла), по мнению П. А. Флоренского, осуществляется с помощью культа: обрядов, Таинств, как соединение с Трансцендентным, с Абсолютом, с Богом, с первопричиной бытия и всего сущего. Он считает, что культура возникла из культа, который, в свою очередь, трактуется им как вид культурной деятельности человека, существующий не только наряду с другими, но и им предшествующий. П. А. Флоренский считал: в основу культуры положено человеческое бытие и его связь с Божественным миром. «В таком аспекте культура, по отцу Павлу, является производной культа, а вместе с тем – и следствием человеческой деятельности»³².

Учение о лике является центральной темой в метафизике личности А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского и развивается, в частности у А. Ф. Лосева, в контексте философии мифа. Данное учение концентрируется на решении проблем обоснования активности и свободы воли человека, самобытности личности, выстраивается как иерархия уровней явления абсолютного в эмпирической личности: лицо – лик – личность – личина.

Эта метафизика у П. А. Флоренского выстраивается в работе «Иконостас». Лицо, считает он, само по себе, – реальное явление, способное раскрыть сущность личности, однако, воспринимая его, мы не знаем ясно, что именно в нем реально. Четкость своего духовного строения лицо получит лишь тогда, когда явит собой образ Божий – сокровенное достояние каждого человека как такового. «Это происходит при достижении им Божьего подобия – воплощения в личности ее изначальных потенций, обретения духовного совершенства. И тогда все случайное, обусловленное внешними существом человека причинами... отгесняется забившей ключом... энергией образа Божия: лицо стало ликом. Лик есть осуществленное в лице подобие Божие». Полную противоположность ему составляет личина – маска, выдающая себя за лицо, которое, «вместо того чтобы открывать образ Божий... обманывает нас, лживо указывая на несуществующее»³³.

В работе «Иконостас» отец Павел уделяет большее внимание «лику». Лик, как пишет П. А. Флоренский, – это Имя Божие, написанное линиями и красками, а икона – наглядная онтология, являющая образ человека, достигшего

Богоподобия. Пространственное решение произведения искусства зависит от внутреннего мировоззрения его творца. «Подлинный творец в средневековом мировоззрении только помогает рождению произведения, которое образно является Божественным воплощением. В таком понимании художник помогает выявить внутреннюю красоту вещей, уже присущую в вещах»³⁴. Такая система создания художественного произведения, по П. А. Флоренскому, называется обратной перспективой и соответствует средневековому типу культуры.

В отличие от П. А. Флоренского, А. Ф. Лосев строго не разграничивает понятия «лик» и «лицо»: «Личность человека немислима без его тела – конечно, тела осмысленного... Оно всегда проявление души... Тело – живой лик души»³⁵. Лик, по А. Ф. Лосеву, – это выражение личности, ее «образ, картина, смысловое явление», то есть «лицо»³⁶.

А. Ф. Лосев в контексте культуры большее внимание отдает «личности» и определяет ее через понятие «миф». Он указывает на то, что миф есть слово о личности, слово личности и слово, выражающее и проявляющее личность. «В мифе личность... старается проявиться, высказать себя, иметь какую-то свою историю»³⁷. Далее А. Ф. Лосев подчеркивает, что «наиболее конкретна и реальна личность, а также среда, где личность живет и действует, – общество... Личность есть максимально конкретное, максимально реальное, очевиднейшее и выразительнейшее»³⁸.

Обращаясь к проблеме типологии культур, А. Ф. Лосев утверждает, что, в отличие от средневековой и новоевропейской культур, в античной культуре «личность... не имеет такого колоссального и абсолютизированного значения». Он пишет, что новоевропейская культура – «это буржуазно-капиталистическая культура, основанная на частном владении. На первом плане здесь выступает индивид, субъект и его власть, его самочувствие. Субъект стоит здесь над объектом, человек объявлен царем природы». А в средневековой культуре, в «основе которой – монотеизм, исходящий из признания Божественной личности... над миром, над человеком царит абсолютная личность, которая творит из ничего космос, помогает ему и спасает его. Словом, абсолютная личность стоит над всей историей». «Этого нет в античной культуре», основой которой является чувственный космос и чувственно-материальный космологизм. Личность в античной культуре «сводима на процессы, которые происходят в небе, но касаются также и земли»³⁹.

А. Ф. Лосев и П. А. Флоренский – мыслители одного времени и представители двух различных мыслительных типов, что в значительной степени проявилось в их позициях. Мысль П. А. Флоренского была нацелена на глубочайшее проникновение в суть предмета исследования. А таковым мог являться любой культурный факт, поскольку он мог быть представлен как символ, культ, лик того, что находится по ту сторону феноменального бытия. Наоборот, А. Ф. Лосев как мыслитель нацелен на предельный охват всего доступного материала. Его задача – совмещение всех точек зрения в своей собственной диалектической позиции.

Несмотря на определенные различия, и П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев своей научно-творческой деятельностью значительно расширили содержание

теории культуры, создали собственные оригинальные типологии культур, углубили понятия символа, языка, слова, мифа, имени, личности и лика. Оставленное ими наследие выступает источником и основой современных культурологических изысканий весьма широкого спектра, в том числе в сфере осмысления различных аспектов истории российской и мировой цивилизаций.

Примечания

- ¹ *Флоренский П. А.* Автореферат // Павел Флоренский, свящ. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 39.
- ² *Андроник, игумен (А. С. Трубачев)* Жизнь и судьба // Флоренский П., свящ. Соч. Т. 1. С. 26–27.
- ³ *Радугин А. А.* Энциклопедический словарь по культурологии. М., 1997. С. 831.
- ⁴ *Флоренский П. А.* Автореферат. С. 39.
- ⁵ *Тахо-Годи А. А.* А. Ф. Лосев как историк античной культуры // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 259.
- ⁶ *Лосев А. Ф.* Философия культуры // Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1989. С. 218–219.
- ⁷ *Лосев А. Ф.* История эстетических учений // Лосев. А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 388.
- ⁸ *Лосев А. Ф.* История эстетических учений. С. 365, 370.
- ⁹ Там же. С. 383.
- ¹⁰ Там же. С. 383.
- ¹¹ Там же. С. 400.
- ¹² *Лосев А. Ф.* Художественная основа Высокого Возрождения // Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 427.
- ¹³ *Лосев А. Ф.* Философия культуры. С. 220.
- ¹⁴ Там же. С. 153–154.
- ¹⁵ *Флоренский П. А.* Обратная перспектива // Флоренский П., свящ. Соч. Т. 3. С. 60.
- ¹⁶ *Радугин А. А.* Указ. соч. С. 831.
- ¹⁷ Там же. С. 831.
- ¹⁸ *Флоренский П. А.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 1992. С. 154.
- ¹⁹ *Лосев А. Ф.* Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993. С. 699.
- ²⁰ *Лосев А. Ф.* Вещь и имя // Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос. С. 876.
- ²¹ *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 35.
- ²² *Лосев А. Ф.* Вещь и имя. С. 822.
- ²³ *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 2007. С. 90.
- ²⁴ *Лосев А. Ф.* Философия имени. С. 746.
- ²⁵ Там же. С. 734.
- ²⁶ *Радугин А. А.* Указ. соч. С. 831.
- ²⁷ Там же. С. 832.
- ²⁸ *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 151.
- ²⁹ Там же. С. 9.
- ³⁰ *Едошина И. А.* Концепт «культура» в антроподицее отца Павла Флоренского // Энтелехия. 2004. № 8. С. 82.
- ³¹ Там же. С. 84.
- ³² *Громова А. Е.* Онтология культа П. А. Флоренского в типологическом контексте // Энтелехия. 2004. № 8. С. 101.
- ³³ *Флоренский П. А.* Иконостас. М., 1995. С. 26–29.
- ³⁴ *Громова А. Е.* Типология культуры П. А. Флоренского: теургический аспект: дис. ... канд. культурологии. Кострома, 2005. С. 108.

³⁵ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. С. 74–75.

³⁶ Там же. С. 73.

³⁷ Там же. С. 96.

³⁸ Лосев А. Ф. Дополнения к «Диалектике мифа» // Лосев А. Ф. Личность и абсолют. М., 1999. С. 463.

³⁹ Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1989. С. 153–157.

С. Ю. Свешников

г. Кострома

ДОБРО НЕ РАДИ ВОЗДАНИЯ

Христианская нравственность – это жизнь во Христе, жизнь по закону Божию, глубоко сознательное, деятельное и свободное осуществление человеком в своей жизни великих заповедей Христа Спасителя. Нравственность внушает гражданам повиновение государственным порядкам «не только из-за страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:5). Нравственность имеет корни самостоятельного происхождения, существования, питания и развития. Но все нравственное должно находить и обычно находит в государстве для себя оплот, охрану, ограждение:¹ «Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2:2).

Церковь всегда считала, что «то, что мы удерживаем при себе, мы теряем, а то, что мы тратим – мы имеем»². Для христианина важна не только добродетель как общее и постоянное расположение души, но и каждое доброе действие, добрый поступок сам по себе.

Жизнь человеческая иногда представляется каким-то механическим сцеплением разных подвигов и заслуг, из которых каждая ждет себе награды и делается только для последней. «Жизнь каждого как бы взвешивается, – говорит свт. Кирилл Александрийский, – возмездие непременно как бы уравновешено будет с нашею доброкачеством»³. «Предшествующие добрые дела уменьшают наказание за грехи, потому что праведный Судия изрекает приговор, соизмеряя последние с первыми», – говорит свт. Феодорит⁴.

В творениях свт. Иоанна Златоуста есть такие слова: «Если ты сделаешь что-нибудь доброе и не получишь здесь за него воздаяния, не смущайся: награда с избытком ожидает тебя в будущем»⁵.

Наше добродетельное, таким образом, если и признать за ним некоторую ценность, все-таки награды человеку заслужить не может, оно пойдет, так сказать, в уплату долга; так что, «если мы не делаем заповеданного нам, то не только лишаемся небесной награды, но не вправе называться даже и неключимыми рабами».

Каждый человек имеет целью своей личное благополучие и, как и естественно, желает его иметь за наименьшую цену со своей стороны. А Господь обладает блаженством помимо человека, и вот, несмотря на это, Он не только признает

Себя должником всякому делающему доброе, но и стремится зачем-то увеличить Свой долг, Сам трудясь за людей и считая сделанное Им делом людей. «Достоинства твои, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — не от тебя, но от благодати Божией. Укажешь ли на веру, она от призвания; укажешь ли на отпущение грехов, на дарования, на способность учительства, на добродетели, все ты получил отсюда. Что же, скажи мне, ты имеешь такого, что бы не получил, а достиг сам собою? Не можешь указать ни на что. Ты получил, а между тем превозносишься? При этом следовало бы смиряться, потому что данное принадлежит не тебе, но Давшему... Како можем заслужить послушанием нашим вечный живот, когда и послушание истинное есть не наше собственное, но Божьей благодати дело, нам же приписуется, что мы благодати Божией не противимся, но действующей в нас содействуем?»⁶ Какая же может идти речь о заслуге со стороны человека, когда он не может сделать шага в нравственном развитии без помощи Божией?

Церкви, употреблявшие аналогию труда и награды, подвига и венца, никогда не забывали и не скрывали от своих прихожан, что это только аналогия, только приблизительное сравнение, существа нашего спасения отнюдь не выражающее, что спасение совершается не по внешнему закону равного вознаграждения. Вот несколько примеров из творений св. Иоанна Златоуста, который чаще всех и подробнее всех останавливался на этой аналогии подвига и венца. Желая объяснить человеку его спасение, многие, и в том числе сам святой отец, прибегают, вслед за апостолом Павлом, к аналогии состязаний на ристалище: как здесь, так и там за победу воздается награда. Но сходство только видимое, различие же коренное. «На олимпийских играх, — говорит свт. Иоанн Златоуст, — учитель борцов стоит, оставаясь только зрителем, не имея возможности делать что-нибудь другое, а только выжидая, на чьей стороне будет победа. Не так Владыка наш: Он и спорствует, и руку свою простирает, и соприкасается, и как бы Сам, со всех сторон одолевая противника, предает его в наши руки, все делает и устрояет так, чтобы мы могли устоять в борьбе и одержать победу, а он мог возложить на главу нашу неувядаемый венец»⁷. Да, сравнение с битвой используют достаточно часто, но и его нужно понимать с большим ограничением. «Не прикрывайся тяжестью трудов и подвигов: не одною только надеждою будущих благ, но и другим способом Бог сделал для нас легкою добродетель: Он всегда нам содействует и помогает. Пожелай только оказать хотя малое усердие, и тогда все прочее последует само собою».

Истинный последователь Христа не делает греха не из-за страха наказания и не по желанию награды, а потому, «что семя Божие пребывает в нем» (Иов. 3:9). Доброделание его, таким образом, должно находить себе корень внутри души, должно проистекать не из саможаления, по самому существу враждебного Христову учению, а из любви к добру и Богу.

Некоторые пытаются, вопреки голосу Отцов Церкви, оправдать доброделание из-за награды тем соображением, что оно, хотя, может быть, и не совсем нравственно, но полезно. Нужно, говорят, смотреть, какая мзда имеется в данном случае; христиане же имеют в виду мзду, превосходящую все; притом ожидание этой мзды заставляет христиан прилепляться к Богу, быть нравственными и прочее. Но этим соображением можно доказать разве только разумность,

расчетливость такого доброделания, но не чистоту его побуждений. Кроме того, и качество такого благодеяния, его глубина и прочность весьма сомнительны. «Коню, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – особенно надобно удивляться тогда, когда он может без узды идти ровно; если же он прямо идет потому, что удерживается вожжами и уздою, то в этом нет ничего удивительного: тогда эту стройность приписать должно не благородству животного, но силе узды. Это же должно сказать и о душе: неудивительно, если она ведет себя скромно, когда гнетет ее страх; нет, тогда покажи мне душевное любомудрие и совершенное благонравие, когда пройдут искушения и снимется узда страха»⁸. И это вполне понятно. Если человек делает добро только из-за награды или по страху наказания, то все его нравственное развитие может быть подвергнуто весьма сильному сомнению. Положим, он теперь делает добро; но ведь душа его в этом добре не участвует и им не дорожит; ведь смысл жизни для него – в самоуслаждении. Стоит только предположить, что обстоятельства изменились, что для человека стало выгоднее делать зло, а не добро, и тогда вся его добродетель, как растение без корня, пропадет мгновенно; тогда и окажется, что сердце человека совсем не с Богом, хотя языком своим он и чтит Его.

Только для немощных, несовершенных нужно напоминать о награде за добродетель, совершенные же знают ценность добродетели и потому будут добродетельными и без наград. Становясь на указанную точку зрения немногих, Отцы Церкви никогда не забывали ее несовершенства и, допуская ее в жизни, никогда не освящали ее, никогда не забывали указывать своим пасомым, что это только подготовительная степень, и только в этом смысле допустима в христианстве. «Из награды делающие, что должно, – по словам св. Исидора Пелусиота, – ниже благоискусных в добре по любви к нему, но лучше делающих это по страху, а не по любви, и лучше в большей мере, нежели в какой сами уступают над собою победу упражняющимся в добродетели по любви к оной»⁹. Поэтому даже в своих обращениях к начинающим, и притом в аскетических упражнениях, которые особенно суровы и, следовательно, по Златоусту, наиболее нуждаются в подкреплении воли обещаниями, даже в этих случаях отцы-подвижники напоминали истину о бескорыстной добродетели. «Если возможно для тебя, – говорит преп. Исаак Сирин, таким ограничительным выражением указывая на трудность иметь возвышенное настроение, – делай добро и не ради будущего воздаяния»¹⁰.

Примечания

¹ Шиманский Г. И. Нравственное Богословие. Киев: Киевская Духовная семинария, 1990. Гл. 11. П. 1. С. 661.

² Григорий Палама, свт. Беседы. М., 1965. 82 с.

³ Кирилл Александрийский, свт. Слово о исходе души и Страшном Суде, V в. М., 1997. С. 118.

⁴ Феодорит Кирский, свт. «История боголюбцев» с прибавлением «О Божественной любви»... / вступ. ст. и нов. пер. А. И. Сидорова. М.: Мол. гвардия, 1996. С. 84.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Исидора Пелусиота, св. Творения. М., 1859–1860, Т. 3. С. 324.

¹⁰ Исаак Сирин, преп. Творения. Сергиев Посад, 1998. С. 79.

А. Д. Авдеева

г. Москва

ДУХОВНЫЕ СЕМИНАРИИ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

При взгляде на духовные школы через призму исторического опыта можно определить их положение как сердцевину жизни Церкви: именно в них происходит формирование будущих пастырей. В начале XX века в России проблемы «семинарской жизни» вышли далеко за пределы Духовного ведомства в связи с превращением воспитанников этих учебных заведений в активных участников революционных волнений.

В рассматриваемый период действовал Устав духовных семинарий, высочайше утвержденный 22 августа 1884 г.¹ На основании этого документа было отменено выборное начало в управлении духовных школ, утвержден запрет семинаристам на поступление в университеты², была поставлена задача не столько научного образования будущего духовенства, сколько подготовка политически благонадежного церковно-административного персонала.

Определенную часть семинаристов составляли люди, не расположенные к пастырскому служению, так как светское образование им было недоступно ввиду его сословного характера. Отсюда происходила их озлобленность на семинарский режим, который, не говоря уже о пастырском воспитании, был далек от «общечеловеческого». Многим учащимся духовно-учебных заведений было присуще стремление разрушить этот «режим» или, по крайней мере, вырваться из него.

Возраст поступающих в семинарии составлял, как правило, от 12 до 18 лет, а срок обучения – 6 лет. Часть воспитанников, являвшихся казеннокоштными, проживала в основном в общежитиях, другая – своекоштные – в частных квартирах, осуществляя при этом плату за обучение. Общежития, в которых семинаристы размещались в спальнях казарменного типа, зачастую не вполне удовлетворяли санитарно-гигиеническим нормам; в стесненном положении могли наблюдаться грубые отношения между старшими и младшими.

Несмотря на то что первой обязанностью семинарии являлось научение благоговейному отношению к богослужению, религиозный индифферентизм был широко распространенным явлением. При этом со стороны начальства велся документальный контроль над «духовной жизнью»: воспитанники должны были регулярно получать удостоверительную записку об их личном участии в таинствах. В революционные 1905–1907 гг. отношение части семинаристов к богослужению стало принимать критическую форму: они требовали отмены обязательного посещения богослужений, глумились над святынями.

Необходимо отметить, что в духовных школах отсутствовало «воспитание» в собственном смысле слова. Система обеспечения дисциплины была заимствована из западных иезуитских школ с характерной для них строгой регламентацией всех аспектов жизни ученика. Так, в 1905 г., согласно особой инструкции, в духовных семинариях и училищах был введен институт классных

наставников. «Свободное время... есть время, в которое они нуждаются в опытном руководстве, и когда помощь для инспекции в отношении доставления ученикам разумных развлечений особенно необходима».³

Конфликты, со временем все более часто назревавшие между наставниками и семинаристами, грозили следующими мерами для последних: внушение; «безобеды» – вместо обеда на стол подавались только приборы; «молитва» – во время общей трапезы провинившимся приходилось класть поклоны, стоять на коленях; розги – «удары розог достигали до 100; тогда кровь текла ручьями, и истязаемый долго не мог оправиться», бывали случаи смерти учеников в результате жестоких истязаний⁴; водворение на несколько дней в карцер; отчисление из семинарии с правом обратного поступления или без такового. При исключении из духовно-учебного заведения выставлялся неудовлетворительный балл за поведение, а это закрывало доступ в высшие учебные заведения и на государственную службу. Во избежание этого провинившиеся семинаристы зачастую демонстративно «каялись», однако отмечались случаи суицидов.

В июле 1905 г. действовавшим обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым был организован опрос епархиальных архиереев касательно церковной реформы с предложением высказаться по кругу наиболее острых проблем, в частности о духовном образовании. Так, в «Отзывах» архиереев отмечалась «неприспособленность богословского образования к возрасту учащихся и его безжизненность», «отсутствие единства в курсе наук, неправильное распределение предметов – по классам и часам», «слабая постановка библиотечного дела»⁵.

В связи с тем что семинарии являлись единственно доступными образовательными учреждениями для детей духовенства, одним из основных требований во время семинарских волнений начиная с середины XIX в., являлось увеличение количества общеобразовательных предметов за счет уменьшения богословских дисциплин.

В семинариях отсутствовало физическое воспитание. Преследовались занятия музыкой: так в одной из духовных семинарий ректор разогнал самодельный оркестр «разбив все гусли, скрипки и гитары о спины игравших»⁶. Светское чтение не поощрялось, запрет воспитанникам духовно-учебных заведений знакомиться с газетами, журналами, художественной литературой вызывал протест: стремясь приобщиться к общественной и культурной жизни страны, семинаристы создавали кружки самообразования, составляли нелегальные студенческие библиотеки, подпольно издавали журналы. Преследуя изначально цель саморазвития, нелегальные семинарские объединения недолго оставались в мирном русле: быстро появлялись «сторонние» агитаторы, которые вели, как правило, антиправительственную революционную деятельность. Вслед за ними и семинаристы «шли в народ», расклеивали листовки.

До середины 1880-х гг. семинарские выступления носили местный, сугубо школьный характер. Однако в 1901 г. возникает общесеминарская организация с центром в Казани, а с 1905 г. – во Владимире, готовившая петицию об открытии доступа во все высшие учебные заведения. К весне 1901 г. волна студенческого брожения захватила окраины империи. В феврале 1905 г. про-

изошли небывалые всплески в Витебской, Московской, Ярославской, Екатеринбургской и Кавказской, а в марте – в Тамбовской, Олонецкой, Архангельской и Литовской духовных семинариях.

Впоследствии семинарское движение все более тесно сливалось с общим потоком демократического движения в стране. В начале XX в. усиливается увлечение воспитанников духовно-учебных заведений политическими и революционными идеями, растет число участников подпольных кружков, причем подобные настроения стали проникать также в профессорско-преподавательскую среду⁷. Известны случаи общения семинаристов с политическими ссыльными и их участия в сборе средств на поддержку скрывавшихся государственных преступников. При этом «общесеминарский союз» был первой ступенью политического развития. С повышением политической сознательности семинаристы делали выбор – присоединиться к социал-демократам либо к эсерам, повсеместно организовывавшим забастовки, стачки и демонстрации.

Результатом брожения в семинарской и академической среде, вылившегося в студенческие волнения 1905 г., стало создание специальной комиссии, целью которой являлось всестороннее обновление жизни духовной школы на разных уровнях. Результатом деятельности комиссии стали «временные правила», введенные в начале 1906 г. В том же 1906 г. проблемы духовной школы обсуждались V отделом Предсоборного Присутствия. В 1910-х гг. создавались новые комиссии по реформе духовных школ, однако изменения, вносимые ими в устав семинарий, диктовались не столько нуждами академий и семинарий, сколько сменой политической ситуации в стране. Основные недостатки, заложенные в русскую духовную школу, так и не были устранены до революции 1917 г.

Таким образом, с одной стороны, можно говорить о неблагоприятном положении выходцев из духовного сословия, для которых семинарии являлись единственными общеобразовательными заведениями, а также о вызывавшей повсеместное недовольство «грубой системе воспитания», тяжелых условиях жизни учащихся; с другой стороны, о невнимании начальства к духовным и образовательным нуждам подопечных, что способствовало усилению революционных настроений в ученической среде. Аналогичные тенденции наблюдались и в отношении к светскому образованию: недаром в конце XIX – начале XX в. учащиеся духовных семинарий в своей борьбе и требованиях выступали единым фронтом со студентами российских университетов.

Примечания

¹ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808–1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. Спб., 1908.

² Однако с 1886 г. семинаристы стали допускаться в Варшавский университет, а с 1888 г. – в Томский.

³ Отчет Петербургского Александро-Невского духовного училища за 1905–1906 гг. // РГИА. Ф. № 802 оп. 15 (Учебный комитет.) Л. 14.

⁴ *Титлинов Б.* Духовная школа в России. Вып. 1. Вильна, 1908. С. 279.

⁵ Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. О преобразовании духовно-учебных заведений. Спб.: Синодальная типография, 1906. С. 2.

⁶ *Титлинов Б.* Духовная школа в России. Вып. 1. С. 292.

⁷ *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф. 2005. С. 280.

А. С. Кокшаров, А. Д. Пирогова

г. Кострома

К ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО РАЗВИТИЯ Г. ЮРЬЕВЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

В настоящее время история градостроительства уездных городов недостаточно изучена и освещена. В то же время необходимо знать особенности градостроительной планировки с целью его реконструкции для дальнейшего развития современного города. К таким городам относится Юрьевец, входивший в состав Костромской губернии в XVIII – начале XX в.

Юрьевец – один из древнейших городов Руси – был основан в 1225 г. как важный военный форпост на Волге. Первоначально он назывался Юрьевцем-Повольским, примерно до середины XIX в. Расположение каменно-земляной крепости «Белый город» на правом крутом берегу закрепило его статус. С XVII в. Юрьевец становится крупным центром торговли и культуры. Были открыты монастыри и церкви. В Юрьевце торговали хлебом, рыбой и другими товарами. В городе насчитывалось 19 храмов, в основном деревянных. Средневековая планировка города сложилась как сеть криволинейных протяженных улиц вдоль Волги с выраженным центром, где размещался древний торг. Поперечные улочки тяготели тоже к торгу. Расположение посада на нижней узкой террасе между Волгой и крутым берегом ограничивало его планировочное развитие. Город растянулся вдоль реки узкой длинной полосой. Вся длина составляла сначала около двух верст.

В связи с введением областной реформы России в 1778 г. Юрьевец входит в состав Костромского наместничества, а затем Костромской губернии как уездный город самой южной окраины, граничащей с Нижегородской губернией. Сразу после нового статуса в 1781 г. он получил регулярный «конформированный» план, утвержденный Екатериной II, который должен был стать основой формирования города¹. Регулярный план с классической планировкой накладывался на средневековую планировку, выправляя кривые улицы своими прямыми линиями новых широких улиц и с большой с геометрическими контурами площади. В целом контуры намеченных валов, ограничивающих город, совпадали с границами средневекового города, т. е. город не предполагался к расширению, а ограничивался только его внутренним переустройством с реконструкцией планировочной и пространственной структуры. Храмы также сохраняли свое господствующее положение в пространстве новых улиц и пло-

щадей. Они закреплялись на старых «церковных» местах. По этому плану центр города геометрически точно располагался в его середине с новой торговой площадью. Конец XVIII в. был отмечен развитой торговлей и промыслами; в 1786 г. в Юрьевце насчитывалось купцов и занимающихся торговлей 875 человек². Четкий геометрический периметр новой торговой площади должен был застраиваться каменной застройкой с большой площадью.

Спустя 14 лет конформированный план был пересмотрен и в 1795 г. был откорректирован тоже на основе приемов классицизма, в результате чего город получил другие контуры. Корректировка плана коснулась новых границ города с изменением формы плана – длинного узкого прямоугольника около четырех верст. Преобразования коснулись в первую очередь административной и торговой функций. В это время были построены первые каменные здания: дом городского, присутственные места, казначейство. Были созданы две площади: торговая и соборная. В первой половине XIX в. сначала была благоустроена торговая площадь с засыпкой двух ручьев и застроена каменными и деревянными корпусами лавок. Каменные ряды располагались параллельно Волге. Это хорошо просматривается на старых гравюрах того времени. Расходы города не превышали доходов, даже оставались лишние средства. Самодостаточность города говорит о том, что он не был убыточным и имел средства для развития³.

Доходы получались от использования и аренды городского недвижимого имущества: торговых лавок, городской земли, промышленных заведений и промыслов. В середине XIX в. Юрьевец растет и продолжает застраиваться по плану 1795 г. К этому времени вокруг города частично устроен земляной вал. Купцы и мещане города занимались подрядными работами, строительством судов и судоходством, торговлей хлебом и разными изделиями местного производства: холстом, пряжей, кожей и прочими товарами⁴. В 1857 г. в Юрьевце было 11 улиц, 13 церквей, 483 дома, из которых 4 каменных, 5 магазинов, 7 гостиных дворов с 270 лавками. Всего жителей насчитывалось 2 141 человек, купцов – 63, ремесленников – 235⁵.

В 1868 г. разрабатывается новый план города в связи с переносом деревянной Печерской церкви на новое место на соборную Георгиевскую площадь и с корректировкой старого плана⁶. Позже, в 1872 г., с целью расширения и развития города разрабатывается несколько чертежей плана города, выполненных губернскими землемерами (видимо, фиксационных), два из которых предназначались для разбивки новой городской «пустопорожней» земли с ее прирезкой. В деле указано, что в губернское правление от Юрьевецкой городской думы высылаются на утверждение шесть планов и чертеж-разрез города. Два новых проектных плана были «составлены» архитектором – коллежским регистратором В. Парийским. Для утверждения прилагался старый план города (1795 г.)⁷. В это время также рассматривается вопрос о строительстве новых торговых зданий⁸.

В 1881–1886 гг. городская дума, чтобы пополнить бюджет города, заказывает план торговой Благовещенской площади с «распределением мест для торговли... и означении сбора за занимаемые места по сортам товаров»⁹. На плане

площади показаны четыре каменных корпуса торговых рядов: мясные, льняные, мелочные, два корпуса деревянных рядов для торговли железными изделиями ремесленников, льняных товаров. Возле Благовещенской церкви предназначался горшечный ряд и напротив – рыбная торговля. Кроме торговых мест для покупателей и торговцев, на площади в базарные дни открывались питейный дом, две «белых» харчевни, городская гостиница. Возле Пятницкой церкви, стоящей у подножия горы на краю площади, торговали овощами, а напротив – смолой и дегтем. На свободной части площади рядом с торговлей хлебом и овсом был устроен круглый бассейн в виде колодца с водой. В документах дела отражены переписка городской думы с вышестоящими властями по назначению цен на товары и предметы продажи, цены на которые так и не были назначены, ввиду недостаточных полномочий думы, согласно Городовому положению Юрьевца. Рядом, на соборной площади напротив гостиницы, торговали льняным маслом, семенем и дурандой.

В конце XIX – начале XX в. Юрьевец продолжает застраиваться, но с незначительными изменениями старого плана. В этот период Юрьевец становится торгово-промышленным городом с льноткацкой и мукомольной промышленностью. Купцы города Кикины, Лицовы, Веснины, Павловские, Миндовские и другие активно участвуют в управлении городом с целью получения доходов для развития города, его торговли и промышленности. На плане 1914 г. «существующего положения города» (фиксационном чертеже) нумерация кварталов меняется. Нумерация кварталов менялась и ранее, видимо, это было связано с разработкой новых планов города (1868 и 1872 гг.). Застройка торговой площади тоже приобретает другую планировку и расстановку торговых зданий. Торговое пространство площади изменяется. На плане отсутствует каменный корпус мясных рядов со стороны набережной, построены новые каменные ряды на месте старой харчевни со стороны соборной площади, возле Благовещенской церкви была устроена новая часовня. В центре площади – свободная зона.

Торговля в городе развивалась не только на торговой (Благовещенской) площади, строились лавки на улицах в городских усадьбах (Георгиевская улица). Один из торговцев, мещанин Щепетинщиков, получил разрешение городской думы на постройку каменной лавки в 39-м квартале возле своего дома¹⁰. Кварталы города застраивались, в основном, деревянными домами на каменных фундаментах или на полуэтажах в стиле классицизма по «образцовым» проектам. Дома с мезонинами были наиболее распространены. В начале XX в. проектированием домов в стиле «модерн» занимался инженер-архитектор М. Н. Черкасский. Торговое пространство города было, в основном, сосредоточено в новом центре города, совпадающим со старым, которое часто менялось, но не выходило за рамки регулярного плана. Изменения происходили путем замены старых зданий – новыми, но не на прежних местах самой площади. Архитектура торговых каменных зданий была выполнена в формах классицизма, а деревянных – в виде временных сооружений: «балаганов», обшитых тесом. В начале XX в. город расширился в длину на четыре версты¹¹.

Таким образом, Юрьевец в течение XIX – начала XX в. был застроен по регулярному плану 1795 г. с незначительными отклонениями от планировочной структуры.

Примечания

¹ ПСЗРИ. План Костромского наместничества городу Юрьевцу-Повольскому 1781 г. Спб., 1839.

² *Винокуров, С. А.* Юрьевецкие торговые люди Щепетиншиковы // Известия русского генеалогического общества. Вып.7. 1997. С. 32–41.

³ Об утверждении сметы доходов и расходов по городу Юрьевцу на 1838 год // Костромские губернские ведомости (далее: КГВ). 1838. № 10.

⁴ Общее обозрение Костромской губернии в географическом и статистическом отношениях // КГВ. 1859. № 45.

⁵ *Крживоблодский Я.* Географо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1863. 591 с.

⁶ ГАКО. Дело о составлении плана г. Юрьевца. 1868 г. Ф. 137. Оп. 5. Ед. хр. 312.

⁷ ГАКО. Об утверждении плана местности на г. Юрьевец. 1874 г. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 5294.

⁸ ГАКО. Об устройстве лавок в г. Юрьевце. 1874 г. Ф. 137. Оп. 2. Ед. хр. 5291.

⁹ ГАКО. Дело по представлению Юрьевецкого головы на утверждение проекта о распределении мест для торговли на площади и о назначении сбора за занимаемые места по сортам товаров. 1881 г. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 142.

¹⁰ Журнальные постановления Юрьевецкой городской думы за 1894 г. Кострома, 1895.

¹¹ Юрьевец-Повольский // Костромской листок. 1910. № 112.

И. А. Коссов

г. Москва

**К ВОПРОСУ О КАДРОВОМ СОСТАВЕ
ПЕРВЫХ НАРОДНЫХ СУДОВ РСФСР (1917–1918 ГГ.)**

Исследование формирования кадрового состава народных (до февраля 1918 г. – местных) судов РСФСР на самом раннем этапе их становления, несомненно, представляет интерес. Обусловлен он, в первую очередь, особенностью и своеобразием первых послереволюционных месяцев (с декабря 1917 – по ноябрь 1918 г.), когда начался поиск путей создания судебной системы нового государства и стали предприниматься первые шаги в этом направлении.

Возникновение на местах первых «народных» судебных учреждений началось сразу же после Октябрьской революции, без каких-либо прямых указаний из Центра. С принятием в декабре 1917 г. Декрета «О суде» № 1¹, который можно рассматривать как определенный компромисс между большевиками и левыми эсерами, «центр» предпринял попытку взять начавшееся на местах судебное строительство под свой контроль. Камнем преткновения между представителями двух правящих партий стала, прежде всего, проблема глубины слома старой судебной

системы. Представители большевиков, слывшие сторонниками достаточно радикальной судебной реформы, считали, что левые эсеры «тяготели к буржуазным и мелкобуржуазным предрассудкам и пытались сочетать противоестественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией»². Действительно, согласно их концепции, в новом суде должно было сохраниться все лучшее, что было заложено в прежние годы³. Эсеры предлагали сохранить в России некоторые элементы двухступенчатой структуры судостройства, но это не свидетельствовало об их стремлении к слепому копированию прежних форм правосудия. Большевики, в свою очередь, стремились к скорейшей ликвидации ранее существовавшей судебной системы и ее замене иной – лишенной подавляющего большинства любых элементов «буржуазного наследия». Это предполагало сменяемость судей в любое время, оплату их труда не выше, чем у рабочего, и т. п.⁴ Выработка принципов формирования судейского корпуса народных судов явилась одним из серьезных препятствий в достижении компромисса между представителями двух «партий власти».

Принятый 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Декрет «О суде» № 1 крайне поверхностно регламентировал процедуру избрания местных судей. Декрет не устанавливал каких-либо ограничений или преимуществ социального, политического или профессионального характера – каждый желающий потенциально мог предложить свою кандидатуру на должность судьи. Впоследствии, согласно нормам Декрета, судьи должны были избираться путем «прямых демократических выборов». Однако этому порядку так и не суждено было реализоваться на практике. Избрание судей Советами (временно введенное Декретом до определения порядка прямых выборов) было при активном содействии большевиков превращено в правило.

Еще одной причиной острых разногласий между представителями двух партий была проблема возможности и необходимости использования на должностях советских судей юристов-профессионалов с дореволюционным стажем и, прежде всего, бывших судебных деятелей.

Представители левых эсеров предпочитали видеть среди судей юристов-профессионалов, способных не только квалифицированно осуществлять судопроизводство, но и оказывать определенную профессиональную помощь в создании местных судов. Такое видение формирования новых судов находило поддержку на местах⁵. Большинство таких юристов принадлежало к прежнему «буржуазному» суду, поэтому большевики без особого энтузиазма относились к идее их широкомасштабного привлечения в новые суды. Позиция большевиков заключалась в активном выдвижении в местные судьи представителей народа – рабочих, солдат и беднейших крестьян. Подтверждением этой позиции представителей партии большевиков служил ленинский тезис о том, что «судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий»⁶. С марта 1918 г., когда большевики заняли господствующее положение в Наркомюсте РСФСР, ими стали предприниматься активные попытки давления на местные Советы с целью изгнания из народных судов «чуждых советской власти элементов».

Однако у профессиональных судей, занявших кресла в народных судах, было одно очень важное преимущество перед так называемыми «судьями из народа» – они имели, как минимум, элементарную юридическую подготовку. У судей из народа отсутствовало не только профессиональное, но порой даже и начальное образование. Столь слабый уровень не замедлил сказаться на качестве осуществляемого правосудия. Под давлением объективных обстоятельств большевики были вынуждены признать, что все-таки первоочередное значение в осуществлении правосудия имеет профессиональный фактор, а не наличие «революционной совести» и «пролетарского правосознания». Необходимость хотя бы элементарной юридической подготовки новых судей стала признаваться даже некоторыми ее категорическими противниками.

Еще одна серьезная проблема – проблема партийной принадлежности судей – обрела остроту уже после получения большевиками полного контроля над органами юстиции. В самом начале процесса формирования первых местных судов процент коммунистов среди судей был достаточно низким. В период пребывания у руля советской юстиции представителей партии левых эсеров не наблюдалось активного и массового притока коммунистов в народные суды. Аналогичная ситуация какое-то время сохранялась и после установления в Наркомате юстиции РСФСР «единовластия» большевиков. Со временем такое положение дел стало вызывать недоумение у некоторых руководителей местных органов юстиции⁷.

Однако, несмотря на требования с мест, массовой мобилизации коммунистов в народные суды не произошло и во второй половине 1918 г. Официальная версия заключалась в острой нехватке коммунистов из-за ухода большинства из них на фронт начавшейся Гражданской войны. Но была и другая причина. Народные суды в большинстве своем сохраняли в себе «левоэсеровский либерализм», поэтому не внушали руководителям советской юстиции полного доверия и расценивались не иначе, как органы правосудия второго сорта. Большевики понимали, что в народных судах крайне необходимо навести порядок, однако во второй половине 1918 г. заниматься столь серьезным реформированием возможности не было. Поэтому и не проводилось активной мобилизации коммунистов в народные суды – в тот момент в этом не было острой необходимости⁸.

В ноябре 1918 г. ВЦИК принял в статусе декрета Положение о народном суде РСФСР⁹, нормативно закрепившее в стране «единый народный суд», к созданию которого большевики стремились еще с момента установления советской власти. Государство официально провозгласило классовый характер народного суда, и это автоматически накладывало существенный отпечаток на персональный состав народных судей. Основным критерием отбора претендентов на судейские кресла становился избирательный ценз – судья должен был обладать как активным, так и пассивным избирательным правом. Это требование автоматически закрывало путь в народные суды многим не обладавшим этим правом юристам-профессионалам.

В то же время в качестве одного из требований к народному судье закреплялось наличие профессиональной подготовки. Однако оно, в отличие от избирательного ценза, имело лишь факультативный характер (наряду с членством в пролетарских

организациях). Следуя логике руководителей советской юстиции, судья мог не обладать теоретической и практической подготовкой (ее вполне мог заменить предшествующий опыт работы в пролетарских организациях). Представляется, что отождествление большевиками профессиональной юстиции с дореволюционным «эксплуататорским» судом и соответственно недоверие к ней послужило одной из главных причин невключения теоретической и практической подготовки в число обязательных критериев.

В завершение необходимо отметить, что в конце 1917 – первой половине 1918 г. проведение кадровой политики в народных судах выступало одним из средств претворения в жизнь левоэсеровской системы нового советского правосудия, одним из основополагающих принципов которой был принцип разумной преемственности в формировании судейского корпуса. Однако начиная со второй половины 1918 г., когда левоэсеровский нарком И. З. Штейнберг уже покинул свой пост в Наркомюсте РСФСР и влияние левых эсеров на процесс формирования народных судов было практически сведено к нулю, эти надежды утасли. Начавшееся претворение в жизнь большевистской концепции «единого народного суда» означало, прежде всего, отход от зарождавшихся идей демократизма и преемственности, переход к жесткому централизованному воздействию на судейский корпус и к политической благонадежности судей как основному критерию отбора кадров в народные суды.

Примечания

- ¹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
- ² Курский Д. И. Избранные речи и статьи. М., 1958. С. 84–85.
- ³ Шрейдер А. Народный суд. М., 1918. С. 5.
- ⁴ Буков В. А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 203–204.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 353. Оп. 2. Д. 20.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
- ⁷ Козырев И. Народный суд и диктатура пролетариата // Народное право. Тверь. 1919. № 5–6. С. 251.
- ⁸ ГАРФ. Д. 4.
- ⁹ СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

А. Б. Белихов

г. Кострома

**РАЗВИТИЕ ЛЬНОВОДСТВА
В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

Льняная промышленность Костромской губернии в начале XX века выдвинулось на одно из первых мест среди губерний Европейской России¹. В 1912 году на Костромскую губернию приходилось 22 % ткани и 26 % пряжи всего производства льняных фабрик Российской империи. Губерния поставляла много тон-

ких и средних тканей: из общего выпуска тканей на Костромскую губернию приходилось более 40 %.

В 1913 году, в период максимального развития в дореволюционный период, на текстильных предприятиях Костромы и Нерехты работало более 12 тыс. человек, в том числе на льняных – около 10 тыс. человек (а в старых границах Костромской губернии в льняной отрасли были задействованы около 18 тыс. рабочих мест), вырабатывающих не полуфабрикаты, а продукцию в законченном виде.

Около 70 % продукции льнопрядильных фабрик Костромской губернии поступало на местные льноткацкие фабрики, а около 30 % – в другие регионы, преимущественно в Москву. Из выпущенной продукции около 60 % сбывалось на юге Российской империи, 20 % – в Поволжье и 20 % – в других регионах, включая экспорт на европейских рынках.

На фабриках Костромской губернии перерабатывалось около миллиона пудов льна. При этом, необходимо особо подчеркнуть, что производство льна не покрывало потребности местных фабрик и значительное количество его завозилось извне. В 1913 году из общего количества льна, переработанного костромскими фабриками, на местный лен приходилось менее пятой части – 19,2 %, при этом из Вологодской губернии получено 17,3 %, из Тверской – 16,5 %, из Ярославской – 7,9 %, из западных губерний (Псковской, Смоленской, Минской и Витебской) – 16,2 %, из восточных губерний (Вятской и Пермской) – 6,2 %, из других регионов – 16,7 %.²

Значительный вклад в развитие льняной промышленности в Костромской губернии внес Герасим Яковлевич Корнев, имя которого в наше время незаслуженно забыто.

Г. Я. Корнев родился в селе Чудово (ныне – город) Новгородской области 1 марта 1866 года в семье военнослужащего, скончался 2 ноября 1924 года в Костроме. В 1888 году он окончил Казанское земледельческое училище и с тех пор посвятил себя работе в области льноводства. В 1895–1910 годы он работал в качестве заведующего Костромской льнодельческой станцией при усадьбе Городищи, которую он сам построил и пустил в работу. С 1910 по 1917 год к заведованию станцией прибавляется работа губернского специалиста по льноводству, кем он оставался до последнего дня жизни. В период своей профессиональной деятельности Г. Я. Корнев обработал массу данных по льноводству, являясь не только теоретиком по своей специальности, но и глубоким знатоком-практиком.

«Костромское льноводство обязано Корневу Г. Я. многим. Многие специалисты, прошедшие практику на станции, являются учениками Герасима Яковлевича и с благодарностью отзываются о своем наставнике. В своих отношениях к сослуживцам Герасим Яковлевич всегда был добрым товарищем и отзывчивым человеком» – отмечалось в некрологе³.

Под руководством Г. Я. Корнева в восьми уездах Костромской губернии (Костромском, Нерехтском, Кинешемском, Юрьевоцком, Буйском, Ветлужском, Варнавинском и Макарьевском) ставились масштабные опыты по влиянию удобрений на урожайность льна и физико-химические свойства льняного

волокна⁴. Достигнутая урожайность льна оказалась близкой к максимальной и не была увеличена в последующем.

В качестве удобрений использовались томасов шлак (главный компонент – оксид фосфора), суперфосфат, каинит, хлорид калия, чилийская селитра. Были установлены оптимальные смеси удобрений и соотношение между компонентами в зависимости от типа почв, на которых выращивался лен: томасов шлак, каинит или калийная соль – для супесей; томасов шлак, суперфосфат и калийная соль – на суглинках. В экспериментах на добровольной основе принимали участие крестьянские хозяйства, причем количество желающих принять участие в опытах оказалось настолько много, что удовлетворить потребности всех хозяйств, подавших заявки, оказалось невозможно.

Изучалась также возможность удобрения посевов льна печной золой и установлена оптимальная концентрация – 40 пудов золы на одну десятину (как для супесей, так и для суглинков), что позволило поднять урожайность по тресте (волокну) на 50 %, а по семенам – на 90 %. Под руководством Г. Я. Корнева был проведен большой объем исследований по влиянию сорных трав на урожайность льна. Кроме того, на опытной льняной станции в усадьбе Городищи близ села Мисково (в настоящее время Костромской район) испытывалось новое оборудование для переработки льна, а на практику приезжали студенты Московского высшего технического училища (в настоящее время Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана).

В первые годы советской власти из-за разрухи и дефицита удобрений исследовательские работы на опытной станции в усадьбе Городищи прекратились, а в 1923 году она была закрыта. До середины 1970-х годов в здании бывшей льностанции размещалась восьмилетняя школа.

В настоящее время, когда озвучены планы по возрождению льняной промышленности в Костромской области⁵, необходимо учесть опыт работы Г. Я. Корнева на посту губернского специалиста по льноводству и поставить вопрос об увековечении его памяти.

Примечания

¹ *Владимирский Н. Н.* Костромская область: Историко-экономический очерк. Кострома: Костром. кн. изд-во, 1959. С. 79–80.

² Статистический справочник по районам Костромской губернии, 1926–1928 гг. Кострома: Изд-во Костром. губплана, 1929, С. 17.

³ *Ковальковский А.* Памяти Корнева Г. Я. // Красный мир. 1924.– № 254, 6 нояб.

⁴ *Корнев Г. Я.* Мероприятия по льноводству в Костромской губернии в 1913 г. Кострома: Тип. Х. А. Гелина, 1914.

⁵ Проект программы «Развитие льняного комплекса Костромской области на 2012–2016 годы» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://agro-new.ru/?p=7921>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИО – Государственный архив Ивановской области
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАНИКО – Государственный архив новейшей истории Костромской области
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГАОО – Государственный архив Орловской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
КГВ – Костромские губернские ведомости
КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
КЕВ – Костромские епархиальные ведомости
ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – полное собрание русских летописей
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Костромской области
ЦДНИЯО – Центр документации новейшей истории Ярославской области
ЯЕВ – Ярославские епархиальные ведомости

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонова Л. М., доктор исторических наук, профессор, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой истории Отечества, ФГБОУ ВПО «Самарская государственная академия культуры и искусств».

Андреев М. А., кандидат исторических наук, ассистент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва.

Абраменкова В. В., доктор психологических наук, член-корреспондент МАНПО, заведующая лабораторией Института психолого-педагогических проблем детства Российской академии образования (ИППД РАО), профессор МГППУ (Москва), консультант ректора Костромской духовной семинарии по образованию.

Авдеева А. Д., аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций, РГГУ ИАИ, Москва.

Белов А. М., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, декан исторического факультета Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Бушуев И. А., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Богданова А. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии имени Зайнаб Биишевой.

Боровиков С. В., аспирант исторического факультета Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Богданов В. П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник межкафедральной археографической лаборатории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Бахтурина А. Ю., доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

Белихов А. Б., кандидат технических наук, доцент кафедры теоретической физики Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Баранов А. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Голубева И. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Горохова О. В., кандидат исторических наук, старший преподаватель Военной академии радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома.

Горбунова Ю. Ф., кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Негосударственного

образовательного учреждения высшего профессионального образования «Социально-экономический институт», Москва.

Годунов А. Б., Годунова О. А., ОГБОУ ДОД «Костромской областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий “Чудь”».

Губанов С. А., кандидат культурологии, ассистент кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета, директор Межрегионального научно-просветительского центра имени И. А. Дедкова.

Габдрафикова Л. Р., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

Дашковская О. Д., кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и туризма Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Еремеева В. Л., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Заливалова Л. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Зябликов А. В., доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета.

Иванова Е. С., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Иванцов Д. С., кандидат культурологии, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова.

Кабатов С. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Карнишина Н. Г., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета.

Козлова В. В., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Курсеева О. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии имени Зайнаб Бишевой.

Камыгина Г. А., старший преподаватель кафедры ТХОМ, ХПИ и ТС Костромского государственного технологического университета.

Клейн Э. Г., кандидат культурологии, военный дирижер Военной академии радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома.

Комиссаров П. А., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Коссов И. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

Кокшаров А. С., кандидат архитектуры, заведующий кафедрой архитектурного проектирования Костромской государственной сельскохозяйственной академии.

Кузьмичев И. А., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Кудряшов И. Н., аспирант Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Лебедева О. А., доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Лазарев А. В., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Личак Н. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Ярославского государственного технического университета.

Майорова Н. С., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Мальшико С. В., секретарь ученого совета Института истории, этнологии и правоведения имени А. М. Лазаревского Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко.

Марасанова В. М., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой музеологии и краеведения Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Матвиевский И. Н., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Миловидова Н. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Михальченко С. И., доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского.

Митров А. Г., кандидат исторических наук, Костромская государственная сельскохозяйственная академия.

Мухачев Н. В., соискатель кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова, преподаватель Политехнического колледжа г. Костромы.

Муренин Н. В., главный редактор историко-краеведческого журнала «Страницы времен», г. Кострома.

Миновская О. В., кандидат педагогических наук, доцент, Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова, филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Костроме.

Наградов И. С., заведующий научно-информационным отделом ГУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

Нифонтов А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Николаев В. Е., кандидат юридических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Нигметзянов Т. И., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Панкратова О. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Прислонов Н. Н., старший преподаватель, доцент Международного университета природы, общества и человека «Дубна», г. Дубна Московской области.

Половникова И. П., руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Костромской области.

Пирогова А. Д., студентка 5-го курса архитектурно-строительного факультета Костромской государственной сельскохозяйственной академии.

Пушков В. П., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Росляков Е. С., аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Репников А. В., доктор исторических наук, главный специалист Центра по разработке и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), профессор Российской академии театрального искусства (ГИТИС), Москва.

Рожкова Н. И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва.

Сидоров Д. В., кандидат исторических наук, архивист 1-й категории Государственного архива Костромской области.

Созинов И. В., студент Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

Смирнов Ю. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения, декан исторического факультета ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Сулоев И. Н., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Смирнов С. А., аспирант кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Соболева О. Ю., кандидат исторических наук, доцент Рыбинской государственной авиационной академии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Соболев В. С., доктор исторических наук, профессор Института истории и естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург.

Семенова Н. Л., кандидат исторических наук, доцент Стерлитамакской государственной педагогической академии имени Зайнаб Бишиевой.

Свешников С. Ю., кандидат педагогических наук, доцент Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Сенин А. С., доктор исторических наук, профессор РГГУ, Москва.

Турьгин А. А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиала Российского государственного гуманитарного университета, г. Кострома.

Тулицына В. А., аспирантка кафедры истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Усманов С. М., доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета.

Хохлова О. В., старший научный сотрудник отдела хранения Костромского государственного историко-архивного и художественного музея-заповедника.

Цветков С. В., аспирант кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Чагин Г. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета.

Чуракова О. В., кандидат исторических наук, доцент Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск.

Чугунов Е. А., кандидат исторических наук, профессор Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Чибисов А. В., игумен Мануил.

Шитлов А. Д., кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Шигарева А. Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова.

Шушкова М. Е., ведущий документовед филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет», г. Железнодорожный Московской области.

Шарифов М. Ш., кандидат философских наук, магистр права, юрист-консульт ООО «Рубеж маркет МСК».

Шаронов А. М., Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск.

Юрчук К. И., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Белов А. М. Кострома и судьбы российской государственности в начале XVII в.	4
Соболев В. С. Император Петр Великий и основание Санкт-Петербургской Академии наук (по материалам архива РАН)	10
Муренин Н. В. Костромичи в Отечественной войне 1812 г.	13
Сенин А. С. Николай I и начало железнодорожного строительства в России (к 175-летию железных дорог России)	15
Шипилов А. Д. Становление и традиции регионоведческого изучения в России (XVIII – начало XX в.)	19

РАЗДЕЛ I. Вехи истории российской государственности в правление династии Романовых

Рожкова Н. И. Русско-польские культурные связи XVII в. в просвещении и книгопечатании	23
Репников А. В. С. Ф. Шарапов – консерватор из русской провинции	26
Усманов С. М. Крушение Российской империи в публицистике И. Л. Солоневича	32
Панкратова О. Б. Особое совещание комиссии М. С. Каханова и внутренняя политика Александра III	34
Баранов А. Н. Проекты реформирования российского государства в трудах отечественных либералов начала XX в.	37
Кабатов С. А., Тупицына В. А. Технология изготовления гончарной посуды Московской Руси (на материалах Костромского Поволжья)	42
Сидоров Д. В. Проблемы реформирования сельского самоуправления в 80-е гг. XIX в.	47
Матвиевский И. Н. Либералы и аграрный вопрос периода I Государственной думы (на материалах Костромской губернии)	51
Соболева О. Ю. Благотворительные аспекты деятельности легальных общественных организаций Костромской губернии на рубеже XIX–XX вв.	54
Лебедева О. А. Романовские места в туристических маршрутах Костромской области	57

Росляков Е. С. Архиепископ Антоний (Храповицкий) о самодержавии и патриаршестве в контексте полемики 1905–1917 гг.	60
Горбунова Ю. Ф. Император Николай II и учреждение Государственной думы: от Манифеста 6 августа к Манифесту 17 октября 1905 г.	64
Клейн Э. Г. Военные парады Костромской губернии в годы Первой мировой войны	67
Шушкова М. Е. К вопросу об организации переселенческого дела в Туркестане в начале XX в.	70
Смирнов Ю. Н. Вольная народная колонизация Самарского Заволжья и отношение к ней в царствование Анны Иоанновны	73
Михальченко С. И. Частновладельческий город Почеп в первой половине XVIII в.	76
Артамонова Л. М. Ставрополь – Тольятти: эволюция от пограничной крепости на Волге до крупного современного города	80
Камыгина Г. А. Ювелирное производство в России на рубеже XIX–XX вв.: преемственность технологий и мастерства (на примере Красносельского ювелирного промысла)	84
Курсева О. А. Земское самоуправление в современной региональной историографии (на примере Башкирии)	87
Мухачев Н. В. Законодательная деятельность государства в области винокурения и виноторговли в России второй половины XIX – начала XX в.	90
Юрчук К. И., Созинов И. В. Антикризисные мероприятия русского дворянства накануне отмены крепостного права (на примере мероприятий Е. П. Самсонова)	93
Чагин Г. Н. Из истории христианизации Европейского Северо-Востока в XIV – начале XVI вв.	96
Мальшко С. В. Последний протопресвитер российской императорской армии и флота: вехи биографии	102
Зябликов А. В. Ортодоксальное западничество и русская художественная элита Пушкинской эпохи	109
Майорова Н. С., Чибисов А. В. (игумен Мануил) Освященные соборы и регулирование внутрицерковной жизни старообрядческой церкви в 1920-е гг.	112
Сулоев И. Н. Влияние революционных событий 1905–1907 гг. на политическое мировосприятие крестьян Верхнего Поволжья (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	118
Прислонов Н. Н. Революционное движение учащейся молодежи г. Костромы в 1905 г.: историко-политологический анализ	122

Андреев М. А. Кадровая политика Министерства народного просвещения Временного правительства	127
Бушуев И. А. 1905 год на страницах православной периодической печати (по материалам Костромских епархиальных ведомостей)	131

**РАЗДЕЛ II. Исторический опыт российского патриотизма
в период царствования Романовых**

Чуракова О. В. Императорское женское патриотическое общество 1812 г.	136
Дашковская О. Д. Духовенство Ярославской епархии в Отечественной войне 1812 г.	139
Боровиков С. В. Охрана южных границ России во второй половине XVI в.	142
Нигметзянов Т. И. Участие национальных формирований российского ополчения в войне 1812 г. и заграничном походе 1813–1814 гг.	146
Богданова А. А. Об актуальных проблемах россиеведения в контексте обществоцивилизационного развития	152
Нифонтов А. В. Религиозно-политический опыт «европейского умиротворения» императора Александра I	155
Годунов А. Б., Годунова О. А. Известное и неизвестное о костромском ополчении в Отечественной войне 1812 г.	160
Богданов В. П. Первые Романовы – вкладчики кириллических изданий в российские церкви и монастыри	163
Личак Н. А. Организация памятникоохранных мероприятий в Костромской губернии в начале 1920-х гг.	166
Абраменкова В. В. Царские игрушки как инструмент семейного воспитания династии Романовых	168
Пушков В. П. Книжные покупки костромичей в лавке Московского печатного двора в XVII в. (по архиву Приказа книгопечатного дела)	173
Бахтурина А. Ю. Общественно-политическая элита Великого княжества Финляндского и российское самодержавие (1905–1907 гг.)	177
Половникова И. П. Научный вклад костромича К. И. Арсеньева в создание государственной статистики России	181
Хохлова О. В. Землевладения бояр Романовых в приунженском крае в XVI–XVII вв.	185
Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. Роль просветительской деятельности библиотек в формировании культурного уровня и общественно-политических взглядов рабочих и крестьян России на рубеже XIX–XX веков (по материалам Костромской и Владимирской губерний)	194

Габдрафикова Л. Р. Влияние русской культуры на городских татар (конец XIX – начало XX в.)	199
Губанов С. А. Дискурсивная поэтика художественного целого в теургии слова П. А. Флоренского: поиски онтологической самоидентификации личности и бытия	203
Наградов И. С. Костромская комиссия по расследованию деятельности страннического согласия	207
Цветков С. В. Экономическое развитие деревни в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Шунгенской и Мисковской волостей Костромской губернии)	213
Смирнов С. А. Источники средств улучшения материального положения приходского духовенства в рамках Церковной реформы Александра II	216
Миновская О. В., Турыгин А. А. Модель исторической ролевой игры «Россия – Восток – Запад, или Четыре века дома Романовых»	220
Лазарев А. С. Основные тенденции модернизации системы образования в российской империи в начале XX в.	225
Карнишина Н. Г. Национальный вопрос в общественно-политическом процессе России начала XX в.	229
Митров А. Г. «Были главнейшею причиною истребления неприятеля...» (Иррегулярные войска в войне 1812 г.)	233
Шигарева А. Н. Фридрих Второй о России, династическом кризисе и о перспективе русско-прусских отношений в 1752 г.	236

РАЗДЕЛ III. Исторические традиции регионоведческого изучения России (XVII – начало XX вв.): история, археология, краеведение, архивоведение, этнология

Марасанова В. М. Государственная служба С. Д. Урусова на посту губернатора в Кишиневе и Твери	242
Голубева И. В. Проблемы муниципального хозяйства в деятельности Костромской городской думы (1870 – начала XX в.)	245
Миловидова Н. В. Зарисовки быта и нравов в России в произведениях русских писателей второй половины XIX в.	257
Горохова О. В. Библиотека Большесольского Николаевского (Романовского) приходского училища	264
Шипилов А. Д. Источники регионоведческого изучения Костромского края в XVIII – начале XX в.	267
Шарифов М. Ш. Симфоническая личность российской государственности в учении евразийцев	271

Николаев В. Е. Организация агентуры обществами по защите авторских прав в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Костромской губернии)	275
Шаронов А. М. Муром: к проблеме этнической принадлежности	278
Семенова Н. Л. Правовые основы деятельности губернаторов в конце XVIII – начале XIX в.	282
Заливалова Л. Н. Государство и церковь Византии в российской историографии	286
Козлова В. В. Костромская губернская сельскохозяйственная кустарная и промышленная выставка: обзор источников	292
Еремеева В. Л. Проблемы становления провинциальной статистики в России в первой половине XIX века: создание костромского губернского статистического комитета	295
Комиссаров П. А. Деятельность костромской духовной консистории по борьбе с расколом в конце XIX – начале XX в.	298
Кузьмичев И. А. Галич в годы правления Алексея Михайловича: ход и итоги посадского строения 1649–1652 гг.	304
Иванова Е. С. Органы городского самоуправления и выборы в них в Костромской губернии в первой четверти XIX в.	308
Кудряшов И. Н., Чугунов Е. А. Культурологические основы осмысления российской и мировой цивилизаций в наследии П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева	313
Свешников С. Ю. Добро не ради воздаяния	322
Авдеева А. Д. Духовные семинарии и революционное движение в России в начале XX в.	325
Кокшаров А. С., Пирогова А. Д. К истории архитектурно-планировочного развития г. Юрьевца XIX – начала XX в.	328
Коссов И. А. К вопросу о кадровом составе первых народных судов РСФСР (1917–1918 гг.)	331
Белихов А. Б. Развитие льноводства в Костромской губернии в начале XX в.	334
Список сокращений	337
Сведения об авторах	338

Научное издание

РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

КОСТРОМА И СУДЬБЫ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

**Материалы конференции
Кострома, 15–16 марта 2012 года**

Редакторы: *Н. А. Невская, Г. Д. Неганова*
Техническое редактирование *Е. В. Фотиной*
Компьютерная верстка *И. М. Ивановой*

Подписано в печать 01.06.2012.

Формат 70x108/16.

Уч.-изд. л. 29,5.

Тираж 500 экз.

Изд. № 55.

Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, 14